

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Том II, № 2 (51), 2021

DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51

МОСКВА

«Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»
издается с 1998 года под руководством
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС 77-34876 от 29.12.2008

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикаций на
соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по
истории и политологии

Редколлегия:

Акимов А.В., д.э.н
Бу Тхуи Чанг, к.и.н.
Другов А.Ю., д.полит.н.
Захаров А.О., д.и.н.
Канаев Е.А., д.и.н.
Колотов В.Н., д.и.н.
Костюнина Г.М., д.э.н.
Мазырин В.М., д.э.н.
Малетин Н.П., д.и.н.
Пале С.Е., к.и.н.
Пробал Гхош, PhD
Рогожин А.А., к.э.н.
Симония А.А., к.э.н.
Соколов А.А., к.филол.н.
Улис Гранадос, PhD
Федоровский А.Н., д.э.н.
Фомичева Е.А., к.и.н.

Главный редактор:

Мосяков Д.В.

Ответственный редактор:

Малетин Н.П.

**Зам.главного редактора,
составитель:**

Астафьева Е.М.

Ответственный секретарь:

Петрова О.Л.

Редакторы:

Астафьева Е.М.
Другов А.Ю.
Симония А.А.
Соколов А.А.
Фомичева Е.А.

ISSN 2072-8271

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

© Редколлегия, 2021

© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Dmitry V. Mosyakov. Important Features of the Perception of Russia in the Modern American Elite</i>	5
<i>Королев А.С. Индо-Тихоокеанское измерение политики США при Д. Байдене: выводы для АСЕАН</i>	20
<i>Мартынова Е.С. Глобальные трансрегиональные инициативы в современной мировой политике: эволюция внешне-политических стратегий ведущих держав в Азии и позиция АСЕАН</i>	30
<i>Добринская О.А. Военно-политическое сотрудничество Японии и АСЕАН: новые тенденции</i>	49
<i>Мельничук С.А. Политика КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море: кто защищает интересы Китая</i>	65
<i>Evgeny A. Kanaev, Ekaterina A. Vaseneva. Business Cooperation between ASEAN and SCO: The Institutional Dimension</i>	79
<i>Рогожин А.А. COVID-19 и Новые инвестиционные возможности в странах ЮВА</i>	92
<i>Брагина Е.А. Экономические отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии – инвестиционный аспект</i>	102
<i>Рубан Л.С. Ананьин М.А., Сравнительный анализ инновационных процессов в Российской Федерации и странах ЮВА</i>	110

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

<i>Кирчанов М.А. Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 года: исламизм на распутье</i>	130
<i>Попов А.В. Золото Индонезии (Часть 2.)</i>	142
<i>Симония А.А. Мьянма 2021: военный переворот как трагическое повторение старого сценария</i>	155
<i>Рогожина Н.Г. Лаос и китайская инициатива пояса и пути – приобретения и потери</i>	166
<i>Daria S. Panarina. A Year in Lockdown in the Philippines: Timeline of the Pandemic and Conditions of Living under Quarantine Rules (Part 2.)</i>	174
<i>Липилина И.Н. Роль социальных сетей в радикализации протестов в Таиланде</i>	192
<i>Осипова М.Г. Морской порт Сингапура: тенденции и перспективы развития</i>	204

Кучеренко Г.Н. Фактор Тайваня в камбоджийско-китайских отношениях	220
Пале С.Е. Другомилова М.А. Образ аборигенов Австралии в отражении современных СМИ.....	232
Мосолова О.В. Австралия: экономика роста	243
Kseniya A. Spitsina, Anastasiya A. Shikunova. Agriculture of the Australian Union: Challenges, Responses, Tasks Ahead.....	254
Забелла А.А., Эгути Мицуру. Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее	268

КУЛЬТУРА

Чан Тхи Фыонг Фыонг Вьетнамский писатель Хо Биеу Тянь и его адаптация романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	284
Понька Т.И., Дхар Анита Прашантовна, Дхар Прашанта Индия–АСЕАН: культурный аспект взаимодействия	297

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Москалев П.Э. Об истории китайско-сиамских отношений в XIII – первой половине XV вв.	309
Карпова С.О. К вопросу об этапах развития тайско-китайских отношений.....	319
Куклин Н.С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии: исторический аспект	333

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Астафьева Е.М. Научная межинститутская конференция «Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном»	355
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Иванов И. Рецензия на: Д.В. Мосяков «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», М., 2021, 600 с. (Третье издание) ISBN 978-5-907300-95-8....	382
--	-----

С условиями публикации

можно ознакомиться на сайте <http://sea.ivran.ru/>

Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12,

Институт востоковедения РАН,

Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

E-mail: sea-apd@bk.ru, uva6254535@yandex.ru

Dmitry V. Mosyakov,

Doctor of Historical Science, Professor,
Head of the Center for Southeast Asia,
Australia and Oceania Studies, IOS RAS,
Russia, Moscow,
mosyakov.d@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Important Features of the Perception of Russia in the Modern American Elite

Abstract: The article examines some of the key issues that most directly affect the prevailing attitude towards Russia in the United States. In particular, it is argued that the sharpness of contradictions in relations with Russia is largely due to the fact that the American elite has proved largely unable to recognize its own assertions about the “final collapse” and weakening of Russia and perceive it not as a “departing nature”, but as a global player who has regained his strength on the political arena. In this, the Americans were far from China, which even in the “darkest” period of the Russian turmoil was convinced that Russia will return and influence the development of international relations in the most decisive way.

Keywords: *International relations, Russia, USA, China, crisis, influence, sanctions, conflicts, political mistakes*

For citation: Mosyakov D.V. Important Features of the Perception of Russia in the Modern American Elite. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 5–19. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-005-019

ВАЖНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЕ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые ключевые вопросы, самым непосредственным образом влияющие на господствующее в США отношение к России. В частности, утверждается, что острота противоречий в отношениях с Россией во многом вызвана тем, что американская элита оказалась во мно-

гом неспособной признать собственные заблуждения относительно «окончательного распада» и ослабления России и воспринимать ее не как «уходящую натуру», а как восстановившего свои силы глобального игрока на политической арене. В этом американцы оказались далеки от Китая, который даже в самый «темный» период российской смуты был убежден в том, что Россия вернется и будет влиять на развитие международных отношений самым решительным образом.

Ключевые слова: *Международные отношения, Россия, США, Китай, кризис, влияние, санкции, конфликты, политические ошибки*

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, mosyakov.d@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Для цитирования: *Мосяков Д.В.* Важные особенности восприятия России в современной американской элите // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 5–19. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-005-019

Here in Russia, we often ask an acute question – why are the major part of American and wider Western political elites, diplomats, media and scientific think tanks almost unanimous in their assessments of the current Russia and the prospects for its development. They constantly underline the following features: there is no democracy in the country, weak and going down economy, total corruption criminal society and the foreign policy that is aggressive and unacceptable. We can find many possible ways to answer this question – the most popular is that American view on Russia is connected with the struggle for world domination. Another explanation sounds like this – American ruling circles dislike and distrust Russian ruling elite that allows itself a lot of things that Americans do not like, especially when it conducts an increasingly independent policy without regard to the United States.

As for me, I'm closer to another point of view – extremely negative approach to Russia is not new in principle, is coming to us from the ancient history and based on the wish of European societies to destroy Russia, not to see any more on the map its vast territories

with a different culture from them. The negative propaganda, hostile to Russia clichés created in the West over the past decades are largely based on this phenomenon and also on the fact that the so-called victory in the Cold War gave rise to the feeling that in the XXI century – the old goal of destroying Russia is achievable then before – you only need to choose the right policy to finally end Russia and erase it from the world political scene.

The key features of America's policy towards Russia are total pressure in all spheres, to make Russia back down and apologize and repent all the time. They believe that this is how they will succeed. Numerous and very well-known American analytical centers, from Stratfor to the Brookings Institution, work on this purpose and show an amazing unity of views regarding Russia. What they offer is recorded in official American documents. For example in the United States official doctrine — the «National Security Strategy», adopted in December 2017. A significant part of it is devoted to threats from China, but a lot has been said about Russia, and in the most negative way. Russia allegedly «continues to intimidate its neighbors with threatening behavior» and «uses subversive measures to weaken America's trust in Europe»¹.

Such assessments were prepared in the depths of the American expert community, which is extremely even in comparison with American civil society is negative towards Moscow. The vast majority of the current assessments of modern Russia seem to be made under a carbon copy and completely follow the logic of the American political elites.

It should be noted that this approach from 2017 National Security Strategy and Trump administration is almost unchanged now in Biden era. New official documents about Russia are still the same. If we take some parts from the new official American document about Russia made by the US Congressional Research Service, we quickly make sure of this. In this report published under the title «Russia: domestic politics and economics» we can see that U.S. policy toward Russia includes «support for democracy and civil society, sanctions related to human rights, and diplomacy»². This key phrase at the very beginning of the report gives a clear signal: interference in the internal affairs of Russia will be the core of American policy, and diplomacy, as frankly stated, will only be an auxiliary tool.

But why is the US expert community so conservative and so negative about Russia? Apparently, American scholars and political analysts reflect the anti-Russian opinion of the management of the foundations and various influential benefactors who ensure their existence. It makes no sense to dwell on the part of the report prepared by so-called research foundation as Freedom House (by the way, the most voluminous) that describes the violation of human rights in Russia. The examples are still the same, the charges are canonized, the «victims of the regime» have long been known to everyone. The main task of annual reports is to fix in the minds of congressmen what kind of country they are dealing with. If you trust the experts of the Congress and Freedom House, then there is probably no more gloomy country in the world than Russia. The last section in the human rights chapter is marked as follows: «Murders and poisonings»... canonized, «victims of the regime»³. With the help of such reports and presentations that form in fact dirty propaganda, that affects not only the world opinion but form in American establishment views and ideas extremely negative and suspicious of Russia.

There are multiple examples of fake news on Russia. We can see that the experts of the influential American Institute for National Strategic Studies argue that: «the relations of the United States and the West with Russia remain under threat», as «Russia is increasingly asserting itself on the world stage» or «Russia is increasingly threatening others and acting outside its borders. Then they usually assert that time is not on Russia's side...»⁴.

Experts from another think tank this time Stratfor write in one of their reports that «Russia is waging an absolutely losing hybrid war against the West»⁵. The logic of their reasoning goes something like this: Russia is weak and aggressive, and aggressive because it is weak. They note that «as tensions between Russia and the West have grown in recent years, Moscow has increasingly resorted to hybrid warfare to gain and maintain a foothold in the struggle for power and influence, while since its resurgence as a regional power, Russia no longer boasts the significant conventional forces needed to confront NATO and regain the land it lost in the collapse of the Soviet bloc. Russia has had to turn to other means to maximize its advantages and minimize its weaknesses, as well as find new ways to pay for a century-long war with the West»⁶.

Such an understanding of Russia and its supposedly insignificant capabilities leads to the fact that the ruling American circles have a dangerous temptation to actively oppose Russia in all directions, to form a sanctions regime around it in the hope of achieving its final destruction. It is quite obvious that they are not satisfied with the political initiatives of Russia, which they consistently oppose, and the deepening of its ties with the countries of the Asia-Pacific region and, first of all, with China, they disrupt the contracts of Russian technology companies in the military-technical sphere as much as they can, conduct an information war, showing Russia as an aggressive, almost totalitarian power that cannot be trusted. In the post-Soviet space, they form centers of tension, from which, according to their ideas, new threats to Russia will come.

It should be noted that, Americans from the beginnings of the 90th worked out a tradition of not taking Russia's policy in Asia seriously at all. Washington believed that after the collapse of the USSR, Russia found itself somewhere on the periphery of Asia and had no military, economic, or political opportunities to threaten the American positions. But with the military strengthening of Russia, the rapprochement of Moscow and Beijing, and aggravation of relations between Beijing and Washington, this long time approach gradually changed. They were forced to admit, that Russia has become a prominent player. Such a new approach one can see in various American texts and studies on the general situation in the Asia-Pacific region. But even there they claim that Russia as the regional player is rather not independent, but rather dependent from China.

As an example – Philip Davidson, the commander of the US Indo-Pacific Command, in his report to the US Congress, said that Russia's policy in the Indo-Pacific zone causes him concern. «Moscow, – he said, – regularly plays the role of spoiler, seeking to undermine U.S. interests and impose additional costs on the United States and our allies whenever and wherever possible». The American admiral apparently used the word «spoiler» with the desire to show that Russia acts as a «second number» in the region – it does not attack itself, but its actions cause damage to Washington. The second meaning of the word «spoiler» in its text is the emphasis on Moscow's subordinate role in relation to China. In his vision, Russia is closely linked to China and acts together with it. «Our adversaries,

– he pointed out, – are pursuing their goals in the gray zone between peace and war. China and Russia use fear and coercion, all elements of national power, to redefine the existing international order, without resorting to armed conflict»⁷.

In his report, the American admiral reproduced the view of Russia's policy in the Asia-Pacific region, which is quite common in the United States today. He did not delve into the nuances of Russian-Chinese relations, and stated the real danger from these two states. Exactly the same are approaches of Western and, above all, American analysts to Russia's policy in Asia and in the world. From their point of view, whether Russia will participate in the formation of the Indo-Pacific region or not, in the current international situation, it is considered as a direct enemy and will remain under constant pressure from the United States and the collective West, aimed at isolating Russia, weakening it, creating prerequisites for an internal explosion. Individual calls to take a more realistic look at what is happening in Russia and at its real opportunities in the international arena are almost unheard of, especially after the events of 2014.

Prior to this, proposals on the desirability of strengthening ties with Russia some experts recommend that the ruling circles of America should «ignore the undemocratic phenomena in Russia, so as not to destroy Russian-American relations and not to push Moscow to Beijing. Based on this vital American interest and understanding that Washington's influence on Russia's slow democratic transformation is limited, they demand that the United States should not allow the promotion of democracy to become the dominant force in its approach to Russia»⁸.

Today, these quite sensible proposals made back in 2011 look like a kind of anachronism. The trend is completely different, once again approaches of the majority of the American expert community to Russia, treats Moscow and its policies with even less reverence than the American admiral. At least he described Russia as a «spoiler», as a junior partner of China, which was fundamentally wrong. But others do not even consider Russia a «spoiler» and simply do not notice its interests and policies. If you look at the reports of numerous and very famous American analytical centers from Stratfor to the Brookings Institution, you can find a surprising unity of views on Russia, which reminds me of the old Soviet times.

The influential American Institute for National Strategic Studies, which, according to its advertising, «provides strategic support to the Secretary of Defense, the chairman of the Joint Chiefs of Staff and the Joint Military Command, as well as interacts with the broader national security community in the defense service», represented by experts — Peter Zvak and Marie-Charlotte Pierre — outlined their vision of the situation in Russia. They believe that «the relations of the United States and the West with Russia remain under threat, as «Russia is increasingly asserting itself on the world stage». From the point of view of Zvak and Charlotte Piere this is a serious problem for US. They clearly condemn this tendency. Russia, in their opinion, is still guided by a worldview based on existential threats: real, imaginary and far-fetched. As a vast Eurasian nation Russia is divided into 11 time zones and facing serious demographic and economic challenges. They recognize that Russia faces numerous security dilemmas at home and along its vulnerable and sprawling borders. But they note that in its politics, it shows a reactive xenophobia stemming from a long history of destructive war and invasion along much of its borders, the collapse of the Soviet Union, and the expansion of the North Atlantic Treaty Organization.

Russia is increasingly threatening others and acting outside its borders. But time is not on Russia's side, as it has engaged in a grueling battle over the status quo, which includes an unnecessary confrontation with the West, numerous unresolved military commitments, an only partially diversified economy weakened by sanctions, and looming domestic tensions. In addition, it directly borders on China, which is gaining strength, experts say⁹.

I specifically quoted the text from the work of American experts in such detail, since this short segment contains almost all the Western myths about Russia. I must say that all these myths about Russia and the politics of poor, aggressive and corrupt country when they put together make a strange impression. It cannot be said that they are all false. However, when some ideas correspond to reality, they can immediately disappear into a sea of outright «fake», and this in principle does not change anything. Moreover, negative assessments are so absolutized that they correspond little to reality. Russia really has a huge number of problems, we do not need to invent

them, we just need to deal more deeply and substantively with what is happening in the country now.

In general, the idea that Russia is already a «passing nature», «a weakening economy and political culture that stifles business and civil initiative», is clearly expressed by analysts from Chatham House. In the special report «The Russian Challenge»¹⁰, they try to explain that all Moscow actions on the international arena are only rearguard actions in the past of a great vast empire. They also note that this understanding of Russia, is accepted by most American analysts, who are convinced themselves and convince everyone that they are dealing with «a huge, nuclear-armed and declining enemy»¹¹.

Russia, in their opinion — is a state that barely keeps afloat and can collapse at any moment under the weight of internal problems, as it was with the USSR. The tone here is set again by Stratfor think tank, whose employees predict that «even before the split of Russia, Moscow's influence will significantly weaken, which, in turn, will create a space with semi-autonomous regions. «We expect that Moscow's authority will significantly weaken, and this will lead to the formal and informal fragmentation of Russia, so it is unlikely to survive in its current form», – they write¹².

It is also surprising that they are not convinced by any arguments about the positive changes taking place in the country. Even the huge achievements in the military sphere, in the standard of living of people, in medicine and in the construction of infrastructure, even the fact that Russia ranks fifth in the world in nominal GDP, cannot shake their views. I still remember a conversation with an American participant at the South China Sea conference in Hanoi in 2016. She was convinced that in Russia, in terms of access to information, the same conditions remained as in the USSR. No arguments that anyone can find out the opinion of Western politicians via the Internet, can watch CNN or even conservative Fox News, could not convince her. And this is not surprising, because, when in 2012 sociologists of one of the oldest American universities-the College of William and Mary (College of William and Mary) in order to find out the views of the American scientific and political elite on Russia conducted a special survey it witnessed a catastrophically low interest in our country. Only 3% of university researchers surveyed considered Russia and the surrounding territories of the former USSR to

be a region of strategic importance to the United States. The same 3% confirmed the preservation of the strategic importance of Russia and the CIS countries for America in 20 years. This conclusion was not agreed by the representatives of the political elite, who showed even greater skepticism in their assessments of Russia. In their opinion, both in 2012 and in 20 years, «Russia will retain zero value for American foreign policy»¹³.

In this regard, in China, the situation with attitude to Russia, its internal and external policy was absolutely the opposite. They have always followed everything that happens in Russia with great attention and interest, both in scientific and party circles. At the same time, even in the most difficult 90s, when it really seemed that Russia as a great power would never rise again, in the expert community of China there were completely different ideas about our country in comparison with US, much more in line with reality. Yes, there were also extremely pessimistic forecasts, but they did not determine the general mood. Back in 1995 a prominent scholar like Gu Xue noted, «In Russia, Beijing sees a paralyzed, but not tamed, great power. Despite the decline of the Soviet Empire, China recognizes its will and ability to become a world power again, and not a second-rank one»¹⁴.

As we can see China and its leadership never overestimated the Russian difficulties, understood the inevitability of Russia's return to the world stage and was ready to accept it. In America, they were not ready for this. Perhaps this is one of the reasons why today we are talking about the Russian-Chinese strategic partnership, and not about the Russian-American one.

A significant share of the blame for this situation lies with the American expert community with its stable anti-Russian-mythological approach. It is possible that one of the reasons for this is the unwillingness to recognize the fact that Russia in its development overturned almost all the forecasts of American experts of the 90s. They then confidently predicted extinction, mass emigration, degradation of population, national conflicts, the loss of new territories and the path to self-disintegration. To say that they made a mistake in their calculations is «not their method». They are not mistaken, they cannot be mistaken and therefore they continue to say that everything in Russia rests on the power of one person — President V. Putin, and after his departure, everything can change. The country

can either collapse or join the United States. Such spells are also pleasant to the American political elite, as they still want Russia to really disintegrate and disappear from the world political scene.

All these confident conclusions and numerous forecasts of respected analysts actively spread in the ruling elite of the United States gives rise to empty hopes that the beautiful past can still be returned. Washington has not forgotten how their representatives, including those from the so-called expert community, sat in the offices of the former leaders of the USSR on the Old Square in Moscow, and they can not accept that all this has passed and everything has changed dramatically.

In the United States, many are seriously counting on a new great collapse of Russia, following the example of the unexpected collapse of the Soviet Union. All these «empty hopes» are based on the collapse of the USSR and the belief that the same miracle will happen to Russia. They do not even want to notice that Russia and the USSR are fundamentally different states. In the USSR, Russians were less than 50% of the population, and in Russia they are more than 80%, besides, there are no republics that have the right to secede from the federation. In addition, Russia is much more financially stable, since in the USSR huge funds were spent on stabilizing the situation in Central Asia and on supporting the agriculture of Georgia and Ukraine. Russia has somewhat decreased geographically, but has retained its main mineral deposits, scientific schools, industrial enterprises, and agricultural land. All this passes by the American experts.

They are waiting for shocks and the collapse of Russia, trying to accelerate this process as much as possible. Their «empty efforts», if we are talking about practical politics, actually go against American interests, as they form a real barrier to at least some positive changes. Hoping for a miraculous return to the past, the ruling American elite and the collective West associated with them, maintain a strategy aimed at weakening Russia, at strengthening anti-Russian sanctions. In this way, and this is what most experts promise, they will allegedly be able to cause shocks, change the regime, and achieve Russia's withdrawal from the world political scene. It turns out that false ideas give new strength and new meanings for the continuation of the anti-Russian policy.

Moreover, the opinions of leading experts on Russia are shared by the ruling circles, the political core of both leading American political parties, and key information resources and agencies. We can say that the American ruling class is united in its rejection of modern Russia. No one among them has no desire to objectively analyze why Russia, which in the early 90s was debating in ruling elite whether Moscow was America's closest partner or already its closest ally, now stay on the other, opposite front line. All this proves once again that this hostility and distrust towards Moscow is deep inside ruling class of America will be long-lasting and continuous.

It is obvious that the anti-Russian course of America will be implemented regardless of how Russia will counteract the American plans. Oleg Arin well known scholar on international relations in Asia and Pacific wrote about this fact in 2001, pointing out that «in the strategic plan for the United States, it does not matter which regime in Russia: communist or capitalist. Russia is a threat to them in any case»¹⁵.

As we can see there is something existential in this approach of the Americans to Russia, something like the confrontation between ancient Rome and Carthagen, and the Americans, of course, see themselves as a modern likeness of ancient Rome.

The experience of Carthagen shows that waiting and doing nothing, sitting quietly and not moving anywhere, hoping that the main enemy will forget about Russia is a wrong strategy, which is critical for national survival. Therefore, Moscow should never passively observe how and in what direction the transformation of Asia will take place, how the Americans will achieve their goals step by step through pressure and threats. Only an active independent policy, the search for new friends and the preservation of old ones, the strict defense of their own interests can guarantee that ancient Rome in modern conditions will not be able to crush the new Carthagen.

I am sure that in the confrontation with the United States, Russia can and should act together with China, which, for all its global goals, is objectively interested in strengthening relations with Russia, since it is also the object of American pressure and sanctions. In Moscow, where there are supporters and opponents of the Russian-Chinese rapprochement, however, as in Beijing, it is very important to maintain a broad view of the situation both in the Asia-Pacific re-

gion and the Indo Pacific, and in the world. Objectively, both Russia and China have much more that unites them than separates them. First of all, it is worth noting a common view of the global situation, the need to resist American pressure, threats and sanctions, significant joint economic projects, especially in the field of oil and gas transportation, which form the resource base of China's support.

At the same time, it is obvious that the Americans will make every effort to prevent further Russian-Chinese rapprochement. They did not believe in the reality of the Russian-Chinese alliance for a long time, and now it is possible that with various promises and meaningless concessions, such as Donald Trump's statements that it is necessary to return Russia to the «seven», they will try to separate their two main opponents, and then isolate and destroy them separately. Almost certainly, they will play on the unconscious fears of China's neighbors that they spread with their mass media false dangers of Chinese expansion. On the basis of such propaganda, they will try to present themselves as best friends and allies and will pretend to be ready to restore mutual relations with Russia. But fortunately, Russia is well aware of the true plans of the United States. As Russian Foreign Minister Sergey Lavrov wrote in his article, «The United States» does not hide its desire to discord Moscow and Beijing, to upset and undermine the multilateral associations and regional integration structures developing outside of American control in Eurasia and the Asia-Pacific region»¹⁶.

I believe that without recognizing the reality of a new Russia with Crimea and with global interests by the USA and collective West and its experts, it is simply not serious to talk about some new detente. Moreover, the deeply existential goal — to crush Russia and turn the space in the East into a conglomerate of semi-independent quasi-state entities fighting among themselves — has not disappeared and remains relevant. It is clear that the upcoming meeting of the presidents of Russia and the United States in Geneva on the 16 of June does not indicate that the confrontation between two states is finished. The US does not abandoned their main goal – to destroy Russia and stay one-on-one with China. Obviously, they are just changing the way to achieve this goal. Direct pressure, sanctions and apparent hostility have not fulfilled their role, and now an attempt to strangle Russia in a tender but strong embrace. They wish that new

rhetoric, will turn Russia from an enemy into almost an ally, that in Moscow will be happy if some of the sanctions would be lifted, and promises of cooperation and the conclusion of treaties to limit the arms race will tear Russia away from close relations with China. I believe that all the numerous American political maneuvers and promises are aimed today exclusively at one goal – to reduce Russia's political mobilization on the one hand and cause distrust and crisis in Russia's relations with China on the other.

It seems to me that all these tricks and maneuvers will not have much effect, since the Russian ruling elite over the past years has lost all illusions about the possibility of building equal relations with the United States. In Moscow would rather see the upcoming «big game» as an opportunity to continue the country's economic and social development in a more favorable environment. In the United States, the majority of the elite, which is negatively disposed towards Russia, has not gone away. Even before the historic meeting in Geneva, its representatives are already demanding an end to the slightest rapprochement with Moscow, the rejection of even minimal concessions to Russia. If we add to this the general chorus of American satellites in Europe, such as the Baltic States, Poland and Ukraine, for whom the preservation of the Cold War in Russian-American relations is a matter of survival, it becomes obvious that there is very little chance that the «new detente» will last any longer than hours in Geneva. Even those media outlets that support Biden's policy are extremely reticent about the possibility of reversing the deterioration of Russian-American relations, especially since, according to the New York Times, «the list of issues to be discussed by the two leaders includes the prosecution and imprisonment of opposition leader Alexei Navalny. Beside this the newspaper writes that Biden plans also to devote a lot of time to cybersecurity issues, hoping to ease the wave of cyber-attacks targeting the United States»¹⁷.

For Russian President Putin, raising these questions will only be a new irritant. In this regard, another influential American newspaper USA Today believes that upcoming meeting «in all likelihood, it will significantly reduce tension and the risk of war». From my personal point of view only some extraordinary events can change the reality that is developing before the summit.

In this regard, the Russian educated society should once and for all abandon the feeling that there is some sympathy for us in America and in the collective West, and it is only necessary to correctly explain the motives of Russia's foreign policy behavior, as they will surely understand and accept our true aspirations. This is a false feeling that has failed us many times before. To step on the same «rake» again is not just wrong, but also deadly for Russia in this rapidly changing world.

Without the West's recognition of the reality of a new Russia with Crimea, with its important role in the post-Soviet space and with global interests, it is simply not serious to talk about some new detente. And the Russian educated society should once and for all abandon the feeling that there is some sympathy for us in America and in the collective West. This is a false feeling that has failed us many times in history.

¹ The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C. The White House December 2017. P. 45-46. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>

² <https://www.kp.ru/daily/1712102.5/4341365/>

³ <https://www.kp.ru/daily/27248/4377355/>

⁴ Peter B. Zwack and Marie-Charlotte Pierre. Strategic Perspectives 29 - Institute for National Strategic Studies

<https://inss.ndu.edu/Media/News/Article/1793887/russian-challenges-from-now-into-the-next-generation-a-geostrategic-primer/5>

⁵ Russia Finds a New Way to Wage an Age-Old War/ Stratfor ,07 08 2017 .

⁶ Russia Finds a New Way to Wage an Age-Old War/ Stratfor ,07 08 2017 .

⁷ Garamone J. Indo-Pacific command Worried about China's path US department of defence, 12.02 2019 <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1755357/indo-pacific-command-worried-about-chinas-path/>

⁸ Russia and U.S. National Interests: Why should Americans care? A report of the Task Force / Belfer Center for Science and International Affairs. Oct. 2011. - <http://belfercenter.ksg.harvard.edu>

⁹ Peter B. Zwack and Marie-Charlotte Pierre. Strategic Perspectives 29 - Institute for National Strategic Studies

<https://inss.ndu.edu/Media/News/Article/1793887/russian-challenges-from-now-into-the-next-generation-a-geostrategic-primer/5>

¹⁰ <https://cont.ws/@sg-journal/918454062015>

¹¹ Bill Keller 'The Russia Hand': Bubba and Ol' Boris The New York Times 11.06.2002 <https://inosmi.ru/untitled/20020611/147901.html>

¹² <https://www.news.com.au/finance/economy/world-economy/the-world-in-2025-china-loses-power-russia-wont-exist/news-story/7394f3e24dca89039de> 5.02.2016

¹³ The Ivory Tower Survey. How IR scholars see the world // Foreign Policy. 2012. Jan / Febr. - http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/the_ivory_tower?page=full

¹⁴ Китай в мировой и региональной политике. М., ИДВ РАН 1997с.82-83

¹⁵ Олег Арин. Мир без России. М .2002. С.129.

https://booksafe.net/read/arin_oleg-mir_bez_rossii-188273.html#p2

¹⁶ Сергей Лавров. Мир на перепутье и система международных отношений будущего <https://www.discred.ru/2019/09/20/sergej-lavrov-mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-budushhego/>

¹⁷ <https://inosmi.ru/politic/20210526/249797948.html>

Королев Александр Сергеевич

научный сотрудник

Центра комплексных европейских и

международных исследований НИУ ВШЭ,

Россия, Москва,

askorolev@hse.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ США ПРИ Д. БАЙДЕНЕ: ВЫВОДЫ ДЛЯ АСЕАН

Аннотация: Статья выявляет основные параметры Индо-Тихоокеанской стратегии США при Д. Байдене. Несмотря на незначительный срок на посту президента страны, уже сейчас можно отметить высокий уровень преемственности индо-тихоокеанской стратегии Д. Байдена по сравнению с его предшественником Д. Трампом. В качестве основы «нового» подхода – комплексное сдерживание КНР, продвижение альтернативных экономических механизмов, равно как укрепление военно-политического диалога с союзниками и более плотное вовлечение ведущих партнеров, включая страны АСЕАН. Для самой Ассоциации развитие ИТР и институционализация ее основных форматов представляет вызов центральной роли «десятки» в обеспечении безопасности в регионе, что способно еще больше углубить противоречия между странами Ассоциации.

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанский регион, США, Япония, Индия, Китай, АСЕАН*

Для цитирования: *Королев А.А. Индо-Тихоокеанское измерение политики США при Д. Байдене: выводы для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 20–29. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-020-029*

Indo-Pacific Dimension of the U.S. Policy under J. Biden: Implications for ASEAN

Abstract: The article reveals the main parameters of the U.S. Indo-Pacific strategy under J. Biden. Despite the short term in the presidency, it is already possible to note a high level of continuity in the Indo-Pacific strategy of J. Biden in comparison with his predecessor D. Trump. The basis of a «new» approach – is the comprehensive containment of the PRC, the promotion of alternative economic mechanisms and the strengthening of the military-political dialogue with the US allies, as well as deeper involvement of key partners, including ASEAN member states. For the Association itself, the development of the IPR and the institutionalization of its main formats is a challenge to its central role in ensuring security in the region, which can further exacerbate intra-ASEAN contradictions.

Keywords: *Indo-Pacific, USA, Japan, India, China, ASEAN*

Alexander S. Korolev, Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies, Higher School of Economics, Russia, Moscow, askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

For citation: Korolev A.S. Indo-Pacific Dimension of the U.S. Policy under J. Biden: Implications for ASEAN *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 20–29. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-020-029

Долгое время Азиатско-Тихоокеанская региональная архитектура и система институтов многостороннего сотрудничества в регионе воспринимались как ключевое «топливо» регионализма и главный мировой ньюсмейкер. Однако, по мере нарастания американо-китайских противоречий и интенсификации экономической и военно-политической конкуренции Индо-Тихоокеанский регион становится основным театром борьбы великих держав в XXI в.¹. Изначально, будучи реакцией стран региона на возвышение Китая, ИТР эволюционировал из абстрактной идеи, выдвинутой бывшим индийским адмиралом Г. Кхураном, в основу региональной политики многих ведущих держав, включая США, Индию, Австралию и Японию.

Одной из характерных черт современного дискурса об ИТР, в особенности его американской версии, – ярко выраженный антикитайский характер. При Д. Трампе деградация американо-китайских отношений лишь усилилась и приобрела более открытые и системные формы². Помимо этого, несмотря на ожидания многих наблюдателей по поводу смягчения политики Вашингтона в отношении Пекина с приходом администрации Д. Байдена, на практике наблюдается больше преемственности в американской внешнеполитической стратегии в отношении Китая, которую можно охарактеризовать как «всеобъемлющее сдерживание КНР». Только за последние полгода произошло несколько знаменательных событий, которые серьезно усилили напряженность в отношениях между США и КНР и расшатали региональную безопасность. Среди них – проведение первого саммита на уровне глав государств стран-представителей Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), американо-японские переговоры в формате 2+2, а также первая очная встреча на высшем уровне между Японией и США.

На пути к формализации QUAD

12 марта 2021 г. произошло знаковое событие в рамках ИТР – первый саммит на высшем уровне с участием глав четырех государств QUAD – США, Японии, Индии и Австралии. В ходе встречи стороны неоднократно затронули тему безопасности в ИТР и роль Китая, и направили недвусмысленные сигналы мировой общественности о готовности выступить единым фронтом для сдерживания китайских амбиций. В частности, об этом свидетельствует заявление президента США Д. Байдена³. По его словам, «четверка» честно и открыто обсудила роль Китая на мировой арене, в частности, те «преграды в Индо-Тихоокеанском регионе, которые Пекин создает для свободной и открытой торговли»⁴.

Еще больше пищи для размышлений дают комментарии премьер-министра Индии Н. Моды, опубликованные им в *Twitter*. Индийский лидер охарактеризовал США, Индию, Японию и Австралию как «силы мирового добра» за продвижение повестки безопасности, борьбе с COVID-19 и изменением климата⁵.

Таким образом, проведение саммита в виртуальном формате указывает на стремление США сформировать более зрелые институциональные механизмы ИТР и укрепить чувство солидарности перед «китайской угрозой».

Американо-японские переговоры в формате 2+2

Другим заметным событием, характеризующим нынешнюю ситуацию в сфере безопасности в регионе, служит заседание 16 марта 2021 г. американо-японского консультативного комитета по безопасности в формате 2+2 (министры обороны и министры иностранных дел). Стороны отметили, что альянс между Японией и США остается краеугольным камнем мира, безопасности и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе, и подтвердили твердую приверженность обеих стран двустороннему альянсу. В условиях растущей геополитической конкуренции четыре министра согласились продвигать свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион и международный порядок, основанный на правилах⁶.

Однако подобные заявления носят дежурный и во многом ритуальный характер и регулярно появляются в совместных заявлениях официальных лиц США и Японии. Куда более интересными выглядят другие формулировки, в которых завуалировано или напрямую прослеживается антикитайский характер. В частности, в совместном заявлении стороны подчеркнули готовность углубить координацию в целях «укрепления потенциала сдерживания»⁷. В этом заявлении прямым текстом не говорится о Китае. Однако, исходя из общей логики развития японо-американского альянса и деградации системы безопасности в Азии, можно с уверенностью предположить, что объектом политики сдерживания выступает именно КНР.

Далее в заявлении фиксируется открытая критика Пекина. В разделе «региональная среда безопасности» четко прописывается, что «поведение Китая, несовместимое с существующим международным порядком, представляет собой политические, экономические, военные и технологические вызовы для Альянса и международного сообщества». Кроме того, подчеркивается озабоченность Японии и США по поводу «растущей активности КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях»⁸.

Отдельно стоит упомянуть, что США и Япония договорились о проведении совместных военных учений по обороне островов Сенкаку (Дяоюйдао). В своих заявлениях обе страны заявили, что по-прежнему выступают против любых односторонних действий, подрывающих управление Японией островами Сенкаку (Дяоюйдао). Министры также озвучили серьезную обеспокоенность ситуацией с правами человека в Гонконге и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, что также является попыткой оказать давление на внутреннюю политику КНР.

Наконец, стороны подчеркнули необходимость укрепления сотрудничества с двумя другими участниками QUAD – Австралией и Индией, а также поддержали центральную роль АСЕАН в обеспечении безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, на основе проведенной встречи и принятого итогового заявления можно сформулировать несколько выводов, которые с высокой долей вероятности будут носить долгосрочный характер.

Во-первых, американо-японский альянс развивается в русле преемственности, базируется на системных внешнеполитических сдвигах и мало привязан к привходящим внутриполитическим факторам в обеих странах. Подтверждением этому служит смена администраций в Токио и Вашингтоне, которая не повлияла на логику и формат двусторонних отношений⁹.

Во-вторых, на основе этого заявления и общей логики развития альянса становится понятно, что именно Индо-Тихоокеанский регион в будущем станет главным театром процирирования военной мощи ключевых глобальных игроков и роста соперничества между ними.

В-третьих, одним из определяющих элементов альянса служит комплексное сдерживание Китая, которое на практике реализуется с применением широкого набора инструментов – торговые войны, информационная кампания, наращивание военного присутствия в ИТР и АТР, использование двусторонних и многосторонних альянсов и партнерств¹⁰. Помимо этого, США при активной поддержке Японии и других участников QUAD в будущем намерены более активно применять комплекс эконо-

мических и технологических мер для балансирования влияния КНР.

Так, например, американоцентричная версия ИТР, хоть и не имеет до сих пор явно выраженного экономического изменения, стремится уравновесить экономические позиции Китая в регионе и предложить странам ИТР альтернативные «Поясу и Пути» проекты¹¹. Возрастающую роль в этом будет играть запущенный в 2018 г. Индо-Тихоокеанский транзакционный консультационный фонд и программа EDGE (*Enhancing Development and Growth through Energy*), призванные помочь США и его партнерам в реализации крупных инфраструктурных проектов в регионе¹².

Наконец, в рамках принятого в 2018 г. документа «Инициатива по подтверждению обязательств США в Азии» (*Asia Reassurance Initiative Act — ARIA*) США в период до 2023 г. будут ежегодно выделять 1,5 млрд долл. для укрепления связей с американскими союзниками и повышения обороноспособности партнеров по ИТР в качестве ответа на «дестабилизирующее» поведение КНР¹³.

Саммит лидеров США-Япония 16 апреля 2021 года

Руководители Японии и США и ранее «встречались» в виртуальном формате, где обсуждали наиболее важные проблемы двустороннего сотрудничества, включая вопрос Китая. Здесь можно вспомнить и саммит G7 и форум QUAD, о котором было сказано ранее. Однако именно саммит лидеров можно с уверенность назвать прорывным для двустороннего альянса. А совместное заявление, опубликованное в ходе пресс-конференции по итогам саммита – не что иное, как переосмысление американо-японского партнерства в новую эпоху. Следует выделить ряд причин значимости данного мероприятия.

Во-первых, впервые в совместном заявлении лидеры Японии и США четко определили Китай как «главную проблему, стоящую перед союзом». В то время как в прошлых заявлениях упоминались угрозы безопасности на море и необходимость поддерживать международный порядок, основанный на правилах. Это новый этап развития альянса и провозглашение более «откровенного», как заявили сами лидеры, подхода в отношении

КНР¹⁴. Кроме того, данное заявление можно расценить как сигнал в адрес Китая, союзников США и мировой общественности в целом, что отныне Токио и Вашингтон будут занимать более жесткую позицию в отношении Китая, а инструментарий политики сдерживания Пекина будет более разнообразным.

Во-вторых, в дополнение к уже знакомым выражениям опасений по поводу китайской «политики принуждения» на морских рубежах, два лидера также назвали нарушения прав человека в Гонконге и Синьцзяне областями, вызывающими озабоченность. Более того, впервые с 1969 г., они прямо в совместном заявлении упомянули тайваньскую проблему и определили Тайвань как общий интерес, сославшись на «важность мира и стабильности» в Тайваньском проливе¹⁵.

Хотя в определенной степени это заявление просто формализовало и закрепило уже имеющиеся договоренности, которые ранее были озвучены в ходе встречи в марте 2021 г. в формате 2+2, теперь США и Япония провозгласили конкуренцию с Китаем руководящим принципом двустороннего сотрудничества.

В-третьих, в заявлении четко указано, что оба лидера намерены оказывать противодействие Китаю не только в военно-стратегической, но и других сферах, что делает конкуренцию с КНР системным, всеобъемлющим и долгосрочным элементом администрации Д. Байдена и Е. Суга. В частности, в ходе пресс-конференции по итогам саммита они заявили о запуске Конкурентоспособного и устойчивого партнерства (CORE), а также климатического партнерства¹⁶.

В-четвертых, главы США и Японии в очередной раз отметили свою приверженность «Свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону», защите и продвижению общих демократических ценностей в регионе, а также противодействию попыткам КНР изменить статус-кво в Южно-Китайском море¹⁷.

Таким образом, совместное заявление лидеров США и Японии носит ярко выраженный антикитайский характер. При этом важно иметь в виду, что само по себе заявление кардинально не меняет существо американо-японского альянса. Однако оно в значительной степени корректирует существующий альянс, по-новому и более ярко расставляет внешнеполитиче-

ские акценты Токио и Вашингтона по наиболее чувствительным для Пекина и принципиальным для АСЕАН вопросам.

Выводы для АСЕАН

Продвижение ИТР в его американоцентричной версии представляет серьезный вызов для АСЕАН. Ассоциация болезненно воспринимала попытки Д. Трампа превратить Четырехсторонний диалог по безопасности в подобие «Индо-Тихоокеанского НАТО» и стремится, по крайней мере, на декларативном уровне придерживаться нейтралитета и одновременно продвигать собственное асеаноцентричное видение ИТР¹⁸. Однако отдельные страны-члены АСЕАН, в первую очередь – Вьетнам, напротив, проявляют большой интерес к этой инициативе. Ханой не только напрямую вовлечен в территориальный конфликт с КНР в Южно-Китайском море, но и все более заметно «поворачивается» в сторону США, занимая все более антикитайскую позицию. На этом фоне характерно, что именно Вьетнам стал единственным представителем Ассоциации, принявшим участие в марте 2020 г. в виртуальном обсуждении способов реагирования на пандемию коронавируса и продвижении концепции ИТР в формате QUAD плюс.

На этом фоне также показательны результаты социологических опросов, проведенных в феврале 2021 г. авторитетным сингапурским аналитическим центром ISEAS. На вопрос, что является главным поводом для тревоги в Южно-Китайском море, 84,6% вьетнамских респондентов отметили – повышение активности КНР в исключительных экономических зонах (наиболее высокий показатель среди всех стран АСЕАН)¹⁹. Более того, 21,1% опрошенных из Вьетнама рассматривают Индо-Тихоокеанскую инициативу как фактор стабильности, процветания и продвижения многосторонней повестки. Это является самым высоким результатом среди участников АСЕАН²⁰.

Таким образом, вкупе с форматом QUAD плюс, институт регулярных встреч на базе «четверки» может стать альтернативной площадкой взаимодействия в сфере безопасности в ИТР. Такое развитие событий логично вызовет противодействие Китая и приведет к дальнейшей фрагментации региона, что противоречит стратегическим интересам Ассоциации.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить элементы преемственности в индо-тихоокеанской политике администрации Д. Байдена по сравнению с его предшественником – Д. Трампом. Ставка на сдерживание КНР по-прежнему находится в центре внимания американской стратегии. При этом приход Д. Байдена сопровождается корректировкой риторики и конкретных действий применительно к самой стратегии ИТР и ее основным элементам, в частности, QUAD. Новый глава Белого дома придает больше значения укреплению всеобъемлющих связей с ключевыми союзниками, прежде всего, Японией и Австралией, а также стратегическим партнерам, к числу которых относятся Индия и АСЕАН. Кроме того, Вашингтон в лице президента и его «индо-тихоокеанской» команды, прежде всего, Курта Кэмпбелла, предпринимают активные попытки по дальнейшей институционализации Индо-Тихоокеанского региона и, в частности, QUAD, в том числе посредством расширения состава его участников.

Для АСЕАН дальнейшее развитие американской версии ИТР, в том числе с перспективой подрыва эффективности асеаноцентричных диалоговых площадок, грозит углубить раскол внутри АСЕАН, подрывая ее основополагающие принципы. Дальнейшая деградация американо-китайских отношений лишь умножит стратегические риски для АСЕАН и станет очередной проверкой на прочность асеановской дипломатии, эффективность которой последние годы все чаще подвергается сомнению.

¹ Gong X. Non-traditional security cooperation between China and South-East Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics // International Affairs. 2020. Vol. 96, № 1. P. 29-48.

² Quad Leaders' Joint Statement: «The Spirit of the Quad». The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/>

³ Ibid

- ⁴ 'A force for global good': PM Modi at first-ever Quad summit. The Indian Express. URL: <https://indianexpress.com/article/india/pm-modi-at-quad-summit-countries-will-work-together-to-ensure-stability-in-indo-pacific-region-7225787/>
- ⁵ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. "2+2"). Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_001112.html
- ⁶ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. "2+2")...
- ⁷ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. "2+2")
- ⁸ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. "2+2")...
- ⁹ The U.S.-Japan Alliance in 2020. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-japan-alliance-2020>
- ¹⁰ He K., Li M. Understanding the dynamics of the Indo-Pacific: US-China strategic competition, regional actors, and beyond // International Affairs. 2020. Vol. 96, № 1. P. 1-7.
- ¹¹ Kireeva A. A. The Indo-Pacific in the Strategies of the US and Japan // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. №. 3. P. 98-127.
- ¹² Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка. Сравнительная политика. 2019. 10(4): 52-64.
- ¹³ S.2736 - Asia Reassurance Initiative Act of 2018. U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736/text>
- ¹⁴ Remarks by President Biden and Prime Minister Suga of Japan at Press Conference. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/16/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-suga-of-japan-at-press-conference/>
- ¹⁵ Лидеры США и Японии выступили за мир и стабильность в Тайваньском проливе/ ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11176295>
- ¹⁶ Remarks by President Biden and Prime Minister Suga of Japan at Press Conference. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/16/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-suga-of-japan-at-press-conference/>
- ¹⁷ Remarks by President Biden and Prime Minister Suga of Japan...
- ¹⁸ Anwar D. F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific // International Affairs. 2020. Vol. 96. №. 1. P. 111-129.
- ¹⁹ ISEAS. State of Southeast Asia 2021. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/01/The-State-of-SEA-2021-v2.pdf>
- ²⁰ Канаев Е. А., Королев А. С. Проблема Южно-Китайского моря в китайско-американских отношениях // В кн.: Запад - Восток - Россия 2015. Ежегодник / Отв. ред.: Д. Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 157-161.

Мартынова Елена Святославовна

НИУ ВШЭ,

Россия, Москва,

nefriema@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7355-4544>

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ
ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
СТРАТЕГИЙ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ В АЗИИ
И ПОЗИЦИЯ АСЕАН**

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее масштабные трансрегиональные инициативы, анонсированные в период с 2010-х гг. Это конкурирующие проекты торговых соглашений – ВРЭП и ТТП, а также глобальные геополитические проекты – китайский – один пояс – один путь, созданный под эгидой США. Четырехсторонний диалог по безопасности и Большое евразийское партнерство, которое продвигает РФ. Проведенный анализ показывает, что, фактически, Китай перехватил инициативу по формированию нового мирового порядка. В настоящее время китайские стратегические проекты являются наиболее масштабными, последовательными и привлекательными по сравнению с предложениями других ведущих держав. Приходится констатировать, что форматы сотрудничества на базе АСЕАН уже в ближайшее время могут стать политическим анахронизмом, которым все будут отдавать дань уважения, но ключевые решения будут приниматься на других площадках.

Ключевые слова: *АСЕАН, один пояс – один путь, Индо-Тихоокеанский регион, Четырехсторонний диалог по безопасности, Ассоциация стран Индийского океана, Азиатско-Африканский коридор роста*

Для цитирования: Мартынова Е.С. Глобальные трансрегиональные инициативы в современной мировой политике: эволюция внешнеполитических стратегий ведущих держав в Азии и позиция АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 30–48. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-030-048

**Global Transregional Initiatives in Contemporary
World Politics: Evolution of the Leading Powers Foreign
Policy Strategies in Asia and the ASEAN Position**

Abstract: This article focuses on the most ambitious integration initiatives, negotiations on which in recent years have been the main topic of meetings of heads of state at the highest level and at meetings of intergovernmental organizations. First of all, there are competing trade agreements – RCEP and TPP, as well as global geopolitical projects – the Chinese Belt and Road Initiative, the Quadrilateral Security Dialogue created under the auspices of the United States and the Great Eurasian partnership promoted by the Russian Federation. The analysis shows that, in fact, China has taken over the initiative to form a new world order. Currently, Chinese strategic projects are the most ambitious, consistent and attractive in comparison with the proposals of other leading powers. We have to admit that the formats of cooperation on the basis of ASEAN may become a political anachronism in the near future, to which everyone will pay tribute, but key decisions will be made at other venues.

Keywords: ASEAN, Belt and Road Initiative, Indo-Pacific, Quadrilateral Security Dialogue, Indian Ocean Rim Association, Asia-Africa Growth Corridor

Elena S. Martynova, HSE, Russia, Moscow, nefriema@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7355-4544>

For citation: Martynova Elena S. Global Transregional Initiatives in Contemporary World Politics: Evolution of the Leading Powers Foreign Policy Strategies in Asia and the ASEAN Position *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 30–48. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-030-048

США. В период президентских сроков Б. Обамы (2009–2016 гг.) США активно продвигали политику «стратегического разворота к Азии». В это время наблюдалось и повышение роли АСЕАН в иерархии внешнеполитических приоритетов США. За время пребывания у власти Б. Обама 7 раз побывал в странах АСЕАН, 11 раз встречался с лидерами этих стран отдельно или в кулуарах различных форумов. США также активно участвовали во всех форумах под эгидой АСЕАН. В 2015 г. на саммите АСЕАН-США в г. Куала-Лумпуре было решено повысить статус отношений между ними до стратегического партнерства. А в 2016 г. саммит АСЕАН-США впервые прошел на американской территории (Санниленд, Калифорния), что также демонстрировало заинтересованность США в углублении отношений со странами региона.

Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) было подписано 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия. Целью этого преференциального торгового соглашения является снижение тарифных барьеров, а также вопросы трудового права, защита интеллектуальной собственности, введение единых норм регулирования, которые в подобных соглашениях ранее не затрагивались. Следует отметить, что впервые предложение о создании ТТП было выдвинуто в 2003 г. 3-мя странами – Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. США стали проявлять интерес к этому проекту с 2008 г. С тех пор ТТП рассматривался как попытка США противодействовать усилению влияния Китая.

После прихода к власти Д. Трампа в 2016 г., несмотря на громкую риторику, присутствие США в регионе заметно сократилось. После выхода США из соглашения о ТТП (23 января 2017 г. был подписан соответствующий указ), поворота к протекционизму и развязывания торговой войны с Китаем, баланс сил в регионе значительно изменился. Формат ТТП продолжает функционировать, так как другие страны-участницы решили сохранить в силе соглашение даже после выхода из него США.

Д. Трамп демонстративно отказался от внешнеполитических лозунгов своего предшественника, но выдвинул концепцию «Индо-Тихоокеанского региона». Он впервые озвучил свою новую геополитическую доктрину «свободного и открытого

Индо-Тихоокеанского региона» на саммите АТЭС в Дананге 10 ноября 2017 г. Тем не менее, автором этого геополитического концепта является премьер-министр Японии С. Абе. В 2007 г. он предложил концепцию создания Индо-Тихоокеанского региона, которую впоследствии позаимствовал Д. Трамп в качестве основы для своей азиатской внешнеполитической стратегии.

Основную ставку в своей азиатской политике Д. Трамп делал на так называемый «Квартет». В 2007 г. был инициирован Четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), куда вошли Япония, США, Индия и Австралия. Этот формат многими воспринимается как «азиатское НАТО», поскольку предполагает военно-политическое взаимодействие государств. Ключевую роль в нём играют США, а главным геополитическим соперником всех сторон является Китай. Фактически диалог позиционируется как альянс азиатских демократий против авторитарного Китая. В 2008 г. Австралия отказалась от участия в диалоге, после чего встречи в таком формате не проводились вплоть до 2017 г.

После выхода США из ТТП администрация Д. Трампа стала предпринимать попытки упрочить договорно-правовую базу взаимодействия со своими союзниками в АТР, в результате чего встречи в рамках Диалога возобновились. В 2019 г. на 35-м саммите АСЕАН в рамках Индо-Тихоокеанского бизнес-форума США объявили о запуске инфраструктурного проекта «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*), которое стало экономическим расширением политического диалога Quad. Однако, в качестве альтернативы китайскому инфраструктурному проекту «пояса и пути» эта инициатива выглядит размыто и неубедительно. Предполагается, что в рамках данной инициативы будет разработан механизм рейтингов, согласно которому будут оцениваться инфраструктурные проекты в соответствии с «международными стандартами». Важно отметить, что при анонсировании новых глобальных инициатив великие державы не забывают апеллировать к авторитету уже существующих объединений. Так, авторы проекта «Сеть голубых точек» подчеркивают, что их инициатива согласуется с целями участников ВАС, а также направлена на исполнение решений, принятых на саммитах G7 и G20.

Что касается АСЕАН, то США в рамках доктрины «Стратегического разворота в Азию» Б. Обамы, поддерживали принцип асеаноцентричности в региональных интеграционных структурах в противовес усилению влияния Китая. Однако, в опубликованной в декабре 2017 г. Национальной стратегии безопасности США, подготовленной администрацией Д. Трампа, странам ЮВА посвящен лишь небольшой раздел¹. Это означает, что с позиции США АСЕАН отводится весьма скромное место в будущей региональной архитектуре.

Китай. В связи с изменившимися потребностями стремительно растущей китайской экономики и возросшими политическими амбициями китайского руководства уже с 2000-х гг. Китай стал не только принимать активное участие в интеграционных процессах на пространстве АТР, но и инициировать новые форматы сотрудничества.

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул глобальный проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора, который получил название «один пояс – один путь» (ОПОП), в настоящее время этот проект чаще называют «Инициатива пояса и пути». Эта инициатива по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры объединяет два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Основные задачи, которые призван решить этот глобальный мега-проект: формирование единой трансазиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют и т.д. Инициатива ОПОП фактически сводится к созданию хорошо отлаженной системы международных перевозок, причём Китаю не нужно строить тысячи км железных дорог или другую транспортную инфраструктуру, поскольку большая её часть уже существует. Задача состоит только в том, чтобы модернизировать и соединить в единую систему имеющуюся инфраструктуру, а в случае необходимости — добавить недостающие звенья.

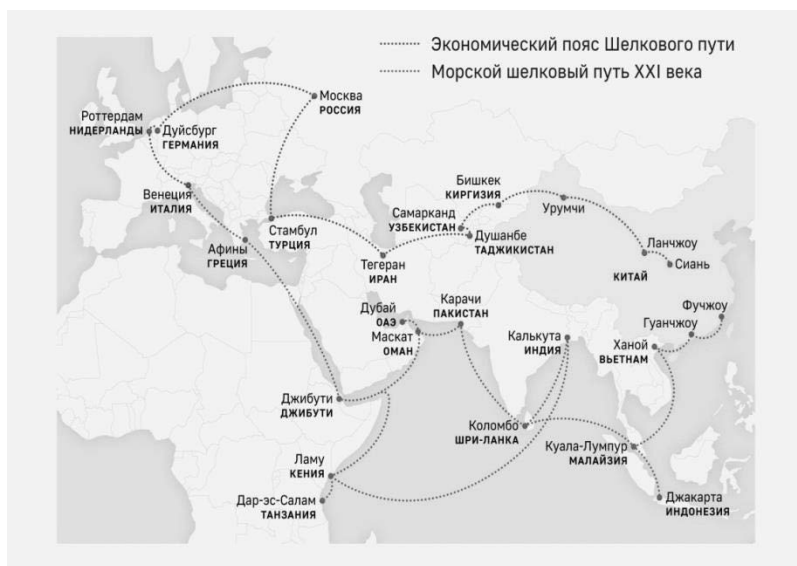

Рис.1 Инициатива «Один пояс – один путь»,

(Источник: ТАСС. Инфографика // <https://tass.ru/infographics/8674>)

Исследователи отмечают, что Китай стремится подключить весь имеющийся институциональный ресурс для реализации столь масштабной задачи. Многостороннее сотрудничество для реализации целей, заявленных в проекте «пояса и пути», осуществляется посредством ШОС, АСЕАН+1, АТЭС, АСЕМ, ДСА, СВМДА, Форума китайско-арабского сотрудничества, Стратегического диалога Китай — ССАГПЗ, ЦАРЭС и некоторых других институтов. При выдвижении своей глобальной инициативы Китай изначально планировал подключить к ее реализации уже действующие структуры.

В мае 2017 г. в Пекине состоялся первый форум высокого уровня по сотрудничеству в рамках проекта ОПОП, а в апреле 2019 г. прошел второй международный форум «пояса и пути». Следует отметить ещё несколько важных диалоговых площадок, через которые китайское руководство активно продвигает масштабные проекты. С 2001 г. Китай проводит финансовый форум Боао², который называют «Восточным Давосом». С 2006 г. в пригороде Пекина проходит Сяншаньский форум по безопасности³. Эту площадку часто рассматривают как китайскую альтер-

натуре Форуму по безопасности Шангри-Ла, где доминирует проамериканская повестка. Этот форум призван способствовать диалогу и сотрудничеству между оборонными ведомствами различных стран, международными организациями и аналитическими центрами. Примечательно, что на официальном сайте форума для его характеристики использована такая формулировка как «полуторный трек» дипломатии, что явно является производным от давно укоренившихся понятий «первого» и «второго» дипломатических треков. Это ещё один пример того, что Китай перенимает успешные наработки других организаций, совершенствует их и адаптирует под свои цели и потребности. С 2015 г. Форум стал проводиться ежегодно, что также свидетельствует об активизации китайской внешней политики.

Какое место Китай отводит странам АСЕАН в своей новой глобальной политической стратегии? Китай не рассматривает страны ЮВА в качестве главных поставщиков сырья и энергоресурсов, но географическое положение этих стран имеет огромное стратегическое значение для реализации проекта «пояса и пути». Страны АСЕАН весьма заинтересованы в китайских инвестициях и кредитах на развитие инфраструктуры, но проекты, финансируемые Китаем, не всегда согласуются с Генеральным планом транспортной взаимосвязанности, утвержденным Ассоциацией. Уже с момента провозглашения этой инициативы Китай стал заключать соглашения с отдельными странами АСЕАН, а не с группировкой в целом. Участие в китайском проекте выгодно для отдельных стран Ассоциации, но во многом не согласуется с целями углубления интеграции внутри АСЕАН. Например, инфраструктурные проекты строительства железных дорог будут связывать эти страны с Китаем, а не между собой. Кроме того, китайские кредиты с высокой процентной ставкой, а также документально фиксируемое обязательство по привлечению китайской рабочей силы для строительства объектов, справедливо вызывают опасения у асеановцев. Некоторые страны уже настаивают на пересмотре ранее заключенных соглашений, считая их условия невыгодными и потенциально опасными.

Индия. После прихода к власти премьер-министра Нарендры Моди внешняя политика Индии заметно активизиро-

валась. В 2014 г. администрация Н. Модии анонсировала политику «Действуй на Востоке», которая является логическим и более активным продолжением предыдущей индийской стратегии «Смотри на Восток».

В ответ на китайский проект «пояса и пути» Индия предложила свои концепции того, где должны пролегать главные торговые маршруты в Индийском океане – проекты «Муссон» («Mausam») и «Дорога специй» («Spice Road Initiative»). В 2015 г. эти идеи получили дальнейшее развитие в концепции проекта «Хлопковые пути» («Cotton Routes»). Географический охват этого проекта также пролегает по древним торговым путям, по которым осуществлялась торговля индийским хлопком⁴. Аналогия с китайским проектом Экономического пояса Шелкового пути, который также проходит по старинным торговым маршрутам, более чем очевидна. Примечательно, что со стороны Китая поступало предложение о сопряжении индийских инфраструктурных проектов с инициативой «пояса и пути», но официального ответа со стороны Индии не последовало.

Важную роль Индия отводит ещё одной международной организации – Ассоциации стран Индийского океана (*Indian Ocean Rim Association, IORA*). Этот формат был запущен в 1995 г. по инициативе Индии и ЮАР, а фактически стал функционировать с 1997 г. С 2015 г. под эгидой IORA регулярно проходит Диалог Индийского Океана (*The Indian Ocean Dialogue, IOD*), который относится к так называемому полуторговому дипломатическому треку, где собираются представители академического сообщества, эксперты, аналитики и политики стран-участниц. Этот формат взаимодействия также инициировала Индия. В марте 2017 г. в Индонезии впервые состоялся саммит лидеров стран-участниц Ассоциации стран Индийского океана, что свидетельствует о важности этой организации для ее членов. Как отмечают наблюдатели, IORA – это гибкий инструмент консолидации региона, куда внерегиональные державы допускаются только на правах партнёров по диалогу. В настоящее время Китай, США, Япония и ряд европейских стран имеют статус партнеров по диалогу. Из стран АСЕАН членами Ассоциации стран Индийского океана являются Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд.

В 2014 г. по инициативе индийской стороны состоялся первый саммит Форума по сотрудничеству Индия – Тихоокеанские острова (FIPIC). Это свидетельствует о том, что Индия последовательно стремится укрепить своё влияние даже в отдаленных уголках АТР. В июне 2017 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Индия также активно участвует в различных транспортных и инфраструктурных проектах.

В 2016 г. в г. Токио был озвучен совместный проект Индии и Японии «Азиатско-Африканский коридор роста» (*Asia Africa Growth Corridor, AAGR*), в рамках которого планируется соединение регионов Восточной и Южной Азии с африканским континентом. Очевидная направленность этого проекта против китайской инициативы «пояса и пути» не вызывает сомнений. Концепция этого масштабного проекта была представлена в мае 2017 г. на ежегодном собрании Африканского банка развития (AfDB), которое проходило в Индии. В целом Азиатско-Африканский коридор роста включает 4 основных направления деятельности: проекты в области развития, построение инфраструктурных связей, повышение человеческого потенциала и укрепление контактов между народами. Из стран АСЕАН к проекту AAGR присоединились Мьянма, Сингапур и Таиланд. В феврале 2018 г. глава австралийского МИД Дж. Бишоп заявила о заинтересованности своей страны в присоединении к проекту. Таким образом, видна явная тенденция к интеграции идеи AAGC с такой политической инициативой Японии и США как возрождение Четырёхстороннего диалога по безопасности (Quad).

С 2016 г. ведущим исследовательским центром Индии *Observer Research Foundation (ORF)* при поддержке МИД Индии ежегодно проводится международная конференция Диалог Райсина («*The Raisina Dialogue*»). За столь короткое время конференция стала одной из ведущих площадок диалога между представителями научно-экспертного сообщества и дипломатическими кругами. В академическом сообществе «Диалог Райсина» часто называют азиатским аналогом Мюнхенской конференции по безопасности. Всё это свидетельствует о том, что Индия стремится не отставать от Китая как в выдвижении глобальных

проектов, так и в создании новых диалоговых площадок и форматов сотрудничества. В целом, Индия в последние годы заметно активизировала сотрудничество со странами АСЕАН и в начале поддерживала центральную роль АСЕАН в региональной архитектуре АТР. В январе 2018 г. Н. Модии пригласил всех лидеров АСЕАН в качестве главных гостей на ежегодное празднование Дня Республики. Это было впервые в истории, и этот жест наглядно продемонстрировал важность АСЕАН для Индии. В индийских политических кругах то и дело подчеркивают, что именно Юго-Восточная Азия является центром Индо-Тихоокеанского региона⁵. Разумеется, подобные дифирамбы в адрес АСЕАН были продиктованы тщательно продуманной стратегией, которая позволяла Индии проводить гибкую политику в регионе.

Однако, в июне 2018 г., выступая на 17-ом Диалоге Шангри-Ла в Сингапуре, Н. Моуди внезапно поставил свою страну в центр новой формирующейся региональной архитектуры, чем вызвал разочарование американцев и недоумение асеановцев. В своем выступлении Н. Моуди удалось совместить традиционную для индийской внешней политики позицию неприсоединения и одновременно заявить об амбициях стать региональным лидером. Присоединение Индии к Quad в странах АСЕАН расценили как понижение статуса отношений с Ассоциацией для индийской внешнеполитической стратегии. С точки зрения индийского видения будущего миропорядка, АСЕАН также теряет свои позиции системообразующего звена в ключевых политических процессах на пространстве АТР. С тех пор как концепция Индо-Тихоокеанского региона вновь стала жизнеспособной стратегией, и четыре ведущие демократии Азии – США, Япония, Индия и Австралия – возобновили Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности, в странах Юго-Восточной Азии опасения по поводу возможной утраты АСЕАН своего центрального положения в регионе только усилились⁶.

Соперничество Индии и Китая за влияние в регионе наряду с противостоянием Китая и США за глобальное доминирование является причиной большинства политических событий в АТР.

В ответ на действия Китая, Индия стала проявлять повышенный интерес к развитию морских портов в Мьянме и Иране, а также к углублению экономического и военного сотрудничества с Вьетнамом. Эти действия обусловлены опасениями попасть в окружение подконтрольных Китаю территорий в сопредельных государствах по периметру индийских границ.

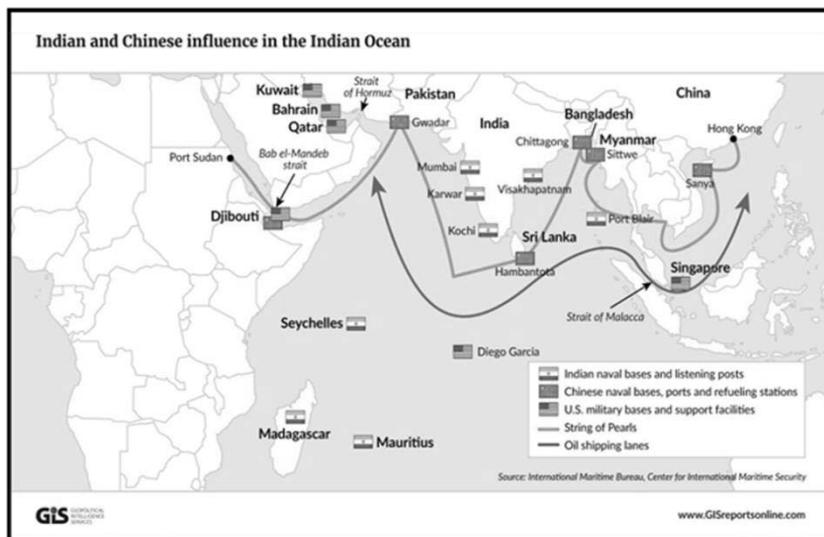

Рис. 2 Геополитическое соперничество Индии и Китая в Индийском океане. (Источник: Umbach F. *China's Belt and Road Initiative and its Energy-Security Dimensions* // RSIS Working Paper Series, NO. 320, 2019 // Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/01/WP320.pdf>)

Политика Китая по отношению к территориальным спорам в Южно-Китайском море стала неотъемлемой частью его глобальной инициативы «пояса и пути». Их объединяет долгосрочная стратегическая цель – контроль над Индийским океаном, что в равной степени обусловлено как экономическими потребностями, так и соображениями безопасности. Можно говорить о том, что все ключевые направления китайской внешней политики органично дополняют друг друга. Инвестирование в строительство портов в Южной Азии, а также план строительства Тайского канала, соединяющего Бенгальский и Сиамский

заливы, являются подтверждением того факта, что стратегия «нить жемчуга» стала частью глобальной инициативы «пояса и пути». Сам этот проект, в свою очередь, является компонентом ещё более глобальной китайской стратегии по достижению статуса великой державы.

Очевидно, что Индия на данный момент не в силах обеспечить конкуренцию росту китайского экономического присутствия в зоне непосредственного соседства, поэтому Дели стремится не допустить наращивания Китаем политического и военного присутствия в сопредельных странах⁷. Геополитическое соперничество двух ведущих азиатских держав проходит на фоне их расширяющегося экономического сотрудничества и усиления взаимозависимости. Прямая конфронтация не выгодна ни Китаю, ни Индии, поэтому стороны прибегают к тактике опосредованной конфронтации, активно развивая отношения со странами – соседями своего геополитического конкурента, и создавая цепь опорных пунктов в непосредственной близости от границ друг друга⁸.

Логика создания многочисленных новых форматов проста и понятна. У всех масштабных инициатив цели и задачи совпадают – противостояние главным конкурентам, попытка найти союзников, стремление максимально эффективно отстаивать национальные интересы. Все эти мотивы по традиции прикрываются заявлениями о стремлении к взаимовыгодному партнерству. Но, как показывает опыт, в отличие от ведущих партнеров, ведомые не всегда получают какие-либо дивиденды.

РФ. Россия на протяжении последних нескольких лет последовательно продвигает евразийский вектор интеграции. Эту политику можно считать более сбалансированной, в отличие от «поворота на Восток», на котором усиленно акцентировали внимание после присоединения Крыма, кризиса на Украине и последовавших за этим западных санкций. Резкое ухудшение отношений с США и европейскими партнерами вновь актуализировали важность азиатского направления для российской политики. Но и на этом направлении есть объективные трудности, из-за которых российская инициатива на данный момент выглядит недостаточно привлекательно для зарубежных партнеров.

Первым явным упоминанием идеи Большого евразийского партнерства можно считать Послание президента РФ Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г. Однако если внимательно следить за повесткой ключевых международных форумов, то можно заметить, что эта идея была высказана намного раньше, ещё на саммите АТЭС–2012 во Владивостоке.

Идея сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с континентальной частью китайского проекта «пояса и пути» была высказана в 2015 г., а в мае 2015 г. президент РФ Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали соответствующее соглашение⁹. Большое евразийское партнерство нацелено на гармонизацию повесток уже существующих институтов и проектов – АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, Инициативы «Пояса и Пути»¹⁰. В некоторой степени это можно считать успехом отечественной дипломатии. Теоретически, предлагаемый Россией евразийский интеграционный проект не является конкурентом китайской инициативы. Но, поскольку предложение России вовремя не получило должного институционального оформления и не было обеспечено значительными финансовыми ресурсами, то подключение к китайскому проекту можно считать удачным стратегическим ходом.

Однако идея Большого евразийского партнерства, предполагающая в идеале соединение различных организаций – БРИКС, Евразийского экономического союза, ШОС и АСЕАН, была встречена странами ЮВА довольно прохладно и не вызвала у них ответной реакции. Проект пока имеет гипотетический характер, экономически не прописан и в некоторой степени даже политически рискован для АСЕАН, стремящейся сохранить свою центральную и независимую роль в регионе¹¹. Вопреки мажорной тональности официальных деклараций, отношения между сторонами характеризуются отсутствием четкой стратегии развития сотрудничества, широкого перечня успешно реализованных проектов и развитой институциональной базы. В настроениях ЕАЭС и АСЕАН превалирует своеобразная «позитивная нейтральность»¹². В 2018 г. всё же был подписан Меморандум о взаимопонимании между АСЕАН и Евразийской экономической комиссией¹³, но этот документ носит формальный характер. Между тем, российский проект евразийской интегра-

ции не конкурирует ни с одним из других глобальных проектов, продвигаемых ведущими державами, что в перспективе может заинтересовать АСЕАН.

Россия в последнее десятилетие также инициировала ряд новых диалоговых площадок для укрепления межгосударственного взаимодействия по ключевым проблемам глобального и регионального развития. С 2012 г. Министерство Обороны РФ регулярно проводит Московскую конференцию по международной безопасности¹⁴. В 2015 г. указом Президента РФ был учрежден Восточный экономический форум (ВЭФ)¹⁵, который ежегодно проходит во Владивостоке. Форум сразу стал одной из ключевых площадок международного взаимодействия на пространстве АТР.

Размышляя о сложившейся ситуации в АТР, невольно приходит на ум поговорка, что «все новое – это хорошо забытое старое». Если внимательно следить за ключевыми событиями мировой политики, то можно заметить, что практически все недавние глобальные стратегические инициативы, по сути, являются логическим продолжением тенденций, которые наметились намного раньше. Так, предложение В.В. Путина развивать евразийское направление интеграции прозвучало ещё на саммите АТЭС в 2012 г. А китайский проект «пояса и пути» как по целям, так и по географическому охвату во многом является расширением и логическим продолжением стратегии, которая получила название «нить жемчуга». Кроме того, несмотря на бурное развитие интернета и цифровой экономики, обеспечение безопасности торговых путей и стабильное снабжение энергоресурсами по-прежнему играют заметную, если не ключевую роль в формировании масштабных геополитических инициатив. Большинство рассмотренных глобальных инфраструктурных проектов наглядно демонстрируют обоснованность этого положения.

Как известно, новые структуры, как правило, создаются в случае, когда уже действующие механизмы оказались не достаточно эффективными. К примеру, по мнению многих экспертов, проект ТТП был обусловлен тем, что американские ТНК не могли достаточно эффективно отстаивать свои интересы через уча-

ствие в АТЭС. Однако ведущие державы не только иницируют новые форматы сотрудничества, но и стараются реформировать уже существующие структуры под свои нужды. Один из наиболее характерных примеров – ВРЭП. Изначально инициатором этого соглашения выступали страны АСЕАН (по предложению Индонезии), но потом этот формат сотрудничества стал прочно ассоциироваться с Китаем как противовес продвигавшемуся США ТТП.

Наиболее масштабным проектом АСЕАН с целью укрепления интеграции в глобальную экономику является создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП, *The Regional Comprehensive Economic Partnership*, RCEP). Фактически, это соглашение является дальнейшим развитием экономического взаимодействия в рамках уже действующих форматов АСЕАН+3 и АСЕАН+6. Переговоры о создании ВРЭП были инициированы на саммите АСЕАН в ноябре 2012 г. в Пномпене (Камбоджа). Скептики утверждали, что подписание соглашения маловероятно вследствие значительного различия в уровне экономического развития потенциальных участников. Тем не менее, в ноябре 2020 г. АСЕАН и партнеры по диалогу подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли¹⁶. Участниками соглашения стали 10 стран АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия. В конечном итоге документ был подписан без Индии, которая вышла из переговорного процесса.

Расширяется повестка дня действующих объединений, на которых начинают обсуждаться вопросы, изначально не входившие в компетенции данных форматов. К примеру, Китай и РФ активно используют участие в других интеграционных механизмах для продвижения своих глобальных проектов. Кроме того, нередко забытые форматы сотрудничества, признанные неэффективными, получают вторую жизнь в случае изменения геополитической или мировой экономической ситуации. Здесь нужно упомянуть, в первую очередь, возрождение квартета Quad в составе США, Японии, Индии и Австралии.

Как подчеркивает Б. Хе, США смогли стать сверхдержавой именно благодаря тому, что создавали и развивали такие глобальные институты как Всемирная торговая организация

(ВТО) и Всемирный банк (ВБ), а также систему военных альянсов. Администрация Д. Трампа подорвала те самые институты, на которых и была построена глобальная мощь США. Для Китая настал удобный момент, чтобы заполнить образовавшийся вакуум эффективных международных институтов и перекроить глобальный миропорядок в свою пользу¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ эволюции внешнеполитических концепций ведущих держав АТР в период с 2010-х гг. до 2020 г. позволяет сделать вывод о том, что стратегические инициативы США, Индии, Японии и РФ во многом уступают китайским проектам как по масштабу, так и по времени начала активного продвижения. В отличие от Китая, другие страны запаздывают с провозглашением глобальных стратегий и официальными разъяснениями своего видения нового миропорядка.

Фактически, Китай перехватил у АСЕАН инициативу в плане формирования региональной архитектуры. Идею ВРЭП изначально сформулировали страны АСЕАН, но впоследствии активно продвигать заключение этого соглашения стал Китай. Кроме того, Китай активно использует форматы субрегионального сотрудничества, которые сложились на базе АСЕАН ещё в 1990-е гг., для продвижения своих проектов. Если проанализировать другие политические инициативы Китая, становится очевидно, что руководство КНР перенимает многие прогрессивные наработки АСЕАН. Это относится и к функциональному расширению формата БРИКС, и к активному привлечению научно-экспертного сообщества для обсуждения важнейших проблем на международных диалоговых площадках, и к попыткам предложить новые форматы сотрудничества, которые в перспективе могут отодвинуть на второй план структуры, функционирующие под эгидой АСЕАН. Важно отметить, что именно по инициативе АСЕАН были установлены отношения Ассоциации с другими интеграционными группировками – АСЕМ, ВАЗЛАФ, Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА)¹⁸. В некоторой степени лидеры АСЕАН предвосхитили современные тенденции интенсификации развития трансрегионального сотрудничества. В связи с этим наметившееся отставание АСЕАН в области выдвижения новых глобальных инициатив становится особенно заметным.

В странах АСЕАН осознают, что с выдвижением новых масштабных геополитических проектов роль Ассоциации в качестве всеми уважаемого посредника и системообразующего ядра большинства интеграционных структур заметно маргинализируется. В последнее десятилетие все ключевые страны АТР последовательно развивали и углубляли сотрудничество с АСЕАН как региональной группировкой, но поддержание принципа асеаноцентричности на пространстве АТР уже практически не фигурирует в официальных выступлениях на высшем уровне. Тем не менее, руководство Ассоциации опубликовало свое видение того, как должна выглядеть региональная архитектура в новом геополитическом пространстве Индо-Пасифики (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*)¹⁹, где по-прежнему подчеркивается, что именно АСЕАН должна находиться в центре всех наиболее значимых международных структур. Документ, в котором изложено видение АСЕАН относительно концепции Индо-Тихоокеанского региона, состоит из традиционных тезисов о необходимости сохранения центральной роли Ассоциации в региональной архитектуре. Однако в нем не предлагается никаких конкретных мер по достижению столь амбициозной задачи в современных реалиях²⁰. Каких-либо институциональных нововведений этот программный документ также не содержит.

У АСЕАН есть опыт успешного взаимодействия с самыми разными партнерами на региональном, субрегиональном и глобальном уровнях, но ключевые асеаноцентричные диалоговые площадки в перспективе могут оказаться на периферии мировых политических процессов. Ведущие державы активно продвигают новые интеграционные проекты, которые во многом копируют организационную структуру и принципы работы международных организаций на базе АСЕАН, и при этом оттесняют на второй план своих идеологических предшественников. Асеаноцентричные диалоговые форматы уже в ближайшее время могут стать политическим анахронизмом, которым все будут отдавать дань уважения, но ключевые решения будут приниматься на других площадках. Эпоха, когда АСЕАН инициировала новые форматы международного диалога и занимала в них «водительское кресло» с одобрения великих держав, подошла к концу. В

перспективе более глобальные проекты сотрудничества будут вытеснять форматы сотрудничества, созданные на базе АСЕАН. На глобальном уровне АСЕАН вряд ли сможет выдвинуть более привлекательные проекты, чем уже существующие. Вопрос в том, сможет ли Ассоциация грамотно использовать свой опыт и дипломатический авторитет, чтобы вовремя подключиться к участию в новой архитектуре международного взаимодействия и занять выгодное положение в мировом сообществе.

¹ Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. М., 2019. С. 213

² Boao Forum for Asia // URL: <http://english.boaoforum.org/en/index.html>

³ Beijing Xiangshan forum // URL: <http://www.xiangshanforum.cn/>

⁴ Лебедева Н.Б. Китайские инициативы Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути VS индийские проекты «Mausam», «Spice Road», «Sagar Mala» и «Cotton Routes» (проблемы, перспективы, реакция) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2015, Выпуск № 26, С. 26-57, С.52

⁵ Mukherjee R. Looking West, Acting East: India's Indo-Pacific Strategy // South-east Asian Affairs, Volume 2019, P. 43-51, P. 47

⁶ Mukherjee R. Looking West, Acting East: India's Indo-Pacific ... P. 43-51, P. 43.

⁷ Куприянов А. В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой // Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 6, С. 133-141, с. 137 // URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-133-141>

⁸ Волхонский Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии // Проблемы национальной стратегии, № 1 (22) 2014, С. 31-45, с. 37-38 // URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/05_.pdf

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

¹⁰ Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019, Т. 12. № 1. С. 26-43. // URL: DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43, С. 28.

¹¹ Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019, Т. 12. № 1. С. 185–203 // DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203, С. 195.

¹² Канаев Е.А., Королев А.С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения, 2020, Т. 64, №1, С. 64-72 // DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72, С. 65-66.

¹³ Memorandum of Understanding between ASEAN and the Eurasian Economic Commission on Economic Cooperation // URL: https://asean.org/storage/2018/11/MOU-between-ASEAN-and-the-EEC_Signed-English.pdf

¹⁴ Московская конференция по международной безопасности // URL: <http://mil.ru/mcis/index.htm>

¹⁵ Восточный экономический форум // URL: <https://forumvostok.ru/>

¹⁶ АСЕАН и партнеры подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10005211>

¹⁷ He B. Regionalism as an Instrument for Global Power Contestation: The Case of China, *Asian Studies Review*, 2020, 44:1, P. 79-96, P. 84 // URL: DOI: 10.1080/10357823.2019.1691503

¹⁸ Ефремова К.А. АСЕАН как нормативная сила: предметное поле дискуссии // Сравнительная политика, 2019, № 4 – С. 97-107, С. 105 // URL: DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

¹⁹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

²⁰ Mueller L.M. ASEAN centrality under threat – the cases of RCEP and connectivity // *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2019 // URL: <https://doi.org/10.1080/24761028.2019.1691703>

Добринская Ольга Алексеевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель Дипломатической академии МИД,
научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Россия, Москва
doa_78@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5967-366X>

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЯПОНИИ И АСЕАН: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрены основные мотивы и характеристики нынешней стратегии Японии в ЮВА. Новый этап сближения Японии с АСЕАН во многом связан с ее стремлением сбалансировать влияние Китая, укрепить свое присутствие в субрегионе, а также обеспечить выход на внешний рынок японских вооружений.

Ключевые слова: Япония, АСЕАН, ИТР, ВТС, морская безопасность

Для цитирования: Добринская О.А. Военно-политическое сотрудничество Японии и АСЕАН: новые тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 49–64. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-049-064

Military-Political Cooperation between Japan and ASEAN: New Trends

Abstract: The article covers key motives and characteristics of current Japan's strategy in SEA. The new stage of Japan - ASEAN cooperation is based on Japan's desire to counterbalance China's influence, increase its presence in the sub-region and find opportunities to export its defense production.

Keywords: Japan, ASEAN, Indo-Pacific, defense cooperation, maritime security

Olga A. Dobrinskaya, PhD in History, Senior Lecturer at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia Moscow, doa_78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5967-366X>

For citation: Dobrinskaya O.A. Military-Political Cooperation between Japan and ASEAN: New Trends. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 49–64. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-049-064

Юго-Восточная Азия традиционно имеет важное значение для Японии. Здесь сосредоточены ключевые рынки сбыта японской промышленности, расположены производственные мощности, почти весь ее импорт проходит через Малаккский пролив.

В последние несколько лет японская дипломатия в ЮВА активизировалась, о чем свидетельствует особое внимание, которое придают субрегиону лидеры страны. Поездка в страны АСЕАН стала первым зарубежным турне С. Абэ после прихода к власти в 2012 г. Регулярные встречи на высшем уровне сопровождались установлением отношений стратегического партнерства (например, с Камбоджей, Малайзией), а также укреплением существующих партнерств (с Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией). Нынешний премьер—министр Ё. Суга также совершил свои первые зарубежные поездки во Вьетнам и Индонезию. Визиты все чаще сопровождаются договоренностями о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности. Сближение со странами АСЕАН является частью внешнеполитической стратегии Токио, в которой все более выраженной является балансирование против Пекина.

Значение ЮВА для Японии в контексте сдерживания Китая

Можно выделить несколько причин, ведущих к наращиванию японского военно-политического присутствия в регионе, и все они так или иначе связаны с растущей экспансией Китая. Во-первых, напряженность в Южно-Китайском море (ЮКМ) ставит под угрозу жизненно важные линии морских коммуника-

ций, которые будут нарушены в случае вооруженного конфликта. Через Малаккский пролив ежегодно проходит грузопоток стоимостью приблизительно 5 трлн долл., в том числе более 80% всей нефти, экспортируемой в Японию. Хотя у Японии есть возможность переориентировать поставки товаров через Ломбокский пролив, это увеличит длину торгового маршрута на 1700 км, длительность перевозок возрастет на три дня, а их стоимость – на 13 млн иен в день¹.

Экономические интересы Японии связаны с получением доступа к углеводородным ресурсам в ЮКМ. Во Вьетнаме, Индонезии, Брунее, Малайзии японские компании участвуют в разработке месторождений углеводородов вблизи акваторий, попадающих в обозначенную Китаем зону особых интересов². Под давлением Пекина японские компании уже были вынуждены отказываться от некоторых энергетических проектов (в 2007 г. компания «Идэмицу» продала долю в проекте по разработке блоков 05-2 и 05-3 во Вьетнаме)³, однако в последнее время они демонстрируют решимость отстаивать свои коммерческие интересы. В 2018 г. «Идэмицу» и «Тэйкоку ойл» заключили контракт с «ПетроВьетнам» на разработку газовых месторождений Сао Ванг и Дай Нгует блока 05-1, находящегося вблизи спорных акваторий. Недавний отказ японцев продать 30%-ю долю в этом проекте частной сингапурской компании рассматривают как подтверждение того, что Япония и Вьетнам готовы противостоять возможному давлению со стороны Китая⁴.

Японских экспертов тревожит то, что лоббирование Китаем участия своих компаний в разработке нефти совместно с Филиппинами или Вьетнамом приведет к наращиванию его присутствия в пределах «9-ти пунктирной линии», создаст ситуацию, при которой утверждение «исторических прав» Китая станет свершившимся фактом, хотя они и не признаны решением суда⁵.

Готовность Пекина решительно отстаивать свои жизненно важные интересы, по мнению Токио, ведет к нарушению морского порядка, а безнаказанность действий Китая в ЮКМ может спровоцировать нежелательную активность и в Восточно-китайском море (ВКМ), где Пекин оспаривает принадлежность островов Сэнкаку (Дяоюйдао).

Возвышение Китая ставит под угрозу военное преимущество США, которое со времен холодной войны создавало для Японии значительные плюсы как в экономике, так и в безопасности. Хотя в настоящее время Китай не имеет возможности незаметно выйти в Тихий океан из ЮКМ, что было бы необходимо в случае его намерения атаковать США с подводных лодок, в долгосрочной перспективе расширение влияния Китая в ЮКМ и превращение моря в зону китайского доминирования повлияет на стратегический ядерный баланс между США и Китаем и может снизить уровень доверия к американской системе сдерживания⁶. Япония поддерживает действия Вашингтона в ЮКМ еще и потому, что в обмен на союзническую лояльность она рассчитывает на поддержку США в вопросе островов Сэнкаку.

Для противодействия китайской активности Токио прибегает к внешнему балансированию, которое можно разделить на несколько направлений. Это стратегия интернационализации проблем ЮКМ, привлечение внешних игроков к сотрудничеству по вопросам обеспечения свободы навигации и морской безопасности в этом районе, а также активизация военно-политического сотрудничества со странами ЮВА.

Основные характеристики нынешней стратегии Японии в ЮВА

Стратегия интернационализации проблем ЮКМ реализуется Японией в отношении как стран ЮВА, так и других международных партнеров. В тексте совместных заявлений саммитов Япония–АСЕАН на протяжении нескольких лет присутствуют формулировки, касающиеся активности Китая в ЮКМ, однако политическое влияние Токио не настолько велико, чтобы мобилизовать эти страны в противостоянии Китаю⁷. Поэтому Токио лоббирует обсуждение вопросов ЮКМ и ВКМ и в рамках более широких форматов, где может заручиться поддержкой единомышленников, например, в Большой семерке, на трибуне Шангри-Ла Диалога.

Одновременно с попытками привлечь внимание мирового сообщества к действиям Китая на многосторонних площадках, Япония выносит вопросы морской безопасности и соблюдения

закона на море на повестку дня двусторонних и многосторонних форматов с другими крупными державами ИТР, например, на двусторонних и трехсторонних встречах США-Япония-Австралия, США-Япония-Индия, Япония-Индия-Австралия, а также «четверки» Япония-Австралия-Индия-США (Quad).

Единомышленниками Японии становятся и некоторые европейские страны, имеющие интересы в районе ЮКМ. В августе 2017 г. Япония и Великобритания подписали совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, включая взаимодействие в ИТР. Намерение сотрудничать в регионе обозначено в принятой в июне 2019 г. японо-французской Дорожной карте новых горизонтов исключительного партнерства, а в сентябре 2019 г. состоялся первый раунд двустороннего морского диалога. Ситуация в этом районе обсуждалась на встрече С. Абэ с А. Меркель в октябре 2014 г.

Предметом пристального внимания Японии становится и российско-китайское взаимодействие в ЮКМ. Японские аналитики отмечают, что Китай и Россия используют совместные учения как инструмент стратегической коммуникации, а их военное сотрудничество может серьезно повлиять на военный баланс в западной части Тихого океана. По мнению Т. Котани, двусторонние маневры, прошедшие вскоре после вынесения вердикта Гаагского трибунала по иску Филиппин и ставшие первым учениями Китая с иностранным государством в ЮКМ, продемонстрировали российско-китайское единство перед лицом решения суда. Он не исключает, что в будущих региональных конфликтах, например, в Тайваньском проливе, на Корейском полуострове, в ВКМ или ЮКМ, США и Япония могут оказаться перед лицом единого китайско-российского фронта⁸.

Восприятие активности Китая как вызова региональной безопасности формирует общую картину взаимодействия Японии и стран ЮВА. Их экономическое и политическое взаимодействие носит устойчивый характер, а в последнее время в двусторонних и многосторонних отношениях возрастает значение сотрудничества в сфере безопасности и обороны.

Во-первых, отличительная черта нынешнего этапа взаимодействия заключается в переходе от двустороннего к

широкому подходу, охватывающему всю Ассоциацию. Этому способствовало завершение процесса формирования Сообщества АСЕАН в 2015 г. Во-вторых, это углубление связей с традиционными партнерами и установление отношений с новыми с акцентом на те государства, которые участвуют в территориальных спорах с Китаем. В-третьих, это переход к практическому сотрудничеству, в центре которого находится помощь в наращивании возможностей стран ЮВА.

Япония участвует во встречах министров обороны АСЕАН с партнерами по диалогу (ADMM Plus). Этот формат был запущен АСЕАН в 2010 г., а с 2017 г. встречи были поставлены на ежегодную основу. В 2013 г. японские представители впервые присоединились к учениям по ликвидации последствий стихийных бедствий по линии ADMM Plus. Для Японии этот формат важен с точки зрения налаживания стратегической коммуникации со всеми странами АСЕАН, поддержания ведущей роли организации в обеспечении безопасности региона, продвижения порядка, основанного на законе⁹.

Параллельно участию в многостороннем диалоговом формате Япония инициировала самостоятельный трек военной дипломатии с Ассоциацией. На юбилейном саммите Япония-АСЕАН в 2013 г. стороны подтвердили, что являются партнерами в деле обеспечения мира и стабильности, а по итогам саммита по приглашению С. Абэ в ноябре 2014 г. состоялась первая встреча министров обороны АСЕАН и Японии.

На второй встрече министров обороны АСЕАН и Японии, прошедшей в ноябре 2016 г., по японской инициативе был принят документ «Вьентьянское видение», представляющий собой программу оборонного сотрудничества. Его основные направления включают поддержку усилий АСЕАН по продвижению принципов международного права, особенно в морской и воздушной сфере; помощь в наращивании возможностей в сфере разведки, наблюдения и сбора информации на море и в воздухе, а также в других областях с целью противостояния различным сложным ситуациям в сфере безопасности¹⁰.

В практическом плане это сотрудничество подразумевает проведение исследований, семинаров по теме соблюдения меж-

дународного права, помощь в наращивании потенциала в сфере ликвидации последствий стихийных бедствий, гуманитарного содействия, миротворчества, кибербезопасности и др., передачу оборонного оборудования и технологий, проведение совместных учений, а также образовательное сотрудничество и академические обмены¹¹.

В ноябре 2019 г. «Вьетнянское видение» было дополнено, в нем появилось упоминание об асеановском «Взгляде на ИТР» и его сочетании с японской концепцией Свободного и открытого ИТР, а также подтверждалась центральная роль АСЕАН в сотрудничестве на пространстве Индо-Тихоокеанского региона.

О повышенном внимании к налаживанию нового типа связей свидетельствует и то, что в июне 2020 г. в министерстве обороны был учрежден пост чиновника по делам АСЕАН и островов Тихого океана, целью которого является укрепление сотрудничества в сфере безопасности в духе концепции свободно-го и открытого ИТР¹².

На фоне развития отношений с АСЕАН в целом выделяются предпочтения Токио по выстраиванию тесных связей со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем – Вьетнамом, Филиппинам, а с недавнего времени – с Малайзией. В 2018 г. Япония приняла решение увеличить численность военного атташата в этих трех странах¹³.

В октябре 2011 г. Япония и **Вьетнам** подписали Меморандум о понимании по вопросам двустороннего оборонного сотрудничества и обменов, в апреле 2018 г. заявление об оборонном сотрудничестве в следующем десятилетии. В феврале 2016 г. и в июне 2019 г. прошли совместные учения по ликвидации последствий стихийных бедствий. Весной 2016 г. Силы самообороны посетили базу Камрань, которую Япония хотела бы использовать как перевалочный пункт для своих военных, направляющихся к побережью Африки для участия в антипиратской миссии¹⁴. В сентябре 2018 г. японская подводная лодка Куросио впервые совершила заход в порт Вьетнама, а через неделю состоялся ответный визит со стороны вьетнамских ВМС¹⁵.

Сотрудничество Японии и **Филиппин** в последнее время демонстрирует устойчивую динамику. В 2011 г. они провозгла-

сили стратегическое партнерство, которое в 2015 г. было повышено до уровня «укрепленного стратегического партнерства». В январе 2015 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в оборонной сфере, предусматривающий расширение военных обменов, работу по «наращиванию возможностей», совместные учения, сотрудничество по обеспечению безопасности на море, передачу военных технологий. На стадии обсуждения находится соглашение, которое позволило бы Японии использовать военные объекты на Филиппинах, как это могут делать США и Австралия.

На новый уровень выходит взаимодействие Японии и **Малайзии**. В 2015 г. было провозглашено стратегическое партнерство, дан старт сотрудничеству в сфере безопасности, организации совместных учений, содействия наращиванию возможностей за счет передачи оборонного оборудования и технологий. В апреле 2018 г. подписано соглашение о передаче оборонной техники и технологий. Япония оказывает помощь Малайзии в оснащении ее береговой охраны. По словам японского посла, она готова предложить оборудование и технологии, в том числе самолеты, корабли, радары и другую продукцию¹⁶. В сентябре 2014 г. японские эсминцы впервые остановились на малайзийской базе в ЮКМ, возвращаясь с антипиратской миссии в Сомали¹⁷.

Не менее динамично развиваются отношения с другими морскими и прибрежными государствами ЮВА.

В декабре 2016 г. Япония и **Индонезия** договорились учредить Морской форум по обсуждению актуальных проблем, связанных с обеспечением свободы судоходства и других вопросов. В мае 2015 г. был подписан меморандум о сотрудничестве и обменах в оборонной сфере, а в декабре 2015 г. – учрежден механизм встреч министров иностранных дел и обороны («два плюс два»), что стало первым случаем установления такого формата со страной АСЕАН. Тогда же начались переговоры о заключении соглашения о передаче оборонного оборудования и технологий. В марте 2015 г. подписан меморандум о военном сотрудничестве с Индонезией. Япония также заявила о намерении оказывать помощь береговой охране и в марте 2016 г. приняла решение направить персонал Сил самообороны и Управле-

ния безопасности на море с целью наращивания морских возможностей Индонезии.

Японская сторона неоднократно подтверждала желание инвестировать в развитие рыболовства, энергетики и туризма на островах Натуна, которые находятся в спорном с Китаем районе и где расположена индонезийская военная база.

Сингапур стал первой страной в ЮВА, с которой Япония в 2009 г. подписала меморандум об оборонном сотрудничестве и обменах. Отношения включают визиты, политический диалог, переговоры по линии штабов, визиты в порты, участие в семинарах и обучающих программах.

С **Таиландом** в 2012 г. установлено стратегическое партнерство. Еще в 2016 г. во время визита министра обороны Г. Накатани были достигнуты договоренности об активизации оборонного сотрудничества, а также обсуждалась возможность получения японского оборудования и вооружений. В 2019 г. был подписан меморандум об оборонном сотрудничестве и обменах.

Тесные отношения установились с **Мьянмой**. В сентябре 2013 г. тренировочное подразделение морских сил самообороны впервые зашло в порт Янгон. В ноябре 2013 г. прошли первые консультации оборонных ведомств, в мае 2014 г. начальник объединенного штаба впервые посетил Мьянму. В 2016 г. состоялся визит министра обороны Г. Накатани, в ходе которого обсуждались перспективы укрепления военного сотрудничества. С 2014 г. реализуется программа обучения военных офицеров Мьянмы, а также научных обменов, по которой курсанты проходят стажировку в японской Академии национальной обороны.

Особенности военно-технического сотрудничества Японии и стран ЮВА

Основным направлением взаимодействия в сфере безопасности Японии и стран АСЕАН стала помощь в наращивании возможностей (*capacity building*). За счет поставок военной техники и оборудования Токио рассчитывает улучшить их возможности патрулирования прилегающих акваторий, что позволит предотвратить незаметный захват Китаем соседних территорий, а также отследить передвижения его подводных лодок.

Япония, не так давно снявшая запрет на военный экспорт, заинтересована в выходе на внешний рынок. Модернизация ВС стран региона создает спрос на вооружение и оборудование, что открывает возможности для продвижения японской продукции.

Япония на протяжении многих лет оказывает странам региона официальную помощь развитию (ОПР), однако до недавнего она не предусматривала военного компонента. С пересмотром Устава ОПР в 2015 г. стало возможным содействие ВС стран-реципиентов, при условии, что оно будет направлено на невоенные цели. Через механизм ОПР Япония в рамках проекта по улучшению морской безопасности проводит передачу оборудования для береговой охраны Филиппин и Вьетнама. В июне 2015 г. было заключено соглашение о продаже Филиппинам 10 патрульных кораблей на условиях низкопроцентного кредита в 150 млн долл. Заявленные цели использования кораблей включают поиск и спасение, борьбу с терроризмом, однако официальные лица Филиппин не исключают возможности их задействования для решения проблем безопасности, будь то размещение на юге Филиппин с целью борьбы с морским пиратством или наращивание возможностей патрулирования вод с учетом поведения Китая¹⁸.

Вьетнаму также были переданы шесть подержанных кораблей, ведется строительство шести новых кораблей, которые он получит на условиях низкопроцентного кредита в рамках ОПР.

1 апреля 2014 г. были утверждены «Три принципа передачи продукции военного назначения», разрешившие японским компаниям поставки военной продукции союзникам Японии и дружественным государствам, а в июне 2017 г. внесены поправки в закон о Силах самообороны, позволяющие передачу за рубеж списанного военного оборудования. Помимо возможности выйти на рынок вооружений стран ЮВА стороны интересуют перспектива налаживания совместного производства.

Представители японского министерства обороны неоднократно выражали намерение наладить экспорт вооружений в этот субрегион. После военного салона *Maritime Air Systems and Technologies Asia*, который прошел недалеко от Токио летом 2017 г., военные представители из Индонезии, Малайзии, Фи-

липпин, Сингапура, Таиланда и Вьетнама были приглашены на отдельный семинар по военным технологиям¹⁹.

В феврале 2016 г. подписано соглашение, разрешающее передачу японского военного оборудования и технологий Филиппинам, а также участие в совместных технологических разработках. Это стало первым военным соглашением такого рода со страной ЮВА. Филиппины безвозмездно получили пять патрульных самолетов ТС-90 «Бичкрафт эйр кинг», способных преодолевать расстояние до 1900 км. Помимо передачи техники Япония провела обучение филиппинских пилотов на авиабазе Токусима и направила инженеров для проведения техосмотра самолетов. В июне 2018 г. министры обороны подтвердили, что Япония безвозмездно передаст запасные части вертолетов УН-1Н²⁰.

В августе 2020 г. «Мицубиси электрик» подписала контракт на сумму порядка 103.5 млн долл. на продажу Филиппинам радаров системы оповещения и контроля. Это первый случай экспорта Японией готового оборонного продукта. Ранее Япония продавала только запасные части оборудования²¹. Система позволит отслеживать активность в районе пролива Баши, разделяющего Филиппины и Тайвань. Одновременно в СМИ появилась информация о том, что Токио хочет заключить соглашение об обмене данными, полученными этими радарными. Япония смогла бы следить за китайской активностью в проливе Баши, в обмен предоставляя Филиппинам информацию со своих радаров на Окинаве²².

В марте 2020 г. была достигнута договоренность о передаче Японией Вьетнаму технологий строительства военных кораблей²³. По итогам поездки Ё. Суга в октябре 2020 г. было подписано соглашение о передаче Вьетнаму военного оборудования и технологий.

В ходе визита Ё. Суга в Индонезию также обсуждалось намерение заключить соглашение о передаче оборудования и технологий. По сообщениям СМИ, министерство обороны планирует экспортировать в Индонезию истребители²⁴. Еще одним потенциальным покупателем японского оборудования является Таиланд. Он выразил интерес к приобретению патрульного самолета P1, а также спасательного амфибийного самолета US-2.

По сообщениям СМИ, в 2016 г. Япония также предлагала Таиланду систему воздушных оборонных радаров.

Интерес для стран региона представляют списанные морские патрульные самолеты «Р 3С Орион», произведенные в Японии компанией «Кавасаки» по лицензии «Локхид Мартин». Они оснащены передовым оборудованием, позволяющим обнаруживать подводные лодки противника. С предложением приобрести эти самолеты к Японии обращались Филиппины, Вьетнам и Малайзия²⁵.

Преимущества японских вооружений в глазах стран ЮВА заключаются в возможности приобретать по льготной цене списанные, но находящиеся в хорошем состоянии передовые образцы техники, многие из которых были произведены по американской лицензии в Японии. Токио готов поводить обучение использованию этой техники, а ее применение в совместных учениях позволит закрепить операционные навыки. В отличие от США, Япония более терпимо подходит к вопросам соблюдения демократии и защиты прав человека в странах региона, поэтому вряд ли будет использовать вопросы экспорта вооружений как средство давления на недемократические режимы, как это нередко делают США.

Передавая странам ЮВА неиспользуемое вооружение безвозмездно или по льготной цене, Япония не только находит применение списанному оборудованию, но и помогает странам ЮВА в охране морских границ, а также стремится заручиться их политической поддержкой и разбавить влияние Китая, который за счет продажи оружия и содействия развитию завоевывает симпатии прибрежных стран.

Силы самообороны в ЮКМ

Новой тенденцией является растущее присутствие Сил самообороны в ЮКМ, приобретающее более диверсифицированный характер. Примерно с 2016 г. Япония регулярно участвует в двусторонних учениях с Филиппинами, с Вьетнамом, с США, а также в многосторонних маневрах. В 2017 г. она впервые присоединилась к американо-филиппинским учениям «Баликатан», а в 2018 г. они прошли с участием Японии и Австралии. В мае 2019 г. японские боевые корабли проводили сов-

местные маневры с США, Индией и Филиппинами, а также с США, Австралией и Францией. В сентябре 2018 г. состоялись японо-британские учения в Индийском океане²⁶.

Регулярной практикой стали заходы в порты японской военной техники. В 2016 г. два японских истребителя впервые посетили военный аэропорт Вьетнама, а в сентябре 2018 г. состоялся первый заход в порт Камрань японской подводной лодки «Курисио», участвующей в учениях в ЮКМ. Часто корабли Сил самообороны останавливаются в портах ЮВА по пути в Аденский залив, где участвуют в антипиратской миссии, причем если традиционно раньше Япония предпочитала останавливаться в Сингапуре, то теперь перевалочными пунктами становятся Вьетнам, Филиппины, Малайзия.

В то же время японское военное присутствие имеет и свои пределы. Это касается вопроса о присоединении Японии к патрулям по обеспечению свободы навигации в ЮКМ (FONOP). Американцы не раз намекали японской стороне на желательность такого участия, однако получали уклончивые ответы. По словам С. Абэ, Япония могла бы участвовать в совместных миссиях по сбору информации, разведке с воздуха с США. Японские эксперты рассматривают вариант участия в многосторонних наблюдательных миссиях, которые бы включали Австралию и страны АСЕАН²⁷, однако на настоящий момент перехода такого сотрудничества в практическую плоскость не произошло.

Выводы

В настоящее время на первый план в японской стратегии в ЮВА выходят задачи противодействия китайскому доминированию в ЮКМ и увеличения собственного влияния в этом районе. Вопросы морской безопасности и соблюдения закона на море, обеспечение свободы навигации в ЮКМ и внимание к морским территориальным спорам в этом районе стали неотъемлемой частью японской дипломатии. Токио стремится привлечь внимание максимального числа международных игроков к ситуации в этом районе, используя для этого как двусторонние, так и многосторонние форматы.

Появление в 2016 г. Стратегии свободного и открытого ИТР также определяет особое внимание к ЮВА, соединяющей

два океана. Токио стремится заручиться поддержкой со стороны АСЕАН своей Индо-Тихоокеанской стратегии, что приводит к активизации военно-политического взаимодействия.

Новый этап отношений характеризуется повышенным вниманием к оборонному сотрудничеству, при этом от отдельных двусторонних контактов Токио перешел к диалогу с Ассоциацией в целом, предложив развернутую программу военного взаимодействия.

Двустороннее военно-политическое сотрудничество набирает темпы с момента прихода к власти премьер-министра С. Абэ (2012–2020 гг.) и демонстрирует преемственность при Ё. Суга. Приоритетными партнерами Японии являются страны, имеющие противоречия с Китаем – Вьетнам, Филиппины, Малайзия.

Токио оказывает помощь в наращивании возможностей стран ЮВА, оснащая их береговую охрану, позволяя им более эффективно патрулировать морское пространство, не только охранять границы, но и отслеживать деятельность китайских подводных лодок. Если рассматривать стратегию Японии в ЮВА в сочетании с ее дипломатическими усилиями в прилегающих регионах, прежде всего, в районе Индийского океана, то можно сделать вывод о том, что Япония стремится выстроить на этом пространстве систему сдерживания Китая, чтобы контролировать его действия как выходе как в Тихий, так и в Индийский океан.

ЮВА рассматривается Японией как перспективный рынок для своих вооружений и военных технологий. Военно-техническое сотрудничество находится в начальной стадии и трудно сказать, насколько оно будет успешным, однако у японского предложения есть свои преимущества.

Военное присутствие Японии в ЮВА носит долгосрочный характер и направлено на увеличение политической роли в регионе, а ее участие в военных учениях, визиты кораблей, подводных лодок дают сигнал Китаю о том, что она не допустит установления его гегемонии на этом пространстве.

- ¹ 小谷 哲男.南シナ海危機と重要影響事態：切れ目としての船舶検査とアセット防護 (Т.Котани. Кризис в ЮКМ и «чрезвычайные ситуации»: инспекции судов и охрана собственности)// 安全保障政策のリアリティ・チェック . (Проверка на практике политики обеспечения безопасности) 2017. JIIA. P.47. URL: http://www2.jiia.or.jp/pdf/research/H28_Security_Policy/05-kotani.pdf
- ² R.Drifte. Japan's Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”? PRIF Report No. 140. Peace research Institute Frankfurt. 2016. P.9-11. URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif140.pdf
- ³ R.Drifte. Japan's Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”? PRIF Report No. 140. Peace research Institute Frankfurt. 2016. P.10. URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif140.pdf
- ⁴ Japan Inc readies for face off with Beijing offshore Vietnam. – Energy voice. 25.11.2020. URL: <https://www.energyvoice.com/oilandgas/asia/281536/japan-face-off-beijing-offshore-vietnam/>
- ⁵ 原田 有. 南シナ海の今—中比越の動向を焦点に (Ю Харада. ЮКМ сейчас - тенденции взаимодействия Китая, Филиппин и Вьетнама). NIDS commentary #76. 18.06.2018 URL: <http://www.nids.mod.go.jp/publication/commentary/pdf/commentary076.pdf>
- ⁶ 小谷 哲男.南シナ海危機と重要影響事態... Стр.48.
- ⁷ Добринская О.А. Южно-Китайское море и интересы Японии // Мировое развитие. Выпуск 17. Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики. М.: ИМЭМО. 2017. С.11.
- ⁸ Tetsuo Kotani. China and Russia in the Western Pacific: implications for Japan and the United States. 18.04.2019. Maritime awareness project. P.4-6. The national bureau of Asian research. URL: <https://www.nbr.org/publication/china-and-russia-in-the-western-pacific-implications-for-japan-and-the-united-states/>
- ⁹ K.Jimbo. The ADMM-Plus and the Future of Defense Diplomacy in the Asia-Pacific. //Asia Policy. No. 22 (JULY 2016). P.105.
- ¹⁰ Vientiane Vision: Japan's Defense Cooperation Initiative with ASEAN. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/exc/vientianevision/pdf/161116_1.pdf
- ¹¹ Vientiane Vision: Japan's Defense Cooperation Initiative...
- ¹² Japan Defense Ministry to create post for ASEAN affairs. Japan times. 28.06.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/06/28/national/politics-diplomacy/japan-defense-ministry-asean-post/>
- ¹³ <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3378507>
- ¹⁴ Satake T. Japan and Australia ramp up defence engagement in the South China Sea.26 April 2016. NIDS. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/04/26/japan-and-australia-ramp-up-defence-engagement-in-the-south-china-sea/>
- ¹⁵ Japan and the South China sea/ Bonji Ohara/ The South China Sea: From a Regional Maritime Dispute to Geo-Strategic ... Leszek Buszynski, Do Thanh Hai. P.2009.

¹⁶ Japan keen to offer new defence equipment. A JALIL HAMID. URL: <https://www.nst.com.my/news/nation/2018/12/444993/japan-keen-offer-new-defence-equipment>

¹⁷ East Asian strategic review.2015. P.144

¹⁸ <https://thediomat.com/2018/03/a-big-week-for-japan-philippines-defense-ties/>

¹⁹ Japanese arms makers muster at MAST to build ties with Southeast Asia.11.06.2017. The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/06/11/national/politics-diplomacy/arms-show-offers-japan-venue-build-military-ties-southeast-asia/#.Xv3puG5uLIU>

²⁰ East Asian strategic review. 2019. Tokyo. NIDS. p.111.

²¹ Japan Strikes First Arms Export Deal — Can Tokyo Find More Buyers For Its Pricey Weapons? (forbes.com). URL: www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2020/09/11/japan-strikes-first-arms-export-deal-can-tokyo-find-more-buyers-for-its-pricy-weapons/?sh=51d000de2a5e

²² Japan Strikes First Arms Export Deal — Can Tokyo Find More Buyers...

²³ Japan to transfer military shipbuilding technology to Vietnam. VN Express international. 3.03.2020. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/japan-to-transfer-military-shipbuilding-technology-to-vietnam-4063193.html>

Japan Plans to Export MSDF Destroyer to Indonesia. Nippon. 4.11.2020. URL:<https://www.nippon.com/en/news/yjj2020110401186/>

²⁵ Exclusive: Japan seeks Southeast Asia clout with chopper parts for Philippines military - sources | Reuters.10.-08.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-japan-idUSKBN150150>

²⁶ Japanese carrier drills with British warship heading to contested South China Sea. Reuters. 27.09.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-defence-britain/japanese-carrier-drills-with-british-warship-heading-to-contested-south-china-sea-idUSKCN1M7003>

²⁷ M.Nishihara. Japan's Emerging Security Role in Southeast Asia. P.3. REGIONAL OUTLOOK FORUM 2016. 12.01.2016. Shangri-La Hotel Singapore. Discussion paper.

Мельничук Софья Аркадьевна

аспирант Дипломатической академии МИД России,

Россия, Москва,

somelnichuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8224-6615>

ПОЛИТИКА КНР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СУВЕРЕНИТЕТА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: КТО ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ

Аннотация: В статье дается обзор стратегии КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море, а также рассмотрены ответственные за ее осуществление субъекты. Автор принял попытку анализа роли гражданских, военных и административных органов Китая в осуществлении мер по установлению контроля над акваторией и спорными островами и рифами в ЮКМ. С 2013 г. китайское руководство не только активно модернизировало ведомства, участвующие в обеспечении национальных интересов на море, но и проводило реформы, направленные на централизацию работы и усиление взаимодействия этих структур. Такая тактика привела к тому, что на сегодняшний день закрепление Китая в водах ЮКМ, на которые он претендует, достигло «точки невозврата».

Ключевые слова: *Китай, Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море, Азиатско-Тихоокеанский регион, проблемы безопасности, КНР, Народная вооруженная милиция КНР, Народное ополчение КНР, Закон о морской полиции КНР*

Для цитирования: Мельничук С.А. Политика КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море: кто защищает интересы Китая // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 65–78. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-065-078

China's Policy to Ensure Sovereignty in the South China Sea: Who Defends China's Interests

Abstract: The article provides an overview of the PRC's strategy to ensure sovereignty in the South China Sea, as well as of the subjects responsible for its implementation. In her work, the author attempted to analyze the role of civil, military and administrative bodies in the implementation of measures to establish control over the maritime zone and disputed islands and reefs in the SCS. Since 2013, the Chinese leadership has not only actively modernized the departments involved in ensuring China's maritime interests, but also carried out reforms aimed at centralizing the work and strengthening the interaction of these structures. This tactic has led to the fact that today the consolidation of China in the waters of the SCS, to which it claims, has reached the "point of no return".

Keywords: *China, South East Asia, South China Sea, Asia-Pacific region, security, PRC, People's Armed Police, Maritime Militia, Coast Guard Law of the PRC*

Melnichuk S.A., Graduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia, Moscow, somelnichuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8224-6615>

For citation: Melnichuk S.A. China's Policy to Ensure Sovereignty in the South China Sea: Who Defends China's Interests. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 65–78. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-065-078

С приходом к власти в КНР пятого поколения руководителей в 2013 г., международное сообщество наблюдает, как Пекин проводит все более активную политику по обеспечению своих интересов в Южно-Китайском море (ЮКМ). МИД страны выпускает резкие заявления, касающиеся принадлежности акватории и островов ЮКМ, а руководство страны инициировало реформы гражданских и военных структур, в обязанности которых входит защита интересов КНР. Стратегия Пекина, направленная на фактическое установление контроля над спорными территориями в ЮКМ и достижением *fait accompli*, получила

название «капустная стратегия» или «стратегия салями». Она заключается в создании вокруг спорных Парасельских островов (по кит. Сиша) и архипелага Спратли (по кит. Наньша) кордона из гражданских и полувоенных судов, а также в проведении дноуглубительных работ на островах и рифах и установкой на них гражданской и военной инфраструктуры. Таким образом, Китай «слой за слоем» отсекает других игроков от островов и «покрывает» объекты, на которые претендует, «листьям капусты» – инфраструктурой, окружает патрульными кораблями, устанавливая фактический единоличный контроль над акваторией.

В обеспечении суверенитета КНР в ЮКМ можно выделить несколько важных субъектов: административные, правоохранительные и военные.

Административные органы. Власти провинций Хайнань, Гуандун, Гуанси ответственны за проведение административной и экономической политики в Южно-Китайском море. В частности, администрация Хайнаня ответственна за острова, на которые есть претензии у КНР в ЮКМ¹. В апреле 2020 г. Госсовет КНР объявил о создании двух новых районов городского подчинения – Сиша (西沙区) и Наньша (南沙区) в городе Саньша (三沙市) провинции Хайнань. В административный район Сиша вошли острова Сиша, Чжунша Парасельского архипелага и близлежащие к ним воды, районная управа расположена на острове Вуди. Под управлением района Наньша оказался остров Наньша и близлежащие воды, а управа расположилась на рифе Файери-Кросс. Таким образом руководство КНР демонстрирует, что осуществляет реальное управление островами в спорных водах, на которые распространяется суверенитет республики.

Город Саньша появился на острове Вуди по решению Госсовета в 2012 г. Он стал форпостом Пекина в Южно-Китайском море, его администрация ответственна за управление всеми китайскими сооружениями на рукотворных островах. Под его юрисдикцию попадает 280 островов, рифов, мелководий и других объектов в акватории ЮКМ с населением в общей сложности 1 800 человек². Территория, находящаяся под управлением городского округа Саньша, входящего в провинцию

Хайнань, покрывает практически все пространство, на которое претендует КНР в Южно-Китайском море.

Именно с 2012 г. международные наблюдатели отмечали быстрое развитие города Сяньша и острова Вуди. К 2020 г. в городе открылась школа, появились новые объекты инфраструктуры, в том числе, телекоммуникационные и логистические, развивается туристическая индустрия³. Кроме того, в Сяньша постоянно внедряются новые формы местного управления: там появились новые муниципальные ведомства: четыре рабочих комитета и административных или уличных комитетов управления, а также десять домовых комитетов. Наличие госучреждений выполняет ряд важных практических функций от разработки местной политики до управления локальной инфраструктурой, развития индустрий, проведение пропагандистской работы, а также управление военизированными формированиями, действующими в ЮКМ.

Еще один гражданский субъект обеспечения КНР суверенитета в акватории ЮКМ – Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (КНШНК) или *China National Offshore Oil Corporation*, которая действует под патронажем Комитета по контролю и управлению государственным имуществом — специального комитета при Госсовете КНР. Руководство компании назначается Организационным отделом ЦК КПК и утверждается Политбюро КПК⁴. КНШНК занимается разведкой и разработкой прибрежных газовых и нефтяных месторождений⁵.

Госкомпания оказалась в центре территориальных споров в ЮКМ в 2012 г., когда стало известно, что она намерена открыть девять нефтяных месторождений для совместной разработки с иностранными компаниями в спорном регионе вблизи берегов Вьетнама, которые Ханой уже передал для разработки российской компании «Газпром»⁶. Некоторые из месторождений находились в пределах вьетнамской эксклюзивной экономической зоны – 200 морских миль от побережья, гарантированной стране Конвенцией ООН по морскому праву (UNCLOS). При этом ближайший остров, общепринято принадлежащий Китаю – Хайнань – находится в 230 морских милях от месторождений.

Ханой опротестовал решение китайской госкомпании, назвал его нарушением суверенитета Вьетнама. В Пекине заявили, что тендер компании не согласован с руководством страны и является «простым ведением коммерческой деятельности» со стороны КНШНК⁷. Подразумевалось под таким заявлением то, что данные месторождения находятся в пределах девятипунктирной линии – акватории, на которую претендует КНР. Таким образом, КНШНК действует в акватории Южно-Китайского моря вопреки протестам соседних стран, мотивируя это тем, что китайские компании имеют право на разработку ресурсов в суверенных водах КНР.

Еще одно административное ведомство, в обязанности которого входит обеспечение суверенитета Китая в ЮКМ – Управление морской безопасности (海事局) Хайнаня. Оно находится в ведении Министерства транспорта провинции Хайнань. Под юрисдикцией Хайнаньского отделения Управления находится 2 млн кв. км акватории или две трети всех вод, на которые претендует КНР, в том числе, акватория, входящая в ведение городского округа Саньша. В задачи Управления входит проверка и регистрация китайских и иностранных судов, расследование аварий на море, обеспечение контроля над судоходством, обеспечение навигации, претворение в жизнь государственного и международного морского права, розыскные и спасательные работы на море, а также защита суверенитета Китая в подведомственных водах.

Командование по надзору за рыбохозяйственной деятельностью (中国渔政) также является административным органом и подчиняется Министерству сельского хозяйства. Командование ответственно за обеспечение соблюдения правил в отношении рыболовного промысла и других морских ресурсов в пределах китайских территориальных вод и эксклюзивной экономической зоны. Оно также отвечает за защиту китайских рыболовецких судов и рыбаков, разрешение споров и предотвращение нелегального промысла.

Правоохранительные органы. Наряду с гражданскими ведомствами, обеспечением суверенитета Китая в ЮКМ занимаются правоохранительные органы на море. До 2013 г. работа ведомств не была четко разделена и организована, из-за чего

различные подразделения «перетягивали» друг у друга полномочия, сотрудничество было налажено плохо, а органы не делились данными друг с другом. С приходом к власти председателя КНР Си Цзиньпина в 2013 г. началось упорядочение как вертикали, так и горизонтالي межведомственных отношений с целью усиления эффективности их работы.

До 2013 г. в Китае действовало пять гражданских правоохранительных ведомств на море, каждый под отдельным командованием. В марте 2013 г. на Всекитайском собрании народных представителей было объявлено об учреждении Государственного океанологического управления (海洋局) – обновленной Государственной океанической администрации в качестве координационного органа высокого уровня, объединяющего обязанности Океанической администрации, Бюро по контролю за морскими территориями, Береговой охраны, Командования по надзору за рыбохозяйственной деятельностью и Главного таможенного управления, получивших название «пяти драконов, управляющих морем» (五龙治海)⁸.

В 2013 г. также было создано Управление морской полиции КНР или Береговая охрана (中国海警), оно находилось под совместным управлением Государственного океанологического управления и Министерства госбезопасности. Однако в 2017 г. началась реформа одной из структур Вооруженных сил КНР – Народной вооруженной милиции (中国人民武装警察部队)⁹, и в 2018 г. Управление морской полиции полностью перевели в ее ведение. Таким образом, появился новый орган – Корпус береговой охраны Народной вооруженной милиции Китая или морская полиция (中国人民武装警察部队海警总队), который вывели из ведения Госсовета и полностью перевели под управление Вооруженных сил. Таким образом, Береговая охрана перестала быть гражданско-военным ведомством. В 2018 г. было официально объявлено, что в обязанности Народной вооруженной милиции входит обеспечение закона КНР на море (海上维权).

Слияние Береговой охраны и Народной вооруженной милиции позволяет Пекину проводить более организованную политику по защите своих интересов в ЮКМ. Это было продемонстрировано сразу после «вливания» Береговой охраны в Воору-

женные силы КНР: в мае 2018 г. уже в составе военного командования Корпус береговой охраны провел патрулирование спорного Парасельского архипелага.

За 10 лет с 2010 г. флот больших патрульных кораблей Береговой охраны (более 1000 тонн) увеличился более чем вдвое с примерно 60 до более 130 кораблей, что сделало его самым крупным ведомством береговой охраны в мире и увеличило его способность проводить операции с море, в том числе, в спорных акваториях. Новые корабли значительно крупнее и мощнее, чем старые, и большинство из них оснащено вертолетным оборудованием, водометами большой мощности и орудиями от 30 до 76 мм. В частности, известно, что на вооружении у Береговой охраны находятся универсальная корабельная артиллерия Н/Р/26 калибра 76 мм¹⁰, которая является китайским аналогом российской установки АК-176. Некоторые из этих кораблей способны выполнять продолжительные операции в море. Кроме того, Береговая охрана имеет более 70 быстроходных патрульных судов (более 500 тонн), более 400 прибрежных патрульных судов и примерно 1000 прибрежных и речных патрульных катеров¹¹.

С февраля 2021 г. согласно новому Закону о морской полиции КНР (中华人民共和国海警法), основной задачей Корпуса береговой охраны является обеспечение соблюдения закона КНР, поддержание порядка и безопасности на море, борьба с контрабандой, надзор за морскими ресурсами и их разработкой, защита окружающей среды, принятие необходимых мер для защиты островов и рифов, а также искусственных островов, объектов и сооружений в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Китая. Административные органы не имеют права вмешиваться в работу Корпуса. Кроме того, в законе отмечается, что Береговая охрана при опасности незаконного посягательства на суверенитет КНР имеет право применять любые необходимые действия, в том числе, открывать огонь, против иностранных судов, которые нелегально находятся в водах, на которые претендует КНР¹².

К правоохранительным органам на море можно также отнести отряды Народного ополчения на море (中国海上民兵). В западной литературе их также называют *maritime militia* – «мор-

ская милиция». Следует отметить, что Народное ополчение не входит в состав Вооруженных сил КНР, а квалифицируется как «резервная сила» – *хоубэй лилян* (后备力量)¹³. Ополчение также нельзя отождествлять с реальным резервным составом НОАК, для обозначения которого используется другой термин – *юбэйи будуй* (预备役部队).

Народное ополчение выполняет три главные функции: поддержка НОАК в защите Китая от внешних угроз, помощь в обеспечении внутренней безопасности КНР и помощь в спасательных работах. Об этом же говорится в «Белой книге» по обороне КНР 2019 г. В документе также указано, что с 2012 г. на службу было призвано 1,41 миллиона народных ополченцев. Подразделения народных ополченцев – отряды, формируемые провинциальными властями для поддержки сил национальной обороны. Выработка регламента обязанностей отрядов народного ополчения предписывается провинциям Национальным комитетом по обороне Центрального военного совета КНР, который возглавляют генералы НОАК. Военные округа НОАК направляют требования по формированию народного ополчения руководству провинции либо партийному аппарату провинции, которые затем формируют и финансируют создание отряда народного ополчения и вносят их в свои социально-экономические планы. Подготовкой и тренировкой ополченцев затем занимаются местные командования НОАК – военные округа или нижестоящие военные подразделения. В случае с морской милицией по запросу к технической подготовке кадров могут подключаться другие органы, например, Береговая охрана или Управление морской безопасности. Финансируется подготовка и деятельность народного ополчения как центральными, так и местными властями¹⁴.

Отряды морского народного ополчения также проходят совместные учения (军警民联防) с военными. Организация работы такой системы обороны входила в обязанности командований НОАК в пограничных и прибрежных регионах, например, на гарнизоне на островах Саньша или острове Вуди¹⁵. Подразделения морского народного ополчения проходят военные учения непосредственно под руководством ВМС, однако носят

свою милицейскую униформу, а служба отрядов народного ополчения остается с юридической точки зрения гражданской.

Такая система «двойного подчинения» (双重领导) отрядов народного ополчения играет на руку китайским властям. С одной стороны, они не являются полноценным подразделением НОАК, хотя находятся под частичным управлением военных органов. Одновременно подчиняются гражданским властям, которые также напрямую участвуют в их комплектации и финансировании. Это позволяет отрядам морского народного ополчения иметь большую свободу действий в сфере поддержания и обеспечения национальных интересов и морских притязаний Китая в Южно-Китайском море. Таким образом, формально территории, на которые претендует Китай, охраняют «невоенные военнослужащие», что позволяет избегать усиления напряженности в регионе ЮКМ и горячих столкновений между вооруженными силами участников спора.

Морское народное ополчение все чаще обвиняют в запугивании судов других государств. Понимание роли ополченцев в обеспечении китайских интересов необходимо всем сторонам, вовлеченным в конфликт в ЮКМ, так как незнание функций и обязанностей морского ополчения могут повлечь за собой серьезные последствия, эскалацию конфликта и его переход в горячую стадию.

Суда морской милиции, как правило, не предпринимают каких-либо агрессивных действий, а просто присутствуют в районах спорных островов и водных территорий. Всякий раз, когда рыболовецкое или разведывательное судно другой страны приближается к районам, которые КНР определяет, как принадлежащие ей, корабли морской милиции подходят к ним на расстояние, достаточное для того, чтобы противник понимал, что данная территория «занята», и не мог предпринять каких-либо действий, из опасений вступить в конфликт с китайским судном.

В то же время, в последние годы Китай модернизирует рыболовецкие суда, участвующие в патрулировании акваторий ЮКМ: вместо деревянных траулеров, все чаще появляются суда со стальными корпусами. Это, с одной стороны, позволяет рыбакам вести промысел на глубоководье, с другой – позволяет им участвовать в военных операциях с применением таких тактик

как таран и навал. Пример подобного использования судна «морской милиции» произошел в июне 2014 г. в ходе противостояния китайских и вьетнамских судов у буровой платформы «Хайян Шию 981», которую Китай возвел в исключительной экономической зоне Вьетнама. Подобные инциденты происходили также в марте 2019 г. и в апреле 2020 г. В 2019 г. Китай развернул корабли НОАК, Береговой охраны в ответ на вьетнамские и малайзийские буровые работы в пределах заявленной Китаем девятипунктурной линии и развертывания Филиппинами строительных работ на острове Титу.

Военные органы. В реализации курса руководства КНР на обеспечение суверенитета в ЮКМ особое место занимает армия, в ведение которой входит обеспечение безопасности на морях, прилегающих к КНР. Военно-морские силы НОАК напрямую не участвуют в обеспечении суверенитета Китая над спорными акваторией и островами в ЮКМ. Как говорится в «Белой книге» по обороне 2013 г., «ВМС помогает в поддержании безопасности китайским правоохранительным органам на море, рыбной ловли, нефтяных и газовых месторождений. В структуре ВМС существует механизм взаимодействия и координации действий с морскими правоохранительными органами и управления рыбной ловлей, а также с военно-полицейско-гражданской системой обороны»¹⁶. Тем не менее, фактически контроль над территориями, на которые претендует КНР, осуществляется при активном участии ВМС.

С 2015 г. в Китае высшее руководство провозгласило реформу вооруженных сил, в том числе, военно-морских. Важным аспектом реформы является усиление авторитета главы Центрального военного совета – Си Цзиньпина в военной иерархии. Спустя два года после прихода к власти Си Цзиньпин объявил о всеобъемлющем плане самой крупной военной реформы со времен образования КНР¹⁷: был создан единый центр боевого управления для улучшения координации работы различных подразделений, 7 военных округов были заменены 5 объединенными командованиями театра военных действий, изменилась система подготовки военных, система военного правосудия, а также механизм взаимодействия между гражданскими и военными структурами, число военнослужащих уменьшилось на 300

тысяч человек. Первоочередной целью реформы является превращение НОАК в более эффективную, технологичную боевую силу, а также установление политического контроля над военными. Строгая подчиненность НОАК партии, а не государству и до этого подчеркивалась китайским руководством, однако Председатель КНР Си Цзиньпин особенно обращает внимание на эту особенность китайских вооруженных сил.

В сентябре 2020 г. китайский военно-морской флот стал самым крупным в мире, сообщалось в докладе Министерства обороны США конгрессу. ВМС НОАК становится все более современной и гибкой силой, которая сосредоточена на замещении устаревшей боевой техники с ограниченными возможностями новыми, более крупными и многофункциональными вооружениями. Флот КНР в общей сложности насчитывает около 300 кораблей и подводных лодок и около 130 крупных надводных кораблей. Уже в 2019 г. ВМС Китая большей частью был оснащен новейшими многофункциональными радарными и ракетными установками, в том числе, противокорабельными, противовоздушными, противолодочными. Китайские власти продолжают активную работу над модернизацией флота, которая охватывает производство подводных лодок, надводных боевых кораблей, десантных кораблей, авианосцев, вспомогательных судов, а также над разработкой и установкой на суда современного оружия, датчиков обнаружения.

Особенно важен Южный флот ВМС КНР, который главным образом нацелен на обеспечение безопасности в ЮКМ. Зона ответственности Южного командования охватывает материковую и морскую части Юго-Восточной Азии, включая Южно-Китайское море. Таким образом, данный орган ответственен за обеспечение суверенитета Китая в ЮКМ и реагирование на попытки оспорить его, а также реагирование на операции США по «защите свободы судоходства в Южно-Китайском море». В его обязанности также входит обеспечение безопасности морских коммуникаций, и поддержка командования Восточного театра военных действий при ситуации военных действий в Тайваньском проливе. Подразделения НОАК, расположенные в Командовании Южного театра военных действий, включают две ар-

мейские группировки, военно-морской флот, две бригады морской пехоты, две базы ВВС и две базы ракетных войск.

В 2019 г. подразделения Южного командования театра военных действий провели несколько учений с боевой стрельбой и десантированием вблизи оккупированных КНР объектов в ЮКМ. Командование Южного театра военных действий также играет значительную роль в двусторонних и многосторонних учениях НОАК со странами Юго-Восточной Азии, участвуя в антитеррористических и военно-морских учениях¹⁸.

Заключение. Реформы НОАК, как и преобразования в структуре Народной вооруженной милиции преследуют как политические, так и организационные цели. К первым можно отнести укрепление личного влияния председателя КНР и главы Центрального военного совета Си Цзиньпина. С точки зрения организационной структуры реформы НОАК в большей степени направлены на централизацию командования и смещение с руководящих постов коррумпированных офицеров. В то же время, изменения в Народной вооруженной милиции нацелены на консолидацию работы ведомств, ответственных за обеспечение политики КНР на море, уменьшение контроля со стороны гражданских органов и введение их под управление военных.

Включение службы Береговой охраны в структуру Вооруженных сил позволяет Пекину расширить свое влияние в ЮКМ, продвигая более тесное сотрудничество Береговой охраны с Военно-морским флотом. Раньше это затрудняла подотчетность службы береговой охраны Государственному океанологическому управлению, однако с 2018 г. эта проблемы была разрешена.

В заключение необходимо отметить, что в последние годы политика КНР по обеспечению суверенитета в ЮКМ дает результаты. Стороны территориальных споров, а также США долгое время не предпринимали серьезных шагов по противодействию Китаю. За это время в Китае в результате реформ правоохранительных и военных ведомств, закончилась, как отмечалось в газете «Жэньминь жибао», «эпоха многоведомственного управления китайскими морями» и наступило время «централизованного, эффективного, согласованного законного управления».

¹ 民政部关于国务院批准海南省三沙市设立市辖区的公告(Миньчжэнбу гуаньюй гоуюань пичжунь хайнаньшэн санышаши шэли шисяцюдэ гунгао). URL:

http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-04/19/content_5504215.htm

² 国务院批准三沙市设立市辖区(Гоуюань пичжунь Санышаши шэли шисяцуй). URL:

<http://www.sansha.gov.cn/sansha/ssgk/ssgk.shtml>

³ Yamaguchi, S., Creating Facts on the Sea: China's Plan to Establish Sansha City, 2017 // Asia Maritime Transparency Initiative, Center for Strategic and International Studies. URL: <https://amti.csis.org/chinas-plan-establish-sansha-city/>

⁴ Downs, E., Meidan, M., Business and Politics in China: The Oil Executive Reshuffle of 2011 // China Security. 2011. Issue 1. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Download-the-article.pdf>

⁵ Chen, D., China's State-Owned Enterprises: How Much Do We Know? From CNOOC to Its Siblings // The School of Public Policy Research Papers. 2013. Vol. 6. Issue 19. URL: <https://journalhosting.ualgary.ca/index.php/sppp/article/view/42431>

⁶ China Offers Oil-Exploration Blocks Near Disputed Waters. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2012-08-28/china-offers-oil-exploration-blocks-near-disputed-waters-1->

⁷ CNOOC to offer 9 blocks in S. China Sea for joint exploration. URL:

<http://www.globaltimes.cn/content/717464.shtml>

⁸ «五龙台海时代终结(«Улун чжихай» шидайчжунцзе). URL:

<http://www.people.com.cn/24hour/n/2013/0726/c25408-22331728.html>

⁹ 全国人民代表大会常务委员会关于中国人民武装警察部队改革期间暂时调整适用相关法律规定的决定(Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чану вэйюаньхуэй гуаньюй

Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй гайгэ циицзянь цзаньши тяочжэн шиюун сянгуань фалуй гуйдиндэ цзюэдин). URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2017-11/04/content_4796807.htm

¹⁰ 中国海警2501舰 装备主炮拉(Чжунго хайцзин 2501 цзянь, чжуанбэй чжупаола). URL: <https://view.inews.qq.com/a/20210108A04B2S00>

¹¹ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020 // Annual Report to Congress. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

¹² 《中华人民共和国海警法》(Чжунго жэньминь гунхэго хайцзинфа). URL:

<http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202101/ec50f62e31a6434bb6682d435a906045.shtml>

¹³ 国防白皮书：中国武装力量的多样化运用 二、武装力量建设与发展(Гофан байпишу:

Чжунго учжуан лиляндэ доянхуа юньюун, учжуан лилян цзяньшэ юй фачжань). URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2013-04/16/content_4617811_3.htm

¹⁴ Kennedy, C., Erickson, A., China Maritime report №1 : China's Third Sea Force, The People's Armed Forces Maritime Militia: Tethered to the PLA // CMSI China Maritime Reports. 1. 2017. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cmsi-maritime-reports/1/>

¹⁵ 三沙市推动军民联防机制构建三线海上维权格局(Саньшаши туйдун цзюньцзинминь лянъфан цзичжи Гоуцзянь сансянь хайшан вэйцюань гэцзюй). URL:

<http://military.people.com.cn/n/2014/1122/c172467-26072250.html>

¹⁶ Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform. URL: http://www.china.org.cn/china/third_plenary_session/2014-01/16/content_31212602.htm

¹⁷ Кашин, В.Б., Реформа органов управления китайскими вооруженными силами // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 119-126.

¹⁸ Year-end review of Chinese People's Liberation Army. URL: <http://en.people.cn/n3/2019/1227/c90000-9644377.html>

Evgeny A. Kanaev

Doctor of Historical Science,
Professor, HSE University, Russia, Moscow,
ekanaev@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Ekaterina A. Vaseneva

HSE University, Russia, Moscow,
eavasenyova@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7693-0736>

Business Cooperation between ASEAN And SCO: The Institutional Dimension

Abstract: The paper assesses prospects for strengthening contacts between Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and Shanghai Cooperation Organization (SCO) under the auspices of their respective institutions of business cooperation. The specificity of dialogue between ASEAN and SCO is revealed, possibilities and limitations of fostering business ties within the frameworks of ASEAN Business Advisory Council (ASEAN BAC) and SCO Business Council (SCO BC) are analysed, the most likely scenario under which this cooperation can be energized is specified. According to the authors' position, this intensification of contacts is possible only in case ASEAN BAC and SCO BC are synergized with China's mega-strategy the Belt and Road Initiative. Under other scenarios, including the “business-as-usual” format of cooperation between ASEAN and SCO business communities in the framework of ASEAN BAC and SCO BC, progress is unlikely.

Keywords: *ASEAN Business Advisory Council, SCO Business Council, prospective plans, business cooperation, economic regionalism, Belt and Road Initiative.*

For citation: Kanaev E.A., Vaseneva E.A. Business Cooperation between ASEAN and SCO: The Institutional Dimension. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 79–91. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-079-091

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АСЕАН И ШОС

Аннотация: В статье проводится оценка перспективы активизации контактов между Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской Организацией Сотрудничества (ШОС) при помощи институтов развития делового сотрудничества. Выявлена специфика взаимодействия АСЕАН и ШОС, проанализированы возможности и ограничения стимулирования деловых связей посредством Делового консультативного совета (ДКС) АСЕАН и Делового совета (ДС) ШОС, определен наиболее вероятный сценарий, при котором это сотрудничество может обрести новый масштаб и качество. С точки зрения авторов, такая активизация сотрудничества возможна лишь в том случае, если ДКС АСЕАН и ДС ШОС будут интегрированы с китайской мега-стратегией Инициатива пояса и пути. При иных сценариях, в числе которых - продолжение контактов между деловыми сообществами стран АСЕАН и ШОС посредством ДКС АСЕАН и ДС ШОС, прогресс маловероятен.

Ключевые слова: *Деловой консультативный совет АСЕАН, Деловой совет ШОС, перспективные планы, деловое сотрудничество, экономический регионализм, Инициатива пояса и пути.*

Канаев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, Россия, Москва, ekanaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Васенёва Екатерина Андреевна, НИУ ВШЭ, Россия, Москва, eavasenyova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7693-0736>

Для цитирования: *Канаев Е.А., Васенёва Е.А. Институциональное измерение делового сотрудничества АСЕАН и ШОС // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 79–91. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-079-091*

Large-scale geopolitical projects which are developed across Eurasia need appropriate instruments, among which of special significance are institutions. The extent to which they are efficient will define the degree of safety and the eventual success of the implemented projects.

The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) are influential international actors with diversified agendas and the top-level political representation. ASEAN coordinates initiatives of economic regionalism, multilateral dialogue platforms aimed to tackle economic and political-security issues, as well as develops external partnerships. In its turn, SCO embraces the most influential states of the Asia-Pacific region, as well as, like the association, undertakes multilateral initiatives. Both ASEAN and SCO have institutional branches tasked to maintain contacts, including those between business communities. These venues are ASEAN Business Advisory Council (ASEAN BAC) and SCO Business Council (SCO BC). To assess possibilities to synergize efforts of ASEAN and SCO by means of promoting cooperation between ASEAN BAC and SCO BC is a timely exercise as this case may be revealing and instructive.

Starting from an outline of the state and dynamics of dialogue between ASEAN and SCO as multilateral platforms, the paper further proceeds with analyzing the extent to which ASEAN BAC and SCO BC may stimulate ties between the business communities of ASEAN and SCO member states to finally turn to assessing the most realistic scenario under which the intensification of these contacts and the eventual synergy between ASEAN BAC and SCO BC may take place. The conclusion summarizes the foregoing analysis.

ASEAN-SCO Relations: the State of Play

Although prospects for strengthening ties, both substantial and institutional, between ASEAN and SCO have been discussed with a varying degree of intensity, since ASEAN and SCO Secretariats signed a Memorandum of Understanding (MOU) in 2005¹, this still remains a paper exercise. In theory, a sort of synergy may be achieved since ASEAN and SCO share common features, operate on resembling fundamental principles, resolve correlating tasks and re-

spond to mostly similar challenges. In this light, potential areas and directions to coordinate prospective planning are plenty in theory.

In practice, however, ASEAN-SCO coordination is still incipient at best, which reveals serious internal limitations of this idea. The formal resemblance of ASEAN and SCO does not stimulate upward trends. The reasons are numerous.

Abundant evidence reveals that in the years to come ASEAN and SCO will focus upon their internal priorities. The association will channel its effort to the establishment of ASEAN Community as the key instrument to raise the competitiveness of its members and of ASEAN as an international actor. This task is not easy and embraces numerous complicated issues, both long-standing and recently emerged, ranging from narrowing infrastructure gaps to responding to the aftereffects of the COVID-19 pandemic and, more specifically, to China's Digital Silk Road and Health Silk Road. In its turn, SCO is increasingly likely to focus upon ways to settle disagreements between India, China, and Pakistan. Arguably, by admitting India and Pakistan, SCO has burdened itself with a sort of challenges, the key of which are territorial contradictions, that the Shanghai Five was able to successfully resolve at the initial stage of its evolution. But at the present point in time, these controversies undermine the pivotal directions of SCO cooperation, first and foremost, combatting international terrorism. The events of February 2019, when India attacked Pakistan on the assumption that the target area was a sanctuary for terrorists², convincingly demonstrate that India did not consider it necessary to hold consultations with other SCO members and launched a military attack against its SCO partner, to the disadvantage of SCO as a whole.

But most importantly, both SCO and ASEAN need to develop new visions of the niches they occupy in the international community, as well as new ways to synergize their prospective plans with the global development. So far, the results have been mostly discouraging.

While ASEAN aims to increase its global significance and to fully integrate in global processes, it is hardly satisfied with the way the global situation evolves³. Much to ASEAN's dissatisfaction, in various regions promising economic projects are sacrificed for the sake of political expediency, while color revolutions, ethnic riots and

fake news are the new norm. This is exactly what ASEAN does not want to see in Southeast Asia. But most importantly, ASEAN has traditionally favored the evolutionary regional and global development, which is conspicuously missing in the present-day international politics.

Concerning SCO, it has to specify its niche in the priorities of its participants, as well as the extent to which it can organize the processes of cooperation within its territorial domain. Discouragingly, internal disagreements, intra-state conflicts and, most notably, territorial disputes severely undermine SCO's performance. This is coupled with lack of clarity regarding the SCO security role in its geographical area and the world at large. Arguably, as the aforementioned India-Pakistan armed conflict strongly suggests, the SCO activity has been mostly limited to producing slogans, while its practical contribution to strengthening security of its member states has been minor. If so, SCO's inability to really, rather than declaratorily, shape the international milieu in its territorial domain to the best advantage of its member states is quite obvious.

To sum, as an instrument to increase cooperation between ASEAN and SCO, the top-down vector is of limited use. In these circumstances, much depends upon the down-top vector, presented by the grass-root exchanges, primarily, in the business sector, and supported by ASEAN and SCO institutions.

The Business Institutions Perspective: Expectations and Interim Results

In the institutional realm, business exchanges within the frameworks of ASEAN and SCO are maintained by ASEAN Business Advisory Council and SCO Business Council. These dialogue venues share several common features.

Both ASEAN BAC and SCO BC have a relatively long history. ASEAN BAC was launched in April 2003, a month before the association declared its plans to establish ASEAN Community, while SCO BC came into existence in 2006. Up to the present, ASEAN BAC and SCO BC have developed the organizational part of their activity, mainly, institutions and formal procedures. Various events between intra-ASEAN and intra-SCO business communities are maintained on the sustainable basis. Notable examples of these

events include ASEAN Business Awards, ASEAN Global Leadership Programme, SCO Business Forum, International Business Forum “Moscow Business Dialogue SCO” etc.

Another factor of relevance is that both ASEAN BAC and SCO BC are involved in the decision-making processes on issues within their competence. Specifically, ASEAN BAC participates in ASEAN summits, provides the ASEAN leaders and senior officials with business analytics, mostly relevant to facilitating intra-ASEAN economic integration⁴. ASEAN BAC experts prepare sectoral reports and ASEAN Annual Economic Outlooks focusing on economic and business cooperation in Southeast Asia. SCO BC is a venue attended by representatives of influential national bodies – senior officials of the trade chambers and, in the case of India and Kazakhstan, large holding companies. Although SCO BC does not exert direct influence on the government policies of the SCO member states, as the COVID-19 pandemic started, SCO BC elaborated on a plan to reduce its impact on business⁵.

The political salience of both ASEAN BAC and SCO BC also stems from their high ranks in the prospective plans of ASEAN and SCO. As outlined in the ASEAN Economic Community Blueprint 2025, ASEAN BAC will play an enhanced role as an instrument of intra-ASEAN integration⁶. In its turn, the Development Strategy of the Shanghai Cooperation Organization until 2025 attaches high importance to SCO Business Council, along with SCO Interbank Association, in fostering dialogue in innovative economic sectors between the SCO member states⁷.

The afore-discussed factors suggest that in theory ASEAN BAC and SCO BC have many possibilities not only to shape the business cooperation within their respective territorial domains but also to build up strong external ties, including between companies of ASEAN and SCO member states. In practice, however, due to numerous reasons this remains wishful thinking rather than a realistic scenario.

The most important reason is the afore-mentioned lack of regionalization between the ASEAN and the SCO areas. For instance, apart from China and to a much lesser extent India, other SCO member states lack strategically important assets in Southeast Asia: populous diasporas, recognizable brands, mass-consumption goods, stra-

tegic alliances between enterprises, financial structures and individual entrepreneurs etc. As a result, possibilities to increase the mutual trade turnover, both in consumption and investment goods, are relatively weak. In order to solve the present predicament, the ASEAN member states will have to significantly re-organize their industrial policy, re-orienting to towards Russia, Pakistan and the Central Asian states. Arguably, the ASEAN countries clearly lack any compelling reasons to do it. Revealingly, the grass-root commercial activity of companies of SCO member states is not extended to South-east Asia, and vice versa. Examples of business success stories performed at each other's markets are rare, if not one-off events.

No less importantly, effective cooperation between ASEAN and SCO business communities suffers from the same problems as ASEAN and SCO encounter. This is especially relevant to SCO since the organization has been unable to launch and develop multi-lateral “anchor projects” (ASEAN with its initiatives of economic regionalism like AFTA, AIA and eventually ASEAN Community looks much better). For SCO, to develop large-scale economic initiatives were problematic even before its expansion, while the present intra-SCO contradictions make it nearly impossible to launch and eventually implement such projects. Concerning ASEAN, the association has yet been unable to revise the ASEAN Way. In spite of “ASEAN Minus X” and “ASEAN Plus Two” formulae, the spirit of intra-ASEAN cooperation remains voluntary rather than obligatory. As a result, business communities of SCO and ASEAN, except for one-off cases, are mostly reluctant to develop even intra-SCO and intra-ASEAN commercial ties, not to mention those with external partners.

Tellingly, the level of SCO BC institutional capacities remains modest regardless cooperation with ASEAN BAC: it hardly has enough potential to produce tangible outcomes on its own project agenda. While a digest of events – industrial exhibitions and conferences – has been operational since 2020, providing companies with up-to-date information⁸, a complete implementation of SCO BC plans has failed to gain traction. Moreover, there are no multilateral projects in which four or more SCO countries participate. The vast majority of the initiatives are developed in Russia and China, Uzbekistan and Tajikistan, to a much lesser extent – in Pakistan and India⁹.

Likewise, while trade facilitation is declared to be one of the Council's key tasks, evidence that SCO BC stimulates the intra-SCO trade exchanges is scant. SCO BC focuses mostly on information-sharing, which appears the maximum of its capacity.

Lastly, ASEAN BAC and SCO BC have not elaborated on institutional channels to develop and upgrade mutual ties. Specifically, ASEAN BAC develops cooperation with external partners, among which there are China-ASEAN Business Council, East Asia Business Council, ASEAN India Business Council, Russia-ASEAN Business Council and Roscongress Foundation, but there is no ASEAN-SCO Business Council¹⁰. Nor does SCO Business Council distinguish ASEAN as a special institutional track of its activity¹¹.

In the light of the above-mentioned, ASEAN BAC and SCO BC can at best inform companies of possibilities that appear within ASEAN and SCO territorial domains. Prospects for building up connections between ASEAN and SCO companies, financial structures, entrepreneurs etc., which would stimulate the down-top vector of ASEAN-SCO cooperation, are virtually non-existent.

A Realistic Scenario

If the present trends continue, the development of ASEAN-SCO dialogue will probably be shaped by the evolution of geopolitical projects with the global dimension. The Indo-Pacific Region (in which India participates), the Greater Eurasian Partnership, developed by Russia, and China's mega-strategy the Belt and Road Initiative are worthy of note.

Arguably, the Indo-Pacific region is a groundless initiative from the substantial, institutional and normative perspective. The IPR lacks a sound economic foundation, which is exemplified by weak grass-root commercial exchanges between the Pacific Ocean and the Indian Ocean countries. Although SLOCs via the Indian Ocean and the Pacific Ocean are important, they alone cannot be sufficient for providing a trans-regional initiative with a strong economic basis. The IPR lacks the institutional pillar since no existing multi-lateral dialogue platforms can perform this function. Taking into account the ever-increasing politicization of the IPR project, its prospects may well be gloomy since anti-Chinese sentiments are not the

proper normative instrument by means of which region-building efforts can succeed¹².

Concerning the Greater Eurasian Partnership, many questions are also in place. The key point of vulnerability stems from lack of clarity regarding the GEP substance and aftereffects. For example, in case China is the major benefit-provider in the GEP format, does it mean that India should either welcome the BRI or eventually leave GEP? Can this project gain momentum with many security challenges – like the South China Sea, the Kashmir and the North Korean nuclear issue – remain unresolved, and on what, or, possibly, on whose conditions should these problems be tackled? Will the PRC leadership be motivated to take into consideration the ever-growing sensitivities of its GEP partners as China's possibilities rise? As long as these questions remain open, the GEP prospects are mixed at best¹³.

From the practical perspective, China's mega-strategy the Belt and Road Initiative is the most probable game changer in bringing ASEAN and SCO together. But this synergy will take place under the Chinese close supervision and the eventual control. The reason is clear as China even before the BRI had developed tremendous assets, mostly in terms of people-to-people contacts, infrastructure development and commercial penetration in Southeast Asia, South Asia and Central Asia, which has been further energized by the BRI. At present, two pillars of BRI – the Digital Silk Road and the Health Silk Road – are increasing in significance. The latter is especially important since it allows Beijing to link the industrial and the social dimension of BRI, by means of which China can strengthen the technological ties with its BRI partners.

Though China remains reluctant to establish formal institutions of cooperation under the BRI auspices, as, in Beijing's view, they hamper rather than strengthen grass-root economic and commercial ties, the Chinese de-facto penetration in the economies of ASEAN and SCO member states is steadily increasing. Arguably, China tries to integrate the already functioning institutions of cooperation, including the ASEAN-led RCEP, ASEAN BAC or SCO BC, in the Belt and Road Initiative as they may facilitate the BRI implementation. For instance, in case China plans to expand transactions in renminbi, why not organize a series of round-table talks in the

RCEP format focusing upon the virtues of financial cooperation? And as these discussions mature, simultaneously expand payments in renminbi in synergy with developing the Chinese on-line paying systems? Along with it, China has invested much time and effort in constructing the trans-border infrastructure as the BRI cornerstone, linking the BRI partner countries with China's production centers. With a course of time, the grass-root cooperation will be predominantly China-centric. If so, to integrate business institutions in China's area of privileged interests will be a relatively easy instrumental task.

More significantly, as the COVID-19 pandemic continues, China increasingly stakes upon the Digital Silk Road (DSR) linking it with the Health Silk Road (HSR). Concerning DSR, China harbors ambitious plans. Specifically, the implementation of large-scale infrastructure projects supplemented by the Chinese ICT products allows China to markedly strengthen its positions in international industrial cooperation. As this practice goes on and expands, enterprises of BRI participants will be technologically linked to China while the Chinese companies will expand their activity abroad. Simultaneously, collecting big data, China will use it to the best advantage of its industries¹⁴. As a result, as the critical mass of China's influence on global technological cooperation is created, Beijing will raise the question of granting China the privilege to set international industrial standards and eventually to re-design the international industrial property rights legal framework and practices.

A self-sufficient and very important part of BRI, and, by implication, of DSR, accounts for developing the on-line regulation of transnational commercial activity. As things currently are, in many countries the legal framework of commercial exchanges, as well as key terms and definitions, is still missing. Of special note is a blurred line between the terms "electronic commerce", "on-line trade" and "on-line business", as well as "sharing economy", "peer-to-peer economy", "consumer economy", "intellectual property in the Internet" "on-line property" etc. This naturally undermines on-line business activity, ranging from advertising on the Internet to on-line sales and the performance of Internet enterprises while in case of litigation or arbitration, the competence of state courts and arbitration centers is questioned. As a result, all parties of on-line commercial activity,

no matter producers, advertisers or consumers, lack legal support and protection.

Concerning HSR, China's plans are even more ambitious. By developing HSR in synergy with DSR, China aims to explore the market of medical products, services and equipment in its BRI partners. Specifically, the Chinese companies expect to win large tenders and orders with indirect political support from the PRC government. Needless to say that China's afore-mentioned medical products, services and equipment will be based upon the Chinese digital technologies. As a result, the BRI industrial and social dimensions will be synergized, to the PRC's best advantage. Predictably, the implications will embrace the existing business dialogue venues.

In brief, there is only one scenario under which cooperation between ASEAN BAC and SCO BC may increase, namely, to give China the complete control over this process and its eventual results. Discouragingly, the "business-as-usual" approach, based upon the potentials of ASEAN BAC and SCO BC as self-sufficient dialogue platforms to strengthen ties between ASEAN and SCO business communities, does not work.

Conclusions

ASEAN and SCO are reputable international actors. At the same time, however, they have been unable to upgrade their instruments of cooperation, including the institutional mechanisms. Coping with the present challenges, ASEAN and SCO increasingly focus upon their internal tasks instead of expanding their external economic activity.

The aftereffects exert strong influence upon prospects for dialogue between the ASEAN and the SCO business communities. So far, neither substantial, nor institutional agenda of cooperation between ASEAN Business Advisory Council and SCO Business Council is developed.

Practice has repeatedly demonstrated, and the case of ASEAN-SCO cooperation convincingly confirms it, that the regionalism (institutions of cooperation) can only be premised upon the regionalization (grass-root exchanges). Shaped by a confluence of political, economic and technological trends, business exchanges cannot be

efficient without a strong leader that purposefully defines their evolution according to its preferences and prospective plans.

China seems to understand this reality better than any other international actor. Based on its previous assets and reinforced by the state support for BRI, China has good chances to synergize its mega-strategy with the existing institutions, including those focusing upon cooperation between companies. In light of this, upward trends between ASEAN and SCO, including between their business communities, are possible in case these dialogue frameworks are integrated in BRI. Although the implications may vary, no other options are in place.

¹ ASEAN and SCO Secretariats Sign Agreement for Substantive Cooperation Jakarta. The ASEAN Secretariat. April 21, 2005. URL: // <https://asean.org/asean-and-sco-secretariats-sign-agreement-for-substantive-cooperation-jakarta/>

² For more detail, see: Chengappa R. Balakot: How India Planned IAF Airstrike in Pakistan. An Inside Story. India Today. March 15, 2019. URL: // <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/20190325-balakot-airstrikes-pulwama-terror-attack-abhinandan-varthaman-narendra-modi-masood-azhar-1478511-2019-03-15>

³ For detailed information, see: Sumsky V. Record and Challenges of Regionalism in Southeast Asia. // International Trends (Mezhdunarodnye protsessy). 2017. Volume 15, N.3. (50). P. 4-9.

⁴ For more detail, see: Kanaev E., Akhmanaeva S., Vaseneva E. Achieving the Vision of the ASEAN Economic Community-2025: The Role of ASEAN Business Advisory Council // Southeast Asia: Actual Problems of Development. 2020. Vol. 1. No. 46. P. 13-28.

⁵ Деловой совет ШОС выступил за выработку плана для снижения воздействия пандемии на бизнес // Торгово-промышленная палата РФ. (SCO Business Council Proposed Elaborating on a Plan to Decrease the COVID-19 Impact on Business. Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation) // URL: <https://tpprf.ru/ru/news/delovoy-sovet-shos-vystupil-za-vyrabotku-plana-dlya-snizheniya-vozdeystviya-pandemii-na-biznes-i370989/> (in Russian)

⁶ ASEAN Economic Community Blueprint. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. URL: // https://www.asean.org/storage/2016/03/AECBP_2025r_FINAL.pdf

⁷ Development Strategy of the Shanghai Cooperation Organization until 2025. SCO. Russia 2019-2020. URL: // <https://eng.sco-russia2020.ru/images/00/44/004418.pdf>

⁸ Дайджест. Деловой совет ШОС. (Digest. SCO Business Council) // URL: <https://bcsco.ru/digest/> (in Russian)

⁹ Проекты. Деловой совет ШОС. (Projects. SCO Business Council) URL: <https://bcsco.ru/projects/> (in Russian)

¹⁰ ABAC Strategic Partners. ASEAN Business Advisory Council. URL: // <https://www.asean-bac.org/partners/platinum>

¹¹ See: The Business Council of the Shanghai Cooperation Organization. URL: // <http://en.sco-russia.ru/cooperation/20140905/1013179794.html>; SCO-ASEAN Cooperation for Mutual Interest. URL: // <http://en.sco-russia.ru/cooperation/20140905/1013179818.html>

¹² See: Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. (V.Mikheev, V.Shvydko (eds). National and International Strategies in the Indo-Pacific Area: Analysis and Prognosis. M.: IMEMO RAS, 2020.) (in Russian)

¹³ See: Kanaev E., Galchenko E. The Greater Eurasian Partnership: a Re-Energizer of Russia-Indonesia Cooperation? // Russian-Indonesian Cooperation: Past, Present and Development Prospects / ed.by E. Kanaev, E. Astafieva. M.: IOS RAS, 2020. P. 51-71.

¹⁴ Канаев Е.А., Терских М.А. Перспективы вьетнамо-китайских отношений и «Цифровой шелковый путь» в Юго-Восточной Азии. Вьетнамские исследования. 2020. № 4. С. 5-15. (Kanaev E., Terskikh M. Prospects for Vietnam-China Relations in Light of Digital Silk Road Project in Southeast Asia. The Russian Journal of Vietnamese Studies. 2020. N. 4. P. 5-15.) (In Russian)

Рогожин Александр Александрович

кандидат экономических наук,

ведущий научный сотрудник

НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова,

Россия, Москва,

rogojine@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7376-3184>

COVID-19 И НОВЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В СТРАНАХ ЮВА

Аннотация: В статье констатируется, что пандемия COVID-19 негативно повлияла почти на все секторы экономики в странах ЮВА, что, соответственно, привело и к резкому замедлению инвестиционного процесса. Однако, как утверждает автор, в процессе распространения эпидемии появились новые инвестиционные возможности в нескольких отраслях и сферах их экономики. Автор даёт краткий анализ наиболее вероятных из этих возможностей, полагая, что пока трудно сказать, насколько быстро и успешно они будут реализованы.

Ключевые слова: *страны Юго-Восточной Азии, инвестиционные возможности, инвестиционный потенциал отраслей и сфер, новые производственно-сбытовые цепочки, цифровизация*

Для цитирования: *Рогожин А.А. COVID-19 и Новые инвестиционные возможности в странах ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 92–101. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-092-101*

COVID-19 and New Investment Opportunities in Southeast Asia

Abstract: The article states that the COVID-19 pandemic negatively affected almost all sectors of the economy in Southeast Asia, which, accordingly, led to a sharp slowdown in the investment process. However, according to the author, as the epidemic spreads, new investment opportunities have emerged in several sectors and spheres of their economy. The author provides a brief analysis of the most

likely of these possibilities, believing that it is difficult to say how quickly and successfully they will be implemented.

Keywords: *Southeast Asian countries, investment opportunities, investment potential of industries and sectors, new supply chains, digitization*

Aleksandr A. Rogozhin, PhD in Economics, leading researcher, IMEMO RAS, Russia, Moscow, rogojine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7376-3184>

For citation: Rogozhin A.A. COVID-19 and New Investment Opportunities in Southeast Asia. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 92–101. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-092-101

Согласно прогнозу АзБР в 2020 г. совокупный ВВП в странах ЮВА сократился на 4,4% против прироста в 4,4% в 2019 г. Единственной страной региона, которой удалось сохранить, хотя и скромный, но прирост ВВП оказался Вьетнам¹.

Таблица 1

Динамика ВВП в странах ЮВА в 2019-2021 гг.
(прогноз Азиатского банка развития)

	2019	2020		2021
		предварительный прогноз АзБР (сентябрь 2020 г.)	прогноз АзБР (декабрь 2020 г.)	прогноз АзБР (декабрь 2020 г.)
Юго-Восточная Азия	4.4	-3.8	-4.4	5.2
Индонезия	5.0	-1.0	-2.2	4.5
Малайзия	4.3	-5.0	-6.0	7.0
Филиппины	6.0	-7.3	-8.5	6.5
Сингапур	0.7	-6.2	-6.2	5.1
Таиланд	2.4	-8.0	-7.8	4.0
Вьетнам	7.0	1.8	2.3	6.1

Ист.: Asian Development Outlook Supplement. Manila. December 2020. P. 7

Однако уже началу четвёртого квартала 2020 г. аналитики АзБР, обнаружив нарастающие позитивные явления в экономи-

ке стран региона, начали давать более оптимистичные прогнозы развития экономики. Согласно новейшему из них (см. таблицу 1), для некоторых стран региона – Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда – прогнозируются темпы роста ВВП, даже превосходящие показатели 2019 г.

Несомненно, пандемия COVID-19 негативно повлияла почти на все секторы экономики в странах ЮВА, что, соответственно, привело и к резкому замедлению инвестиционного процесса. Однако в процессе распространения эпидемии появились новые инвестиционные возможности в нескольких отраслях и сферах их экономики, в первую очередь в здравоохранении, образовании и удаленной (online) трудовой деятельности. Пока трудно сказать, насколько быстро и успешно они будут реализованы. Ниже мы предпримем попытку определить такого рода отрасли и сферы, а также оценить их инвестиционный потенциал.

Промышленное производство. В период пандемии отмечается существенные изменения в действующих региональных производственно-сбытовых цепочках (regional supply chains) и формирование новых. Когда заводы в Китае начали закрываться из-за вируса, многие транснациональные корпораций смогли противостоять спаду производства, расширяя или полностью перенося в страны ЮВА свои производственные мощности. Это ускорило начавшийся ещё до пандемии процесс расширения деловой активности ТНК в странах ЮВА в попытке снизить риски, связанные с затяжным торговым конфликтом между США и Китаем.

Компании из Японии, Южной Кореи и Тайваня в период пандемии активно увеличивают свое присутствие в ЮВА. Так, Япония объявила о начале реализации программы субсидий на сумму 220 млн долл., чтобы побудить отечественных производителей перенести свои производственные базы в Юго-Восточную Азию. Аналогичный меры предпринял и Тайвань в рамках своей «Южной программы» (*New Southbound Policy*).

Одновременно пандемия стала еще одним ускорителем долгосрочных планов и китайских предприятий к созданию новых цепочек поставок в ЮВА.

Трансформации региональных производственно-сбытовых цепочек способствовала либерализация торговых и инвестиционных режимов для улучшения взаимодействия между странами-членами и поддержания конкурентоспособности производственных узлов и региональных производственно-сбытовых цепочках в ЮВА. Несомненно, что вышеуказанный процесс будет развиваться в 2021 г. и последующий период, открывая для его традиционных и новых участников широкие инвестиционные возможности.

Цифровизация. Пандемия изменила цифровой ландшафт стран ЮВА, и многие правительства и компании в регионе были вынуждены ускорить переход к цифровой экономике. Она показала, что цифровой ландшафт региона с потенциалом в более чем 400 млн пользователей Интернета представляет собой уникальную возможность для инвесторов. Аналитики в исследовании, проведенном *Google, Temasek Holdings* и *Bain & Co.*, оценили объем интернет-экономики региона в 105 млрд долл. США². Согласно их прогнозу, к 2025 г. этот показатель вырастет до 309 млрд долл., главным образом благодаря активности молодого поколения в странах региона, использующего Интернет для самых разных нужд: от покупки игр до банковских операций (см. таблицу 2).

Таблица 2

Прогноз расширения объема интернет-экономики в странах ЮВА на 2025 г.

	2020 (оценка) млрд долл.	2025 (прогноз) млрд долл.	динамика (%)
Юго-Восточная Азия	105	309	294
<i>в том числе</i>			
Индонезия	44	124	282
Малайзия	11,4	30	263
Филиппины	7,5	28	373
Сингапур	9	22	244
Таиланд	18	53	294
Вьетнам	14	52	371
прочие страны региона	1,1	—	—

Рассчитано по: e-Conomy SEA 2020. Singapore, 2021. Pp. 99,104, 109,114,120, 125.

Технологии будут играть ведущую роль в АСЕАН не только в повышении устойчивости к бедствиям, таким как COVID-19, но и в увеличении использования цифровых услуг, инструментов и решений.

Онлайн-образование и телемедицина являются примерами новых секторов, которые распространились во время карантина, и наблюдается рост спроса на программные платформы и услуги для удаленной работы и онлайн-конференций, такие как *Microsoft Teams*, *Zoom* и *Skype*, среди других. Спрос рождает предложение, и это стимулирует инвестиции в наиболее масштабируемые цифровые возможности: помимо телемедицины, организации удаленной работы и онлайн-образования – это управление большими данными (*big data*) и искусственный интеллект.

Удаленная работа и 5G. Уже очевидно, что удаленная работа может оставаться новой нормой в странах ЮВА: всё большее число компаний прибегают к гибкому графику работы, позволяющему части сотрудников (как правило, половине) работать из дома, а остальным – в офисе. Такое представление об организации работы в странах ЮВА ещё недавно было трудно себе представить. Растущая зависимость компаний разного рода от результативности подключения к удаленной работе во время пандемии во всех странах региона породила настоятельную необходимость усовершенствовать существующую телекоммуникационную инфраструктуру. Это потребует крупных, в основном иностранных, инвестиций – по имеющимся оценкам, странам ЮВА только для развертывания сетей 5G в регионе нужно от 11 до 18 млрд долл. США.

Поскольку речь идёт о стратегически важных капиталовложениях в новейшую отрасль, все страны ЮВА заранее создают максимально благоприятные условия для потенциальных инвесторов. Ставки высоки – сети 5G, в частности, могут коренным образом трансформировать сферу удаленной работы в регионе, поскольку они, как ожидается, обеспечат скорость Интернета в 50 раз более высокую, чем 4G. Внедрение 5G в ЮВА уже начал Сингапур, который рассчитывает запустить сеть 5G в 2021 г. с расчётом сделать её общенациональной к 2025 г. Аналогичные усилия предпринимают Вьетнам, Таиланд, Малайзия

и Филиппины, в расчёте на то, в регионе сеть 5G охватит к 2025 г. около 200 млн пользователей.

Телемедицина. Интеграция информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в здравоохранение также ускорила реформы в этом секторе. Предложения телемедицины начали активно использоваться в регионе уже в начальный период распространения COVID-19 и постепенно становятся в ЮВА новой нормой. Так, например, в индонезийском приложении для здравоохранения *Alodokter* с марта 2020 г. зарегистрировано более 30 миллионов активных пользователей (трафик увеличился в полтора раза по сравнению с доковидным периодом).

Услуги телемедицины в Индонезии, несомненно, получают наибольшее в регионе распространение ввиду ожидаемого масштаба спроса и специфики географии страны. Сингапур же становится привлекательным местом для стартапов в сфере телемедицины в первую очередь из-за мощной государственной поддержки компаний, работающих в этой сфере, таких как, например, *Doctor Anywhere*. Капиталовложения в телемедицину – новая сфера инвестиций с благоприятными перспективами. Тем более, что телемедицина – неизбежная (и пока единственная) форма оказания медицинских услуг тем группам населения, которые имеют ограниченный доступ к традиционным медицинским услугам или вообще лишённым его (например, в удалённых районах или на островах).

Возможности онлайн-образования. Сектор образования в странах ЮВА трансформируется в попытке обеспечить своим гражданам образование, соответствующее современным требованиям, включающим в первую очередь естественно-научные и технические знания, владение английским языком.

Однако, учитывая, что в странах ЮВА более 100 миллионов студентов используют онлайн-классы, их правительства пытаются реализовать эти реформы, хотя, конечно, инфраструктура информационных технологий (ИТ) варьируется в зависимости от страны. В то время как более 80% населения Сингапура, Брунея и Малайзии имеют доступ к Интернету, в Индонезии, Таиланде, Филиппинах и Вьетнаме этот показатель не превышает 50-70%. Ещё ниже он в Камбодже, Лаосе и Мьянме.

Несмотря на этот «цифровой разрыв», большинство стран-членов АСЕАН расширяют онлайн-обучение, которое в основном внедряется в секторе высшего образования. Приоритетной областью рабочего плана АСЕАН в области образования на 2016–2020 гг., который направлен на укрепление сектора высшего образования в регионе, является улучшение доступа и использования инициатив цифрового обучения в государствах-членах, что открывает большие инвестиционные возможности для поставщиков новых образовательных технологий.

Электронная коммерция на подъеме. Пандемия изменила поведение, отношение и покупательские привычки потребителей, и многие из них останутся и после пандемии. И хотя покупки в настоящее время сосредоточены на удовлетворении основных потребностей, все большее количество таких транзакций осуществляется посредством цифровой торговли.

Во время COVID-19 трафик на платформах электронной коммерции резко вырос. Электронная коммерция ранее рассматривалась многими розничными торговцами и производителями в АСЕАН как «вариант», а не как существенная бизнес-инициатива. Количество загрузок самых популярных приложений для покупок в регионе, таких как *Shopee* и *Lazada*, резко увеличилось в пандемию: только в Таиланде, например, объем операций электронной торговли рос в Таиланде более чем на 60% в неделю (!). В Индонезии, Вьетнаме и Сингапуре трафик приложений (таких как *Shopee*, *Lazada*, *Tokopedia*. и *ShopBack*) рос более чем на 10%.

Здравоохранение и фармацевтическое производство. Пандемия неизбежно приведет к реформам в секторе здравоохранения стран ЮВА, что откроет возможности для инвестиций в такие области как биотехнологии, фармацевтика и диагностическая медицина. По данным Всемирной организации здравоохранения, страны региона уже тратят в среднем около четырех процентов своего ВВП на здравоохранение, при этом Сингапур возглавляет список с расходами на душу населения более 2 700 долл. США в год. Это очень неплохой показатель для развивающихся стран.

Страны ЮВА постепенно переходят к универсальным системам здравоохранения, их национальные системы медицин-

ского страхования стали ключевым фактором в изменении отношения населения региона к здоровью. Это привело к тому, что потребители стали более заботиться о своем здоровье, а также стали требовать больше медицинских услуг и тратить их на них. Такие крупные рынки как Индонезия и Филиппины, преуспели в реализации своих национальных программ страхования; Страховые программы Индонезии считаются крупнейшими в мире и охватывают более 180 миллионов человек.

Успехи большинства стран в области здравоохранения заметны: например, практически всё население Таиланда охвачено первичной и больничной помощью, а Сингапур предлагает своим гражданам медицинское обслуживание самого высокого уровня, предлагая специализированное лечение и сложнейшие операции, такие как пересадка сердца и комплексная сосудистая хирургия. Во многом прогресс в данной сфере позволил большинству стран ЮВА управляться с гигантскими нагрузками на систему здравоохранения, вызванными COVID-19. Инвестиции в сферу здравоохранения в регионе быстро окупаются, здесь действуют крупные национальные и транснациональные медицинские сети, опирающиеся на быстрорастущие клиентские базы.

Медицинский туризм. В этом секторе лидируют только три страны ЮВА – Сингапур, Малайзия и Таиланд, где имеется около 100 медицинских центров, аккредитованных Объединенной международной комиссией (JCI) – сертификация JCI считается золотым стандартом в области здравоохранения и безопасности пациентов. На долю «тройки» приходится свыше 39% мировых доходов от медицинского туризма – 11 из 28 млрд долл., Иностранные пациенты обеспечивают основной источник дохода для частных больниц. Медицинский туризм в ЮВА также становится весьма привлекательной сферой для инвестиций, в первую очередь ввиду подорожания медицинских услуг в развитых странах.

Фармацевтические препараты. Фармацевтическая промышленность стран ЮВА оценивается в немногим более 25 млрд долл. США, что составляет примерно 2,2% мирового рынка фармпрепаратов. Основная часть доходов отрасли в регионе приходится на дженерики. Лишь небольшое количество производителей имеют возможности производить активные фарма-

цевтические ингредиенты, при этом большинство импортируют ингредиенты из Китая или Индии.

Растущие потребности населения в медикаментах уже способствуют расширению сотрудничества местных компаний с многонациональными медико-биологическими компаниями для обеспечения местных рынков. Учитывая численность населения региона (583 млн чел. в 2020 г.) и пока скромный, но постоянно растущий платёжеспособный спрос на фармпродукцию, вложения в этот сектор явно имеют хорошую перспективу.

Медицинское оборудование пользуется в странах ЮВА нарастающим спросом: COVID-19 продемонстрировал его нехватку даже в более развитых странах – Сингапуре и Малайзии. Проблема стала настолько острой, что потребовались специальные решения на уровне АСЕАН: в Ассоциации был принят ряд мер, направленных на унификацию производимого оборудования и приборов, введена обязательная регистрация их в странах производителях-членах АСЕАН. Пока только Сингапур, Малайзия и Индонезия выполнили требования *The ASEAN Medical Device Directive* (AMDD). В основном в этих странах в срочном порядке было начато строительство предприятий по производству медицинского оборудования и приборов. Доходы всех предприятий отрасли, сосредоточенных в Сингапуре, Таиланде (наиболее сложные модели), а также в Индонезии, Вьетнаме и на Филиппинах (бюджетные модели) в 2021 г. прогнозируются аналитиками *BMI Research* на уровне 8 млрд долл. США.

Оказание логистических и транспортных услуг. Повышенный спрос на платформы электронной торговли подчеркнул серьёзное влияние COVID-19 на логистический сектор АСЕАН. Компании-продавцы online страдают от проблем с доставкой, поскольку поставщики логистических услуг пытаются придерживаться новых мер безопасности, что приводит к дополнительным расходам и снижает производительность.

Другой серьёзной проблемой для логистических операторов в регионе является проблема «последней доставки», которая определяется как перемещение товаров от распределительного узла к конечным потребителям. Как показала практика, глобальная логистическая система способна доставлять товары через страны в крупные порты, но зачастую наибольшую пробле-

му представляет последняя минута, особенно в Юго-Восточной Азии. Здесь в положительном плане выделяется Сингапур – одна из наиболее успешных стран мира по логистике. А вот в Мьянме, Лаосе и Камбодже логистика развита крайне слабо – что и подтвердилось во время COVID-19.

Большинству стран АСЕАН не хватает квалифицированного человеческого капитала и технических ноу-хау в области логистики, которые иностранные инвесторы могут привнести в эти сектора. Инвесторы, которые могут внедрить современные технологии логистики, например, с акцентом на доставку между городами, могут задействовать все более популярный рынок доставки товаров в день прибытия.

Слабость логистических систем, проявившаяся во время пандемии осознаётся властями большинства стран ЮВА. Принимаются необходимые меры, выделяются соответствующие финансовые ресурсы: Индонезия приступает к реализации инфраструктурной программы, направленной на совершенствование логистики стоимостью 400 млрд долл. США, а Филиппины выделяют на эти цели примерно 177 млрд долл. США.

Иностранные инвесторы могут предоставить надежные системы и операционное превосходство в развитии морских путей, железнодорожного и воздушного транспорта, организовать мультимодальные перевозки, в которых остро нуждаются страны ЮВА, обладающие весьма сложной природно-географической спецификой. Однако, как нам представляется, частные инвесторы, особенно иностранные, вряд проявят интерес к капиталовложениям в этой сфере, поскольку, как показывает практика, они рассчитаны на длительные сроки и дают отдачу не ранее, чем через 5-10 лет.

¹ Подробнее см. Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. "COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения" // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. № 5. С. 181–203. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11.

² e-Conomy SEA 2020. Singapore, 2021. P. 31.

Брагина Елена Аркадьевна

доктор экономических наук,

главный научный сотрудник

НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова,

Россия, Москва,

braglen@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9180-5503>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ – ИНВЕСТИЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье утверждается, что инвестиционный аспект экономических отношений Индии со странами ЮВА явно уступает торговому, однако в последние годы отмечено заметное оживление обмена прямыми инвестициям. В первую очередь это относится к странам ЮВА, которые играют всё более значимую роль в качестве инвесторов в индийскую экономику – приток прямых инвестиций из стран ЮВА в Индию увеличился с 0,14 млрд долл. в 2000 г. до 15,15 млрд долл. в 2019 г. (на них приходится почти треть совокупного объёма притока ПИИ в Индию). Автор приводит основные конкурентные преимущества Индии, привлекающие инвесторов из стран ЮВА, а сравнительно небольшой и стабильный объём индийских инвестиций в странах ЮВА (не более 2 млрд долл. в год) объясняет относительно низкой конкурентоспособностью индийских компаний как инвесторов на рынках этих стран.

Ключевые слова: *Индия, Юго-Восточная Азия, инвестиции, динамика, географическое и отраслевое распределение прямых инвестиций, Вьетнам*

Для цитирования: *Брагина Е.А. Экономические отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии – инвестиционный аспект // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 102–109. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-102-109*

Economic Relations of India with the Countries of Southeast Asia – Investment Aspect

Abstract: The article argues that the investment aspect of India's economic relations with the countries of Southeast Asia is clearly inferior to the trade, but in recent years there has been a noticeable revival of the exchange of direct investments. First, this applies to the Southeast Asian countries, which are playing an increasingly significant role as investors in the Indian economy – the inflow of direct investment from Southeast Asian countries to India increased from 0.14 billion USD in 2000 to 15.15 billion USD in 2019 (they account for almost a third of total FDI inflows to India). The author cites the main competitive advantages of India that attract investors from Southeast Asian countries, and the relatively small and stable volume of Indian investments in Southeast Asian countries (no more than 2 billion USD per year) explains the relatively low competitiveness of Indian companies as investors in the markets of these countries.

Keywords: *India, Southeast Asia, investment, dynamics of geographic and sectoral distribution of direct investment, Vietnam*

Elena A. Bragina, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, IMEMO RAS, Russia, Moscow, braglen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9180-5503>

For citation: Bragina E.A. Economic Relations of India with the Countries of Southeast Asia – Investment Aspect. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 102–109. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-102-109

Инвестиционный аспект экономических отношений Индии со странами ЮВА явно уступает торговому, однако в последние годы отмечается заметное оживление обмена прямыми инвестициям. В 2019 г. Индия занимала в рейтинге мировых инвесторов лишь 24-ое место с объёмом прямых инвестиций за рубежом в 13,1 млрд долл. По такому важному с политической и экономической точки зрения показателю как масштаб реализованных прямых инвестиций в странах ЮВА Индия занимает скромное место в объединённой рубрике «прочие страны-

инвесторы». За последние три года они составили всего 4,9 млрд долл. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Прямые инвестиции Индии в странах ЮВА в 2017-2019 гг.

	2017	2018	2019	Всего в 2017- 2019 гг.
Инвестиции всего,	1985	1023	1892	4900
<i>в том числе</i>				
финансовые, страховые и прочие услуги, оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств	131	644	604	1379
обрабатывающая промышленность	59	135	-19	175
строительство	1	17	7	25
энергоснабжение и кондиционирование воздуха	17	3	1	21
сельское и лесное хозяйство, рыболовство	5	2	4	11
водоснабжение, канализация, рекультивация территорий	1	1	0	2
горнодобывающая промышленность	-94	-214	7	-301

Исм.: база данных ACEAH data.aseanstats.org/fdi-by-sources-and-sectors

В отчётах Резервного банка Индии приводятся довольно редкие сообщения об её инвестициях в отдельные страны ЮВА (Сингапур, Вьетнам, Малайзию, Индонезию), масштаб которых не превышает для каждой из них более 1% от общего объёма индийских инвестиций за рубежом. В последние годы инвестиции были невелики и подвержены резким колебаниям: в частности, не превышали в Малайзии и Филиппинах – по 0,2 млрд долл., в Индонезии менее 0,1 млрд долл. Наиболее крупные инвестиции в 2019 г. произведены Индией в Сингапуре – 1,2 млрд долл. и несколько меньше – во Вьетнам (около 0,9 млрд долл.). В 2018 г. прямые инвестиции уменьшились вдвое, а в 2019 г.,

напротив, почти вдвое увеличились. Более подробной статистики географического и отраслевого распределении индийских инвестиций в странах ЮВА обнаружить не удалось. Учёт этих инвестиций в значительной мере затруднён из-за нередких спонтанных и труднообъяснимых колебаний, особенно их оттока из стран ЮВА.

Данные об отраслевом распределении индийских прямых инвестиций в ЮВА из региональных источников достаточно обширны, хотя и противоречивы. По нашей оценке, примерно 60% индийских прямых инвестиций в странах ЮВА приходится на сферу услуг, где с большим отрывом доминируют финансовые услуги, страхование, оптовая и розничная торговля. Примерно 13% капиталовложений – это операции с недвижимостью. Лишь менее 4% прямых индийских инвестиций приходится на обрабатывающую промышленность, а из горнодобывающей промышленности идёт их довольно значительный отток.

Как показывает практика последних лет, наибольшее развитие получили экономические связи Индии с Вьетнамом, существенным компонентом которых во всё большей мере становятся инвестиционные отношения. Развитию экономических связей Индии с Вьетнамом способствует в немалой мере противостояние Индии и КНР, в котором Индия стремится расширять взаимовыгодные контакты с Вьетнамом, учитывая весьма непростые отношения последнего с Китаем.

Вьетнам и Индия установили стратегическое партнерство в 2007 г. Обе страны придают ему важное значение. Между странами давно сложились устойчивые двусторонние отношения, но они стремятся расширить области сотрудничества и найти новые сферы и направления. Энергетика, информационные технологии, фармацевтика и инфраструктура – здесь оба государства обладают сильным потенциалом. Цифровая экономика Вьетнама, в частности, быстро растет, открывая путь для расширения долгосрочного сотрудничества между двумя странами в этой стратегической отрасли. Помимо торговой экспансии (в 2019 г. Вьетнам экспортировал в Индию товаров на 6,7 млрд долл. против 2,6 млрд долл. в 2016 г., тогда как импорт Вьетнама из Индии составил 4,5 млрд долл., превысив показа-

тель 2016 г. на 65%) стороны стремятся расширять инвестиционные связи.

22 января 2021 г. состоялся Индийско-вьетнамский инвестиционный форум, посвящённый расширению сотрудничества между двумя сторонами в целях интенсификации экономического развития обеих стран. В своём выступлении на форуме посол Вьетнама в Индии Фам Сань Чау подчеркнул, что Индия является крупной экономикой, которая может обеспечить Вьетнам большими кредитными пакетами, высококвалифицированными человеческими ресурсами и современными технологиями. По состоянию на начало 2021 г. Индия вложила почти 900 млн долл. в 296 проектов во Вьетнаме, главным образом, в предприятия обрабатывающей промышленности, возобновляемую энергетику и добычу нефти.

Следует отметить, что страны ЮВА играют существенную роль в качестве инвесторов в индийскую экономику. Индия, как реципиент иностранных инвестиций, в последние годы находится в первой десятке стран мира (в 2019 г. – 6-ое место)¹. Пандемия в 2020 г. резко изменила расстановку сил в мировом хозяйстве. Только в две страны мира, в Индию и Китай, прямые инвестиции в этот период увеличивались, причем в Индию они росли интенсивнее (рост к 2019 г. 13%), чем в Китай (4%)². Это свидетельствует об устойчивой заинтересованности иностранного капитала участвовать в перспективной развивающейся экономике огромной страны.

Основные страны-инвесторы в Индию – Сингапур, США, Маврикий, Нидерланды, Великобритания, Франция, Япония, Германия и Кипр обеспечивают 3/4 общего объёма притока прямых инвестиций в страну. Заслуживает внимания, что инвестиции ЮВА в Индию занимают в общем объёме её прямых иностранных инвестиций весьма значимую долю – в 2019 г. – около 32% (15,1 млрд долл. из 47,6 млрд долл.). В последние два десятилетия приток прямых инвестиций из стран ЮВА в Индию увеличился с 0,14 млрд долл. в 2000 г. до 15,15 млрд долл. в 2019 г. Доля каждой из стран ЮВА в объёме этого притока в Индию в последние три года представлена в таблице 2.

Таблица 2

Прямые инвестиции из стран ЮВА в Индию в 2017-2019 гг.

	2017	2018	2019	Всего в 2017-2019 гг.	
				млн долл.	доля в %
Сингапур	10809	15943	14904	41656	98,66
Таиланд	82	92	35	209	0,49
Малайзия	34	60	114	208	0,49
Филиппины	11	6	71	88	0,21
Камбоджа	10	26	14	50	0,12
Индонезия	2	1	7	10	0,02
Всего	10948	16129	15145	42221	100,0

Ист: Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department for Promotion of Industry and Internal Trade, 2019 г. Foreign Direct Investment in India - Annual Issue 2019 (https://dipp.gov.in/sites/default/files/Fdigraphs_3.pdf)

Очевидна главная роль Сингапура – всего в 2000–2019 гг. его прямые инвестиции составили 97,4% из объёма совокупного объёма капиталовложений всех стран ЮВА в Индии АСЕАН (97,2 млрд долл.) и 20,7% совокупного всего притока прямых иностранных инвестиций в Индию³. За последние три года доля Сингапура в притоке прямых инвестиций из стран ЮВА приблизилась к 99%. Сингапур является главным источником прямых иностранных инвестиций в Индию второй финансовый год подряд, на него приходится около 30% их притока в 2019/2020 фин. г.⁴. Центральная роль Сингапура как инвестора в Индию связана, как представляется, с тем, что компании, инвестирующие в этой стране, подконтрольны местному индийскому капиталу, имеющему тесные и разносторонние связи с деловыми кругами Индии⁵.

Компании из стран ЮВА привлекают такие очевидные преимущества Индии как масштабы внутреннего рынка, устоявшаяся деловая практика и упрощённый налоговый режим для иностранного капитала. Они положительно оценивают привлечательные ставки корпоративного налога, распространённость

мобильной связи и интернета, использование передовых технологий местного производства и, что становится всё более существенным для инвестиционной и производственной деятельности в такой крупной стране как Индия – цифровизация в самом широком смысле, охватывающая значительную часть населения и различные сферы жизни страны.

Соответственно, прямые инвестиции из стран ЮВА в экономику Индии за период с 2000 г. по 2019 г. достигли 97 млрд долл.) и распределились по отраслям следующим образом: сфера услуг – 20%, в оптовую и розничную торговлю – 14%, создание вычислительной техники и программного обеспечения – 12%, производство телекоммуникационного оборудования – 8%, развитие промышленной инфраструктуры 6%⁶.

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы:

- инвестиционная сфера экономических отношений Индии со странами ЮВА в последние годы заметно расширилась;
- приток прямых инвестиций из стран ЮВА в Индию постоянно нарастает – он примерно в 2,5 раза больше аналогичного показателя для Индии, естественно, весьма выгодно для Индии;
- объём индийских прямых инвестиций в страны ЮВА не стабилен и не превышает 2 млрд долл. в год – главной причиной этого является, по нашему мнению, сравнительно низкая конкурентоспособность индийских компаний как инвесторов на рынках стран этого региона.

¹ FDI Inflows of Selected Countries, 2018-2019. FDI in Figures. OECD. April 2020, URL: <https://www.oecd.org/investment/FDI-in-Figures-April-2020.pdf>.

² FDI Inflows into India Jump by 13% to \$57 billion in 2020. The Times of India. January 26, 2021 (<https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/fdi-inflows-into-india-jump-by-13-to-57bn-in-2020-un/articleshow/80460076.cms>)

³ Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department for Promotion of Industry and Internal Trade. Foreign Direct Investment in India. Annual Issue 2019 (https://dipp.gov.in/sites/default/files/ASEAN_Countries_C_2019.pdf)

⁴ FDI Synopsis on ASEAN Countries. Table №.6.1 (C).

ASEAN_Countries_C_2019. pdf. URL: https://dipp.gov.in/sites/default/files/ASEAN_Countries_C_2019.pdf.

⁵ Singapore Top FDI Source for India in FY20 with \$14.67 bn in Investment in the Past Two Financial years, FDI from Singapore Has Surpassed that from Mauritius. The Business Standard. May 29, 2020, URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/singapore-top-source-of-fdi-in-fy20-with-investments-worth-14-67-bn-120052901024_1.html.

⁶ FDI Inflows into India Jump by 13% to \$57 billion in 2020. The Times of India. January 26, 2021, URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/fdi-inflows-into-india-jump-by-13-to-57bn-in-2020-un/articleshow/80460076.cms>.

Рубан Лариса Семеновна

доктор социологических наук, профессор, руководитель
Отдела исследования проблем международного
сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН,
руководитель международного проекта «Диалоговое
партнерство как фактор стабильности и интеграции»
 («Мост между Западом и Востоком»), Россия, Москва,
lruban@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7972-1596>

Ананьин Максим Алексеевич

первый секретарь
Первого Департамента СНГ МИД России,
старший научный сотрудник Отдела исследования проблем
международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН
Россия, Москва,
ananjin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3444-4828>

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Аннотация: Авторами предпринят сравнительный анализ развития инновационного процесса в Российской Федерации и странах Юго-Восточной Азии с учётом динамических изменений, произошедших с конца 90-х гг. XX века по настоящее время с учётом влияния пандемии коронавируса COVID-19. В статье показаны отрасли производства и социальной сферы, где наиболее активно внедряется инноватика и цифровизация: IT, разработка программного обеспечения, ритейл и другие. Авторы прослеживают в исторической последовательности возникновение и развитие высокотехнологичных зон, технопарков, стартапов и бизнес-инкубаторов в России и странах АСЕАН, показывают их успехи, трудности и проблемы. Сделанный вывод однозначен: только на пути сотрудничества по внедрению иннова-

ций в производство и во все сферы социальной жизни возможно эффективное развитие общества.

Ключевые слова: инновационное развитие, цифровизация, высокотехнологические зоны, технопарки, стартапы, бизнес-инкубаторы, Российская Федерация и Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Рубан Л.С., Ананьин М.А. Сравнительный анализ инновационных процессов в Российской Федерации и странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 110–129. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129

Comparative Analysis of Innovation Processes in the Russian Federation and the Countries of Southeast Asia

Abstract: The authors undertake a comparative analysis of the development of the innovation process in the Russian Federation and the countries of Southeast Asia, taking into account the dynamic changes that have occurred since the late 90s of the twentieth century to the present, taking into account the impact of the COVID-19 coronavirus pandemic. The article shows the production and social sectors where innovation and digitalization are most actively implemented: IT, software development, retail and others. The authors trace the historical sequence of the emergence and development of high-tech zones, technology parks, startups and business incubators in Russia and the ASEAN countries, show their successes and the difficulties and problems they face. The conclusion made is unambiguous: only on the path of cooperation on the introduction of innovations in production and in all spheres of social life is the effective development of society possible.

Keywords: innovative development, digitalization, high-tech zones, technology parks, startups, business incubators, the Russian Federation and Southeast Asia

Larissa S. Ruban, Doctor in Sociology, Professor, Head of the Department of Research of International Cooperation Issues Institute of the Socio-Political Researches of FCTAS RAS, Head of the international project «Dialogue Partnership as a Factor of Stability and Integration» («Bridge between East and West»), Russia, Moscow, lruban@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7972-1596>

Maksim A. Ananjin, First Secretary of the First CIS Department of the Russian Foreign Ministry, Senior Researcher of the Department of International Cooperation Research at the Institute of Socio-Political Studies of FCTAS RAS, Russia, Moscow, ananjin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3444-4828>

For citation: Ruban L.S., Ananjin M.A. Comparative Analysis of Innovation Processes in the Russian Federation and the Countries of Southeast Asia. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 110–129. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129

Начать хотелось бы с цитаты из высказываний Стива Джобса, создателя корпорации *Apple*, о том, что инновации – это способность видеть в переменах возможности, а не угрозу. В настоящий момент нам просто необходимо эти возможности эффективно использовать.

Как отмечает большинство экспертов, современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием цифровизации, которая основана на цифровом предоставлении информации и автоматизации процессов, что приводит к снижению издержек, появлению новых возможностей, повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Через переход к цифровой информации происходит трансформация всех сторон экономической и социальной жизни, а цифровизация становится и драйвером, и катализатором мирового общественного развития, при этом в современной парадигме ускорения экономики повышение конкурентоспособности и эффективности является жизненной необходимостью, а автоматизация процессов способствует наращиванию темпов экономики и конкурентоспособности продукции многих отраслей¹.

Как указывает Корнеев А.В., руководитель Центра проблем энергетической безопасности Института США и Канады РАН, новая организация труда для эффективного производства требует более высоких управленческих технологий и перехода на принципиально новый уровень технологической культуры и

автоматизации производственного управления. Это определяет ключевые направления действий и выявление опасных факторов внешней среды, ранжирование угроз по важности и степени неопределённости, альтернативной логики развития каждого сценария, модификации плана работы, оценки устойчивости, разработки индикаторов эффективной системы раннего обнаружения возможных угроз. Восприятие персонала должно быть способно принять правильное решение и успеть выполнить его в заданный срок².

Внедрение новых технологий, в частности активно-адаптивных или «интеллектуальных» электрических сетей (ААЭС – *Smart Grids*) и цифровых систем автоматизации управления производственными процессами (АСУТП – *SCADA*) способствует появлению дополнительных многосторонних рисков, поэтому необходимо учитывать, что смена технологических укладов сталкивается с растущим несоответствием возможностей реакции человека новым требованиям и дефицитом навыков когнитивного мышления и адаптационных возможностей персонала³.

Необходима оптимизация производственного процесса и управления экономикой в целом на основе инновационного развития и научно-технологического обеспечения, а также подготовки кадровой структуры, способной эффективно выполнять усложняющиеся функции. Мы проследим осуществление инновационного развития в России в сопоставлении со странами Юго-Восточной Азии.

Итак, преобразования, которые происходят в нашей стране, можно условно подразделить на два типа в связи с их соотношением к государственному или частному сектору экономики. Первые начинаются обычно после того, как руководство ставит перед обществом перспективную задачу, которую предстоит решить. Вторые – в соответствии с необходимостью получения и наращивания прибыли, для чего необходимо сохранять конкурентоспособность и иметь крепкую базу для долгосрочного развития бизнеса.

12 декабря 2013 г. Президент России В.В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил потребность внедрения в жизнь и производство современных

технологий для повышения вклада добавленной стоимости, которая образуется от оборота интеллектуальной собственности в ВВП (в России она менее 1%, в США – 12%, в Германии – 7-8%, а в Финляндии – 20%). В рамках данной задачи Президент говорил о необходимости создания технопарков и бизнес-инкубаторов, а для того, чтобы побудить регионы вкладывать средства в это развитие, выделять им в течение 3-х лет налоги за счёт федерального бюджета в виде межбюджетных трансфертов⁴.

Одним из важных направлений, как было отмечено в послании, является создание условий ведения бизнеса в Сибири и на Дальнем Востоке и взаимодействие с ключевыми деловыми центрами Азиатско-Тихоокеанского региона. Как отмечают эксперты, это возможно реализовать с помощью развития кооперации с аналогичными структурами в АТР⁵.

Президент Российской Федерации указал, что «для новых предприятий, размещённых в таких территориях, должны быть предусмотрены пятилетние каникулы по налогу на прибыль, НДС, налогу на землю, имущество, а также, что очень важно для высокотехнологичных производств, льготная ставка страховых взносов, чтобы создать условия ведения бизнеса, конкурентные с ключевыми деловыми центрами АТР»⁶.

Если проследить динамику и качественную сторону этого процесса, то надо отметить, что «отраслевая специализация технопарков в России в 2013 г. включала: 36% – многоотраслевых, 24 – приборостроительных и машиностроительных, 18 – по научным исследованиям и разработкам, 16 – по аренде и консалтингу, 10 – по ИТ-технологиям, 8 – сельскохозяйственных, 8 – медицинских и биотехнологических»⁷, то есть для 60% технопарков инноватика не была определяющим видом деятельности.

Так как в 2013 г. перед нашей страной была поставлена грандиозная задача по инновационному развитию, то уже в 2015 г. в России по бумагам действовало свыше 300 «технопарков» и «бизнес-инкубаторов»⁸, однако в геоинформационной системе в РФ было зафиксировано только 11 технопарков⁹, поэтому эксперты задавались вопросом: «А являются ли российские технопарки технопарками?». В этом плане интересно отметить, что «Эксперт-РА» в 2011 г. указал, что «большинство тех-

нопарков являются лишь объектами недвижимости без каких-либо инноваций»¹⁰.

Для сравнения приведём перечень высокотехнологичных зон стран АСЕАН, куда входят: 34 промышленных парка в Таиланде, 51 – в Индонезии, более 25 технопарков – в Сингапуре, 2 технопарка в Малайзии, 1 технопарк на Филиппинах. Во Вьетнаме насчитывается 200 свободных экономических зон¹¹.

Итак, что же представляют собой технологические парки, и для чего они создаются? Специалисты отмечают, что целью технопарка является обеспечение ускоренного роста инновационных компаний в приоритетных отраслях, таких как nanoиндустрия, информационно-телекоммуникационные системы, науки о жизни, перспективные виды вооружения, военной и специальной техники, рациональное природопользование, транспортные и космические системы, энергоэффективность и энергосбережение, ядерная энергетика и безопасность¹².

На международной онлайн-конференции *Artificial Intelligence Journey (AI Journey)* 4 декабря 2020 г. Президент России В.В. Путин заявил, что «в наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных». В рамках данного глобального проекта цифровая трансформация предполагает повсеместное внедрение искусственного интеллекта и «действительно затронет каждого человека, каждую семью, каждую отрасль экономики и социальной сферы, каждую организацию и каждый уровень власти, то есть всю систему государственного управления». При реализации этих задач Россия будет «использовать разработки отечественных инновационных компаний и стартапов». Правительству РФ было поручено в оперативном режиме подготовить проекты законов об экспериментальных правовых режимах в сфере искусственного интеллекта, в частности в начале 2021 г. – проекты законов о доступе разработчиков искусственного интеллекта (ИИ) к государственным базам данных и об экспериментальных правовых режимах в сфере искусственного интеллекта¹³.

Следует отметить, что отношение российских и государственных, и частных компаний к цифровой трансформации ка-

чественно изменилось за последние два года. По сравнению с 2018 г. в 2 раза увеличилось число компаний, которые подходят к вопросу системно и модифицируют бизнес в рамках специальной стратегии. Кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, создал беспрецедентные условия для ускоренного развития цифровой трансформации. Как отмечает директор департамента по работе с крупными организациями и партнёрами *Microsoft* в России Кулашова А.: «Цифровая трансформация резко ускорилась – то, что раньше могло занять несколько лет, во многих организациях было реализовано за два месяца. Российские компании демонстрируют очень высокий уровень цифровых компетенций и готовности к внедрению инновационных решений»¹⁴.

Согласно исследованию «Цифровая трансформация в России – 2020» компании KMDA, которая при поддержке *Microsoft* провела опрос более 700 представителей российских компаний из 27 отраслей, размер бюджетных расходов российских компаний на цифровую трансформацию варьируется от 3 до 10% годовой выручки. 80% из них находятся в процессе реализации стратегии цифровой трансформации или отдельных цифровых проектов, что на 19% больше, чем в 2018 г.

С учётом того, что срок окупаемости инвестиций в цифровую трансформацию зависит от размера компании и может составлять от года до 5 лет, эксперты отмечают, что качественно изменилось отношение к цифровой трансформации. Исследование KMDA показало, что за последние 2 года тема цифровой трансформации стала стратегической повесткой большинства компаний в России. 49% опрошенных экспертов ответили, что в настоящий момент в 2 раза больше компаний, чем в 2018 г., подходят к вопросу системно и осуществляют преобразования в рамках специально разработанной стратегии. 64% специалистов считают цифровую трансформацию необходимым процессом для устойчивого развития. Лидерами по цифровой трансформации традиционно являются сферы ИТ и разработки программного обеспечения (ПО), а также ритейл, осуществивший рывок в развитии. По словам партнёра *Aero* Синельникова В., «в России традиционно правила игры в развитии цифровизации определя-

ли «IT-гиганты», такие, как *Mail.ru* и «Яндекс». Ритейл и другие отрасли были в роли догоняющих¹⁵.

В последнее время на фоне пандемии коронавируса ситуация постепенно меняется: население переводит часть закупок в онлайн. В результате развития этой тенденции ритейлеры также вынуждены меняться, чтобы справиться с резко увеличивающимся потоком заказов и не растерять клиентов. Таким образом, отрасль, которая ещё вчера сомневалась в том, нужен ли вообще онлайн-канал, становится одним из «флагманов цифровизации». «Магнит», *X5 Retail Group* (мультиформатная розничная компания РФ, управляющая торговыми сетями «Пятёрочка», «Перекрёсток» и «Карусель») и другие крупные ритейлеры развивают предиктивные модели, совершенствуют логистику, внедряют голосовые ассистенты.

Ключевыми трендами цифровизации ритейла в России являются следующие три направления:

1. Автоматизация бизнес-процессов (оцифровка рутинных операционных процессов: электронного документооборота, автоматизация логистики и использования складов, внедрения искусственного интеллекта в процесс ценообразования, формирования и регулирования ассортимента, промо-активности и категорийного менеджмента).

2. Внедрение Data driven подхода в управленческие модели по обработке и использованию данных, что позволяет минимизировать ошибки персонала. Это метод используется при принятии управленческих решений, в т.ч. в работе с поставщиками, создании новых финансовых моделей, проведении A/B тестирования на основе аналитической платформы, которая позволяет на двух схожих выборках данных проводить экспериментальные вычисления, чтобы рассчитать эффект проведённого пилотажа.

3. Формирование нового цифрового опыта у покупателей через создание комплексных систем самообслуживания для безопасных и быстрых покупок, цифровых платформ для онлайн покупок, внедрение (золотой записи клиента) – универсального профиля бесшовной идентификации (например, Сбербанк ID), создание персональных цифровых предложений для клиента¹⁶.

X5 Retail Group в 2020 г. запустила такие масштабные инновационные проекты как кассы-самообслуживания, системы экспресс-скан, магазин без продавцов. Новая касса самообслуживания стала первым hard- и software проектом, полностью разработанным *X5 Retail Group*. Компания также запустила систему бесконтактных покупок с помощью мобильных устройств. «Экспресс-скан» – собственная разработка *X5* для повышения безопасности посетителей магазинов, удобных и быстрых покупок без очередей и касс. Для совершения покупки достаточно отсканировать и оплатить товар с помощью мобильного телефона на выходе, минуя кассу. Помимо этого в конце 2020 г. *X5* открыла в России первый магазин без продавцов с полностью автоматизированной системой покупок¹⁷.

Таким образом, мы можем констатировать, что в рамках торговых отношений и розничных сетей, Россия идёт в ногу со временем и запросами потребителей, не уступая нашим азиатским партнёрам. В производственной отрасли с инновационным развитием, коммерциализацией научных достижений и внедрением их в жизнь, ситуация несколько иная, частично мы её уже затронули в начале статьи.

Если мы обратимся к странам АСЕАН, то, как отмечают эксперты, распространение инновационных процессов в ЮВА идёт стремительно, и в условиях глобализации сотрудничество России с этим регионом по перспективным направлениям инновационного характера может укрепить положение партнёров в мировом хозяйстве, тем более что происходит изменение самой мировой хозяйственной структуры в сторону высокотехнологичных и наукоёмких производств¹⁸.

В совокупности десять стран-членов, входящих в АСЕАН, а именно Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам, уже эквивалентны пятой по величине экономике в мире. Экспертами прогнозируется, что к 2030 г. около 500 млн чел. в ЮВА будут трудоспособного возраста. Ожидается, что по населению страны АСЕАН будут расти более чем на 5% в год в течение следующего десятилетия, то есть темпы роста будут намного выше среднемировых. С учётом этих благоприятных демографических показателей, по оценкам *Google*, около 3,8 млн новых пользовате-

лей в ЮВА будут продолжать выходить в Интернет каждый месяц. К 2025 г. онлайн-экономика региона превысит 200 млрд долл. США, благодаря инвестициям в размере около 50 млрд долл. США. Такой впечатляющий рост электронной коммерции, прогнозируемый на 14% в течение следующих пяти лет, может сравниться только с Индией. В ЮВА уже существует более 7000 цифровых стартапов, 80% из которых находятся в Индонезии, Сингапуре или Вьетнаме¹⁹.

Однако мы не будем идеализировать данный процесс в ЮВА. Для большей объективности следует упомянуть тот факт, что ни одна из стран АСЕАН в 2016 г. не входила в ТОП-30 по доле и количеству выпускников ВУЗов по инженерно-компьютерной технике (ИКТ)-специальностей от выпускников 2016 г., ни по доле специалистов ИКТ среди занятых во всех отраслях в 2018 г., а Россия по этому показателю находилась на 24-м месте. Стран ЮВА не было в ТОП-30 по доле занятых в отрасли ИКТ от всех занятых в 2015 г., а РФ занимала в тот период 26-е место²⁰.

Этот факт во многом обуславливается тем, что социально-экономическая инфраструктура инновационного развития в странах ЮВА неодинакова и она, по данным Всемирного экономического форума, не во всём обеспечивает конкурентоспособность и устойчивость развития региона. Лидирующие позиции по индексу глобальной конкурентоспособности (ИГК) в ЮВА занимает Сингапур – 3-е место в мире за период 2017–2019 гг. (второе – в 2012–2016, пятое – в 2008–2010, седьмое – в 2007–2008 гг.), у России – 38-е место. Сингапур находится на шестом месте с 59,2 баллами (из 128) в глобальном инновационном индексе GII (рейтинг был опубликован в 2016 г. *Cornell, INSEAD*).

Первый план по национальным технологиям был запущен в Сингапуре в 1991 г. с бюджетом 2 млрд долл. США (в 2010 г. бюджет вырос уже до 13,55 млрд долл. США) и включал поддержку и поощрение НИОКР в сфере науки и технологий; координацию процессов создания и развития НИИ; оценку научно-технологических потребностей в трудовых ресурсах, сбор программ по их подготовке; поддержку программ и содействие фондам, занимающимся развитием науки и технологий; популя-

ризацию данного направления, повышение уровня общественной осведомленности о науке и технологиях; поддержку программ и совместных проектов с национальными и международными организациями. В 2006 г. правительство Сингапура учредило фонд национальных исследований, нацеленный на содействие научно-исследовательской деятельности, активно развиваются стартапы, причём упор сделан на прикладную, а не фундаментальную науку, а инновации формируются на стыке рентабельности, осуществимости и привлекательности²¹. Хотя следует отметить, что по индексу человеческого развития у Сингапура произошло снижение с 4-го места в 2014 г. до девятого – в 2017 г., а Россия по этому показателю в 2017 г. занимала 49-е место²².

Эксперты указывают, что показатель технологической готовности, включающий наличие новейших технологий, высокую способность компаний к восприятию технологий извне, наличие необходимой законодательной базы для внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), прямые иностранные инвестиции и технологический трансферт, число интернет-пользователей, персональных компьютеров и покупателей широкополосного Интернета у стран АСЕАН пока ещё ниже значений общего индекса конкурентоспособности. Аналогичные расхождения проявляются и при сравнении итоговых показателей конкурентоспособности с развитием системы высшего образования, обеспечивающей квалификацию, знания и навыки, а также с целенаправленным производством знаний для хозяйственного использования. Данные Всемирного банка свидетельствуют, что наилучшие условия для творческого труда в бизнес-структурах сложились в Сингапуре. Следом по уровню кооперации в отношениях между работниками и работодателями идут Таиланд, Малайзия и Индонезия²³.

За последние годы Юго-Восточная Азия переживает быструю цифровую трансформацию. Благодаря росту доходов у простых граждан, развивающемуся сектору стартапов, дешёвым и доступным устройствам увеличилось количество цифровых потребителей, начался бурный рост интернет-экономики. Меняются все аспекты деловой и общественной жизни от онлайн-торговли до сервисов совместного использования автомобилей.

Это помогает подключить малые и средние предприятия к глобальным цепочкам поставок, открыть новые отрасли, созревшие для инноваций, и подтолкнуть экономики региона к более тесной интеграции. Молодое, отдающее предпочтение новым технологиям население ЮВА с энтузиазмом восприняло социальные сети. В совокупности этот регион стал крупнейшим в мире пользователем *Facebook*²⁴, а Джакарта заслужила титул мировой столицы *Twitter*²⁵.

Для активного развития инновационного процесса и цифровизации, как его составной части, необходима оптимизация и ускоренное развитие всей системы образования, что требует от государства и частных структур значительных затрат. И вот тут сравнение не в нашу пользу. Так, расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджета Сингапура на образование в долларах США на душу населения (резидентов) различаются на несколько порядков: в Сингапуре они составляют 2200, а в России – чуть превышают 400 долл. США²⁶.

Сингапур является примером успешного развития свободных экономических зон, ориентированных на экспорт товаров. В этом государстве организовано более 25 промышленных районов, где создано около 3,5 тысяч предприятий с общим числом занятых более 200 тыс. чел., что составляет 70% от общего числа работающих в обрабатывающей промышленности страны. На промышленные зоны Сингапура приходится около 80% всего экспорта продукции обрабатывающей промышленности страны²⁷.

В Сингапуре насчитывается около 130 тысяч предприятий малого и среднего бизнеса, которые составляют 92% всех его предприятий. На них приходится около 35% добавленной стоимости выпускаемой продукции и более 25% ВВП Сингапура. Заметим, что преобладание мелкого и среднего бизнеса (МСБ) характерно для ЮВА в целом, В странах АСЕАН на него приходится более 90-95% от всех предприятий и свыше половины занятых.

Всё больше компаний в ЮВА получают статус «единорогов» («*Unicorns*» – термин для компаний-стартапов, чья капитализация за короткий период превысила 1 млрд долл.), привле-

кают внимание глобальных инвесторов и присоединяются к эксклюзивному клубу компаний миллиардеров.

В Сингапуре находится крупнейший в регионе оператор такси *Grab*. Индонезия теперь может похвастаться четырьмя из десяти технологических стартапов в Юго-Восточной Азии: от более устоявшихся *GoJek*, *Traveloka* и *Tokopedia* до новейшего интернет-магазина *Bukalapak*²⁸.

Технологические фирмы Вьетнама также привлекают больше венчурного капитала, чем когда-либо прежде. Её единокрог, компания онлайн-игр *VNG*, достигла оценки в миллиард долларов задолго до *Go-Jek* и *Grab*.

В рамках Всемирного экономического форума по АСЕАН, проходившего во Вьетнаме в сентябре 2018 г. был проведён конкурс по отбору 80 самых креативных стартапов региона²⁹. Победители варьировались от *HelloGold*, малайзийской компании, производящей криптовалюту в соответствии с шариатом, до *CROWDE*, филиппинской крауд-инвестиционной платформы, которая позволяет гражданам инвестировать в фермерские хозяйства на основе распределения прибыли, и *Hachi*, вьетнамского агротехнического стартапа, использующего датчики Интернета и гидропонику для создания умных ферм.

В связи с цифровым бумом ряд технологий в экономике ЮВА совершил «скачок». В секторе финансовых услуг в странах, где использование банковских счетов все ещё невелико, компании вводят новые услуги для своих клиентов. Так, платежи по телефону становятся нормой. В Джакарте, сервис совместного использования поездок *GoJek* теперь позволяет клиентам использовать «кошелек *GoJek*» для оплаты от покупки кофе до массажа или обеда. В Мьянме, одной из наименее развитых стран ЮВА, внедрение технологий идёт по нелинейному пути, когда целые поколения пропускают традиционные розничные банковские операции и сразу переходят к цифровым финансам.

Цифровая трансформация подталкивает регион к более тесной экономической интеграции. АСЕАН уже работает над созданием общего рынка, известного как Экономическое сообщество АСЕАН (АЕС), запущенного в 2015 г., которое представляет собой уникальную модель, направленную на создание зоны свободной торговли³⁰.

Будучи председателем АСЕАН в 2018 г. Сингапур сфокусировался на развитии цифровой экономики как способе повышения эффективности среды для бизнеса в регионе, повышая глобальную конкурентоспособность страны. В настоящее время Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд подключились к «единому окну АСЕАН», онлайн-платформе для ускорения трансграничных транзакций за счёт более быстрых таможенных операций.

И хотя преодоление цифрового разрыва по-прежнему является сложной проблемой, прогресс наблюдается в ряде секторов: в агробизнесе, например, сингапурская *Olam International* распространила «умное сельское хозяйство» в странах АСЕАН и за её пределами. Информационная система для фермеров агроконгломерата, в которой уже зарегистрировано более 100 тыс. фермеров в 21 стране, предоставляет онлайн-платформу для сбора данных от фермеров и помощи им, начиная от расчёта необходимого количества удобрений и заканчивая типом тени от деревьев для земледелия.

Рынок Индонезия привлекает ведущих мировых игроков в сфере электронной коммерции, включая *Alibaba Group Holdings* и *JD.com Inc.* В Сингапуре *Grab* в 2018 г. опираясь на 6 млрд долл. США, которые он получил от японской *Softbank Group* и китайской *Didi Chuxing*, привлек в целом от инвесторов около 1,5 млрд долл. США³¹.

Цифровой ландшафт меняется быстро. В 2018 г. Австралийская научно-исследовательская организация Содружества Наций (*CSIRO*) опубликовала исследование, в котором определила ключевые направления развития цифровой отрасли в ЮВА, которые будут стимулировать рост региона: это семь секторов от высокоэффективного питания до искусственного интеллекта, финансовых технологий, цифрового здравоохранения, цифровой инфраструктуры, хранения энергии нового поколения и кибербезопасности. Например, австралийская ИТ-фирма *PNORS* вместе с правительством Индонезии предоставляет высокоинтегрированные модели электронного здравоохранения, которые помогут модернизировать здравоохранение в сельских районах Индонезии. Но странам ЮВА при осуществлении процесса цифровизации потребуется сформировать новое миро-

ощущение и умение мыслить масштабно и нестандартно. Как образно сказал на собрании ВЭФ Ле Хонг Минь, соучредитель вьетнамской группы VNG: «У всех вас есть смартфон в кармане, вы все можете общаться с сотнями или тысячами подписчиков в сети, но сегодня все это нормально. Не делайте нормальных вещей, потому что будущее происходит с чем-то, что сегодня вы считаете волшебным и невообразимым»³².

Значимость этого процесса в том, что АСЕАН является третьей по численности населения экономикой мира и, по прогнозам, станет четвёртой по величине экономикой к 2030 г. К тому времени внутреннее потребление, на которое сегодня приходится примерно 60% ВВП АСЕАН, как ожидается, удвоится до 4 трлн долл. США. Население также достигнет 723 млн (сейчас 648 млн) человек. В настоящий момент АСЕАН сталкивается с неопределённостью из-за сбоев, вызванных пандемией COVID-19. Азиатский банк развития (АБР) скорректировал прогнозы роста в Юго-Восточной Азии до 1% на 2020 г., но прогнозируется, что в 2021 г. годовой рост восстановится до 5%.

В июньском отчёте Всемирного экономического форума «Будущее потребления в условиях быстрого роста. Потребительские рынки: АСЕАН» указывается, что в ближайшие 10 лет мы увидим ещё 140 млн потребителей, что составит 16% новых потребителей в мире. По заявлению ВЭФ, быстрое внедрение цифровых технологий в АСЕАН будет продолжено, чему способствует увеличение потребителей цифровых технологий. К 2030 г. в регионе будет около 575 млн пользователей Интернета. По мере того, как цифровизация достигнет сообществ в сельских районах, она устранил барьеры, сдерживающие рост малого бизнеса, позволит предоставлять базовые услуги (здравоохранение и финансы). Отчёт основан на опросах потребителей, проведенных среди 1740 домохозяйств в 22 городах ЮВА, а также на 35 интервью с лидерами частного и государственного секторов³³.

Компьютеризация и цифровизация всей жизни наиболее востребованы в условиях пандемии коронавируса COVID-19. Согласно исследованию *Google, Temasek Holdings* и *Bain & Company* в 2020 г., в ЮВА из-за коронавируса наблюдался рост использования цифровых услуг, таких как электронная коммер-

ция, доставка еды и онлайн-платежи. В документе говорится, что в Сингапуре, Малайзии, Индонезии, Филиппинах, Вьетнаме и Таиланде около 40 млн человек впервые подключились к сети в 2020 г., увеличив общее число пользователей Интернета в регионе до 400 млн (70% населения).

В прогнозе говорится, что интернет-секторы ЮВА могут достичь 100 млрд долл. США валовой товарной стоимости в 2020 г. Рост электронной коммерции составит 63%, а в целом, интернет-секторы региона превысят 300 млрд долларов в GMV к 2025 г. Цифровые платежи, включающие мобильные кошельки, переводы со счёта на счёт и кредитные и дебетовые карты, вырастут с 600 млрд долларов в 2019 г. до 620 млрд долларов в 2020 г., поскольку среднее количество транзакций с наличными снизится. Инвесторы вкладывают больше денег в сферу финансовых технологий, где стоимость сделки выросла с 475 млн долл. до 835 млн долл. в первой половине 2020 г. Однако инвестиции в региональные технологии и общая стоимость сделок упала с 7,7 млрд долл. до 6,3 млрд долл. с первой половины 2019 г. по первую половину 2020 г.

Говоря о проблемах на пути цифровой трансформации ЮВА, надо отметить, что цифровая революция в регионе ещё далека от завершения. Лаос, Мьянма и Камбоджа развиваются медленнее по сравнению с Малайзией и Сингапуром, которые приблизятся к крупным экономикам, таким как США и Китай, и даже обойдут ЕС в 2035 г. В этом процессе большим плюсом региона является наличие огромной молодой и образованной рабочей силы, которая подготовлена к активным действиям и уверена в том, что за новыми технологиями будущее.

Согласно опросу «Ernst & Young» в мае 2020 г., розничная торговля в ЮВА рассматривает цифровизацию как путь вперёд для достижения роста после COVID-19 – это мнение 263 лидеров розничного бизнеса в Индонезии, Малайзии, Филиппинах и Сингапуре. Они считают, что в течение следующих 12 месяцев больше половины ритейлеров будут стремиться к цифровизации своего бизнеса (59%), затем последует реструктуризация бизнеса (23%), выход из неэффективных предприятий (11%), а также приобретение и/или слияние с другим розничным продавцом (3%). В то же время 40% опрошенных указывают на ограничен-

ность ресурсов, а чтобы лучше управлять рентабельностью, ритейлеры работают над сокращением накладных расходов и расходов на бэк-офис (43%), внедряя снижение затрат в магазине и оптимизацию портфеля магазинов (33%), а также управление стоимостью товаров (10%) и стоимостью цепочки поставок и логистики (7%). Для краткосрочной денежной помощи ритейлеры прибегают к оптимизации оборотного капитала (61%), переговорам об аренде, корректировке распределения прибыли (23%) и реструктуризации баланса (4%)³⁴.

Однако массовый безналичный расчёт будет трудно внедрить в ЮВА. Для сравнения: в Китае, где самая передовая в мире инфраструктура электронных платежей через *Alipay* и *WeChat Pay*, некоторые потребители вообще отказываются от физических банкнот. ЮВА напротив в настоящее время далека от безналичного общества, поскольку только 47% её населения имеют банковские счёта. Но ситуация меняется и движение за доминирование электронных платежей продолжается: *Google*, *Temasek* и *Bain & Company* прогнозируют, что к 2025 г. цифровые платежи превысят 1 трлн долл. США, что составляет почти каждые два потраченных доллара. К этому идёт, в частности, Вьетнам, в котором процент потребителей, использующих мобильные платежи, увеличился с 37% до 61% в 2019 г.

К примеру, для потребителей ЮВА круглосуточные магазины могут служить мостом, который облегчит переход в цифровое будущее, используя их в качестве централизованных платежных порталов или пунктов сбора платежей для людей, не охваченных банковскими услугами. Один из самых популярных электронных кошельков Вьетнама, *Momo*, понял это и заключил партнёрские отношения с двумя компаниями сети магазинов *onvenience*, *Circle K* и *Ministop*, чтобы пользователи могли оплачивать электронные счета, переводить деньги и оплачивать покупки в этих узлах. *Alfamart* и *Indomaret* в Индонезии также связаны с *Tokopedia* (электронная коммерция), где покупатели могут заказывать товары в Интернете, а затем забирать и оплачивать свои пакеты в близлежащих магазинах *Alfamart* и *Indomaret*.

А вот автоматизация требует сочетания высокого уровня культуры и огромных инвестиций. Мы уже отмечали, что в

ЮВА магазины у дома функционируют не только как точки розничной торговли, но и как коммунальные узлы. Полная автоматизация требует огромных вложений в безопасность, а также в такие функции, как распознавание клиентов. Беспилотные магазины не подходят для всех, хотя есть пилотные программы в этом направлении. В 2018 г. *JD* открыла свой первый беспилотный магазин за пределами Китая в престижном жилом районе Джакарты. В конце января 2020 г. платформа электронной коммерции *Blibli* также запустила свой первый офлайн-магазин, работающий без кассиров и принимающий только электронные платежи, как и *X-Mart* от *JD*. Однако в этих магазинах по-прежнему работают владельцы магазинов, которые осуществляют контроль за покупателями и помогают им³⁵.

Помимо платформ электронной коммерции, круглосуточные магазины в Индонезии также сотрудничают с приложениями по запросу, такими как *Gojek* и *Grab*, для онлайн-доставки. Их товары доступны в продуктовых разделах приложений, и пользователи могут расплачиваться наличными или через сервисы электронных платежей, такие как *GoPay* или *Ovo*.

Местонахождение удовлетворения потребности имеют первостепенное значение в любой цифровой трансформации. Согласно исследованию 2019 г., компании *Nielsen*, клиенты в Индонезии, Малайзии, Вьетнаме и Филиппинах видят удобство с точки зрения физической близости; в то время как сингапурцы тяготеют к покупкам в Интернете и цифровым платежам. Компании могут использовать искусственный интеллект (ИИ) для анализа моделей покупок потребителей и адаптации последующих предложений магазинов. Пока что только тайландская сеть *7-Eleven* следует правилам *Bianlifeng*.

Как отмечают эксперты, опыт АСЕАН показывает, что эта организация наряду с национальными государствами может эффективно дополнять и координировать развитие инновационной инфраструктуры в ЮВА. Открытый характер проводимой в АСЕАН политики регионализма создает благоприятные возможности для эффективного и взаимовыгодного участия в этом процессе третьих стран. Есть основания полагать, что таким партнёром вполне могла бы стать наша страна, и с этим выводом трудно не согласиться³⁶.

- ¹ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и её влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. №10. 2018. С.46-63.
- ² Корнеев А.В. Мировая энергетика в преддверии структурного фазового перехода и проблемы комплексной безопасности. М., 2013. 36 с.
- ³ Корнеев А.В. Мировая энергетика в преддверии...
- ⁴ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/3>
- ⁵ Сычева Б.А. Развитие высокотехнологичных зон в странах АСЕАН. X Всероссийская конференция «Молодёжь и наука». URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=420306/>
- ⁶ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н...
- ⁷ Евпланов А. Проще сдать, чем внедрять // Российская газета. – 2013. – 23 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/23/tehnopark.html>
- ⁸ Инкубатор для мысли // Российская газета. – 2014. – 10 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/10/inkubatory.html>
- ⁹. URL: <http://www.gisip.ru/>
- ¹⁰ Сайт рейтингового агентства «Эксперт». URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/2011/tab8>
- ¹¹ Сычева Б.А. Развитие высокотехнологичных зон в странах АСЕАН.
- ¹² Беркович М.И., Антипина Н.И. Являются ли российские технопарки технопарками? ЭКО, 2016, № 1. С. 94-107.
- ¹³ Стенограмма выступления Путина на конференции по искусственному интеллекту от 04.12.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545>
- ¹⁴ Аналитический отчет компании KMDA «Цифровая трансформация в России – 2020». «Цифровая трансформация в России – 2020». URL: <https://drive.google.com/file/d/1xVK4lSanDZSCN6kGAHXikrGoKgpVlcwN/view>
- ¹⁵ Аналитический отчет компании KMDA «Цифровая трансформация в России – 2020». 2021.
- ¹⁶ Интервью Главного исполнительного директора X5 Retail Group И.В. Шахтермана медиахолдингу РБК от 23 октября 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/interview/business/23/10/2019/5da9ca769a7947ac3233d6c1>
- ¹⁷ Пресс-релизы компании X5 Retail Group от 8 апреля 2020 г., 15 сентября 2020 г., 23 октября 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/06/810678-x5>
- ¹⁸ Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР (в экспертных оценках). М.: Academia, 2010. С. 39-63.
- ¹⁹ URL: <https://asean.org/storage/2019/11/ASEAN-integration-report-2019.pdf>
- ²⁰ Перспективы цифровой трансформации в России. Strategy Partners. 2020. 13 с.
- ²¹ Ильина Е. Наука и инновации – опыт Сингапура. 06.04.2017 URL: <http://www.atominfo.ru/newsp/w0528.htm>
- ²² Калабеков И.Г. Россия и Сингапур в цифрах. Справочное издание. Москва, 2019. 76 с.

²³ Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР (в экспертных оценках). М.: Academia, 2010. С. 39-63.

²⁴ URL: <https://www.statista.com/statistics/193056/facebook-user-numbers-in-asian-countries/>

²⁵ URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2012/8/1/jakarta-is-worlds-most-active-twitter-city>, URL: <https://investvine.com/jakarta-is-twitter-capital-of-the-world/jakarta-twitter>

²⁶ Калабсков И.Г. Россия и Сингапур в цифрах. Справочное издание...

²⁷ Экономика Сингапура. Экономическая модель развития Сингапура URL: <http://www.gecont.ru/articles/econ/singapur.htm>

²⁸ URL: <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-startups-idUSKCN1G310J>

²⁹ URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-on-asean>

³⁰ URL: <https://asean.org/asean-economic-community/>

³¹ URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-06/singapore-s-grab-raises-about-1-5-billion-from-softbank-fund>

³² URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/le-hong-minh-ceo-dont-be-normal-startup-advice/>

³³ URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Consumption_in_Fast_Growth_Consumer_Markets_ASEAN_2020.pdf

³⁴ URL: https://www.ey.com/en_sg/news/2020/06/retailers-across-southeast-asia-prioritizing-digitalization-but

³⁵ URL: <https://www.kr-asia.com/indonesian-e-commerce-firm-blibli-launches-first-cashless-offline-store>

³⁶ Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР (в экспертных оценках). М.: Academia, 2010. С. 63.

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент Кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет»,
Воронеж, Россия,
maksymkyrchanoff@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ИНДОНЕЗИЙСКИХ
ИСЛАМИСТОВ В НАЧАЛЕ 2021 Г.:
ИСЛАМИЗМ НА РАСПУТЬЕ**

Аннотация: Автор анализирует проблемы активности исламистских СМИ в современной Индонезии в первые месяцы 2021 г. Предполагается, что в конце 2020 г. в истории индонезийского радикального ислама начался новый этап. Запрет деятельности Фронта защитников ислама и арест его лидера Мухаммада Ризика Шихаба институционализировали ситуацию организационной и идеологической неопределенности в радикальном исламе. Предполагается, что *Salam Online* в начале 2021 г. монополизировал функции популяризации мнения исламистов в обществе, так как другие СМИ и каналы минимизировали свою активность. Показано, что запрет Фронта и арест его лидера привел к временной утрате исламистами возможности действовать, используя легальную общественную организацию. Ситуация институциональной неопределенности не повлияла на активность исламистских СМИ. В целом автор полагает, что современные исламистские СМИ выбрали тактику выжидания, так как перспективы консолидации исламистского политического дискурса и возможные траектории развития исламского радикализма остаются неопределенными.

Ключевые слова: радикальный ислам, организационная неопределенность, СМИ, *Salam Online*, *Dakwatuna*, исламизм, исламский алармизм, антисионизм, антиалкогольный дискурс

Для цитирования: *Кирчанов М.А.* Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 г.: исламизм на распутье // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 130–141. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-130-141

Indonesian Islamists' Information Agenda in early 2021: Islamism at a Crossroads

Abstract: The author analyses the problems of Islamist media activities in Indonesia in the first months of 2021. It is assumed that by the end of 2020, a new stage in the history of Indonesian radical Islam began. The prohibition of the Front of the Defenders of Islam and the arrest of its leader Muhammad Rizieq Shihab institutionalised the situation of organisational and ideological uncertainty in radical Islam. It is assumed that “Salam Online” at the early 2021 monopolised the promotion of Islamists opinion in society, when other media minimised their activity. The FPI formally ceased its activities, the Islamists, temporarily lost their leader and the ability to operate using a legal public organisation. The situation of institutional uncertainty did not affect the activity of the Islamist media. In general, the author believes that Islamist media chosen the tactic of waiting, since the prospects for the consolidation of the Islamist political discourse and the possible trajectories of the development of Islamic radicalism remain uncertain.

Keywords: *radical Islam, organizational uncertainty, media, Salam Online, Dakwatuna, Islamism, Islamic alarmism, anti-Zionism, anti-alcohol discourse*

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

For citation: Kyrchanoff M.W. Indonesian Islamists' Information Agenda in early 2021: Islamism at a Crossroads. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 130–141. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-130-141

Введение. Радикальный ислам, представленный Фронтом защитников ислама, «Индонезией без либерального ислама» и Национальным движением против алкоголя, был среди важных факторов политической жизни Индонезии на протяжении 2010-х годов. Новые тенденции в функционировании радикального исламского дискурса наметились осенью 2020 г. Российский политолог А.Ю. Другов полагает, что поворотным моментом стало возвращение из Саудовской Аравии лидера Фронта защитников ислама Мухаммада Ризика Шихаба в ноябре 2020 г.¹

Выбрав конфронтационную модель отношений с властями и игнорируя антикоронавирусные ограничения, лидер Фронта обострил ситуацию в такой степени, что был арестован в декабре 2020 г., а деятельность организации 30 декабря 2020 г. формально запрещена. Такая судьба лидера Фронта, вероятно, стала результатом исторически сложившихся особенностей индонезийского исламизма как концепции, привнесенной извне, и использовавшейся светскими политическими элитами для достижения своих собственных целей, что превращало исламистов во второстепенных участников политического процесса².

Оставшиеся общественные организации исламистов постепенно становятся второстепенными участниками политического процесса: деятельность «Индонезии без либерального ислама» минимизировалась в силу кризиса самого объекта критики и его фактически маргинального статуса в общественно-политической жизни Индонезии, а активность Национального движения против алкоголя редуцировалась до пропаганды введения законов шариата под маской здорового образа жизни и ужесточения законодательства, регулирующего продажу алкоголя.

Политический дискурс ислама в Индонезии в его «мэйнстримовой» версии формируется и контролируется не радикальными, но умеренными участниками, представленными как партиями, так и общественными организациями³. Тем не менее, информационное пространство ислама в Индонезии начала 2021 г. не было монополизировано только умеренными политиками. Несмотря на запрет деятельности Фронта защитников ислама, маргинализацию связанных с ним групп, радикальный дискурс в Индонезии продолжает функционировать в рам-

ках деятельности информационного агентства «*Salam Online*», склонного воспроизводить нарратив радикального, нежели умеренного, ислама.

Анализируя детальность этого источника информации, во внимание необходимо принимать то, что неопределенность была основным фактором, который существенно влиял на индонезийских сторонников радикального ислама, активизировавшихся после возвращения Мухаммада Ризика Шихаба в ноябре 2020 г., но оказавшихся на перепутье в результате его ареста и запрещения Фронта. С одной стороны, исламисты не были готовы к тому, что в конце 2020 г. власти запретили Фронт защитников ислама, арестовав его лидера. С другой, в начале 2021 г. исламисты не были готовы к новым потерям. В частности, 14 января 2021 г. скончался один из лидеров и проповедников индонезийского исламизма шейх Али Джабер⁴. В условиях, когда Фронт запрещен, его лидер находится под стражей, в стране действуют ограничительные меры, связанные с пандемией коронавируса, ставшего причиной смерти некоторых исламских богословов – исламисты временно утратили основные ориентиры их деятельности, хотя некоторые СМИ продолжают воспроизводить исламистский дискурс.

Поэтому, целью данной статьи является анализ современного исламистского информационного дискурса в ситуации организационной неопределенности в развитии радикального ислама (деятельность Фронта защитников ислама запрещена, лидер движения арестован, другие радикальные организации по статусу близки к маргинальным) начала 2021 г., а задачами – изучение основных тематических направлений исламской агитации и перспектив ее развития.

Исламистские СМИ: специфика разделения труда. Что касается самих СМИ, воспроизводящих политические идеи радикального ислама в таких формах, чтобы их деятельность не была прекращена властями, на современном этапе основным голосом умеренного исламизма остался информационный проект «*Salam Online*», в то время как содержательно близкая «*Dakwatuna*» прекратила обновление новостной ленты в октябре 2020 г.

Сравнивая эти два ресурса, во внимание следует принимать их определенную специализацию в транслировании умеренного исламистского политического нарратива. Если «*Dakwatuna*» претендовала на определенную псевдоакадемичность, аналитизм, склонность к пространным рассуждениям о политической миссии уммы⁵, роли исламских политических партий⁶, специфике политического ислама⁷, возможность трансформации государства как института на началах ислама⁸, то «*Salam Online*» позиционировал свою миссию как политическую, предпочитая размещать такие новостные материалы и комментарии, которые без излишнего анализа, решали бы политические задачи, консолидируя мусульман перед угрозой секуляризации, формируя негативный образ врагов ислама и продвигая нарративы об угнетенных единоверцах как жертвах антимусульманской политики израильского сионизма или китайского коммунизма.

Алармизм исламистских СМИ Индонезии в начале 2021 г. Общим мотивом, транслируемым умеренными исламистскими СМИ Индонезии, на протяжении первых недель 2021 г. является идея того, что ислам находится под угрозой со стороны его местных и внешних критиков и отрицателей. Поэтому некоторыми авторами указывается на то, что нападки светских политиков на арабские государства и попытки усомниться в особой роли арабов в развитии ислама являются одновременно антиарабскими и антиисламскими. По мнению тех авторов, которые формируют умеренный исламистский дискурс, критики арабского ислама являются противниками шариата, отрицают Священные Коран и делают богохульные заявления относительно пророка Мухаммада. Информационное агентство «*Salam Online*» периодически поднимают проблему негативного отношения светских политиков к практике ношения хиджаба, указывая, что они фактически не видят ничего предосудительного в локальных культурах Индонезии, определяемых ими как языческие.

Ставя под сомнение официальную позицию властей Индонезии, которая осуждает исламский радикализм и проект ИГИЛ (запрещена в России), сторонники умеренного исламизма, наоборот, стремятся усилить именно арабское влияние на

индонезийский ислам, подчеркивая, что «каждый мусульманин должен верить, что существует только одно послание ислама, переданное Пророком, да благословит его Аллах и приветствует, которое содержится в Коране и Сунне Пророка, да благословит его Аллах и приветствует... оно применимо к каждому мусульманину с момента его ниспослания 16 веков назад до конца света, где бы он ни был и в какой бы стране он ни жил. От каждого мусульманина требуется стремиться к тому, чтобы культура, развивающаяся в его обществе, соответствовала исламу... арабы первыми внедрили исламский закон. Первой, кто носил хиджаб, была арабская мусульманка. Первыми, кто начал соблюдать шариат, совершать намаз и хадж, были арабы, потому что исламский закон впервые был принят в Аравии и даже, если бы последний посланный Пророк не был арабом и послание ислама было открыто не на Аравийском полуострове, а, например, в Индонезии, то суть исламского закона была бы такой же, как и сегодня»⁹.

Подобная специфика исламизма неоднократно анализировалась исследователями индонезийского ислама, по мнению которых, исламизм, основанный, в том числе, и на идее мусульманской солидарности возник раньше индонезийского политического национализма¹⁰. Поэтому, местные исламисты вынуждены лавировать между ценностями уммы и принципами нации, преувеличивая значение именно ислама как консолидирующего фактора. В рамках такой логики индонезийский ислам местными исламистами редуцируется до локальной версии арабского ислама, которому приписывается культурное и интеллектуальное лидерство в мусульманской умме, а индонезийским мусульманам предлагается ориентироваться на законы шариата, а не на национальное право Индонезии.

КНР и Израиль как универсальные Другие в исламистских СМИ Индонезии в начале 2021 г. В то время как власти Индонезии озабочены ростом исламизма, а умеренные организации, такие как Мухаммадия и Нахдатул Улама стремятся нейтрализовать исламистов «своими благотворительными усилиями и деятельностью в социальной сфере»¹¹, сами исламисты склонны использовать нарративы, вероятно, менее социально значимые, но вполне эффективные для привлечения новых

сторонников через формирование и продвижение образов Другого.

Развивая нарратив о том, что ислам в современном мире подвергается многочисленным опасностям, индонезийские исламисты при помощи ряда СМИ продвигают и антикитайские нарративы, обвиняя КНР в организации геноцида в отношении уйгуров. В данном контексте индонезийских исламистов не смущает и то, что их антикитайские настроения в значительной степени вторичны, так как, развивая уйгурскую тему, они фактически занимаются ретрансляцией сообщений западных СМИ. Несмотря на общее отторжение Запада, как коллективного врага ислама, индонезийские исламисты в целом позитивно прореагировали на признание Канадой нарушений прав уйгуров геноцидом. Правда, «*Salam Online*» предпочитает доносить эту информацию до индонезийских мусульман со ссылкой на турецкие или даже американские СМИ¹². В целом, индонезийские исламисты, транслируя нарратив о геноциде своих уйгурских единоверцев, оказались не очень оригинальны, повторив не только утверждения о преследовании в КНР мусульман, но и выразив свою озабоченность нарушением прав человека со стороны Пекина¹³.

Помимо уйгурской проблемы, умеренные исламистские СМИ Индонезии регулярно обращаются к проблемам Ближнего Востока. Как и в случае с уйгурскими мусульманами, симпатии исламистов, разумеется, на стороне палестинских арабов и сирийской вооруженной оппозиции. Если палестинцы в дискурсе исламистских СМИ позиционируются в качестве жертв сионизма, то сирийские мусульмане – Башара Асада и поддерживающей его России¹⁴. В этой ситуации большинство сообщений «*Salam Online*», если они касаются Палестины, формируют образ арабов как жертв террора и насилия со стороны израильского режима, олицетворяемого «сионистской военщиной»¹⁵. В целом, еврейские поселения на арабских территориях определяются как «незаконные», Армия обороны Израиля как оккупационные войска и орудие «сионизма»¹⁶, а правящие круги еврейского государства – «сионистские евреи» и «колонизаторы»¹⁷. Поэтому, формируется исключительно негативный образ Израиля и евреев, которые воспринимаются как причина гибели палестин-

ского населения¹⁸, а политика Тель-Авива сводится до террора в отношении мусульман¹⁹.

Алкогольный вопрос в исламистских СМИ в начале 2021 года. Сторонники исламизма в Индонезии, как полагают исследователи, характеризуются значительным адаптивным потенциалом²⁰, что проявляется и в способности использовать формально нерелигиозные сюжеты для продвижения политической программы исламизма. Поэтому в подконтрольных им СМИ они вполне отдают себе отчет в том, что проарабская риторика, критика светских властей, излишне активное формирование негативного образа других государств чревато последствиями. Поэтому, наряду с критикой современной многопартийной политической системы, функционирование которой, по мнению умеренных исламистов, деградировало до межпартийных склок²¹, значительное внимание в современном исламистском дискурсе средств массовой информации уделяется формально «нейтральной» проблематике, например – критике законодательства, регулирующего продажу алкоголя.

Ризал Фадиллах, например, приписывает светским властям неуверенность и нерешительность в введении мер, которые ограничивали бы продажу алкоголя²² в то время как другие авторы исламской ориентации указывают на то, что именно алкоголь – источник проблем здоровья нации и причина ее морального разложения²³. Транслируя антиалкогольные нарративы, СМИ исламской ориентации склонны фильтровать контент, редуцируя критику алкоголя до его осуждения с позиций ислама, определяя употребление алкоголя как следованием «дьявольским путем»²⁴. Кроме этого уступки властей и согласие вновь рассмотреть алкогольное законодательство исламисты позиционируют как свою победу²⁵, даже в тех регионах Индонезии, где мусульмане уступают христианам²⁶.

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые влияют на информационный дискурс радикального ислама в Индонезии в ситуации, когда он лишился возможности действовать легально через зарегистрированные организации.

Во-первых, риторика исламистских СМИ в большей степени в первые месяцы 2021 г. оказалась сосредоточена на меж-

дународной проблематике, связанной с исламом. Во-вторых, умеренные СМИ исламской ориентации продолжали развивать традиционные нарративы, формируя положительный и позитивный образ ислама в целом, и отдельных мусульман в частности как жертв, которые пострадали от немусульман. В-третьих, умеренные исламистские СМИ поэтому были активны в продвижении негативных образов стран, где мусульмане, по их мнению, подвергались политически и религиозно мотивированным преследованиям и насилию – в первые месяцы 2021 г. на статус универсальных Других претендовали Израиль и Китай, в вину которым ставились репрессии против палестинцев и уйгуров.

Анализируя информационную повестку умеренных исламистских СМИ, во внимание следует принимать и игнорирование проблемы запрещенного в декабре 2020 г. Фронта защитников ислама и судьбы Мухаммада Ризика Шихаба – его арестованного лидера. Вероятно, избрав такую тактику умеренные исламистские СМИ решили выждать как определения нового формального лидера исламистов, так и дожждаться момента появления новой зарегистрированной организации, которая сможет претендовать на выражение мнения радикалов в целом или их умеренного крыла в частности. В первые месяцы 2021 г. умеренные исламистские СМИ стали основными форматорами и выразителями соответствующей информационной повестки, если принять во внимание, что сайт Фронта защитников ислама, хотя и не был закрыт, но перестал обновляться.

В целом, СМИ исламской ориентации воспроизводят традиционные для исламистского дискурса нарративы, основанные на признании примата арабского ислама; критике светского государства западного типа; формировании негативного образа Израиля и Китая как универсальных врагов исламского мира; продвижении идей солидарности уммы с единоверцами, угнетаемыми израильскими сионистами и китайскими коммунистами; популяризации шариата в формально светском государстве; а также последовательном осуждении экономической политики, основанной на свободной продаже алкоголя. Такая информационная повестка дня формально сочетая политические (критика сионизма и КНР) и неполитические темы (алкоголь), фактически основана на игнорировании внутренней индонезийской про-

блематики, включая конфронтацию исламистов и властей, которая в значительной степени углубилась в последние месяцы 2020 г., что и привело к ликвидации Фронта защитников ислама.

Таким образом, современные СМИ исламистской ориентации, занимая на современном этапе осторожную и выжидательную позицию по-прежнему воспроизводят традиционные для себя нарративы, хотя перспективы как консолидации исламистского информационного дискурса и вероятные направления организационного развития радикального ислама в его умеренных формах в современной Индонезии продолжают оставаться неопределенными.

¹ Другов А.Ю. Индонезия-2020 – обострение противоречий // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. III. № 3 (48). С. 50 – 73.

² Mahmudah S. Islamisme: kemunculan dan perkembangannya di Indonesia // Aqlam. Journal of Islam and Plurality. 2018. Vol. 3. No 1. URL.: <http://journal.iain-manado.ac.id/index.php/AJIP/article/view/628>

³ Умеренными партиями исламской ориентации являются Партия национального мандата (Partai Amanat Nasional), Партия национального пробуждения (Partai Kebangkitan Bangsa) и Партия справедливости и процветания (Partai Keadilan Sejahtera), а общественные организации, представлены следующими движениями – Мухаммадия (Muhammadiyah), Нахдатул Улама (Nahdatul Ulama), Совет улемов Индонезии (Majelis Ulama Indonesia), Ассоциация мусульманских студентов (Himpunan Mahasiswa Islam) и Учащиеся мусульмане Индонезии (Pelajar Islam Indonesia).

⁴ Kabar Duka, Syaikh Ali Jaber Wafat di RS YARSI // Salam Online. 2021. Januar 14. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/01/kabar-duka-syaikh-ali-jaber-wafat-di-rs-yarsi.html>

⁵ Amany N. Partai Moderat Islam ala Erdogan // Dakwatuna. 2018. Oktober 19. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2018/10/19/94246/partai-moderat-islam-ala-erdogan>; Ghoni A. Simbiosis Mutualisme Islam dan Politik // Dakwatuna. 2016. Oktober 11. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2016/11/11/83503/simbiosis-mutualisme-islam-dan-politik/>

⁶ Matta A. Islam dan Peta Geo-politik Global // Dakwatuna. 2017. August 3. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2017/08/03/88145/anis-matta-islam-dan-peta-geo-politik-global/>

⁷ Tarigan I. Islam dan Negara // Dakwatuna. 2017. Maret 1. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2017/03/01/85713/islam-dan-negara/>; Wibowo P. Agama, Politik, dan Partisipasi // Dakwatuna. 2016. Oktober 14. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2016/10/14/82939/agama-politik-dan-partisipasi/>

- ⁸ Lubis I. Fiqih Bernegara // Dakwatuna. 2016. December 1. URL.: <https://www.dakwatuna.com/2016/12/01/83938/fiqih-bernegara/>
- ⁹ Anti Arab atau Anti Islam? // Salam Online. 2021. Februar 24. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/anti-arab-atau-anti-islam.html>
- ¹⁰ Somad A. Pemikiran dan pergerakan pan islamisme di Indonesia pada awal abad ke-20 // Candrasangkala. Jurnal Pendidikan Sejarah dan Sejarah. 2015. Vol. 1. No 1. URL.: <https://jurnal.untirta.ac.id/index.php/Candrasangkala/article/view/754>
- ¹¹ Menguatnya Islamisme di Indonesia // Research Center for Society and Culture. 2014. April 15. URL.: <https://pmb.lipi.go.id/menguatnya-islamisme-di-indonesia/>
- ¹² AS: Cina Lakukan Pembantaian Sistematis terhadap Muslim Uighur // Salam Online. 2021. Januar 20. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/01/as-cina-lakukan-pembantaian-sistematis-terhadap-muslim-uighur.html>
- ¹³ Kanada Sebut Cina Lakukan Genosida terhadap Muslim Uighur // Salam Online. 2021. Februar 23. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/kanada-sebut-cina-lakukan-genosida-terhadap-muslim-uighur.html>
- ¹⁴ Serang Idlib, Rezim Suriah Kembali Langgar Kesepakatan De-Eskalasi // Salam Online. 2021. Februar 20. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/serang-idlib-rezim-suriah-langgar-kesepakatan-de-eskalasi.html>
- ¹⁵ Jahatnya Tentara Zionis, Lahan Pertanian Palestina Dibuldoser Jadi Tandus // Salam Online. 2021. Januar 23. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/01/jahatnya-tentara-zionis-lahan-pertanian-palestina-dibuldoser-jadi-tandus.html>
- ¹⁶ Ditembak Zionis Penjajah, 7 Pekerja Palestina Terluka // Salam Online. 2021. Januar 12. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/01/ditembak-zionis-penjajah-7-pekerja-palestina-terluka.html>
- ¹⁷ Pasukan Penjajah Lukai Warga Palestina Saat Berunjuk Rasa di Tepi Barat // Salam Online. 2021. Februar 20. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/pasukan-penjajah-lukai-warga-palestina-saat-berunjuk-rasa-di-tepi-barat.html>
- ¹⁸ Tiga Warga Palestina Ditabrak Mobil Pemukim Yahudi, 1 Orang Meregang Nyawa // Salam Online. 2021. Februar 14. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/tiga-warga-palestina-ditabrak-mobil-pemukim-yahudi-1-orang-meregang-nyawa.html>
- ¹⁹ Lima Anak Palestina di Bawah Umur Ditahan dan Disiksa Tentara Zionis // Salam Online. 2021. Februar 05. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/02/lima-anak-palestina-di-bawah-umur-ditahan-dan-disiksa-tentara-zionis.html>
- ²⁰ Adiwilaga R. Gerakan islam politik dan proyek historis penegakan islamisme di Indonesia // Jurnal Wacana Politik. 2017. Vol. 2. No 1. URL.: <http://jurnal.unpad.ac.id/wacanapolitik/article/view/11373>
- ²¹ Survei Terbaru: Di Bawah PKS, Gerindra Terjun Bebas, PDIP Turut Melorot // Salam Online. 2021. Januar 3. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/01/survei-terbaru-di-bawah-pks-gerindra-terjun-bebas-pdip-turut-melorot.html>
- ²² Fadillah R. Mencabut Lampiran Miras, Siasat untuk Menunda? // Salam Online. 2021. Maret 3. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/03/mencabut-lampiran-miras-siasat-untuk-menunda.html>

²³ MUI Desak Perpres Bidang Usaha yang Legalkan Miras Dicabut // Salam Online. 2021. Maret 2. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/03/mui-desak-perpres-bidang-usaha-yang-legalkan-miras-dicabut.html>

²⁴ Tolak Izin Investasi Minuman Keras, Wakil Ketua MPR: Miras Itu Jalan Setan // Salam Online. 2021. Maret 1. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/03/tolak-izin-investasi-minuman-keras-wakil-ketua-mpr-miras-itu-jalan-setan.html>

²⁵ Setelah Banjir Protes, Presiden Joko Widodo Cabut Perpres Soal Miras // Salam Online. 2021. Maret 2. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/03/setelah-banjir-protes-presiden-joko-widodo-cabut-perpres-soal-miras.html>

²⁶ Majelis Rakyat Papua Tolak Izin Investasi Miras yang Diteken Joko Widodo // Salam Online. 2021. Maret 1. URL.: <https://www.salam-online.com/2021/03/majelis-rakyat-papua-tolak-izin-investasi-miras-yang-diteken-joko-widodo.html>

Попов Александр Вячеславович

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра
Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
ИВ РАН, Россия, Москва,
3638272@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9094-0818>

**ЗОЛОТО ИНДОНЕЗИИ
(Часть 2.)**

Аннотация: Статья посвящена вопросам нынешнего положения золотодобывающей промышленности Индонезии, роли страны в мировом производстве золота, а также состояния крупнейших золоторудных месторождений Индонезии и эксплуатирующих их компаний.

Ключевые слова: *Индонезия, золото, руда, месторождение, геологоразведка, добыча, унция, запасы, ресурсы, содержание, эксплуатация, производство*

Для цитирования: *Попов А.В. Золото Индонезии (Часть 2.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 142–154. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-142-154*

Gold of Indonesia (Part 2.)

Abstract: The article is devoted to the problems of the current state of the Indonesian gold-mining industry, the role of this country in the world gold production, and also the situation of the biggest gold-ore deposits of Indonesia and the companies exploiting them.

Keywords: *Indonesia, gold, ore, deposit, geological exploration, mining, ounce, reserves, resources, content, exploitation, production*

Aleksandr V. Popov, PhD in Economics, Senior Researcher at the Center for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, 3638272@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-9094-0818>

For citation: Popov A.V. Gold of Indonesia (Part 2.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 142–154. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-142-154

Продолжение. Начало в Том I, № 1 (50), 2021, С.131–145.

Вторым по значению золотоносным объектом Индонезии является месторождение Бату Хиджоу на острове Сумбава, которое в 80-е гг. прошлого века начала разрабатывать американская компания «Ньюмонт Майнинг Корпорейшн» через свою «дочку», «Ньюмонт Индонезия Лтд.». В 1985 г. последней было создано совместное предприятие с компанией «ПТ. Пукуафу Индах» – «ПТ. Ньюмонт Нуса Тенгара» (НТТ), на которое 2 декабря 1986 г. был оформлен Рабочий контракт 4-го поколения на месторождение Бату Хиджоу («Зеленый камень» в переводе с индонезийского), названное так по окислам меди на рудных проявлениях на поверхности земли в районе месторождения. За местным партнером, компанией «ПТ. Пукуафу Индах», при основании НТТ было закреплено 20% акций. В течение 10 лет НТТ проводил геологоразведку, уже к 1991 г. выявив ресурсы в объеме 334 млн т при содержании золота $0,7 \text{ гр/т}^1$, а в 1996 г. подготовил ТЭО эксплуатации месторождения медно-порфировой руды, приступив через год к его обустройству, причем уже в сотрудничестве с японской «Сумитомо», которая приобрела 27,6% акций НТТ.

Особо следует отметить местного партнера «Ньюмонта», компанию «ПТ. Пукуафу Индах», владелец которой Юсуф Мерух, выходец с острова Роте соседней провинции Восточная Нусатенгара, в 1985 г. являлся членом парламента страны от Демократической партии Индонезии и входил в Комиссию VI, отвечающую, в частности, за вопросы развития горнодобывающей промышленности². Окончив еще при Сукарно Техасский агро-механический университет, Ю. Мерух, очевидно, хорошо знал, как делать бизнес, используя положение в обществе, и при Сухарто, став одним из лидеров разрешенной Демпартии и членом парламента, он оформил на свои фирмы множество горнодобычных концессий. А в 1986 г. он отвечал за оформление рабочих контрактов в области горнодобывающей промышленности 4-го поколения³ и, очевидно, оказал существенное влияние на

рабочий контракт *«Ньюмонта»*, видимо, оговорив заранее свою долю в совместном предприятии. В этот период масштабы месторождения, возможно, были еще не ясны, иначе в этом СП были бы люди из ближайшего окружения Сухарто, без ведома которого никакие значительные проекты в Индонезии не осуществлялись.

В дальнейшем доля *«Пукуафу»* в акционерном капитале НТТ сократилась на 2,2%, очевидно в связи с займом в размере 287 млн долл., который *«Пукуафу»* получил от аффилированной с *«Ньюмонт Майнинг»* американской же компании *«NVL USA Ltd.»*. В обеспечении же этого кредита закладывались акции *«Пукуафу»* в НТТ⁴. Следует также отметить, что с определенного момента участие *«Пукуафу»* в НТТ сопровождалось многочисленными скандалами, обвинениями личного характера и судебными исками как *«Пукуафу»* в отношении *«Ньюмонта»*, так и отдельных акционеров *«Пукуафу»* к своей компании.

Еще одним акционером ННТ в 2009 г. стала компания *«ПТ. Мульти Даерах Берсаинг»* (МДБ). Последняя, являлась совместным предприятием провинциальной госкомпании *«ПТ. Даерах Маджу Берсаинг»*, имевшей право на акции НТТ, и *«ПТ. Мульти Капитал»*, дочерней структуры группы Бакри, которая за 220 млн долл. оплатила 10%-ную долю акций правительства провинции Нусатенгара Барат в НТТ. Практически одновременно МДБ за 247 млн долл. выкупила 7% акций НТТ у *«Ньюмонта»* и *«Сумитомо»*⁵. Важно отметить, что эти продажи были осуществлены в соответствии с положениями Рабочего контракта, подписанного в 1986 г., который предполагал продажу акций НТТ индонезийской стороне. В 2006 г. *«Ньюмонт»* и *«Сумитомо»*, которые тогда контролировали 80% акций НТТ, предлагали правительству Индонезии 3% акций за 109 млн долл., а год спустя – еще 7% за 247 млн долл., однако это предложение было отвергнуто⁶.

К 2000 г. было закончено обустройство месторождения, включая строительство горно-обоганительной фабрики и угольной ТЭС мощностью 120 МВт. Общие капитальные вложения на подготовительном этапе составили рекордные 1,8 млрд долл., хотя добыча руды осуществлялась в открытом карьере. Дневная выемка горной породы достигала 600–650 тыс. тонн при сред-

нем содержании золота 0,39 гр/т. После размельчения руда подвергалась процессу флотации, в результате которого получался медный концентрат с содержанием меди – 32% и золота – 19,9 гр/т. Концентрат по трубопроводу длиной 17,6 км отправлялся в порт Бенете, откуда шел на экспорт и частично на дальнейшую переработку на завод компании «ИТ. Сметтинг». Уже в первый период месторождения, в 2004 и 2005 гг. продажи золота НТТ составляли, соответственно, 715 и 720,5 тыс. унций, а дальнейшая геологоразведка на месторождении выявила к концу 2008 г. достоверные запасы руды в 968 млн тонн с содержанием меди – 0,41% и золота – 0,29 гр/т⁷, или примерно 280 тонн золота.

Участок старателей, Провинция Папуа. Фото автора.

При достаточно низкой себестоимости производства – в 2005 г. на уровне 152 долл. за унцию, НТТ ежегодно получала солидный доход от своего месторождения – около 600 млн долл. в год до уплаты налогов, однако на рубеже второго президентского срока С.Б. Юдойоно и первого – Джокко Видодо у «Нью-монта» начались проблемы, связанные с запретом экспорта необработанной руды и нежеланием американцев строить медеплавильный завод. В результате, в течение 2015 г. производство на руднике вообще приостанавливалось в условиях отсутствия разрешения на экспорт его продукции. Предоставление же разрешения на экспорт обуславливалось правительством необходимостью переоформления Рабочего контракта в Специальную

горнодобычную лицензию (ИУПК), что предполагало дезинвестицию иностранного партнера, т.е. доведение его доли в акционерном капитале до 49%.

В этих условиях американская *«Ньюмонт Майнинг Корпорейшн»* в ноябре 2016 г. продает свою долю в 48,5% в НТТ компании *«ПТ. Амман Минерал Индонесия»* (АМИ), принадлежащей индонезийской *«Медко Энерги Интернейшнл»* и инвестфонду *«АП Инвестмент»*, за 1,3 млрд долл. АМИ также приобретает доли и других акционеров, доведя свое участие в НТТ до 76%. В частности, свою долю в 18,2% акций продает и японская *«Сумитомо Корпорейшн»*, которая участвовала в НТТ через свою дочернюю компанию *«Nusa Tenggara Mining Corporation of Japan»*⁸. Для финансирования этой сделки был привлечен синдицированный кредит госбанков: Мандири, БРИ и БНИ в размере 2,6 млрд долл.⁹, которые в общей сложности обеспечили АМИ приобретение 82,2% акций НТТ. Оставшиеся 17,8% акций НТТ по-прежнему контролирует *«ПТ. Пукуафу Индах»*¹⁰.

Супиори – старатели. Провинция Папуа. Фото автора.

Следует отметить, что в контуре Рабочего контракта НТТ, помимо месторождения Бату Хиджоу, находится еще практически нетронутое месторождение Эланг, за счет которого запасы медно-порфировой руды НТТ могут быть существенно увеличены. В связи с этим в Индонезии ожидают и реализацию обеща-

ний владельцев АМИ относительно строительства медеплавильного завода. Производство же золота на НТТ уже в 2018 г. составило 70,9 тыс. унций, или более 2 тонн. Запасы же золота только на Бату Хиджоу, по данным АМИ, составляют 9,19 млн унций¹¹, или около 284 тонн.

Если месторождение Бату Хиджоу лишь раз сменило владельцев, то другое крупное месторождение Мартабе, находящееся на северо-западе Суматры, в 300 км от г. Медан, регулярно переходит из рук в руки. Изначально, в 1997 г. на компанию «ПТ. Даноу Тоба Майнинг», акционерами которой были «Норманди Майнинг», «Англо Америкен» и «Аустиндо Нусантара» был оформлен Рабочий контракт на площадь в 656 тыс. га, расположенную на территории четырех кабупатенов провинции Северная Суматра: Тапанули Селатан, Тапанули Тенгах, Тапанули Утара и Мандайлинг Натал. В дальнейшем площадь Рабочего контракта была скорректирована до 130,2 тыс. га. В 1997 г. проведена геологоразведка и пробные работы по извлечению золота методом кучного выщелачивания из руды, добытой вдоль реки Аэк Паку. В результате были выявлены крупные залежи золотоносной руды в районе горы Пурнама, а в дальнейшем и другие крупные залежи руды: Пеланги, Баскар, Кеджора и Герхана, вошедшие все в месторождение Мартабе.

В 2002 г. права на Мартабе выкупила компания «ПТ. Ньюмонт Хорас Наули», акционерами которой были американская «Ньюмонт Майнинг Корп.» и все та же «Норманди Майнинг».

В сентябре 2006 г. австралийская компания «Агинкорт Ресорсез Лтд.» выкупила Мартабе под свою индонезийскую «дочку», «ПТ. Агинкорт Ресорсез».

В апреле 2007 г. другая австралийская компания, «Оксиана Лтд.», выкупила 95% акций «ПТ. Агинкорт Ресорсез», которая управляла Мартабе, а оставшиеся 5% перешли к «ПТ. Арта Нуграха Агунг». В последней 70% акций принадлежит администрации кабупатена Тапанули Селатан, на территории которого на площади 479 га собственно ведется добыча и переработка руды, и 30% – правительству провинции Северная Суматра¹². Вскоре, однако, «Оксиана Лтд.» слилась с компанией «Зинифекс» и «ПТ. Агинкорт Ресорсез» стала управляться их сов-

местным предприятием «OZ Minerals», которое начало обустройство месторождение, получив в апреле 2008 г. разрешение на его разработку от правительства Индонезии.

В апреле 2009 г. китайская «Sci-Tech Holdings Ltd.» через свою гонконгскую «дочку» «Джи-Ресорсез» выкупила 95% акций в «ПТ. Агинкорт Ресорсез» у «ОЗ Минералз». В этот период ресурсы золота на Мартабе оценивались в 6,73 млн унций, или 209 тонн. Кроме того, на Мартабе присутствует и серебро, наличие которого лишь усложняет процесс извлечения золота, делая руды «упорными». Тем не менее, серебро имеет свою экономическую ценность, а его ресурсы в тот же период оценивались в 68,3 млн унций¹³. Спустя 7 лет уже «ПТ. Джи-Ресорсез» продала свою долю консорциуму «EMR Capital», в который, в частности, вошли «Фараллон Кэпитал» – 20,6% и предприниматели: Мартуа Ситорус – 11%, Роберт Хартоно и Майкл Бамбанг Хартоно – 7%. Еще через два года «ЭМР Капитал» продал свою долю фирме «ПТ. Дануса Тамбанг Нусантара», которая на 60% принадлежит публичной компании «ПТ. Юнайтид Тракторз Тбк.» и на 40% – компании «ПТ. Паманерсада Нусантара»¹⁴.

В ходе всех этих трансформаций с собственностью в районе горы Пурнама был обустроен карьер по добыче руды и построен горно-обоганительный завод мощностью переработки 5 млн тонн руды в год, которую планируется увеличить до 6,7 млн т.¹⁵ В период с 2013 г. по 2019 г. переработка на заводе увеличилась с 3,6 млн т до 6,0 млн т, что позволило соответственно нарастить и производство золота с 281 тыс. унций до 391 тыс. унций, или примерно с 8,7 до 12,2 тонн. За этот же период компании «ПТ. Агинкорт Ресорсез» удалось и снизить себестоимость производства одной унции золота с 799 до 443 долл.¹⁶ Увеличение производства золота и снижение его себестоимости позволило компании нарастить и прибыль после уплаты налогов в период с 2015 по 2019 г. с 47,2 до 215,8 млн долл. Даже в 2020 г. в условиях коронавирусных ограничений компания сумела получить прибыль в размере 187,2 млн долл. При этом, «Агинкорт» выплатила налогов в размере 96,4 млн долларов¹⁷.

По состоянию на 2020 г. «Агинкорт» помимо карьера Пурнама эксплуатировал также карьеры Барани, и Рамба Джоринг, состоявший из северной и южной частей, добыв в них 10,5

млн породы, в том числе 7,0 млн т на Пурнама и 2,5 млн т на Барани. Из этого объема породы собственно руда составляла 6,1 млн т против 6 млн т годом ранее. Собственно металла было получено: золота – 306,6 тыс. унций, или 9,5 тонн и серебра – 2,4 млн унций, или 74,6 тонн. Самый же высокий уровень производства и продаж золота пришелся на 2018 г., когда было реализовано 412,3 тыс. унций, или 12,8 тонн¹⁸.

«Агинкорт» продолжает вести геологоразведку, на которую в 2020 г. было потрачено 19,6 млн долл. Всего за год было пробурено около 85 тыс. м новых скважин, что позволило скорректировать в меньшую сторону запасы руды с 95 млн т в 2019 г до 91 млн т в 2020 г. При этом, общие запасы руды по содержанию золота уменьшились с 7,8 до 7,6 млн унций, или 236,4 тонн, а по серебру они были увеличены до 66 млн унций, или 2052,6 тонн¹⁹. При этом, достоверные запасы золота составляют 4,3 млн унций, или 133,7 тонн, а серебра – 33 млн унций, или 1026 тонн²⁰.

Золото старателей. Провинция Папуа. Фото автора.

Процесс производства серебра и золота на обогатительной фабрике заключается в том, что мелкоизмельченную руду обрабатывают цианидами, т.е. солями синильной кислоты, после чего происходит абсорбция частиц серебра и золота на гранулы графита. Затем происходит смыв серебра и золота с графита и дальнейшая их электроэкстракция, или электролиз, из полученного раствора, после чего выплавляются уже слитки, содержащие серебро и золото. Дальнейшее рафинирование золота, или

аффинаж, осуществляются уже в Джакарте²¹, на единственном в стране аффинажном предприятии, принадлежащем Антаму.

После рафинирования золотые и серебряные гранулы экспортируются и продаются банками Сингапура. В 2020 г. «*Агинкорт*» продал 290586 унций, или 9,0 тонн золота и 2,15 млн унций, или 66,9 тонн серебра, соответствующих стандартам Лондонской ассоциации рынка драгоценных металлов. По золоту последние два года наблюдается, все же, существенное падение продаж: с 412,3 тыс. унций в 2018 г. до 383,5 тыс. унций в 2019 г. и 290,6 тыс. унций в 2020 г., что в компании объясняют более низким содержанием золота в руде в соответствующие годы и более низкой степенью извлечения золота.²²

Еще одним крупным месторождением золота в Индонезии является Туджух Букит, известное также как Тумпанг Питу, которое расположено на площади в 4998 га в провинции Восточная Ява, в районе деса Сумберагунг кечаматана Песанггаран кабудатена Баньюванги. Изначально разрешение на проведение горнодобычных работ было выдано компании «*Хакман груп*» на площадь в 62,5 тыс. га, которая затрагивала также территорию кабудатена Джембер. В 1997 г. залежи медно-порфировой руды были обнаружены в районах Тумпанг Питу и Салакан, однако район предполагаемой добычи затрагивал земли национального парка и защищенных лесов, и в 2006 г. бупати Баньюванги приостановил лицензию «*Хакман груп*», выдав в том же году разрешение на проведение геологических исследований общего характера компании «*ПТ. Индо Мулти Чинта*». Эти годы были отмечены произволом чиновников на местном уровне, и руководители кабудатенов не гнушались принимать абсолютно противоправные решения в интересах близких им компаний. В 2010 г. эта компания уже на основе Закона 2009 г. «*Об угле и минеральных ресурсах*» получила горнодобычную лицензию ИУП и продолжила геологоразведку, пробуриив до 2012 г. 367 скважин общей протяженностью 116,5 тыс. м. Хотя, в соответствии с упомянутым законом, передача или продажа горнодобычной лицензии от одной компании другой запрещена, в 2012 г. эта лицензия была переоформлена на компанию «*ПТ. Буми Суксесиндо*» (БС), которая на 99,9% принадлежит публичной компании «*ПТ. Мердека Конпер Голд Тбк.*»²³ (МКГ). Основ-

ными акционерами последней являются инвестиционный фонд «ПТ. Саратога Инвестама Седая Тбк.» предпринимателя китайского происхождения Эдвина Сурьяджая – 19,1%; компания «ПТ. Митра Дая Мустика» – 13,5% и предприниматель Гарибальди Тохир (8,2%)²⁴, брат которого, Эрик Тохир в период второго президентского срока Джоко Видодо возглавил Министерство по делам госпредприятий. Привлекает также внимание тот факт, что среди членов Наблюдательного Совета МГК, помимо основных владельцев, Эдвина Сурьяджая и Гарибальди Тохира, присутствует и отставной генерал Мунир²⁵, который в период 2013 – 2015 гг. был заместителем начальника штаба Сухопутных войск, в тот период генерала Мульдoko. Приглашенный в руководство МГК в 2020 г. генерал Мунир, который ранее был и начальником КОСТРАД, Корпуса стратегического резерва, наиболее боеспособного подразделения Сухопутных войск Индонезии, несомненно, обеспечивает связь компании с армией, которая по-прежнему является в Индонезии серьезной силой. Кроме того, бывший начальник Мунира, Мульдoko, является главой администрации президента Джоко Видодо.

В 2014 г. БС получила первое разрешение на работу в лесах производственного назначения «пинджам пакей» на площадь в 195 га, а в 2016 г. пинджам пакей был получен уже на площадь в 794 га. В том же году месторождение Туджух Букит («Семь холмов») признано как имеющее особое стратегическое значение и провозглашено «Объектом национальной важности»²⁶. Причем, месторождение в Баньюванги состоит из двух частей: так называемой зоны окисления, где присутствует руда с содержанием серебра и золота, находящаяся близко к поверхности, что предполагает возможность вести добычу открытым способом, и медно-порфировой части, где золото соседствует уже с медью, и на Туджух Букит это рудное тело находится на значительной глубине, что предполагает его подземную добычу.

Работы на карьере в зоне окисления начались 1 декабря 2016 г., и в марте 2017 г. было получено первое золото на горно-обогатительном заводе, построенном в районе месторождения с первоначальной мощностью переработки руды в 4 млн т/год, которая в середине 2019 г. была доведена до 8 млн т. По состоянию на 31 декабря 2019 г. ресурсы золотоносной руды в зоне

окисления по стандартам Джорк были посчитаны в объеме 157,7 млн т при содержании золота в 0,39 гр/т, что дало примерно 1970 тыс. унций золота, или около 61,3 тонн. Серебра в этой руде нашли в количестве 15 гр/т, или примерно 76 млн унций, т.е. 2365 тонн. Достоверные запасы руды были, однако, значительно скромнее – по состоянию на конец 2020 г. оставалось 15,2 млн т с содержанием золота 0,88 гр/т и серебра – 36 гр/т. В это же время еще 1,4 млн т было добыто и находилось в стоке (в запахах), однако содержание драгметаллов здесь было существенно меньше: 0,45 гр/т золота и 11 гр/т серебра.²⁷

В медно-порфировой части, которая пока только готовится под разработку, ресурсы руды значительно больше: по состоянию на конец 2020 г. – 1940 млн т с содержанием золота 0,45 гр/т, что дает 28,1 млн унций, или 873 тонны золота. Содержание меди в этой части составляет 0,45%, или примерно 8,7 млн тонн меди²⁸. Для добычи медно-порфировой руды уже подготовлена горизонтальная штольня протяженностью 1 980 м, на основе которой будет обустраиваться в дальнейшем подземная часть месторождения. Кроме того, компании придется построить либо медеплавильный комбинат, либо организовать переработку медно-порфировой руды по примеру «Фрипорта» и «Ньюмонта»: производство у месторождения медного концентрата с последующей переработкой последнего в катодную медь и золотосодержащий анодный шлам. Лишь начало строительства производственных мощностей позволит МГК или его дочерней структуре получить квоту на экспорт медного концентрата, который в Индонезии сейчас под запретом. Пока же производство золота на Туджух Букит осуществляется на основе руды, добытой в зоне окисления и обрабатываемой способом, описанном для переработки руды с Мартабе. В 2020 г. таким способом было получено 157,2 тыс. унций, или примерно 4,9 тонн золота, что оказалось меньше, чем в 2019 г., когда было произведено 223,0 тыс. унций, или 6,9 тонн золота. Частично это сокращение было обусловлено обрушением 12 сентября 2020 г. одной из стен карьера, в котором добывалась руда, из-за чего на время все работы на месторождении были приостановлены. В результате, за год было добыто 6,7 млн т руды, против 7,4 млн т

в 2019 г. Кроме того, среднее содержание золота в руде в 2020 г. было на уровне 0,82 гр/т, тогда как годом ранее – 1,18 гр/т.²⁹

Необходимо также отметить, что у МКГ есть также 66,7%-ная доля в компании «ПТ. Пани Берсама Джая», имеющей горнодобычную лицензию в кабупатене Похувато провинции Горонтало на месторождении Пани, где ресурсы золотоносной руды оцениваются в 89,5 млн т с содержанием золота 0,82 гр/т, что соответствует примерно 73,4 тоннам золота. В этом же районе предприятие «ПТ. Джей Ресорсез Нусантара», 100%-ная «дочка» публичной компании «Джей Ресорсез Эйша Пасифик Тбк.» контролирует аналогичное месторождение с ресурсами руды в 72,7 млн т с содержанием золота 0,98 гр/т, или 71,2 тонн золота. Обе компании планируют объединить два месторождения для более эффективной их обработки.³⁰

Продолжение в следующих номерах.

¹ Irwandy Arif. Emas Indonesia. Jakarta, 2020, h.51-52

² URL: <http://berkas.dpr.go.id/armus/file/Lampiran/1-20190402-021246-6671.pdf>

³ URL: <https://bisnis.tempo.co/read/342944/jusuf-merukh-tutup-usia/full&view=ok>

⁴ URL: <https://www.newmont.com/investors/news-release/news-details/2009/Newmont-Enters-Into-Loan-Transaction-With-PT-Pukuafu-Indah-Receives-Rights-to-20-of-PTNNT-Shares-as-Collateral/default.aspx>

⁵ URL: <https://industri.kontan.co.id/news/dmb-dan-multi-capital-bentuk-perusahaan-patungan-pt-multi-daerah-bersaing>;

<https://www.proactiveinvestors.com/companies/news/71689/newmont-and-sumitomo-cut-stake-in-batu-hijau-gold-mine-3248.html>

⁶ URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1164727/000119312508029438/dex991.htm>

⁷ URL: <https://www.mining-technology.com/projects/batu/>

⁸ URL: https://www.sumitomocorp.com/en/jp/news/release/2016/group/20160701_1

⁹ URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2016/07/28/batu-hijau-mine-and-the-post-acquisition-challenges.html>

¹⁰ URL: <http://www.medcoenergi.com/en/our-operation/nr/page/gold>

¹¹ URL: <https://www.amman.co.id/amman-mineral-nusa-tenggara/>

¹² URL: <https://miningdataonline.com/property/3383/Martabe-Mine.aspx>

¹³ URL: <https://www.mining-technology.com/projects/martabe/>

¹⁴ URL: <https://www.agincourtresources.com/en/our-investors/>;
https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020_H.23

¹⁵ URL: <https://www.agincourtresources.com/en/project-overview/#>

¹⁶ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.2

¹⁷ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.9, 17, 22

¹⁸ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.23, 68

¹⁹ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.23, 68

²⁰ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.34

²¹ URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.37

²² URL: <https://www.agincourtresources.com/wp-content/uploads/2021/03/Annual-Report-2020>. H.71, 73

²³ Irwandy Arif. Emas Indonesia. Jakarta, 2020, h.58 – 60.

²⁴ URL: <https://www.merdekacoppergold.com/profil-merdeka-copper-gold-tbk/struktur-kepemilikan/>

²⁵ Laporan-Tahunan-MDKA-2020. h.61.

²⁶ Laporan-Tahunan-MDKA-2020. h.61.

²⁷ URL: <https://www.merdekacoppergold.com/aset/sumber-daya-cadangan>

²⁸ URL: <https://www.merdekacoppergold.com/aset/sumber-daya-cadangan>

²⁹ Laporan-Tahunan-MDKA-2020. h.86.

³⁰ Laporan-Tahunan-MDKA-2020. h.85.

Симония Аида Алексеевна

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра ЮВА,
Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва,
aida.simonia@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4107-1756>

**МЬЯНМА 2021:
ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАК ТРАГИЧЕСКОЕ
ПОВТОРЕНИЕ СТАРОГО СЦЕНАРИЯ**

Аннотация: В статье проводится параллель между военным переворотом в Мьянме 2021 года и событиями 1988 года, когда новое поколение военных пришло к власти на смену старшему. Автор считает, что повторяется сценарий событий конца 80-х – начала и середины 90-х годов. Введение санкций странами Запада и международными финансовыми организациями приведет страну к еще большей экономической и политической зависимости от Китая.

Особое внимание уделяется фабрикуемому уголовному делу против свергнутых лидеров страны и Национальной лиги за демократию с тем, чтобы устранить эту партию с электорального поля в будущем.

Ключевые слова: Мьянма, военный переворот, санкции, уголовные обвинения, Мин Аун Хлаин, Аун Сан Су Чжи, Шон Тёрнелл

Для цитирования: Симония А.А. Мьянма 2021: военный переворот как трагическое повторение старого сценария // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 155–165. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-155-165

**Myanmar 2021:
Military Coup as Tragic Recurrence of Old Scenario**

Abstract: The article draws a parallel between the military coup in Myanmar in 2021 and the events of 1988, when a new generation of

military came to power to replace the older one. The author believes that the scenario of the events of the late 80^s – early and mid- 90^s is repeated. The imposition of sanctions by Western countries and international financial organizations will lead the country to even greater economic and political dependence on China.

Special attention is being paid to the criminal case being fabricated against the ousted leaders of the country and the National League for Democracy in order to eliminate this party from the electoral field in the future.

Keywords: Myanmar, military coup, sanctions, criminal charges, Min Aung Hlaing, Aung San Suu Kyi, Sean Turnell

Aida A. Simoniya, PhD in Economics, Leading Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, aida.simonia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4107-1756>

For citation: Simoniya A.A. Myanmar 2021: Military Coup as Tragic Recurrence of Old Scenario. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 155–165. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-155-165

Народ Мьянмы более пяти десятилетий страдал от военного правления. Последнее десятилетие было безуспешной попыткой разделения власти между военными и избранным гражданским правительством со множеством условий и оговорок. В конце концов, военные не смогли или не захотели соблюдать правила игры, которые они сами же установили, написав и приняв конституцию страны 2008 г., и 1 февраля 2021 г., в Мьянме произошел *второй военный переворот* в новейшей истории Бирмы/Мьянмы. Предыдущий военный переворот, совершенный генералом Не Вином 2 марта 1962 г., положил начало полувековому доминированию армии в виде разных политических институтов во всех сферах политической и социально-экономической жизни бирманского общества.

В тот день – понедельник 1 февраля – намечалось провести первое заседание нового избранного парламента, но ранним утром все политическое руководство страны, включая государ-

ственного советника Аун Сан Су Чжи и президента страны Вин Мьи́на, было арестовано и помещено под домашний арест. Были отключены телефонная связь и интернет. По телевизионному каналу *Myawaddy TV*, принадлежащему вооруженным силам, было объявлено о смещении руководства страны и введении в стране чрезвычайного положения сроком на один год. Населению сообщили, что вся полнота власти переходит в руки главнокомандующего вооруженными силами старшего генерала Мин Аун Хлаина. Полномочия президента временно возлагаются на первого вице-президента представителя военной фракции в парламенте отставного генерала-майора Мьин Свэя. Военные также отстранили 24-х министров и их заместителей и сформировали новый орган власти – Государственный административный совет, состоящий из 11 человек, во главе со старшим генералом Мин Аун Хлаином. Члены нового совета берут на себя ответственность за сферы финансов, здравоохранения, иностранных дел, обороны. Причиной совершения государственного переворота военные называют отказ правящей Национальной лиги за демократию и Союзной избирательной комиссии пересмотреть итоги выборов ноября 2020 г. и пересчитать голоса. Новая администрация обещает провести всеобщие выборы через год под контролем военных.

Старший генерал Мин Аун Хлаин принимает военный парад в День вооруженных сил. Нейпидо. 27 марта 2021 г. © Reuters

Проведенная 1 февраля 2021 г. армейская операция по захвату власти в Мьянме отбросила страну по крайней мере на 25 лет назад. Вспомним события конца 80-х, начало и середину 90-х годов: многочисленные жертвы среди гражданского населения во время протестных выступлений весной-летом 1988 г., аресты и заключение в тюрьмы или под домашний арест лидеров недавно созданной Национально лиги за демократию (НЛД) Аун Сан Су Чжи и ее товарищей, принимавших участие в протестных акциях и манифестациях. Тогда – вскоре после захвата власти, новый военный режим объявил о введении многопартийной системы вместо однопартийной, существовавшей в стране при Не Вине, и проведении свободных выборов. Но потерпев неожиданное для себя поражение, новая военная администрация не признала победу молодой НЛД на всеобщих свободных и честных выборах 1990 г. Все это привело сначала к военному эмбарго, а затем к широкомасштабным экономическим санкциям со стороны стран Запада.

Сейчас, в 2021 году, повторяется тот же сценарий: военные получили приказ использовать боевое оружие против манифестантов на улицах – жертв уже гораздо больше, чем во время «шафрановой революции» 2007 г., к концу марта на улицах городов в Мьянме погибли около 500 человек. Гражданское руководство страны смещено и содержится под арестом в неизвестном месте. Против президента и госсоветника сначала выдвигались смехотворные обвинения, типа незаконное пользование средствами радиосвязи и нарушение режима локдауна во время пандемии. Но потом все стало гораздо серьезнее. Военные решили погубить и репутацию, и политическую карьеру Аун Сан Су Чжи, выдвинув новое обвинение, на этот раз, в коррупции. Ей вменяют незаконное получение финансовых сумм в тысячах долларов и золота. Судя по действиям военной администрации, это серьезное обвинение было обдумано и готовилось заранее. Еще в середине февраля трое известных крупных бизнесменов подверглись многочасовым допросам. Эти люди, по нашей народной терминологии, назовем их «олигархами», ранее сотрудничали с военным режимом Тан Шве, тогда же и нажили крупные состояния. Но когда к власти пришла Национальная лига за демократию (НЛД), они стали также оказывать финансо-

бую поддержку гражданскому правительству, особенно в области благотворительности¹. Напомним, что Аун Сан Су Чжи на средства своей Нобелевской премии в 2012 г., создала **Благотворительный фонд До Кхин Чжи**, в память о своей матери – вдовы легендарного генерала Аун Сана.

«Целью фонда является содействие укреплению здоровья, образования и уровня жизни населения страны, уделяя особое внимание потребностям наименее развитых районов Бирмы. Фонд является некоммерческой благотворительной организацией, которая стремится достичь этих целей независимо от этнической принадлежности, расы или религии, полагая, что улучшение в одном месте создает лучшее будущее для всех.

Фонд политически нейтрален и работает с государственными органами, международными НПО и другими партнерами. Получая средства внутри страны, а также от друзей Бирмы за рубежом, мы можем принимать благотворительные пожертвования, государственные и частные субсидии и наследство в соответствии с законом.

*Прочно укоренившись в Бирме, мы приветствуем как местный, так и международный опыт, который может быть направлен на удовлетворение реальных потребностей бирманского народа. Мы являемся официально зарегистрированным местным фондом и имеем право работать во всех частях страны».*²

До переворота фонд также принимал общественные пожертвования на вакцинацию от COVID-19. По состоянию на 29 января, за два дня до захвата власти военными, фонд перевел правительству в общей сложности 2,5 миллиарда джа (1,77 миллиона долларов США). После переворота фонд объявил о временном закрытии³.

В начале февраля двое руководителей *Фонда До Кхин Чжи* были вызваны чиновниками в военное следственное бюро в Янгоне. Они не были арестованы, но исполнительный директор доктор Тан Тау Каун – издатель и основатель Центра книги в Янгоне, должен был каждое утро приходить в бюро для допроса о финансах фонда, и возвращался домой только вечером⁴. Жена доктора Тан Тау Кауна сообщила в недавнем посте в Facebook, что ее муж доказал отсутствие нарушений в финансах

фонда, добавив, что до сих пор ни одна собственность организации не была конфискована⁵.

Предъявив первые «несерьезные» обвинения как повод для ареста: новый военный режим задержал Аун Сан Су Чжи, обвинив ее в нарушении Закона об экспорте и импорте, заявив, что в ее резиденции в Нейпйидо обнаружены девять незаконно ввезенных в страну раций. Уже через неделю после переворота новая военная администрация начала расследование деятельности *Фонда До Кхин Чжи*. Этот шаг вызвал опасения, что он может стать предлогом для предъявления новых обвинений фактическому лидеру страны. Причина военного расследования фонда вначале была не ясна, но предполагалось, что чиновники военного режима «прочесывают» всю деятельность Аун Сан Су Чжи, чтобы выдвинуть против нее новые обвинения — например, в получении денег из-за рубежа. Были также заморожены счета Открытого общества Мьянмы, созданного фондом Сороса в 2018 г. Проводится расследование деятельности 24 частных банков, через которые предположительно могли переводиться финансовые средства из-за рубежа для Открытого общества Мьянмы⁶.

Теперь напомним о связях с «олигархами». После первой победы НЛД на всеобщих выборах ноября 2015 г. многие избранные парламентарии были новичками в политике. Поэтому после выборов около 200 победивших кандидатов от НЛД прошли специальное обучение. В декабре–январе было проведено пять отдельных интенсивных трехдневных курсов. Причем спонсором этих тренингов стал крупный бирманский предприниматель Тей За, находившийся тогда под санкциями США за связи с бывшей военной хунтой. По словам члена совета директоров банка *Asia Green Development Bank*, принадлежащего этому олигарху, расходы на организацию тренингов составили примерно 150 млн. джа (115 тыс. долларов). Тэй За также предоставил помещение для занятий в принадлежащем ему роскошном отеле в столице Нейпйидо, что поначалу даже вызвало некоторое сомнение среди членов НЛД — уместно ли такое спонсорство. Но это был не первый случай, когда НЛД принимала финансовую поддержку от так называемых олигархов, находящихся под санкциями США. Руководство НЛД и сама

Аун Сан Су Чжи считали, что все они делают общее дело для блага страны, для консолидации всех сил⁷. Однако уходящее правительство смотрело на этот вопрос по-другому. Тэй За и другие крупные бизнесмены получили предупредительные письма-рекомендации от столичных муниципальных властей, в которых предписывалось не предоставлять помещения принадлежащих им гостиниц для занятий-тренингов парламентариев. В документах говорилось, что на строительство этих современных отелей бизнесмены получили ссуды от государственного Экономического банка Мьянмы с 15-летним льготным периодом. Поэтому указанные здания являются муниципальной собственностью до тех пор, пока не будут погашены эти займы. По мнению одного из членов НЛД, занимавшегося организацией этих тренингов, такими действиями правительство проигравшей Союзной партии солидарности и развития (СПСР) стремилось препятствовать обучению парламентариев от бывшей оппозиционной партии⁸.

К разработке коррупционного обвинения против НЛД и ее лидера, можно добавить и арест 6 февраля единственного известного иностранца – австралийского экономиста Шона Тёрнелла, бывшего советника по экономической политике правительства Мьянмы. Ранее он был профессором экономики в Университете Маккуори (Австралия), старшим аналитиком Банка Австралии и директором по исследованиям в Институте развития Мьянмы. Ш. Тёрнелл автор многочисленных трудов по экономике Бирмы/Мьянмы, частности, монографии о финансовой системе страны⁹. 360 ученых из разных университетов Австралии подписали петицию за освобождение этого «честного ученого и деликатного человека». Он, как никто, разбирается в тонкостях экономического развития Мьянмы, ее финансовой системы. Все деловые люди из-за рубежа стремились встретиться с ним, потому что он не отделялся общими избитыми фразами, а мог объяснить суть экономических проблем в стране.

Ситуацию усугубило заявление лидера военной хунты Мин Аун Хлаина 8 марта по государственному телевидению, что во время «попытки бежать из страны» был задержан финансовый советник свергнутой Аун Сан Су Чжи австралийский экономист Шон Тёрнелл. И теперь он столкнется с судебным

иском в связи с «секретной государственной финансовой информацией». Это заявление означает, что Тёрнелл будет задержан «гораздо дольше, чем первоначально предполагалось» по обвинениям, связанным с «предполагаемым преступлением». В тот же день Австралия объявила, что она приостановила всю иностранную помощь и оборонное сотрудничество с Мьянмой. Военно-техническая помощь Австралии за последние пять лет составила 1,5 млрд долл., на 2020/21 ф. г. было запланировано предоставить продукции военно-технического назначения еще на 400 тыс. долл. Международные аналитики расценили решение правительства Австралии приостановить всю помощь и военное сотрудничество как знак того, что задержание Тёрнелла может быть бессрочным и что дальнейшее насилие против протестующих неизбежно¹⁰.

В коррупции обвиняется также и смещенный президент Вин Мьин – такой же честный и преданный общему делу патриот, как и Аун Сан Су Чжи. В прошлом, когда её впервые поместили под домашний арест, в прессе велась разнузданная кампания по дискредитации её образа, временами допускались даже прямые оскорбления, но эти недостойные действия не повлияли на доверие и любовь народа к Аун Сан Су Чжи. За нынешними действиями чувствуется рука старой гвардии – сторонников жесткой линии, может быть и самого Тан Шве. Ему 88 лет, но бирманские политики, находившиеся у власти, как правило, живут долго и также долго сохраняют влияние, особенно в армии.

Новые обвинения о незаконном получении финансовых средств подразумевают длительные сроки тюремного заключения – от трех до тридцати лет. Приговоры на длительные сроки приведут к тому, что никто из осужденных лидеров НЛД, а главное сама Аун Сан Су Чжи, не смогут участвовать в выборах, т.е. НЛД будет **фактически вытеснена из электорального поля**. Таким образом может состояться повторение сценария парламентских выборов 2010 г. Выборы будут проведены таким образом, как это нужно военным., т.е. их *прокси* Союзная партия солидарности и развития, на самом деле несамостоятельная, беспомощная и неспособная одержать победу без поддержки армии, получит большинство в парламенте, что позволит, в со-

ответствии с конституцией 2008 г., представителю генералитета стать президентом.

Повторяется и сценарий с международными санкциями — они уже введены, и постоянно ужесточаются. В феврале после первой жертвы среди демонстрантов президент США Джо Байден подписал указ о введении санкций против 10-х высокопоставленных военных Мьянмы, участвовавших в государственном перевороте 1 февраля и трех компаний. США заморозили активы, принадлежащие частным лицам и компаниям Мьянмы на 1 млрд долларов. Помимо частных лиц в санкционный список США включены два силовых ведомства Мьянмы — министерство обороны и министерство внутренних дел, а также две контролируемые военными экономические корпорации — *Myanmar Economic Holding Ltd* (МЕНЛ) и *Myanmar Economic Corporation* (МЕС), задействованные во всех сферах экономики — от горнодобывающей и легкой промышленности до телекоммуникаций, гостиничного и банковского бизнеса. О приостановке сотрудничества уже объявили некоторые международные финансовые организации, в частности, Азиатский банк развития. В санкционный список США в марте попали еще несколько физических лиц из военных, а также двое взрослых детей старшего генерала Мин Аун Хлаина и принадлежащие им шесть компаний, против самого главкома санкции были объявлены ранее в связи с кризисом рохинджа. Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США объяснило, что сын и дочь главкома владеют этими компаниями, благодаря влиятельному отцу¹¹. В контексте готовящегося «дела о коррупции» членов НЛД напомним о «золотой молодежи», которая появилась во времена военной диктатуры.

Тема роскошной жизни отпрысков генералитета вновь стала обсуждаться среди населения. По мере того как общественный гнев по отношению к военному режиму усиливается после смертоносных репрессий хунты против участников акций гражданского неповиновения, протестующих против переворота, народ Мьянмы начал публично «позорить» видных членов семей военных в социальных сетях. Технически подкованные сторонники демократии запустили веб-сайт и создали страницу в *Facebook*, раскрывающую почти 160 человек, связанных с ли-

дерами переворота 1 февраля и членами кабинета министров хунты. Большинство из них – взрослые дети высокопоставленных членов хунты, включая членов нового кабинета министров, которые учились за границей, а затем обосновались в других странах, в основном, в США и Великобритании. До недавнего времени люди в Мьянме не интересовались ими, несмотря на то, что те делились своим роскошным образом жизни на страницах *Facebook*. Они пользуются частными самолетами, летают на отдых в Мьянму и обратно, покупают дорогие роскошные автомобили и тратят тысячи долларов на дизайнерскую одежду и аксессуары. Многие из этих детей старших офицеров или отставных генералов управляют компаниями, включая оптовые рынки и розничные предприятия, медицинские услуги, логистику, туристические, ювелирные, производственные, художественные и развлекательные фирмы в Мьянме. Теперь они становятся мишенью сторонников демократии в рамках стратегии свержения военной диктатуры. Столкнувшись с суровым осуждением со стороны общественности, почти все члены семей лидеров переворота, члены кабинета нового режима и другие высокопоставленные военные деятели, участвовавшие в репрессиях, дезактивировали свои аккаунты в социальных сетях, которые они когда-то использовали для демонстрации своего богатства. Те, кто является социальными влиятельными лицами, моделями и победителями конкурсов красоты, теперь потеряли миллионы своих поклонников и последователей после переворота¹².

Вспомним, сколько времени потребовалось, а главное на какие уступки пошли военные для того, чтобы эти санкции были сняты. Квазигражданское правительство президента Тейн Сейна – генерал-лейтенанта в отставке, бывшего человека №4 в Госсовете мира и развития, стало самым прогрессивным и самым революционным в новейшей истории Бирмы. Они даже пошли на замораживание грандиозных китайских проектов, потому что «народ был против». Хотя и считается, что санкции не были очень действенными, на самом деле военные очень хотели вернуться в мировое сообщество равноправным участником.

- ¹ The Irrawaddy. 15.02.2021.
- ² THE DAW KHIN KYI FOUNDATION - <https://www.dawkhinkyifoundation.org/>
- ³ The Irrawaddy. 11.02.2021.
- ⁴ The Irrawaddy. 11.02.2021.
- ⁵ The Irrawaddy. 11.02.2021.
- ⁶ Global New Light of Myanmar. 16.03.2021.
- ⁷ The Irrawaddy. 15.12.2015; 01.02.2016.
- ⁸ The Irrawaddy. 16.02.2016.
- ⁹ Sean Turnell. Fiery Dragons. Banks, moneylenders and microfinance in Burma. Nordic Institute of Asian Studies. Copenhagen S, Denmark. 2009. 387 p.
- ¹⁰ Asia Nikkei. 9.03.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Coup/>
- ¹¹ The Irrawaddy. 11.03.2021.
- ¹² Подробно см.: The Irrawaddy. 22.03.2021.

Рогожина Наталия Григорьевна

доктор политических наук, доцент,
главный научный сотрудник
НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова,
Россия, Москва,
ngrogozhina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9924-2493>

**ЛАОС И КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПОЯСА И ПУТИ –
ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ**

Аннотация: В статье анализируются последствия участия Лаоса в китайской инициативе Пояса и Пути. Оцениваются приобретенные им выгоды и возможные потери. Строительство железной дороги в Лаосе, соединяющее его с Китаем, является наиболее успешным проектом, осуществляемым в рамках Пояса и Пути в Юго-Восточной Азии, которая занимает особое место в стратегических планах Китая. Проект строительства железной дороги имеет для Лаоса важное экономическое значение и в перспективе может стимулировать его экономический рост. В то же время возникает риск попадания в долговую зависимость от Китая. Возможности Лаоса выполнить свои долговые обязательства завесят от рентабельности проекта, что однако вызывает много вопросов, поскольку проект скорее сориентирован на краткосрочные интересы Китая, чем на долгосрочные интересы Лаоса. Сможет ли Лаос извлечь экономическую выгоду от строительства железной дороги, остается под вопросом. Но то, что Китай окажется в выигрыше – не вызывает сомнения. Он не только укрепит свое экономическое присутствие в этой стране, опираясь на поддержку местной элиты, но и использует Лаос как плацдарм для продвижения вглубь Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: инициативы Пояса и Пути, Китай, Лаос, паназиятская железная дорога, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: *Рогожина Н.Г.* Лаос и китайская инициатива пояса и пути – приобретения и потери // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 166–173. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-166-173

Laos and China's Belt and Road Initiative – Gains and Losses

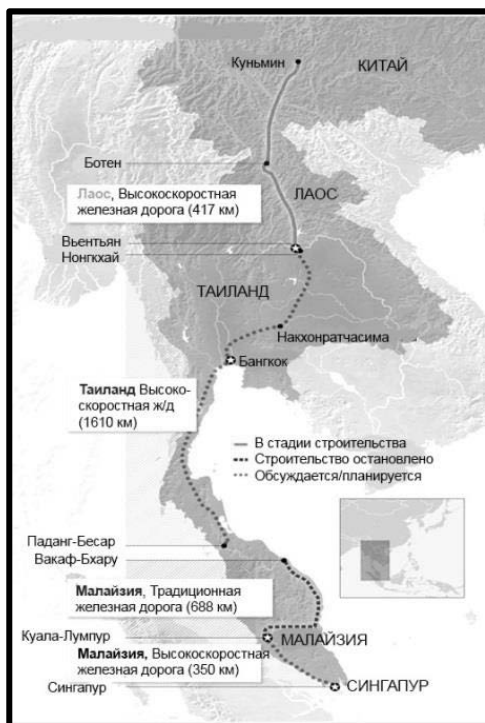
Abstract: The article analyzes the consequences of Laos' participation in the Chinese Belt and Road Initiative. The benefits acquired and possible losses are assessed. The construction of a railway in Laos, linking it to China, is the most successful Belt and Road project in Southeast Asia, which has a special place in China's strategic plans. The railway construction project is of great economic importance for Laos and in the future can stimulate its economic growth. At the same time, there is a risk of falling into debt dependence on China. The ability of Laos to meet its debt obligations will depend on the profitability of the project, which, however, raises many questions, since the project is more focused on the short-term interests of China than on the long-term interests of Laos. Whether Laos will be able to economically benefit from the construction of the railway remains questionable. But there is no doubt that China will benefit. China will not only strengthen economic presence in this country, relying on the support of the local elite, but also use Laos as a springboard to move deeper into Southeast Asia.

Keywords: *Belt and Road Initiatives, China, Laos, Pan-Asian Railway, Southeast Asia*

Natalia G. Rogozhina, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, IMEMO RAS, Russia, Moscow, ngrogozhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9924-2493>

For citation: Rogozhina N.G. Laos and China's Belt and Road Initiative – Gains and Losses. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 166–173. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-166-173

Пожалуй, наиболее успешным проектом Инициативы Пояса и Пути, реализуемым Китаем в ЮВА, является строительство скоростной железной дороги в Лаосе в соответствии с амбициозным планом создания паназиатской железнодорожной системы протяженностью 5 500 километров, которая должна связать Китай с Сингапуром через Лаос, Таиланд и Малайзию.

Первый отрезок этого пути протяженностью 400 км соединит лаосскую столицу Вьентьян с южнокитайским городом Куньмин. Завершение проекта, начатого в 2016 г., намечено на 2021 г. и приурочено к 46-й годовщине основания Лаосской Народно-Демократической Республики, которая приходится на 2 декабря 2021 г. Согласно последним сообщениям, проект завершен на 90%. Для прокладки железной дороги потребовалось построить 150 мостов, включая два через реку Меконг, и

прорыть 70 тоннелей. Первые поезда будут пущены через два года с остановками на 10 станциях.

Благодаря этой скоростной железной дороге Китай получает возможность ускорить транспортировку товаров из юго-западного Китая, которые сегодня доставляются воздушным или морским путем, и выйти на рынки Таиланда, Малайзии, а в перспективе и Сингапура. Но для Китая эта магистраль имеет не только транспортное назначение. С ее помощью он намерен расширить свое экономическое присутствие и политическое влияние в регионе. После своего визита в Лаос в ноябре 2017 г.

Си Цзиньпин написал открытое письмо, переведенное на английский и лаосский языки и опубликованное в ведущих средствах массовой информации Лаоса, в котором он отметил, что существует большая степень взаимодополняемости между китайской инициативой Пояса и Пути и планами Лаоса по получению выхода к морю, будучи страной, окруженной сушей. По его мнению, железная дорога Китай-Лаос ускорит развитие Лаоса и воплотит в жизнь его мечту¹.

Лаос, считающийся одной из самых бедных стран в ЮВА, несмотря на достигнутые экономические успехи и рост доходов на душу населения в течение последних десятилетий², имеет крайне неразвитую систему транспортной коммуникаций, в том числе железных дорог, что, по мнению МБРР и Азиатского банка развития, создает преграду на пути к его устойчивому экономическому развитию. Неудивительно поэтому, что правительство Лаоса поддержало китайский проект железной дороги, поскольку оценивает его исключительно с точки зрения приобретенных выгод: *получить выход к морю и доступ на рынки соседних стран, что позволит добиться ускорения экономического роста, расширения торговли и улучшения уровня жизни населения*³.

Железная дорога также обеспечит наземную связь с глобальными цепочками поставок, что сделает Лаос более привлекательным для инвесторов и будет способствовать росту занятости в стране. «Мы надеемся, что строительство железной дороги стимулирует и поддержит инвестиции и сотрудничество и принесёт значительные выгоды нашей стране», – заявил премьер-министр Тхонглун Сисулит в июне 2018 г.⁴. По данным Всемирного банка, благодаря подключению к обширной китайской инфраструктурной сети «Пояса и пути», в долгосрочной перспективе железная дорога Китай-Лаос потенциально может повысить совокупный доход Лаоса на 21%⁵.

Соглашение по проекту было подписано еще в 2015 г. Его стоимость составляет порядка 6,28 млрд долл. (эквивалентно одной трети ВВП Лаоса), что вызывает множество вопросов как внутри страны, так и у внешних наблюдателей. 3,5 млрд долл., или около 60% от общей суммы, представлены в виде займов от Экспортно-импортного банка Китая. Оставшиеся 40% финанси-

руются специальным концерном, который является совместным предприятием трех китайских госкорпораций и одной лаосской государственной компании, в котором 70% доли принадлежит китайской стороне, а 30% лаосской. При этом китайская сторона берет на себя обязательства по техническому обеспечению проекта⁶. По данным Всемирного банка, затраты китайских компаний оцениваются в 4,11 млрд долл.⁷.

Для финансирования своей доли в проекте правительство Лаоса выделило 250 млн долл. из бюджета и заимствовало 480 млн долл. у Экспорт-импортного банка Китая под 2,3% в год, в результате чего задолженность Лаоса банку составляет 3,5 млрд долл. (почти 20% ВВП)⁸. Это – внушительная цифра для страны с ВВП в 20 млрд долл. и валютными резервами, не превышающими 1,1 млрд долл.⁹. Еще в 2017 г. Международный валютный фонд предупреждал, что Лаосская Народно-Демократическая Республика столкнется с проблемами обслуживания внешнего долга. После запуска крупнейшего инфраструктурного проекта риск дефолта вырос с умеренного до высокого. А в 2018 г. американский Центр глобального развития предупредил о зависимости страны от Китая. Он назвал Лаос одной из восьми стран с наибольшим показателем долга Китай среди 68 стран, финансируемых в рамках Пояса и Пути. По мнению Программы Развития ООН, условия финансирования являются настолько обременительными для Лаоса, что угрожают его макроэкономической стабильности. По оценкам *Lowy Institute*, задолженность Лаоса Китаю может составить 45% ВВП страны¹⁰ — выше, чем у любой другой страны, участвующей в инициативе Пояса и Пути, включая Камбоджу, Демократическую Республику Конго, а также островные государства Африки и Тихого океана.

Премьер-министр Тхонглун, однако, сохраняет оптимизм. «Я не сильно беспокоюсь по поводу бремени долга или строительства высокоскоростной железной дороги», – заявил он. Лаос настаивает на том, что он выплатит свой долг за счёт прибыли от железной дороги, которая, по мнению чиновников, начнёт приносить деньги уже на шестой год эксплуатации¹¹.

Сможет ли правительство Лаоса выполнить свои финансовые обязательства по обслуживанию кредита, напрямую зависит от рентабельности проекта. И тут кроется главная опасность

для Лаоса, Коммерческая эффективность проекта зависит от ряда факторов – перемещения примерно 1,5 млн т товаров с морского транспорта на железнодорожный; увеличения объем грузов и пассажироперевозок между Китаем и странами ЮВА (сегодня на долю Лаоса приходится только 2% от общего объема товарооборота между Китаем и странами АСЕАН, в то же время транзитная торговля через Лаос может возрасти до 3,9 млн т в год к 2030 г.), продления магистрали, как минимум, до Бангкока, проведения экономических реформ в самом Лаосе. Последнее предусматривает упрощение пограничных и таможенных процедур в целях минимизации издержек для международной торговли, совершенствование системы логистики, строительство новых дорог между станциями, создание новых производственных центров. Правительство Лаоса рассчитывает, что железнодорожной линией ежегодно будут пользоваться 14 млн человек, из которых четыре млн лаосцев и 10 млн туристов из Китая и Юго-Восточной Азии.

Это – долгосрочные оценки прибыльности проекта, которые, однако, могут заметно снизиться. На расчеты может повлиять и ухудшение общей экономической ситуации, чему сопутствует сокращение доходной части бюджета страны и рост затрат. Тенденция к снижению темпов экономического роста в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (с 6,3% до 4,8%) из-за неблагоприятных погодных условий, отрицательно сказавшихся на развитии сельского хозяйства, продолжилась в 2020 г., но на этот раз, из-за пандемии коронавирусной инфекции.

По мнению Джонатана Хилмана из Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, «экономическая история железной дороги достаточно слабая». «Проект прежде всего смодулирован, учитывая краткосрочные интересы Китая, а не долгосрочные интересы Лаоса. Не исключается вероятность того, что в случае провала проекта Лаос, ради погашения своей внешней задолженности, предоставит Китаю доступ к разработке минеральных ресурсов, таких как поташ и медь»¹². Это значительно уменьшит прибыльность предприятия для лаосской стороны, как и предоставление китайским компаниям налоговых льгот, включая освобождение от уплаты импортной пошлины на поставки оборудования.

Затраты Лаоса по участию в проекте возрастают и по причине вынужденного переселения людей с территории, отведенной под железную дорогу, что оценивается в 300 млн долл. Правительство вынуждено было взять на эти цели кредит у Китая в размере 150 млн долл.¹³ Риски долговой задолженности дополняются снижением производительности сельского хозяйства в результате перевода земли в концессии, предоставляемые китайским компаниям.

Не решает проект и проблему занятости (на строительстве железной дороги занято всего 7 тыс. местных рабочих, а китайских – 50 тыс. человек) и улучшения материального положения населения. Наоборот, строительство железной дороги, которое сопровождается массовым переселением людей, потерей ими земли без выплаты должной компенсации, ведет к падению их уровня жизни. Оцениваются и экологические риски проекта, связанные с вырубкой лесов и сокращением биоразнообразия. Проведенная оценка его воздействия на окружающую среду стала причиной отсрочки с началом строительных работ.

Как и во многих других странах, вслед за крупными инфраструктурными проектами Пекина в Лаосе постепенно увеличивается количество граждан КНР, а также мелкого и среднего китайского бизнеса, что вызывает озабоченность местного населения по поводу растущего влияния Китая и его экономического доминирования. Рост антикитайских настроений в обществе побудил авторитарный режим, несмотря на его зависимость от финансовой и политической поддержки Китая, предпринять некоторые меры по ограничению доступа китайских компаний к выращиванию бананов и разработке рудников.

Сможет ли Лаос извлечь экономическую выгоду от строительства железной дороги, остается под вопросом. Но то, что Китай окажется в выигрыше – не вызывает сомнения. Он не только укрепит свое экономическое присутствие в этой стране, опираясь на поддержку местной элиты, но и использует Лаос как плацдарм для продвижения вглубь Юго-Восточной Азии.

¹ Simon Rowedder. Understanding China's BRI in Laos .The Business Times, January 13, 2020 Available at <https://www.businesstimes.com.sg/asean-business/understanding-chinas-bri-in-laos>

² Темпы роста экономики Лаоса в течение последнего десятилетия составляли в среднем 7,8%. Доход на душу населения с 2007 г. возрос на 300% – с 750 долл. до 2 270 долл.

³ Лаос добился существенного прогресса в снижении уровня бедности с 46% в 1993 г. до 18% в 2019 г.

⁴ Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto. Why China Is Determined To Connect Southeast Asia By Rail. The Nikkei Asian Review. 09.01.2019

⁵ Crystal Reid. The China-Laos railway: a way out of poverty or a white elephant in waiting? The South China Morning Post? 26 Sep, 2020. URL: https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/long-reads/article/3102795/china-laos-railway-way-out-poverty-or-white?utm_medium=email&utm_source=mailchimp&utm_campaign=enlz-longread&utm_content=20201003&tpcc=enlz-longread&MCUID=b59397e3be&MCCampaignID=359e4961d7&MCAccountID=3775521f5f542047246d9c827&tc=1

⁶ По оценкам МБРР, доля Китая в финансировании проекта составляет 4?11 млрд долл.

⁷ Alexi Demetriadi. Onboard China's Belt and Road Express: Does Laos stand to benefit? Globe, JULY 31, 2020 https://southeastasiaglobe.com/chinas-belt-and-road-initiative-railway-laos/?utm_source=Newsletter&utm_medium=Email&utm_campaign=Vol.%2059

⁸ Crystal Reid. The China-Laos railway: a way out of poverty...

⁹ Transforming Lao PDR from a Land-locked to a Land-linked Economy. JUNE 2, 2020. <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/transforming-lao-pdr-from-a-land-locked-to-a-land-linked-economy>

¹⁰ Nick Freeman. Can Laos profit from China rail link despite being US\$1.5 billion in debt? The South China Morning Post, 10 Dec, 2019 <https://www.scmp.com/print/week-asia/opinion/article/3041394/can-laos-profit-china-rail-link-despite-being-us15-billion-debt>

¹¹ Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto. Why China Is Determined To Connect Southeast Asia By Rail. The Nikkei Asian Review. 09.01.2019..

¹² Crystal Reid. The China-Laos railway: a way out of poverty...

¹³ При коммерческой стоимости земли в 1,420 долл за га компенсация за ее изъятие составляет 595-715 долл.

Daria S. Panarina

PhD in Culturology, Senior Researcher,
Center for Southeast Asia, Australia and
Oceania, IOS RAS, Russia, Moscow,
daria2002panarina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3756-4056>

**A Year in Lockdown in the Philippines:
Timeline of the Pandemic and Conditions of Living
under Quarantine Rules (Part 2.)**

Abstract: The article examines the course of the spread of the coronavirus infection epidemic in the Philippines during the first year, 2020, from the moment of the first confirmed cases of infection to the present time. The author pays attention to how the epidemic developed from May to December 2020, what measures were taken by the country's national government to combat the coronavirus, in which tightly regulated framework people were forced to live. We are considering 4 types of quarantines that were introduced by the Philippine government in different regions of the country during the specified period.

Keywords: Covid-19, cases of infection, deaths, quarantine, employees, basic necessity goods, transport

For citation: Panarina D.S. A Year in Lockdown in the Philippines: Timeline of the Pandemic and Conditions of Living under Quarantine Rules. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 174–191. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-174-191

**ГОД ЖИЗНИ В ЛОКДАУНЕ НА ФИЛИППИНАХ:
ХОД ПАНДЕМИИ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ В КАРАНТИНЕ
(Часть 2.)**

Аннотация: Статья рассматривает ход распространения эпидемии коронавирусной инфекции на Филиппинах в течение первого – 2020 – года с момента первых подтвержденных случаев заражения до нынешнего времени. Автор уделяет внимание тому,

как развивалась эпидемия с мая по декабрь месяц 2020 г., тому какие меры принимались национальным правительством страны для борьбы с коронавирусом, в каких жестко регулируемых рамках вынуждены были жить люди. Рассматриваются 4 типа карантина, которые вводились правительством Филиппин в разных областях страны в течение означенного периода.

Ключевые слова: COVID-19, случаи заражения, случаи смерти, карантин, работники, товары первой необходимости, транспорт

Панарина Дарья Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, daria2002panarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-4056>

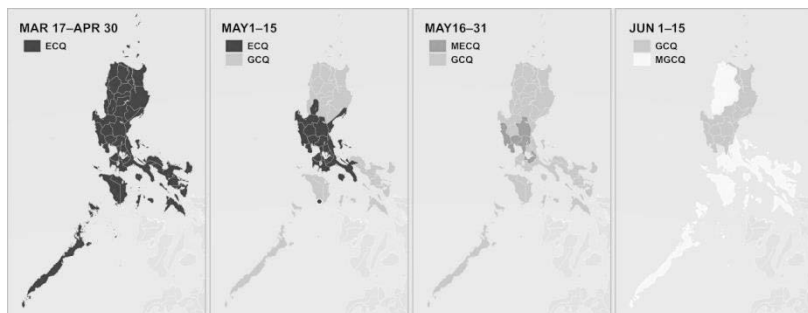
Для цитирования: Панарина Д.С. Год жизни в локдауне на Филиппинах: ход пандемии и условия жизни в карантине (Часть 2.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 174–191. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-174-191

Продолжение. Начало в Том I, № 1 (50), 2021, С. 181–192.

Types of quarantine in the Philippines throughout year 2020. Among quarantines introduced in the Philippines we can name four main types: enhanced community quarantine (ECQ)¹, modified enhanced community quarantine (MECQ), general community quarantine (GCQ) and modified general community quarantine (MGCQ), the first one being the strictest version and the last being the most relaxed one.

Territorially the dynamics of quarantine changes in time in the Philippines are well shown in the following map. Whereas in the very beginning all the country was very quickly put under one and the same type of quarantine, further on the matters kept changing from bad to better and better and as of June 1–15 we can see that the largest part of the country turned to modified general community quarantine – the slightest version among the 4 types. However, it is clear that even after 3 months of lockdown the central part of the Philippines, including the National Capital Region (NCR) had to still

stay under a bit stricter version of general community quarantine. What is the difference among these 4 aforementioned types of quarantine we will see to further on.

Source: Implementation of community quarantine in Luzon from March 17 to June 15. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Enhanced_community_quarantine_in_Luzon#/media/File:COVID-19_community_quarantine_in_Luzon.svg

Enhanced community quarantine. When the "community quarantine" was applied to Luzon, Presidential Spokesperson Salvador Panelo, said that the Luzon-wide enhanced community quarantine (ECQ) is equivalent to an "absolute lockdown or total lockdown". President Rodrigo Duterte added that "it is not martial law"². Localities under an enhanced community quarantine (ECQ) are generally ordered to stay at home, with its residents restricted from traveling to other cities or barangays. Barangay governments can issue quarantine passes allowing residents to buy essential goods outside curfew hours and within the issuing barangays' jurisdiction. The Bayanihan to Heal as One Act also provides measures related to the ECQ, such as³:

- Limited operation of all forms of transportation. (For areas under ECQ, public transportation shall be suspended except commissioned shuttle services for employees of permitted offices or establishments, as well as point-to-point transport services provided by the government, giving priority to healthcare workers⁴.)
- Movement of cargo via air, land and sea within and across areas placed under any form of community quarantine shall be unhampered. Provided, that only a maximum of five (5) personnel may operate a cargo and delivery vehicles by land, with or without load.

- Workers in the logistics sector, such as cargo, trucking, courier delivery and port operations shall likewise be allowed to transit across areas placed under any form of community quarantine.
- Suspension of work or creation of alternative working arrangements (work from home):

Employees in the private sector

- a) Employers should extend financial help or assistance to their employees and may grant pro-rated 13th month pay.
- b) DOLE and DSWD will provide social amelioration packages for those affected by the work stoppage.
- c) Employers should not terminate employees by reason only of not reporting for work because of the COVID-19 situation.

Employees in the government sector

- a) Work in agencies and instrumentalities of the government, including GOCCs and LGUs may operate under a skeleton workforce and with other alternative work arrangements as approved by the head of agency unless a different operational capacity is required in agencies providing health and emergency frontline services, border control and other critical services.
 - b) Work in all public and private offices shall be allowed to resume physical work in full capacity with alternative arrangements for persons who are 60 years old and above, those with immunodeficiency, comorbidities, other health risks and pregnant women⁵.
- Ensuring the availability of food and medicine for all.
 - Enforcing measures against profiteering and hoarding of essential goods.
 - Implementation of a 30-day grace period for the payment of loans and rents during the period of quarantine.
 - Only businesses offering essential goods and services are allowed to operate.

Governmental resources provide the same information in a more detailed and simpler way, strictly describing who, what and how is allowed to do during the ECQ. It is clear from the text below that the rules are expected to be followed in the right manner and people are to be controlled by official police forces. Judging by me

personal experience of shortly visiting the Philippines 2 years before the Covid-19 situation, there is no doubt that the police generally did there work of controlling and checking with all might. Here is the text itself for further comparison with the types of quarantine following the ECQ⁶.

Dos	Don'ts
1. Everyone must stay at home	1. No classes at all levels. 2. No reporting for work in government and private sector, except for some exemptions.

Who may go out of their homes?

Dos	Don'ts
1. Only one person per household would be allowed to buy/access basic necessities: barangay captains to check compliance 2. Employees of establishments involved in the production, processing, and distribution of basic necessities: food (supermarkets, groceries, convenience stores, vet markets), pharmacies/drugstores; banks or remittance centres. 3. PNP, AFP and other uniformed personnel. 4. Personnel involved in health work, border control, emergency, and other mission-critical services. 5. Media with authorization from PCOO. 6. ALWAYS BRING and pre-	1. Those who are most vulnerable should not go out. • Seniors (60 years old and above) • Those with preexisting medical condition like cardio-vascular disease, hypertension, diabetes, COPD, cancer and others • Pregnant women 2. Do not ask non-exempted individuals to accompany you to your work-place. 3. DO NOT LOITER. 4. Do not intimidate or resist persons in authority. Always remain calm and respectful.

sent the following at designed checkpoints: • Identification Card • Proof of residence • Certification of employment • Delivery recipe for those transporting good to and from the quarantine area; and • Authorization or certifications, if applicable, issued by authorized government offices.	
---	--

What other establishments are open?

Dos	Don'ts
1. All basic utilities should continue to operate: water, electricity, Internet, telecommunications. 2. Other critical services should remain open: garbage collection, funeral and interment services, gasoline stations. 3. Capital Market to open today (March 18). 4. Business Process Outsourcing (BPO/IT) and export-oriented establishments as long as they are provided temporary housing/shelter by their companies.	1. Casinos, gambling places, including POGOS. 2. Hotels shall not accept any new bookings.

Mass public transportation

Dos	Don'ts
1. LGUs and employers should provide point to point transportation for people authorized to report for work, specifically	1. ALL public transportation are not allowed to operate, such as tricycles, pedicabs, taxis/Grab,

health workers.	jeepneys, buses including MRT/LRT.
2. Transportation from the airport may be provided by the DOTr or OWWA (for OFWs).	
3. Walking or biking is allowed.	

Flow of goods

Dos	Don'ts
1. Movement of cargo via air, land and sea shall be unhampered.	1. Cargo truck and vans should not be blocked from entering the ports, express ways or highways.

Employees in the private sector

Dos	Don'ts
1. Employers are encouraged to adopt a work arrangement that will not require physically reporting for work.	1. Unless the company is engaged in basic necessities or services, employers should not require their employees to report for work.
2. Employers should extend financial help or assistance to their employees; may grant prorated 13 th month pay.	2. Employers should not terminate their employees by reason only of not reporting for work because of the Covid-19 situation.
3. DOLE and DSWD will provide social amelioration package for those affected by the work stoppage.	

Employees in the government sector

Dos	Don'ts
1. Employees in the executive branch should work from home, except those vendoring emergency frontline services.	1. No travels/events/trainings allowed.
2. Those authorized to work should maintain only a skeletal force.	

Travel in and out of the Philippines

Dos	Don'ts
1. Filipinos abroad can return to the Philippines any time, including their foreign spouse and children. 2. Other permanent residents of the Philippines may also return. 3. All returning Filipinos and permanent residents from China, Hongkong and Macau shall be subject to 14-day quarantine in a quarantine facility. All other returning Filipinos and permanent residents arriving in Luzon shall comply with mandatory home quarantine. 4. OFWs, balikbayans and foreign nationals will be allowed to leave the Philippines at any time, as long as their departure is 24 hours from the time they leave their homes or hotels.	1. Filipinos who will go out as tourists to any destination shall not be allowed to leave the country. 2. No sendoff party will be allowed to a company departing passengers.

Modified Enhanced Community Quarantine (MECQ) which was introduced in particular areas in the country in May, mid-July and then in August, is said to be less strict than the ECQ, but still stricter than the GCQ. Under this type of quarantine people should comply to the following rules:

1. Minimum public health standards shall be complied with at all times for the duration of the MECQ.
2. Strict home quarantine shall be observed in all households, and the movement of all residents shall still be limited to accessing essential goods and services, and for work in permitted offices or establishments or other activities.

3. Any person below 21 years old, those who are 60 years old and above, those with immunodeficiency, comorbidity, or other health risks, and pregnant women, including any person who resides with the aforementioned, shall be required to remain in their residences at all times, except when indispensable under the circumstances for obtaining essential goods and services, for work in industries and offices or other permitted activities. (There is a full list of permitted establishments and industries with commentaries on how they are allowed to function under MECQ⁷).
4. Agencies and instrumentalities of the government, including GOCCs, as well as LGUs, may operate with skeletal workforce in combination with other alternative work arrangements as approved by the head of agency unless a different operational capacity is required in agencies providing health and emergency frontline services, border control, and other critical services.
5. Accredited diplomatic missions and international organizations shall be advised to operate under skeletal workforce.
6. Hotels or accommodation establishments shall not be allowed to operate.
7. Mass gatherings for reasons of leisure and entertainment shall be prohibited. Gatherings that are for provision of critical government services and authorized humanitarian activities while adhering to the prescribed minimum health standards shall be allowed. Religious gatherings shall be limited to not more than 5 persons until otherwise modified through subsequent issuances of the IATF.
8. Face-to-face or in-person classes at all levels shall be suspended.
9. Public transportation shall be suspended except for the shuttle services for employees of permitted offices and establishments, giving priority to healthcare workers.
10. Private transportation such as company shuttles and personal vehicles utilized by persons authorized outside their residences are allowed subject to the guidelines provided by DOTr. The use of bikers and other non-motorized transportation is strongly encouraged.
11. Limited operations in malls and shopping centres shall be allowed, except for leisure establishments and services which shall

continue to be closed. Allowed establishments are meant to provide only authorized items of basic needs. Those below 21 and those who are 60 and over, those with immunodeficiency, comorbidity, or other health risks, and pregnant women, including anyone who resides with the aforementioned individuals, may not enter malls and shopping centres, except for the necessity of buying basic products and services.

12. In addition to those allowed and enumerated construction projects under Section 2 of these Guidelines other essential and priority public and private construction projects shall be allowed, subject to compliance with the DPWH construction safety guidelines. Small-scale projects are not to be allowed.
13. The following shall not be allowed to operate within an area under MECQ:
 - Tourist destinations such as water parks, reservation service, and related services;
 - Entertainment industries such as cinemas, theatres, and karaoke bars;
 - Kid amusement industries such as playroom and kiddy rides;
 - Libraries, archives, museums, and cultural centres;
 - Gyms, fitness studios and sports facilities; and
 - Personal care services such as massage parlors, sauna, facial care, and waxing.
14. Individual outdoor exercises such as outdoor walks, jogging, running, or biking are allowed within MECQ areas. The minimum health standards and precautions such as the wearing of masks and the maintenance of social distancing protocols should be observed.
15. Other exemptions from the ECQ previous IATF resolutions or issuances of the Office of the President shall also be applied in MECQ areas⁸.

General community quarantine. The general community quarantine (GCQ), which was introduced on May 1, is generally less stringent than ECQ. Public transportation is allowed at a reduced capacity and select businesses are allowed to operate at 50 to 100 percent of their regular capacity depending on their industry. Shop-

ping malls are also allowed to operate, although only select stalls and stores are allowed to open⁹.

Modified general community quarantine. A level under GCQ, is called a modified general community quarantine (MGCQ). In order to better see the difference here let us look through a table¹⁰, comparing the two types of quarantine. Even by number of rules, as it is clear, GCQ will be stricter here, though quite a lot of rules in both kinds are similar or even the same. Those points which are not alike and show the difference are underlined.

General Community Quarantine (GCQ)	Modified General Community Quarantine (MGCQ)
1. Minimum public health standards shall be complied with. 2. Movement of persons shall be limited to accessing essential goods and services, and for work in the permitted industries and establishments. <u>Movement for leisure purposes are still prohibited.</u> 3. The following are required to remain at home at all times except if indispensable for work in permitted industries and activities, or for obtaining essential goods and services: • Those below 15 years of age; • Those 65 years old and above; • Those with immunodeficiency, comorbidities, other health risks, pregnant women;	1. Minimum public health standards shall be complied with. 2. Movement of persons shall be limited to accessing essential goods and services, for work in offices permitted to operate, and for other activities permitted. 3. The following are required to remain at home at all times except if indispensable for work in permitted industries and activities, or for obtaining essential goods and services: • Those below 15 years of age; • Those 65 years old and above; • Those with immunodeficiency, comorbidities, other health risks, pregnant women.

• <u>Those who reside with the aforementioned.</u> 4. <u>Outdoor non-contact sports</u> such as golf, tennis, range shooting, biking, swimming, skateboarding, badminton shall be allowed. Operations of club houses or similar establishments shall be limited to basic operations. Operations of relevant club-houses or similar establishments are limited to basic operations and restaurants and cafes up to 30% venue capacity provided social distancing protocols are observed. Dine-in establishments in these establishments are allowed to operate up to 09:00 PM. No spectators in non-contact sports shall be allowed. Off-track horse race betting stations may operate in areas under GCQ or lower, subject to strict health and safety protocols (per IATF Reso. No. 79). 5. <u>Religious gatherings shall be allowed up to thirty percent (30%) of the seating or venue capacity (per IATF Reso. No. 80);</u> provided that religious gathering shall be limited to the conduct of religious worship and/or service; Provided further, that there is no objection from the local	4. <u>Indoor and outdoor non-contact sports</u> and other forms of exercise shall be allowed (i.e. walking, jogging, golf) provided minimum public health standards are observed. Sharing of equipment and the presence of spectators shall likewise be prohibited (per the Revised Omnibus Guidelines dated 10-08-2020). 5. <u>Mass gatherings shall be allowed (i.e. religious services, movie screenings, concerts) provided participants shall be limited to 50% of the venue capacity.</u>
---	---

government unit where the religious gathering may take place. The religious denominations should strictly observe their submitted protocols and the minimum public health standards, particularly the social distancing measures and non-pharmaceutical interventions such as the obligatory wearing of face masks and immediate availability of hand hygiene necessities in the premises (per IATF Reso. No. 51). <u>Mass gatherings shall be prohibited except for provision of critical government services and authorized humanitarian activities.</u> 6. Public transport, including road, rail, maritime and aviation sectors, will be allowed with strict safe distancing, <u>at a reduced operational and vehicle capacity</u>, and subject to one (1) meter distance between passengers (per Revised Omnibus Guidelines dated 10-08-2020) 7. Non-essential out-bound travel • Filipinos are allowed starting 21 October 2020, subject to the following conditions (per IATF Resolution No. 79, as amended by IATF Resolution No. 80): • For those travelling on	6. Public transportation shall be allowed in accordance with DOTr guidelines and shall observe a strict one (1) meter distance between passengers. (per Revised Omnibus Guidelines dated 10-08-2020) 7. Non-essential out-bound travel for Filipinos is allowed starting 21 October 2020, subject to the same conditions in the first column (per IATF Reso. No. 79). Tourists from areas under GCQ or lower, or those travelers from Western Visayas
---	--

tourist visas or short-term/visitor visas, submission of confirmed round-trip tickets and adequate travel and health insurance to cover travel disruptions and hospitalization in case of COVID-19 infections during their allowable period of stay abroad; • Execution of a Bureau of Immigration Declaration acknowledging the risks involved in travelling, including risk of delay in their return trip, to be provided at the check-in counters by the airlines; • Whenever required by the country of destination or the airline, a negative COVID-19 test taken in accordance with the health and safety protocols of such destination country or airline; and • Upon return, they shall follow the Guidelines of the National Task Force for Returning Overseas Filipinos. The foregoing shall not be interpreted to allow outbound travel by Filipinos to countries where travel restrictions are in place and this is without prejudice to the Bureau of Immigration's exercise of its man-	are allowed to go to Boracay starting 01 October 2020 (per IATF Resolution No. 74) subject to conditions. Movement from places under MGCQ to and from areas under no community quarantine is allowed but insofar as tourism travel is concerned, the same may still be subject to regulations of the LGU concerned (per the Revised Omnibus Guidelines dated 10-08-2020).
---	---

date prior to departure (per IATF Reso. No. 79). Tourists from areas under GCQ or lower, or those travelers from Western Visayas are allowed to go to Boracay starting 01 October 2020 (per IATF Resolution No. 74) subject to conditions.

Inter-island travel from one area under GCQ to another area under GCQ are allowed, provided that safety protocols are observed. Interzonal movement from persons between areas placed under GCQ and MGCQ for any purpose other than leisure is allowed. Movement to and from an area under GCQ to an area with no community quarantine is allowed except if for leisure. (per Revised Omnibus Guidelines dated 10-08-2020).

8. School may have skeletal workforce to process requirements from students and to prepare for graduation and the next semester. Face-to-face or in-person classes shall be suspended. For basic education, opening of classes shall be on 24 August 2020 and shall end on 30 April 2021; For higher education, recommendations of CHED shall be adopted; For technical vocational education and

8. Limited face-to-face or in-person classes may be conducted in Higher Education Institutions provided minimum health standards are observed. Mass gatherings of students in such institutions are still prohibited. For K-12, the Basic Education Learning Continuity Plan of the DepEd shall be adopted.

training (TVET) of the TESDA, trainings and assessments may be conducted subject to TESDA Guidelines and minimum public health standards (per Omnibus Guidelines issued 10-08-20). <u>Face-to-face competency assessment for domestic work, caregiver and housekeeping qualifications, ship's catering and other TVET qualifications may be allowed up to 50% assessment site capacity, subject to TESDA and DTI Guidelines (per IATF Resolution No. 78).</u>	9. Alternative work arrangements should be made for persons 60 years old and above, those with health risks, and pregnant women. 10. Operation of licensed cockpits and conduct of cock-fighting activities are allowed in areas under MGCQ or lower, subject to strict health protocols; Provided, that in-person audience, online or remote betting and live broadcasting/telecasting of cock-fights shall not be permitted. LGUs have final decision on whether operation of licensed cockpits and conduct of cock-fighting activities can proceed in their respective localities (per IATF Reso. No. 79).
--	---

There are some basic regulations for people living under any type of the quarantine. Thus, the movement of the following persons within and across areas placed under any form of community quarantine shall be permitted:

- Health and emergency frontline services personnel;
- Government officials and government frontline personnel;
- Duly-authorized humanitarian assistance actors;
- Persons traveling for medical or humanitarian reasons;
- Persons going to the airport for travel abroad;
- Returning or repatriated OFWs and other Overseas Filipinos returning to their places of residences;
- Other persons transported through the efforts of the national government upon observance of the necessary quarantine protocols and with the concurrence of the receiving LGUs; and
- Anyone crossing zones for work permitted in the zone of destination and going back home.

Logically speaking all those restrictions and regulations introduced should have made some effect, but whether they really brought in positive results in pandemic dynamics is yet to be examined. Needless to say, that taking into account generally low level of living among the population of the Philippines, those results cannot be without grave consequences for particular social classes, namely the poor. Therefore, our next part of this work will be dedicated to several issues. First of all, some events or governmental decisions made on particular dates during the period are planned to be discussed including those dates which were highlighted in italics in the timeline (March 30, April 1, 12, 14, May 14, July 23, October 5, November 4, 26, December 1, 17, 21, 26, 29, 30). Secondly, several points, such as 1) what help was organized in order to support the citizens; 2) how the work of hospitals was assisted; 3) what was done to arrange educational process from homes; 4) how the compliance with the quarantine rules was controlled; 5) what are the people's opinions and feelings about the whole situation; 6) how president Duterte's trust rating has changed – will be studied. Finally, general conclusion on the results after a year in Covid-19 will be made together with predictions on the future development of the Covid-19 situation in the Philippines.

¹ Different from community quarantine under which “people were ordered to limit their movement and refrain from going out of their homes unless buying essential items such as food, water, and medicine. A curfew from 8 p.m. to 5 a.m. was also put in place”. See: What is ECQ, EECQ, Lockdown, and Partial Lockdown? / By Mario Alvaro Limos. Esquire. April 20, 2020. URL: <https://www.esquiremag.ph/life/health-and-fitness/what-is-ecq-lockdown-and-partial-lockdown-a00293-20200420-lfrm>

² Luzon under enhanced community quarantine... URL: <https://news.abs-cbn.com/news/03/16/20/duterte-places-luzon-under-enhanced-community-quarantine-to-fight-covid-19>

³ What is ECQ, EECQ, Lockdown, and Partial Lockdown?

⁴ Luzon-wide Enhanced Community Quarantine: Basic Do's and Don'ts / By Angelica A. Chua. Platon Martinez Law. August 12, 2020. URL: <https://platonmartinez.com/articles/luzon-wide-enhanced-community-quarantine-basic-dos-and-donts>

⁵ Luzon-wide Enhanced Community Quarantine: Basic Do's and Don'ts.

⁶ Luzon Enhanced Community Quarantine Basic Dos and Don'ts. Bulletin № 1. URL: <https://www.deped.gov.ph/wp-content/uploads/2020/03/IATF-Luzon-Enhanced-Community-Quarantine-Bulletin-1.pdf>

⁷ MECQ Guidelines. From IATF and Malacañang Palace. URL: <https://governmentph.com/mecq-guidelines/>

⁸ MECQ Guidelines. From IATF and Malacañang Palace.

⁹ GUIDE: What's the difference between ECQ and GCQ? / By Racquel Quieta. GMA. April 29, 2020. URL: <https://www.gmanetwork.com/entertainment/showbiznews/news/62692/guidewhats-the-difference-between-ecq-and-gcq/story>

¹⁰ Business Operations Allowed Under ECQ, MECQ, GCQ, and MGCQ / Platon Martinez Law. November 11, 2020. URL: <https://platonmartinez.com/articles/business-operations-allowed-under-ecq-mecq-gcq-and-mgcq>

Липилина Ирина Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории стран Дальнего Востока
и Юго-Восточной Азии, ИСАА МГУ
Россия, Москва,
lipilina.i@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7154-058X>

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РАДИКАЛИЗАЦИИ ПРОТЕСТОВ В ТАИЛАНДЕ

Аннотация: Весь 2020 г. в Таиланде не прекращались протестные выступления молодежи. Они начались как реакция на роспуск Конституционным судом партии Новое будущее, ориентированной на молодежную аудиторию. После введения эпидемиологических запретов уличные выступления прекратились, но активность их участников переместилась в социальные сети. В цифровом пространстве, менее подверженном государственной цензуре, протестная повестка значительно расширилась и обострилась. Как только запрет на манифестации был снят, выступления продолжились, но уже с более кардинальными требованиями, которые первоначально были сформулированы в социальных сетях. В данной статье рассматривается влияние социальных сетей на радикализацию молодежного протеста в Таиланде.

Ключевые слова: Таиланд, протест, социальные сети, монархия

Для цитирования: Липилина И.Н. Роль социальных сетей в радикализации протестов в Таиланде // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 192–203. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-192-203

Role of Social Media in Radicalizing Protests in Thailand

Abstract: Throughout 2020 youth protests did not stop in Thailand. They began as a reaction to the dissolution by the Constitutional Court of the New Future party, which is aimed at a youth audience. After the introduction of antiepidemiological restrictions street demonstrations stopped, but the activity of their participants shifted to social networks.

In a digital space that is less subject to government censorship, the protest agenda has expanded and escalated significantly. As soon as the ban on demonstrations was lifted, the performances continued, but with more drastic demands, which were originally formulated on social networks. This article examines the impact of social media on the radicalization of youth protest in Thailand.

Keywords: *Thailand, protests, social networks, monarchy*

Irina N. Lipilina, PhD in History, Associate Professor of the Department of History of the Far East and Southeast Asia IAAS MSU, Russia Moscow, lipilina.i@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7154-058X>

For citation: Lipilina I.N. Role of Social Media in Radicalizing Protests in Thailand. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 192–203. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-192-203

С начала XXI в. Таиланде сохраняется высокая степень политической турбулентности. Демократические перемены 1990-х гг. оказались неприемлемыми для традиционной тайской элиты, терявшей властные рычаги по мере укрепления представительных институтов. Военные перевороты 2006 и 2014 г., которые были призваны вернуть утраченные позиции, казалось бы, восстановили статус-кво, но в действительности не решили основные противоречия последних десятилетий. Как только ограничения на политическую активность были сняты, в стране возобновилась протестная активность. Триггером для выступлений стало решение Конституционного суда о роспуске партии

Новое будущее (Анакхот май). Эта партия была создана в 2018 г. миллионером Тханатхоном Тынгрунгрянгкитом^b. На парламентских выборах 2019 г. она заняла третье место^c, а Тханатхон был выдвинут кандидатом в премьеры рядом партий.

Успеху партии Новое будущее способствовал тот факт, что в отличие от лидеров электоральной гонки, которые представляли противоборствующие силы (сторонников и противников бывшего премьера Таксина Чиннавата), она была воспринята тайской общественностью – особенно в городах – как новая сила, способная вывести страну из затяжного политического кризиса, а Тханахон – как потенциальный новый национальный лидер. Основной социальной опорой партии благодаря ее современной стилистике, прогрессивным средствам общения с аудиторией^d и молодости ее лидера стала преимущественно столичная молодежь. После роспуска партии в начале 2020 г.^e именно студенчество Бангкока выступило с требованиями ее восстановления и прекращения преследования ее главы. Протесты в январе-феврале проходили преимущественно в университетской среде и школах и прекратились после закрытия учебных заведений из-за COVID-19.

С отменой эпидемиологических ограничений выступления продолжились. 18 июля прошла массовая демонстрация молодежи с требованиями отставки кабинета министров, роспуска парламента и реформы конституции. В начале августа к этим требованиям прибавился призыв к реформированию института монархии, а вскоре студенческими активистами была обнародована и конкретная программа реформы. Она включала 10 пунктов: отмена судебного иммунитета короля, отмена закона об

^b Он был вице-президентом крупнейшего в Таиланде производителя автозапчастей *Thai Summit Groupe*.

^c Партия Пхья тхай (Во имя Таиланда) получила 137, Пхаланг прачарат (Сила народного государства) – 116, Анакхот май (Нового будущего) – 80 мест в парламенте (из 500).

^d В отличие от других партий, у которых Интернет был вспомогательным средством популяризации партии, Новое будущее в своей предвыборной кампании использовало преимущественно *Facebook*.

^e Партию обвинили в том, что она нарушила правила ведения электоральной кампании тем, что получила от Тханатхона ссуду в размере 6 млн долл. США, что, по мнению суда, является пожертвованием, запрещенным законом.

оскорблении короля, разделение личного имущества короля и имущества короны, уменьшение выплат из бюджета на содержание короля, ликвидация Тайного совета, проведение аудита королевской собственности, лишение короля политической власти, прекращение государственной пропаганды по возвеличиванию короля, расследование случаев преследования критиков короля, запрет королю выражать одобрение переворотов.

Такой набор требований в тайском политическом дискурсе прежде казался невозможным. В стране действует и активно применяется закон об оскорблении короля и его семьи, предусматривающей до 15 лет лишения свободы^f. Причем этот запрет касается не только критических высказываний, но и любого публичного обсуждения короля или института монархии в целом. До недавнего времени любые высказывания на эту тему неизбежно заканчивались уголовным преследованием. Известен случай, когда по этому закону был осужден исследователь, высказавший сомнение в существовании одного из тайских королей XVI в. Современный молодежный протест фактически снял табу с этой темы и включил ее в общественный дискурс. В радикализации протестной повестки большую, если не значительную, роль сыграли социальные сети, куда и переместился протест после запрета на массовые мероприятия.

Использование интернета как канала политической коммуникации информации началось в Таиланде на рубеже XXI в, когда экономический спад поставил ряд традиционных СМИ на грань закрытия из-за снижения поступлений от рекламы. Печатные издания и телеканалы начали переходить в онлайн и развивать новые формы взаимодействия с аудиторией. В условиях политической напряженности и большого давления со стороны властей на информационное поле потребность людей в свободном обсуждении актуальных проблем, включая и табуированные темы, значительно возросла. Сайты СМИ стали предоставлять читателям возможность, хотя и ограниченную целым рядом

^f Хотя после 2018 г. закон об оскорблении короля не применялся и против оппозиции использовались другие законы: о подстрекательстве к мятежу, закон о компьютерных преступлениях или об участии в преступной группе, после задержаний активистов антимонархических протестов, по-видимому, эта практика возобновится.

правил и предписаний, комментировать публикации, создавать ветви дискуссий. Большой популярностью у пользователей пользовались такие интернет-площадки, как *pantip.com*, *sanook.com*, *Mthai.com*, *FaDiokan.com*. Однако их популярность оказалось краткосрочной, так как многие ветви дискуссий стали подвергаться цензуре. Известны случаи, когда веб-администраторов арестовывали из-за обсуждения на их площадках чувствительных для власти тем¹.

После переворота 2014 г. военные власти существенно ограничили возможности свободного выражения мнения и политических дебатов. Практически все традиционные печатные СМИ заняли провластные позиции или находились под давлением правительства. К этому времени практически все издания уже имели свои онлайн версии, но их контент мало чем отличался от бумажной. Оппозиционные же медиа, полностью переместившиеся в Интернет, сохранили возможность более свободного распространения информации, как правило, перенося свою деятельность за границу из-за преследований в стране. По мнению тайландских политологов, уход читателей в интернет стал ответом на контроль над государственными СМИ со стороны традиционной элиты².

Такие газеты, как *Prachathai*, *The Reporters*, *Standard*, изначально создававшиеся как онлайн-издания, стали играть решающую роль в создании независимого контента. В условиях цензуры внутри страны они превратились в популярные площадки для обсуждения многих актуальных политических вопросов. Более резкой критике правящий режим и монархию подвергали мелкие и радикальные веб-сайты, например, *Turnleft-Thailand*, *Political Prisoners un Thailand*, *Uglytruth-Thailand*, созданные, в основном, придерживающимися левых взглядов тайскими диссидентами в эмиграции. Несмотря на определенную маргинальность и немногочисленность их аудиторий, ставя под сомнение правомерность сохранения королевской власти, они способствовали расширению тематики политического дискурса и включению в него вопроса о роли и характере монархической власти в стране.

Несомненно, что по охвату аудитории упомянутые сайты не могут конкурировать с официальными СМИ, которых под-

держивает государство. Так, наиболее популярная газета в стране *Thairat* выходит тиражом около 5 млн экземпляров, в то время как у *Prachathai* менее миллиона подписчиков. Однако, ориентированные в основном на молодежные группы населения, именно они в значительной степени сформировали их мировоззрение и разрушили табу на запретные темы, и, безусловно, сыграли значительную роль в радикализации современного молодежного протеста. Появление соцсетей, и особенно самой популярной в стране – *Facebook*, дало дополнительные возможности политической коммуникации. Таиланд занимает первое место в мире пропорционально численности населения по количеству аккаунтов в соцсетях: из 52 млн пользователей соцсетей в Таиланде (численность населения по данным на 2018 г. составляет 69,4 млн человек) 94% используют *Facebook*, 85% – *Line*, а 55% – *Twitter*³. Причем последний преимущественно используется миллениалами.

Фактически, повестка дня протестного движения в его современном виде и зародилась в соцсетях. В апреле 2020 г. тайский политолог Павин Чатчаванпхонгпханом⁸ создал группу в *Facebook* «*Royalist Marketplace*», как площадку для обсуждения и критики монархии. Считается, что он задал новый «стиль политического общения» – до того ироничное отношение к королю в тайском публичном пространстве было просто невысказанным. На «*Royalist Marketplace*» публиковались фейковые новости о короле и выставлялись на продажу вещи, якобы, принадлежащие королевской семье, но затем эта тема перерастала в серьезное обсуждение, в котором король подвергался резкой критике. Так, например, активная дискуссия возникла после того, как на продажу была выставлена кровать, на который, как утверждал продавец, в 1946 г. был убит дядя нынешнего короля при обстоятельствах, которые до сих пор остаются невыясненными. Это сделало «*Royalist Marketplace*» одной из самых посещаемых в Таиланде страниц в *Facebook*, число его подписчиков превысило 1 млн человек. Позже на митингах протестующие несли плакаты с логотипом «*Royalist Marketplace*». Власти

⁸ Независимый политолог, журналист, выступает с критикой монархии и военных властей, после переворота живет в Японии.

потребовали у *Facebook* закрыть доступ к этой странице, а на Чатчаванпхонгпхана завели уголовное дело. После этого он открыл в соцсети другую страницу^h *Royalist Marketplace-Talad Luang* и очень быстро, практически за несколько дней не только восстановил, но и значительно увеличил свою аудиторию.

Со времен переворота еще одной формой массового участия в дискуссии преимущественно в *Tiktok* и *Twitter* стали хэштеги. Например, хэштег *#prathetkumi* (что есть моя страна) стал очень популярным в связи с тем, что Директор полиции пригрозил преследованием авторам песни *prathetkumi*, в которой содержалась критика военной хунты.

Практически каждый университет и колледж создал собственные форумы для выражения политической активности. Например, в самом крупном и престижном университете имени Чулалонгкорна противостояние военной диктатуре проявлялось под тегом «Столп не будет повержен» по аналогии с девизом университета «Столп земли», или в школе Кем Удом – «Кем Удом не склонит голову перед диктатурой».

В последнее время через хэштеги стало появляться все больше неодобрительных высказываний в адрес короля. В марте 2020 г. после того, как стало известно, что король во время пандемии большую часть времени проводит в Германии, хэштег *#kasatmiwaithammai* (зачем нам монархия?) был использован 1,2 млн раз. Хэштег *#khabuansadet* (королевский кортеж), занял первые места в рейтингах в октябре 2019 г. после небывалых пробок в Бангкоке в связи с проездом королевского кортежа.

Как отмечает политолог Чатчаванпхонгпхан, основные участники антимонархического дискурса – это миллениалы. «Меня приятно удивляет их живой интерес к политической роли монархии. Им удалось каким-то образом избежать влияния государственной пропаганды, возвеличивающей роль монарха и требующей от народа безграничной к нему любви»⁴.

Нынешние участники протестов росли, когда король Пхумипхон Адульдет (Рама IX), правивший страной с 1946 г., уже был тяжело болен и практически исчез из медийного про-

^h Позже *Facebook* изменил свою позицию и подал в суд на правительство Таиланда, действия которого противоречат международному праву в области свободы слова.

странства. После его смерти в 2016 г. возникший вакуум так и не был заполнен. Вачиралонгкон, который никогда не вызывал симпатии у народа, став королем (Рамой X), не смог заменить отца. Пхумипхон Адульядет пользовался в стране огромным моральным авторитетом, основой которого были традиционные представления о власти в тайском обществе⁵. Вачиралонгкон не обладает харизмой отца и своей скандальной личной жизнью, экстравагантными выходками на публике, тесными связями с военными, молчаливой поддержкой похищений и убийств тайских диссидентов, открыто афишируемым супер богатством не соответствуют привычному образу монарха¹. Кроме того, большую часть времени даже в период пандемии он проводит за границей, в Германии. При этом он сосредоточил в своих руках, в отличие от отца, неограниченные полномочия: контролирует правительство и парламент, собственноручно управляет огромными авуарами короны (ее активы оцениваются в 50–60 млрд долл. США), взял под личное командование все воинские части, базирующиеся в Бангкоке¹.

Все эти темы присутствуют в обсуждениях на форумах, в которых участвуют молодые тайцы. Однако для основной части населения, особенно возрастных групп, всё, что связано с королем и монархией по-прежнему остаётся табуированной темой. Типичный пост в сети молодого активиста: «Однажды мы поссорились с отцом после того, как я раскритиковал короля. Для моего отца король неприкасаемый. Я спросил: почему? Он сказал, что я слишком молод, чтобы понять»⁶. Соцсети стали тем местом, где молодежь искала ответы на важные для нее вопросы. Первоначально дискуссии в сети касались того, что современная система устарела, выглядит архаично, не соответствует представлениям молодых поколений о том государстве, где они хотели бы жить. То есть, речь не шла об отрицании монархии как института, однако нежелание правительства идти на уступки и последовавшие репрессивные действия быстро радикализова-

¹ Начиная с 2016 г. по меньшей мере девять диссидентов, скрывающихся за рубежом, были убиты или пропали без вести. Последний случай – похищение молодого тайского активиста и правозащитника Ванчалема Сатсаксита в Камбодже.

¹ По подсчетам *Forbes* он является самым богатым монархом в мире.

ли взгляды молодежи. После нескольких месяцев протестных выступлений в сентябре в *Twitter* появился хэштег *#RepublicofThailand*, как реакция на решение парламента отложить реформу конституции. Этот хэштег использовался в 820 тыс. твитов и стал самым популярным на тот момент в Таиланде⁷.

В вышедшем из интернет-пространства движении с требованиями реформ, в том числе института монархии, используется много элементов виртуальных игр, фильмов и символики, популярных в молодежной субкультуре. Три пальца вверх – как в фильме «Голодные игры» – стали символом манифестантов; в качестве лозунга используются аббревиатура *RRR* (*resign, rewrite, reform* – отставка правительства, пересмотр конституции, реформа института монархии), намекающая на популярную игру с таким же названием (*Regality vs Religion: Revolution*); иногда демонстранты одеваются как герои саги о Гарри Поттере или как персонаж популярных комиксов хомяк Хамтаро⁸. В организации протеста используются тактика флэшмоба, аналогичная гонконгской⁹. Это позволяет организаторам мобильно координировать действия участников – до последнего часа время и место проведения акции остаются неизвестными. У протестов нет единого центра управления, есть небольшая группа (большая ее часть была задержана полицией)¹, занимающаяся рассылкой информации через *Twitter, Facebook, Instagram, Pantip, YouTube*. В последнее время все активнее используется *Telegram*. На эти же площадки выкладываются видеоматериалы о ходе манифестаций, которые практически не отображаются или преподносятся предвзято официальными СМИ. Например, аудитория *YouTube* – канала оппозиционного спутникового вещания *Voice TV* во время протестов увеличилась до 2 млн подписчиков, что делает его в настоящее время самым популярным СМИ в стране. Такой же контент распространяется и другими мессенджерами, такими как *Line, Signal*⁹.

По данным аналитической компании *Wisesight*, занимающейся мониторингом активности в соцсетях, в дни наибольшей

⁸ Тайские протестующие подтверждают, что они многое переняли из опыта гонконгских выступлений.

¹ Средний возраст – 20 лет, самому старшему – 36 лет.

напряженности рост количества сообщений политического содержания имеет взрывной характер. К примеру, 15 октября, когда правительство объявило о введении в стране режима Чрезвычайного положения, в социальных сетях Таиланда было размещено 40 млн публикаций, что на 100% выше среднего показателя в 20 млн в день¹⁰.

Выступления, начавшиеся в июле, не прекращались вплоть до конца декабря 2020 г. Только сентябре-ноябре прошло 246 акций протеста в 62 провинциях. В крупнейших акциях октября, несмотря на запрет на собрания более 5 человек, принимали участие более 100 тыс. человек в каждой.

Правительство довольно жестко реагировало на молодежные выступления. Демонстрации разгонялись с применением водометов и слезоточивого газа. С августа продолжаются аресты активистов, в настоящее время заведены дела на более 80 человек¹¹. Кроме этого ответные меры властей включают развертывание информационной войны, усиление цензуры в СМИ и мобилизацию роялистских и проправительственных групп. Протестующих обвиняют в том, что их действия инспирированы иностранными организациями в рамках «глобального заговора против Таиланда»¹². Правительство оказывает давление на руководство университетов, вынуждает их выявлять активистов и предотвращать участие студентов в протестном движении. Организация *Thai Lawyers for Human Rights* сообщает, что полиция приходит в школы, допрашивает и запугивает детей, отговаривает их от участия в протестах¹³.

Власти осознают важность соцсетей и пытаются с ними бороться. Государственная цензура в этой сфере существовала задолго до переворота и нынешних событий, и первоначально была направлена на блокировку порнографических сайтов или страниц по продаже незаконных товаров или услуг. В последующие годы в связи с усилением протестных выступлений были приняты законы о киберпреступности и государственной безопасности, предусматривающие наказание за распространение дезинформации и фейковых новостей. С июля 2019 г. по апрель 2020 г. по меньшей мере 42 человека были привлечены к ответственности по этим законам. Тайские правозащитники утверждают, что во многих случаях речь шла о высказываниях, со-

державных критиков правительства или неуважение к королю. По данным *Freedom House*, рейтинг свободы Интернета в Таиланде на 2019 г. составляет 35 на основании 100-балльной шкалы¹⁴.

В августе 2020 г. *Facebook* подчинился требованию тайских властей и закрыл страничку «*Royalist Marketplace*», однако представитель соцсети заявил, что это противоречит международному праву в области свободы слова, и они будут оспаривать это решение в суде. С помощью закона о киберпреступности власти также пытались воспрепятствовать работе *Telegram* и закрыть сайты известных групп активистов, а также заблокировали *Change.org* после того, как студенты разместили петицию с призывом к Германии объявить короля персоной *non grata*. В октябре правительство вынесло запрет четырем информационным платформам (*Voice-TV*, *Prachathai*, *The Reporters*, *The Standart*) транслировать новостной контент на том основании, что это представляет угрозу для национальной безопасности. Однако вскоре этот запрет был аннулирован решением суда.

Правительство пытается перейти в контрнаступление и на поле создания контента. Проправительственные силы открывают свои странички, например, *Rubbish Collector Organisation*, на которой они собираются очистить общество от «социального мусора», то есть всех, кто критикует тайские ценности, такие как послушание старшим и преданность монархии^m. С другой стороны, Twitter закрыл около 100 аккаунтов, которые были идентифицированы как принадлежащие Таиландской армии и которые размещали пропаганду и дезинформацию¹⁵. Оппоненты власти полагают, что информационная война ею проиграна. По мнению Чатчаванпхонгпхана, «правительство проигрывает сейчас, потому что не успевает за новыми технологиями»¹⁶.

В конце декабря 2020 г. уличный протест прекратился в связи с новогодними праздниками и новой вспышкой коронавируса. Организаторы, оставшиеся на свободе, заявили, что они взяли тайм-аут. Пока не совсем понятно, чем закончится эта протестная волна. По словам Суная Пхасука, наблюдателя от *Human Rights Watch* в Бангкоке, эти протесты носят стихийный характер, за ними не стоят никакие политические партии или

^m У этого сайта всего 300 тыс. подписчиков.

общественные движения¹⁷. Но этот протест, возникший в Интернете, сложно купировать. Если власть и может заблокировать ту или иную сеть, она не готова к искам, которые могут быть предъявлены различными бизнес-структурами, использующими эти сети в своей деятельности.

Пока численность манифестаций не очень высока, в них участвует в основном молодежь – общество пока не готово поддерживать антимонархическую повестку. Но существенный сдвиг произошел – снято табу на обсуждение крайне насущных для страны вопросов. И это вполне ожидаемо. Представляется, что современная модель монархии, базирующаяся на полуобожествленной фигуре короля, исчерпала себя. Становится все более очевидным, что консервация архаичный черт, которые устарели в эпоху глобализации, расширения информационного пространства, тормозит развитие и не устраивает определенную часть общества. В новых условиях политическая система должна меняться, приобретать более современные черты, и молодежь осмелилась говорить об этом открыто.

¹ The Washington Post. August 28, 2020.

² Pavin Chachavalpongpun. Redefending Power, the Politics of Social Media and Information in Thailand. Global Asia. December 2014. Vol. 9 № 4.

³ URL: <http://datareportal.com>

⁴ The Washington Post. 28.08.2020.

⁵ См. Липилина И.Н. Традиционный фактор в формировании института монархической власти в современном Таиланде// Страны Юго-Восточной Азии: традиции и современность (история, политика, экономика, культура). М., 2018.

⁶ BBC News. 17.10.2020.

⁷ The Straits Times. 26. 10.2020.

⁸ Deutsche Welle. 18.10.2020.

⁹ Coconet.social. 22.11.2020.

¹⁰ Bangkok Post. 17.10.2020.

¹¹ The Washington Post. 20.08. 2020.

¹² Prachathai. 14.08.2020.

¹³ Amnesty International. 06.11.2020.

¹⁴ URL: <http://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net>

¹⁵ Deutsche Welle. 18.10.2020.

¹⁶ The Japan Times. 01.11.2020.

¹⁷ NBC News. Nov. 25, 2020.

Осипова Мария Григорьевна

кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании ИВ РАН,
Россия, Москва,
ossimarina@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2369-9558>

**МОРСКОЙ ПОРТ СИНГАПУРА:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аннотация: Сингапур находится на перекрестке морских путей. Двести лет тому назад этот тропический остров был необитаем, и только шестьдесят лет тому назад началось его самостоятельное развитие. За прошедшие годы в стране произошли две промышленные революции, был построен финансовый центр мирового значения, а промышленная структура преобразована в инновационную. Это происходило при активном вмешательстве государства и контроле над финансовыми потоками, направляемыми на техническое переоснащение и инновационную перестройку как всей экономики в целом, так и морского порта, в частности. «Вчера», «сегодня» и «завтра» морского порта самым тесным образом связаны с экономическим развитием Сингапура в прошлом, функционированием в настоящем и подготовкой к будущим преобразованиям.

Ключевые слова: Сингапур, морской порт, свободная торговля, реэкспортные операции, контейнерооборот, инновационные технологии, тоннаж судов, экология

Для цитирования: Осипова М.Г. Морской порт Сингапура: тенденции и перспективы развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 204–219. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-204-219

Singapore Seaport: Trends and Development Prospects

Abstract: Singapore is located at the crossroads of sea routes. Two hundred years ago this tropical island was uninhabited, and only sixty years ago began its independent development. Over the past years, the country has experienced two industrial revolutions, a financial center of world importance was built, and the industrial structure was transformed into an innovative one. This happened with the active intervention of the state and control over financial flows aimed at technical re-equipment and innovative restructuring of both the entire economy in general and the seaport in particular. The “yesterday”, “today” and “tomorrow” of the seaport are closely related to the economic development of Singapore, with its development in the past, functioning in the present and preparing for future transformations.

Keywords: *Singapore Seaport, free trade, re-export operations, container handling, innovative technologies, navy, tonnage of vessels, ecology*

Mariya G. Osipova, PhD in Economics, Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, ossimarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2369-9558>

For citation: Osipova M.G. Singapore Seaport: Trends and Development Prospects. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 204–219. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-204-219

В октябре 2020 г. в Сингапуре прошел вебинар, посвященный развитию цифровизации морской отрасли. На открытии семинара выступил Чи Хонг Тат^b, который назвал цифровизацию глобальных цепочек поставок товаров ключевой задачей развития морской отрасли Республики Сингапур. В условиях пандемии COVID-19 судоходство для Сингапура продолжает

^b Чи Хонг Тат – сингапурский политик, член правящей партии ПНД

оставаться наиважнейшей отраслью экономики, принимая во внимание его роль ведущего посредника в мировой торговле. В таких сложных условиях цифровизация может сделаться важнейшим фактором восстановления морской отрасли Сингапура, пострадавшей за время пандемии. В связи с этим очень важно обеспечение для судоходства условий цифровизации, чтобы оно могло справляться с последствиями пандемии.

Сотрудничество в сфере цифровизации между всеми заинтересованными сторонами – от судоходных линий портов и логистических операторов – приобретает жизненно важное значение для судоходства, повышает его эффективность и устойчивость и, таким образом, содействует экономическому росту и развитию страны. Чтобы полностью раскрыть все возможности цифровизации для обеспечения эффективности, устойчивости, экологичности судоходства необходимы международные стандарты и сотрудничество между странами.

Морская отрасль является ключевой в экономике Сингапура. Морские перевозки, на которые приходится более 80% мировой торговли товарами, переживают переходный период, связанный с внедрением цифровых технологий. Все большее значение приобретают цифровые платформы, растет использование искусственного интеллекта, в перспективе – создание беспилотных судов. Эти тенденции, носящие долгосрочный характер, обсуждаются наравне с вопросами коренной перестройки морского порта в Сингапуре. Цифровизация морской отрасли и перестройка морского порта выдвинулись в число наиважнейших стратегических задач Республики. Экосистема судоходства напрямую зависит от цифровых технологий, причем как от уже существующих решений, так и от тех, которые еще только развиваются.

Географическое расположение, на стыке Азиатского и Австралийского материков, Тихого и Индийского океанов, стимулирует успешное развитие морского порта в Республике Сингапур. Статус «свободного» порта способствует усилению географического преимущества и содействует выполнению им функций торгового посредника между странами всего мира. Это, в свою очередь, обуславливает развитие в стране морского транспорта. Государственная стратегия острова Сингапур – завлекать

в свой морской порт как можно больше торговых судов за 200 лет не претерпела практически никаких изменений. Изменились только рычаги реализации этой стратегии. В самом начале XIX в. идея свободной торговли привлекла за несколько лет тысячи богатых торговых предпринимателей на остров. В середине XIX в., в результате открытия Суэцкого канала, многократно возросло географическое преимущество расположения острова на стыке двух океанов, а к концу XX в. основным рычагом привлечения морских судов сделалась инновационная перестройка работы порта.

Географическое расположение Сингапура на пересечении морских путей международной торговли является важнейшим фактором развития морского портового хозяйства, но это всего лишь преимущество перед другими портами мира. В конкурентной борьбе, обострившейся в середине XX в., за увеличение грузооборота необходимо создание привлекательных и удобных условий для судоходства. Сингапур, начиная с первых лет своей независимости, развивал самый широкий спектр морских услуг, что способствовало росту его конкурентоспособности среди других морских портов. Внутри МПА Сингапура была сформирована команда, состоящая из лиц, оказывающих различные услуги. В эту команду входят судовые брокеры, специалисты в области морского права и арбитража, страхования, финансирования и других оказываемых услуг. В морском порту Сингапура осуществляют свою деятельность более 150 международных судоходных компаний, специализирующихся на различных составляющих рынка морских перевозок. На отрасль морского судоходства в 2020 г. приходилось 7,2% ВВП Сингапура¹.

За годы независимого развития в Сингапуре стали быстро развиваться и другие виды транспорта. Строительство международного аэропорта Чанги привело к развитию воздушных транспортных и пассажирских перевозок. Появление метрополитена дополнило широко разветвленную сеть автомобильных дорог, покрывающих территорию острова. Новейшие технологии, система телекоммуникационного обслуживания расширили виды предоставляемых транспортных услуг. Сингапур обладает развитой транспортной системой. Транспорт представляет важнейшую отрасль экономики и уступает по своему значению

только промышленности и торговле. Однако ключевым узлом развития всей транспортной системы Сингапура является его морской порт, на развитие которого государством выделяются значительные финансовые ресурсы (только за один 2020 г. было выделено 1,1 млрд синг. долл.)² с целью его модернизации.

Морской порт Сингапура – один из крупнейших портов мира, удобно расположенный в защищенном от штормов глубоководном Малаккском проливе между Индийским и Тихим океанами. Порт Сингапура является крупнейшим транспортным перевалочным узлом в регионе Юго-Восточной Азии. Более 200 судовых линий ведут к 600 портам в 120 странах мира.

В гавани Кеппел расположены три контейнерных терминала. Другие терминалы находятся в Джуронге, в Пасир Панджанге, а также на севере, в Сембаванге. Портовые операции в Сингапуре осуществляются Портовой Администрацией Сингапура (*Port of Singapory Authority, PSA*) и администрацией Джуронг Таун Корпорейшн.

Тот факт, что Сингапур находится на перекрестке мировых торговых путей, представляет особую важность для развития морской отрасли в стране. В свою очередь, то, что морская отрасль успешно развивается и приносит стране прибыль, весьма важным является для экономического развития Республики Сингапур. Именно порт Сингапура является хребтом экономики в искусственно созданном островном государстве. Природные ресурсы Сингапура ограничены и это определяет его высокую зависимость от экономического обмена с внешним миром. Внутренний рынок узок, поэтому большая часть производственных компаний ориентирована на экспорт. Стимулируя экспорт, государство берет на себя часть расходов, связанных с продвижением продукции на внешние рынки. Совершение экспортно-импортных операций в Республике Сингапур происходит в значительной степени через грузовые перевозки морского порта. Сингапур является крупнейшим портом в мире, наряду с Гонконгом, Роттердамом и Шанхаем. По абсолютной величине тоннажа он занимает первое место в мире, начиная с 1997 г., а по грузообороту был на первом месте до 2005 г. (сейчас по этому показателю он уступил Шанхаю)³.

В 1959 г., к моменту обретения прав самоуправления, Сингапур по праву считался одним из крупнейших центров международной торговли на Востоке, а морской порт по размерам грузооборота (31,6 млн т.)⁴ занимал четвертое место в мире.

Обретение страной статуса независимого государства, превращение Сингапура в региональный и международный центр по перевалке грузов в значительной мере способствовало расширению и дальнейшему совершенствованию работы сингапурского морского порта. В 1964 г. была учреждена Портовая администрация Сингапура (*Port of Singapory Authority*). Начинает развиваться контейнеризация перевозок, использование судов большого водоизмещения. Грузооборот порта с 37,9 млн т. в 1966 г. увеличился до 120,9 млн т. В 1982 г. Сингапур стал самым крупным портом мира по тоннажу обслуженных судов, а его контейнерные перевозки превысили 1 млн. TEU в год.⁵

В те годы в понятие сингапурского морского порта входило пять портов и портовых причалов, общая протяженность которых составляла 12 км. К ним относились контейнерный порт в Танджонг Пагаре, причалы в Кеппеле, Пасир Панджанге, Сембаванге и Джуронгский порт. Портовой Администрацией Сингапура была введена дифференцированная система портовых сборов, направленная не только на увеличение валютных сборов, но и на повышение эффективности деятельности порта в целом путем специализации его главных причалов. Обработка контейнерных грузов в порту ведется с 1970 г. Контейнеризация в те годы помогла повысить эффективность работы порта.

Контейнерный терминал в Танджонг Пагаре являлся главным центром по перевалке контейнерных грузов. Он был построен под руководством Портовой Администрации Сингапура в конце 1960-х гг. В 1985 г. в строй вошел еще один причал по перевалке контейнеров. Расширение контейнерных перевозок стимулировало развитие реэкспортной торговли, что, в свою очередь, способствовало увеличению доходов от связанных с ней банковских, страховых, транспортных и других услуг.

Кеппельский причал перерабатывал главным образом такие грузы как пшеницу, цемент, растительное масло и каучук, а также контейнеризированные грузы (11 млн т. в 1984 г. и 8,1 млн т. в 1985 г.).

Причалы в Пасир Панджаванге обслуживали грузовые баржи и океанские суда (7 млн т. в 1984 г. и 5,2 млн т. в 1985 г.)⁶.

Сембавангский причал специализировался на грузах большого объема. На лесоматериалы приходилось около 60 % всех грузов, на каучук и другие насыпные грузы приходилось менее 40%.

Джуронгский порт развивался главным образом для обслуживания промышленной зоны Джуронг. В 1967 г. в Джуронге была основана судовой верфь по строительству и ремонту судов. Порт Джуронга, единственный из портовых районов страны, принадлежит не Портовой Администрации Сингапура, а отдельной компании «Джуронг таун корпорейшн». Джуронг проектировался и создавался как самостоятельный город, в котором располагаются промышленные районы различного назначения, жилые кварталы, городской, административный и культурный центры. Одним из важнейших преимуществ этой предпринимательской зоны является близость морского порта, военно-морской базы и хорошо развитой инфраструктуры⁷.

В конце 1980-х гг. в Сингапуре было организовано 25 свободных экономических зон, деятельность которых осуществляется благодаря морскому порту Сингапура и приносит государству основную финансовую прибыль

Успехи экономического развития Сингапура оказались возможными благодаря деятельности морского порта. Развитие и модернизация морского порта произошли в результате успехов экономического развития Сингапура. Морской порт является ключевым фактором функционирования экономики страны. За годы независимого развития Республики Сингапур происходило превращение специализированного на реэкспортных операциях колониального центра в образцовое государство высоких технологий.

В 1988 г. в Сингапурском порту была введена автоматическая система планирования ресурсов, которая координировала и объединяла все действия по погрузке и разгрузке судов. В 1990 г. контейнерный оборот превысил 5 млн т. TEU в год, что сделало Сингапур крупнейшим контейнерным портом в мире. В 1997 г. Портовая администрация Сингапура было переименова-

но в *PSA Corporation Limited*. В 1998 г. Портовая администрация Сингапура (PSA) становится первым оператором в мире, который с начала своей деятельности обработал 100 млн TEU. В 2005 г. контейнерный оборот достиг 20 млн TEU в год. За функционирование порта стало отвечать специальное программное обеспечение, являющееся, по сути, его операционной системой.

С начала 1990-х гг. государственная политика Сингапура была направлена на привлечение финансовых ресурсов, состоящих из притока иностранных инвестиций, прибыли от деятельности свободных экономических зон, дивидендов от функционирования в стране рынка ссудного капитала для структурной инновационной перестройки экономики. Морской порт как составная часть такой перестройки оказался в центре проведения научных исследований, развития своей инфраструктуры, поддержке научных исследований в области морского транспорта. В условиях возрастания конкуренции со стороны портов Гонконга, Шанхая и Дубая, Портовая администрация Сингапура стала осуществлять внедрение инновационных технологий в расширение и модернизацию порта. В 2009 г. была завершена вторая фаза расширения порта, что позволило увеличить контейнерную обработку судов до 34,5 млн TEU в год.

Порт Сингапура – крупнейший порт мира не только по величине тоннажа судов, но и по грузообороту. Так, по итогам 2014 г. его грузооборот составил 580,8 млн тонн, что на 3,5% превысило этот показатель за 2013 г. Также увеличились объемы перевалки наливных и генеральных судов на 5,3 % (до 384,4 млн т.) и 0,3 % (до 196,4 млн т.) соответственно. Причем объем перевалки нефти составил 181,2 млн т., что превысило на 0,4 % показателя 2013 г. Контейнерооборот в эти годы возрос на 3,9 % в 2014 г. по сравнению с 2013 г. и составил 33,9 млн TEU.

Таблица №1

**Основные статистические показатели деятельности
морского порта Сингапура (2014-2020 гг.)**

год	Тон- наж млрд GT	Контей- нерообо- рот млн т.	Грузо- оборот млн т.	Объем бункер- ных продаж млн т.	Тоннаж в Судо- вом ре- гистре Синга- пура млн GT
2014	2,37	33,9	581,3	42,4	82,2
2015	2,50	30,9	575,8	45,2	86,3
2016	2,66	30,9	593,3	48,6	88,0
2017	2,80	33,7	627,7	50,6	88,8
2018	2,79	36,6	630,0	49,8	90,9
2019	2,81	39,1	626,1	47,3	91,2
2020	2,9	36,8	590,3	49,8	89,0

Источник: www.port.statistics

Однако в рейтинге крупнейших портов мира Китай (порт Шанхай) обогнал по грузообороту порт Сингапур за счет быстрого экономического роста в последние десятилетия. По мнению некоторых экспертов, если китайская экономика продолжит свой рост, то в течение нескольких лет китайские порты, такие как Нинбо, Гуанчжоу и Шеньчжэнь, могут по грузообороту обогнать сингапурский порт. Однако, предпринимаемые сингапурским правительством усилия, направленные на модернизацию морского порта, позволят удерживать лидирующие позиции в этой конкурентной борьбе.

Существует серьезное отличие работы сингапурского порта от шанхайского. Порт Шанхая принимает сырье для производства оборудования или товаров, после чего отправляет готовую продукцию. Сингапур же осуществляет перевалку грузов, то есть поступающие контейнеры передаются на другие суда для продолжения своего пути. Порт Сингапура продолжает оставаться крупнейшим перевалочным портом в мире и рост китайской экономики вряд ли отразится на его лидирующих позициях. Помимо этого, сохранять свое первенство Сингапuru

поможет широкий диапазон оказания дополнительных услуг. Сингапур обладает лучшими судоремонтными заводами не только в регионе, но и во всем мире. На сегодняшний день в морском порте Сингапура используют новейшие краны, контейнерные причалы, современные информационные системы, в том числе и интегрированные системы логистики. Терминалы обрабатывают грузы мелких партий, специализированные грузы, включая тяжелую технику, металлоконструкции и кабели. Существует возможность размещения крупнейших в мире контейнерных судов.

Малаккский и Сингапурский проливы Юго-Восточной Азии являются важнейшей стратегической водной артерией, через которую проходит мировой морской путь с интенсивным транзитным судоходством. В этой связи возрастает количество международных правовых проблем, связанных с безопасным плаванием судов. Колоссальная нагрузка со стороны мирового грузооборота нефтепродуктов в сочетании с географическими особенностями Малаккского и Сингапурского проливов, предъявляет к супертанкерам серьезные требования к точности судождения.

Сингапур выступает за реализацию выдвинутой Китайской Народной Республикой инициативы «Морского шелкового пути», за обеспечение свободы навигации в этих важнейших транспортных узлах Малаккского и Сингапурского проливов. Расположенный между Индонезией, Малайзией и Сингапуром Малаккский пролив является одним из самых загруженных сухоходных маршрутов в мире.

Начиная с 2012 г. в стране начал разворачиваться новый проект модернизации и перестройки морского порта. За истекшие годы резко возросла арендная плата за земельный участок в центре Сингапура, на котором располагается морской порт. Несмотря на то, что у портовой администрации есть договор об аренде центральных терминалов, который остается в силе еще до 2027 г., продлевать контракт будет очень дорого. С этой целью было принято решение об освобождении территории *Tanjong Pagar* и о переносе на терминал *Pasir Panjang*, расположенный к западу от центра мегаполиса. Но и его аренда истекает в 2040 г. и это является временным решением. На западе ост-

рова происходит «намыв» территорий, под строительство будущего порта Туас. Когда его строительство будет завершено, здесь будет располагаться новый морской порт Туас. Создание новых территорий способом «намыва» – довольно привычное явление в Сингапуре. За истекшие 50 лет таким способом была увеличена небольшая территория страны с 621 кв. км. в 1970 г. до 728,3 кв. км. в 2020 г. В 2012 г. был разработан и принят государственный план перемещения контейнерных терминалов на западную оконечность острова. Цель проекта – создание интеллектуального порта следующего поколения, который усилит эффективность и производительность портовых операций, повысит эффективность использования земельного участка, повысит уровень безопасности морских перевозок. Строительство новых мощностей намечено завершить к 2040 г. Новый морской сингапурский порт Туас превратится в крупнейший в мире контейнерный терминал, сосредоточенный в одном месте. Строительство нового порта происходит на месте «намыва» новых территорий в районе Туас. «Намыв» новых территорий для строительства первой очереди будущего нового порта в 2021 г. завершен на 75%. В самом начале 2021 г. были открыты первые терминалы нового порта⁸.

Первая очередь строительства порта включает в себя строительство 20 глубоководных причалов совокупной мощностью около 20 млн TEU в год. Вторую очередь предполагается ввести в строй в 2027 г., что увеличит мощность порта еще на 21 млн TEU. Все четыре очереди проекта «*Tuas Terminal*» совокупной мощностью 65 млн TEU предполагается завершить к 2040 г. Объединение контейнерных операций в Туасе поможет снизить расходы и экономить время погрузочно-разгрузочных работ, активное использование цифровых технологий и искусственного интеллекта расширит их объем. С помощью компьютеров, интеллектуальных датчиков и камер операторов можно будет контролировать работу нескольких причальных кранов-перегрузателей и контейнерных погрузчиков одновременно. Контейнерные погрузчики, в автоматическом режиме работы смогут перевозить контейнеры между причалом и контейнерной площадкой. Предполагается оснастить новый морской порт интеллектуальными портовыми системами, включая систему

управления движением судов будущего инновационного поколения.

Компания *Fujitsu* объявила о результатах исследований, которые проводились в течение двух лет при содействии морского и портового управления Сингапура. Их целью была оценка анализа рисков морских перевозок в Сингапурском проливе, выполняемых с применением технологий искусственного интеллекта. Используя технологию искусственного интеллекта «*Fujitsu Human Centric AI Zinral*», разработанную специалистами *Fujitsu Laboratories*, можно выявлять риски столкновения судов и динамически прогнозировать наиболее горячие точки. Эта технология может быть развернута в системе службы движения судов (VTS), чтобы помочь диспетчерам управлять графиком и повысить безопасность судоходства. Технология обнаружения рисков *Fujitsu* продемонстрировала возможность более детальной количественной оценки риска до его обнаружения операторами-людьми. В результате у людей есть больше времени для выполнения действий, необходимых для предотвращения столкновений.

В 2018 г. руководство сингапурского морского порта приступило к созданию собственного вспомогательного центра. Предполагается повысить качество и темпы сервисного обслуживания за счет использования 3D-принтеров для местного производства запасных частей к портовому оборудованию и судам.

Республика Сингапур известна своим высоким уровнем образования, что позволяет инженерам, занятым в судоремонтной отрасли, легко осваивать новейшие технологии. Внедрение новейших технологий в судоремонтную отрасль осуществляется на базе разработок Национального кластера инноваций в сфере вспомогательных технологий. Морская отрасль Сингапура полностью оснащена новейшими технологиями, разработанными в научных центрах страны.

Помимо контейнерооборота, порт Туас станет крупнейшим узлом масштабной экосистемы Туас, интегрированной в промышленно-логистическую экосистему, с которой новый мегапорт будет связан сетью поставок как физически, так и посредством цифровых каналов.

В октябре 2019 г. Морская и Портовая Администрация Сингапура запустила специальный информационный портал digitalPort@SGTM, позволяющий беспрепятственно подключаться и обмениваться информацией между портами по всей морской транспортной цепочке. Платформа digitalPORT@SGTM упрощает процедуру проверки судовым, иммиграционным и портовым требованиям от нескольких учреждений в одном приложении, объединив 16 отдельных форм. Капитаны и судовые агенты из более чем 550 судоходных компаний теперь могут отправлять, отслеживать и получать разрешения на прибытие и отправление судов через данный портал.

На следующем этапе DigitalPORT@SGTM, путем упрощения операций для оптимального планирования прохода судов в порту Сингапура, оптимизирует ресурсы порта и повысит эффективность с помощью использования искусственного интеллекта. Эта платформа станет единым цифровым окном для бронирования морских услуг⁹.

По завершении строительства в 2040 г. сингапурский порт Туас, оператором которого является Портовая Администрация Сингапура PSA, будет располагать самым большим в мире полностью автоматизированным контейнерным терминалом. Работа первого такого автоматизированного причала началась в январе 2021 г. Однако, в полную силу этот терминал заработает только к концу 2021 г., когда начнет постепенно вводиться в эксплуатацию 162 автоматически управляемые платформы для перевозки тяжелых транспортных контейнеров. Парк автоматически управляемых платформ будет полностью введен в эксплуатацию в течение двух лет.

В 2018 г. правительством Сингапура было выделено 1,46 млрд долл. для второго этапа развития порта Туас-Терминал. Второй этап является частью четырехэтапного строительства нового мегапорта. Современная роль морского порта такова, что соответствовать ей может высокотехнологическое, экологически безопасное, с достаточным уровнем подготовки управленческо-организационных кадров транспортное предприятие нового типа.

Грузооборот порта Сингапур за 2020 г. снизился на 5,8 %, в сравнении с 2019 г. – до 590,28 млн т. В 2019 г. грузооборот порта составлял 626,18 млн т.

Таблица №2

**Основные статистические показатели
морского сингапурского порта**

Основные показатели	2020	Прирост в %
Тоннаж прибывших судов (М GT)	2,902.62	+ 1,7
Прибывшие суда (число)	96,857	-30,0
Контейнерооборот млн TEU	36,87	-0,9
Грузооборот порта млн т.	590,28	-5,8
Бункеровка судов млн т.	49,83	+5,0

Источник: www.mpa.gov.sg.

С 2018 г. Сингапур расширяет развитие отрасли бункеровки судов (судового топлива поставляемого судам, заходящим в порт), с учетом негативного воздействия топливных выбросов в окружающую среду. Портовая Администрация Сингапура с 2017 г. разрабатывает сингапурскую экосистему и инфраструктуру для СПГ (сжиженный природный газ)^с бункеровок. В последнее время ужесточаются мировые экологические требования к стандартам судового топлива, особенно это касается выбросов серы в окружающую среду. Использование сжиженного природного газа (СПГ) в качестве топлива для судов существенно уменьшает выброс в море и атмосферу химических элементы серы и азота. Портовая Администрация Сингапура стимулирует использование экологически чистого топлива, она разработала программу экологических судов («Зеленое судно»), в соответствии с которой поощряется внедрение двигателей, использующих топливо с низким содержанием углерода, такое

^с СПГ-бункеровка является предпочтительным топливом для судов. СПГ – это криогенная нетоксичная жидкость.

как СПГ (сжиженный природный газ). Другая программа Сингапура – «Зеленый порт» предусматривает 25% скидку по портовым сборам для тех судов, которые используют СПГ в качестве бункерного топлива. С целью содействия внедрения СПГ топлива в морском порту Сингапура. Портовая Администрация предоставляет отсрочку сроком на 5 лет от сборов с судов, работающих на газовом топливе.¹⁰

Сингапур находится на перекрестке морских путей. Двести лет тому назад этот тропический остров был необитаем, и только шестьдесят лет тому назад началось его самостоятельное развитие. За прошедшие годы в стране произошли две промышленные революции, был построен финансовый центр мирового значения, а промышленная структура – преобразована в инновационную. Это происходило при активном вмешательстве государства и контроле над финансовыми потоками, направляемыми на техническое переоснащение и инновационную перестройку как всей экономики в целом, так и морского порта, в частности. «Вчера», «сегодня» и «завтра» морского порта самым тесным образом связаны с экономикой Сингапура, с ее развитием в прошлом, функционированием в настоящем и подготовкой к будущим преобразованиям.

Какое же будущее ожидает современный Сингапур? В своей книге «Мой взгляд на будущее мира» Ли Куан Ю пишет: «Будет ли существовать Сингапур через 100 лет? Я не знаю. Америка, Китай, Великобритания, Австралия – эти страны останутся на карте мира и через 100 лет, и после этого срока. Но такого государства, как Сингапур, совсем недавно не было и в помине. Старшее поколение сингапурцев построило эту страну с нуля – и, надо сказать, сделало это превосходно! (...) Но потом все будет зависеть от молодого поколения сингапурцев»¹¹. К словам Ли Куан Ю остается добавить только одно: будущее страны неразрывно связано с развитием и функционированием морского порта. Порт Сингапура не только один из самых загруженных в мире, но один из самых высокотехнологичных. Новый мега-порт, стоимостью 20 млрд синг. долл., в Туасе станет крупнейшим в мире полностью автоматизированным терминалом. Будущий терминал, годовая пропускная способность которого в 2040 г. составит 65 млн TEU, явится значительным

событием в экономике страны. Первый терминал уже введен в январе 2021 г., но в полную силу он заработает в конце 2021 г. и объединит все портовые операции в Танджонг Пагаре, Пасир Панджанге, Кеппеле и Пулау Брани. Финансирование инновационной экономики Сингапура во многом зависит от его рекс-портной деятельности, которая, в свою очередь, зависит от функционирования морского порта. «Все, что у нас есть, – говорил Ли Куан Ю, – это стратегическое географическое расположение на пересечении морских путей. Сингапур не может выжить без внешнего мира»¹².

К концу второго десятилетия XXI в. одной из важнейших проблем для Сингапура стала охрана окружающей среды. Экологическая ситуация ухудшилась под влиянием техногенных факторов, в том числе под влиянием загруженности морского порта. Для предотвращения экологической катастрофы правительством выделяются значительные финансовые ресурсы на научно-технические разработки, имеющие целью очищение окружающей среды от вреда, наносимого ей техническим прогрессом. Каким будет мир через двадцать лет? Едва ли кто возьмется нарисовать картину будущего. Одно можно сказать наверняка: Мегпорт Туас в Сингапуре будет достроен. Новый порт, построенный в соответствии с последними достижениями науки и техники, сумеет обеспечить условия для дальнейшего успешного развития экономики Республики Сингапур.

¹ Statistics Singapore Newsletter Issue 1, 2021.

² Singapore Department of Statistic (DOS) SingStat Website

³ MPA PortNews 2021 www.mpa.gov.sg.

⁴ Сингапур справочник М., Наука 1988 С. 115.

⁵ Сингапур, справочник М., 1988 С. 116.

⁶ Там же С. 117

⁷ Сингапур справочник М., Наука 1988 С. 116.

⁸ Singapore Department of Statistics DOS Singstat Website

⁹ PortNews@ru интервью

¹⁰ ПортНьюс, № 3, 2020. С. 79.

¹¹ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира М., 2017 С. 277.

¹² Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира М., 2017 С. 277.

Кучеренко Григорий Николаевич

сотрудник Центра Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании ИВ РАН,
аспирант ИВ РАН, Россия, Москва,
gri7595@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8160-1662>

**ФАКТОР ТАЙВАНЯ
В КАМБОДЖИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Аннотация: Камбоджа развивает отношения с Китаем на протяжении десятилетий, в настоящее время обе страны воспринимаются как стабильные партнёры, королевство поддерживает Пекин по ряду международных вопросов, включая статус Тайваня, однако подобное положение дел было не всегда. С момента обретения независимости и до 1997 года Камбоджа несколько раз предпринимала попытки установить отношения с Тайбэем, преследуя свои внешнеполитические цели. Данная статья рассматривает специфику отношений между Камбоджей и КНР через призму взаимодействия Камбоджи и Тайваня.

Ключевые слова: Камбоджа, Тайвань, КНР, тайваньский офис, долларовая дипломатия, инвестиции

Для цитирования: Кучеренко Г.Н. Фактор Тайваня в камбоджийско-китайских отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 220–231. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-220-231

**The Taiwan Factor
in Cambodian-China Relations**

Abstract: Cambodia has been developing relations with China for decades, now both countries are perceived as stable partners, the kingdom supports Beijing on a number of international issues, including the status of Taiwan, but this state of affairs was not always the case. From its independence until 1997, Cambodia made several attempts to establish relations with Taipei in pursuit of its foreign

policy goals. This article examines the specifics of relations between Cambodia and the PRC through the prism of interaction between Cambodia and Taiwan.

Keywords: Cambodia, Taiwan, PRC, Taiwanese office, dollar diplomacy, investment

Grigory N. Kucherenko, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student of the Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow, gri7595@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-8160-1662>

For citation: Kucherenko G.N. The Taiwan Factor in Cambodian-China Relations. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 220–231. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-220-231

В 1949 г. гражданская война в Китае закончилась победой сил коммунистов и провозглашением Китайской народной республики. Противостоявшие им силы националистической партии Гоминьдан вынуждены были эвакуироваться на Тайвань, где была провозглашена Китайская республика. Изначально именно Тайвань обладал международным признанием как единственное китайское государство, однако с течением времени, в силу изменившейся ситуации на мировой арене и действий Пекина, международное признание перешло к КНР, которая и сегодня прикладывает значительные усилия к тому, чтобы закрыть тайваньский вопрос и сделать остров своей неотъемлемой частью. Из-за того, что одновременно два государства претендуют на право именовать себя Китаем, страны, желающие иметь хорошие отношения с Пекином, должны соблюдать принцип «единого Китая», согласно которому существует лишь одно китайское государство, находящееся под управлением КПК.

Исключением не стала и Камбоджа, установившая официальные отношения с Китаем в 1958 г., хотя контакты между странами были налажены ранее, когда делегации обеих сторон встретились на Женевской конференции 1954 г. Уже тогда король Нородом Сианук, несмотря на существующие опасения

перед коммунистическим режимом, прекрасно понимал, что хорошие отношения с Китаем, мощь которого он не мог недооценивать, чрезвычайно важны для королевства. Тем не менее, когда встал вопрос об отмене признания Тайваня, что и по сей день является достаточно болезненной темой для Пекина, Камбоджа не решалась сделать каких-либо однозначных заявлений по данной теме. В 1957 г., в ответ на соответствующий запрос со стороны министерства иностранных дел КНР, их кхмерские коллеги писали, что офис Тайваня был открыт французской колониальной администрацией, а не самими кхмерами¹. Несмотря на указанную нерешимость, в 1958 г., накануне официального установления отношений между странами, кхмерское руководство всё же закрыло офис, тем самым прервав отношения с Тайванем в первый раз. Ряд исследователей в рамках изучения внешней политики Камбоджи упоминали о существовании тайваньского офиса с 1947 по 1958 гг. в Камбодже, но ни один из них не упоминал о каком-либо развитом сотрудничестве, исходя из чего можно предположить, что связи были достаточно формальными и ограничивались, по сути, самим офисом².

В 1960-е гг. наметившийся тренд на формирование более тесного сотрудничества Камбоджи с социалистическими странами, в частности, с Китаем, продолжился. Например, выступая в ООН в 1961 г., принц Нородом Сианук критиковал организацию за отсутствие Индии и КНР в Совбезе, называя это серьёзной ошибкой. Подкрепляя своё утверждение, Сианук процитировал газету *Le Monde*: «Если Совет намерен играть важную роль, он в первую очередь должен быть реформирован, чтобы он состоял из сверхдержав, которые обладают влиянием в мире по причине их военной силы, материальных ресурсов или моральной позиции»³. Камбоджийский лидер также осуждал тот факт, что место КНР занимал Тайвань, задаваясь вопросом, правомерно ли то, что Формоза была включена в состав пяти сверхдержав, обладающих правом вето? Стоит отметить и то, что Сианук поднимал этот вопрос регулярно, практически каждый раз, когда он выступал в ООН.

Стоит отметить, что Сианук преследовал не одну только цель наладить отношения с Китаем, КНР была одной из стран, игравших ведущую роль в движении неприсоединения, что бы-

ло особенно важно для Камбоджи, которая стремилась проводить политику нейтралитета в условиях идущей «холодной войны». Помимо этого, Сианук, будучи весьма амбициозным политиком, стремился продвигать позицию Камбоджи по ряду вопросов на международной арене, в том числе и по вопросу поддержки КНР в Совбезе ООН. Хотелось бы упомянуть и о том, что Камбоджа к этому моменту была одной из немногих стран третьего мира, выступавших за вступление КНР в ООН, так, в 1958 г. лишь 28% стран от общего числа стран-членов организации поддерживали присоединение КНР⁴. В дальнейшем число независимых стран росло, как и процент голосов, поддерживавших Пекин, пока, в 1971 г. КНР не стала страной-членом ООН.

На примере Тайваня можно заметить, что мнение о том, что Камбоджа в настоящее время поддерживает Пекин на международной арене исключительно в силу своего зависимого положения, не совсем корректно, так как королевство выступало на стороне КНР ещё в то время, когда у власти был, фактически, антикоммунистический режим. Как показывает дальнейшая история, кхмерские власти, за редким исключением, всегда стремились иметь хорошие отношения с Китаем, осознавая все выгоды подобного сотрудничества, в частности, финансовые, так как Китай выделял помощь Камбодже уже в 1956 г., ещё толком не оправившись от многочисленных проблем, вызванных прошедшей гражданской войной, войной с Японией и международной изоляцией⁵. Из подобного рода исключений стоит отметить, в частности, период после государственного переворота в 1970 г., когда к власти в Камбодже пришла правая оппозиция под руководством генерала Лон Нола, выступавшая с крайне проамериканских позиций. В первую очередь это привело к разрыву отношений между появившейся после военного переворота республикой и Китаем, что, в свою очередь, незамедлительно повлияло на развитие связей между Камбоджей и Тайванем, в частности, когда Чан Кайши узнал о произошедшем, он направил в Пномпень генерала Ван Шэня с целью установления сотрудничества. Сближения в полной мере всё же не произошло в связи с тем, что администрация президента Никсона резко выступала против подобного развития событий, так как Соединённые Штаты в этот период стремились наладить отношения с

КНР, используя советско-китайский раскол, а официальное установление отношений с их точки зрения могло привести к нарушению политического баланса в ЮВА и, теоретически, коммунистическому вторжению в Камбоджу, которое, как предполагается, могло произойти через территорию Мьянмы⁶. В связи с этим Тайбэй ограничился созданием военной миссии в Пномпене. Лон Нол, в свою очередь, был крайне заинтересован в том, чтобы усилить антикоммунистический настрой своих вооружённых сил, в связи с чем он хотел воспользоваться опытом Тайваня, даже если бы это вызвало недовольство его американских союзников. Поэтому в 1972 г. в Камбоджу стали прибывать тайваньские военные специалисты. Одной идеологической сферой сотрудничество не ограничилось, тренировочные программы, охватывавшие кхмерских военных, также затрагивали сбор разведданных, массовую мобилизацию и т. д. Тем не менее, спасти режим Лон Нола данные программы не смогли, и визит Ван Шэня в Камбоджу в 1974 г. лишь подтвердил ухудшающееся материальное и идеологическое состояние республиканских войск. Тайвань стал последней страной, эвакуировавшей своих специалистов перед падением Пномпеня.

Пришедшее к власти по итогам гражданской войны маоистское движение «красных кхмеров» отношений с Тайванем не поддерживало в силу ориентации во внешней политике на КНР и общей дипломатической закрытости страны. Ситуация не изменилась и после того, как режим Пол Пота был свергнут вьетнамскими войсками в 1979 г., в результате чего к власти пришло провьетнамское правительство Народно-революционной партии Камбоджи, которая провозгласила Народную республику Кампучию. Она являлась союзным государством Советского Союза и Вьетнама, поэтому не имела отношений ни с КНР, ни с КР.

Ситуация изменилась лишь после того, как в Камбодже был преодолен военно-политический кризис, заключавшийся в вооружённом противостоянии между НРПК и коалицией оппозиционных партий, в состав которой входили «красные кхмеры», прозападный Национальный фронт освобождения кхмерского народа бывшего премьера Сон Санна и партия сторонников принца Сианука ФУНСИНПЕК. К 1989 г. в результате политической трансформации правящего режима, который отка-

зался от социалистической ориентации, Народная республика Кампучия стала нейтральным государством Камбоджа. После этого ООН провела миротворческую операцию на территории страны и помогла организовать всеобщие выборы, на которых однозначно проявились два фаворита: роялистская партия ФУНСИНПЕК и Народная партия Камбоджи, переставшая быть революционной в 1991 г. с момента принятия Парижских соглашений, официально завершивших вооружённый конфликт, тянувшийся в стране на протяжении многих лет. После проведения выборов была принята Конституция и страна официально восстановила монархию, на трон вновь вступил Народом Сианук.

Принятие конституции и проведение выборов были, с одной стороны, серьёзным шагом на пути установления мира в Камбодже, но решить всех проблем разом данные меры не могли, власть оказалась фактически поделена между бывшими коммунистами и роялистами. Это выражалось, в частности, в том, что после победы на выборах руководство ФУНСИНПЕК достаточно слабо проявляло себя во внутренней политике, так как опоры «на местах» у них практически не было, ядро партии составляли мигранты, не видавшие страну годами, а сама партия во многом полагалась на харизму Сианука. В то же время НПК контролировала ситуацию в большинстве провинций, в том числе из-за этого руководство ФУНСИНПЕК пришло к выводу о необходимости развития отношений с Тайванем для укрепления своих позиций, в то время как НПК ориентировались на КНР. В сентябре 1994 г. Камбоджа и Тайвань подписали меморандум о взаимопонимании, тем самым открывая дорогу для установления более формальных отношений. Здесь стоит заметить, что внешняя политика Тайваня обладает рядом специфических черт, одна из которых состоит в том, что в 1971 г. Китайская республика была исключена из Совбеза ООН в пользу КНР, в связи с чем разработала новый подход к дипломатии, не требовавший официального признания отношений со стороны стран-партнёров. В течение последовавшего периода множество стран прервали отношения с Тайванем на официальном уровне, но сохранили связи в экономической и культурной сферах⁷.

В то же время, стремясь к дальнейшему развитию сотрудничества с Китайской республикой, в марте 1995 г. заместитель мэра Пномпеня и доверенное лицо принца Ранарита Кхау Менг Хен совершил официальный визит в Тайбэй впервые с 1975 г., где допустил высказывания, оскорбившие КНР⁸. В ответ на это в октябре 1995 г. посол Камбоджи в Пекине написал обоим премьер-министрам, что Китай был «в ярости по поводу присутствия губернатора Пномпеня, заместителя министра сельского хозяйства и окружающей среды, а также прочих высокопоставленных чиновников, преимущественно из ФУНСИНПЕК, на приёме, устроенном Коммерческим и культурным офисом Тайваня в Пномпене в честь национального дня Тайваня 10 октября 1995 года»⁹.

К тому моменту сотрудничество между Камбоджей и Тайванем развивалось достаточно бурно, в королевстве присутствовало, как минимум, 150 тайваньских предприятий, занимающихся производством стройматериалов и одежды, строительством, а также импортом-экспортом. Также ожидалось строительство фанерного завода, отеля и поля для гольфа. Джеймс Чу, представитель офиса, заявлял, что: «Мы надеемся на более тесные экономические связи в ближайшие годы, потому что бизнес в этом заинтересован»¹⁰. Помимо этого, он утверждал, что фокус внимания Тайваня перестраивается с других стран Юго-Восточной Азии непосредственно на Индокитай. Стоит отметить, что в период с 1991 по 1995 гг. Тайвань инвестировал в Камбоджу 61,3 млн долл. США, а с 1996 по 2000 гг. – 216 млн, что делало его одним из ведущих инвесторов в камбоджийскую экономику – 8,27% от общего объёма иностранных инвестиций против 7,28% у США и 4,47% у КНР¹¹.

Весьма показательным является объявление принца Ранарита в 1996 г. о создании прямого авиационного маршрута между Пномпеном и Тайбэем. Софи Ричардсон, известный американский исследователь и директор *Human Rights Watch* по Китаю пишет, что это вызвало неудовольствие Пекина, при том, что с её точки зрения, КНР не возражала против тайваньских инвестиций или торговых связей, её не устраивала та доля формальности, которая была слишком похожа на официальное признание Тайбэя¹². Однако, данная точка зрения не учитывает по-

нятие т.н. «долларовой дипломатии». Изначально эта концепция использовалась США в начале XX в., а впоследствии была принята как КНР, так и КР. Её цель заключается в том, чтобы финансовая помощь экономически более слабой нации открывала дорогу достижению «более широких стратегических целей внешней политики»¹³. Безусловно, ресурсы Тайваня не позволяли ему применять подобный подход столь же эффективно, как это делала КНР, однако для Камбоджи, чья экономика всё ещё была крайне ослаблена, было достаточно сложно отказаться от финансовой помощи из какого-либо источника. В связи с этим можно предположить, что Пекин был недоволен не только возможным признанием Тайбэя, но и активно развивающимся финансовым сотрудничеством между Камбоджей и Тайванем в целом.

В противовес действиям ФУНСИНПЕК в отношении Тайваня, 18 июля 1996 г. Хун Сен совершил государственный визит в КНР, который принимающая сторона организовала на высшем уровне. Во-первых, второй премьер-министр Камбоджи прибыл в Пекин на самолёте, высланном китайцами. Во-вторых, Хун Сен встретился с председателем Цзян Цзэмином и премьером Ли Пэном. Обладая богатым политическим опытом и пройдя ожесточённую межпартийную конкуренцию, ещё в полёте он заявил о намерении «покончить с подозрениями прошлого»¹⁴. Показательно то, что делегация, которая была заявлена как делегация королевского правительства Камбоджи, состояла исключительно из членов НПК, это говорило о том, что Пекин окончательно сделал свой выбор в пользу Хун Сена, так как Ранарит оказался слабым политиком, не способным выстоять в сложной внутривнутриполитической среде Камбоджи или отказаться от сотрудничества с Тайванем, сулившим краткосрочную прибыль без учёта дальнейшего развития отношений с Китаем.

В 1997 г. внутривнутриполитический кризис в Камбодже достиг своего пика: вооружённые силы НПК и ФУНСИНПЕК столкнулись в столице, в результате чего последние были разгромлены. После этих событий Хун Сен заявил, что Тайвань тайно поддерживал силы ФУНСИНПЕК и немедленно изгнал тайваньский неофициальный представительский офис из Пномпеня, тем самым положив конец каким-либо дальнейшим попыткам уста-

новления контактов с Тайбэем. Более того, как отмечалось в статье *Australian Financial Review*, на тот момент на Тайване происходила операция, направленная против организованной преступности, в результате чего сотни участников таких объединений как «Бамбуковый союз» намеревались искать укрытие в странах Юго-Восточной Азии^b. По словам Хун Сена именно они поддерживали Ранарита, а некий неназванный тайваньский генерал снабжал военачальников принца оружием¹⁵. В результате столкновений было убито более сотни военных ФУНСИНПЕК, что окончательно лишило роялистов возможности серьёзно влиять на происходившие в стране события. Десятки политиков, связанных с ФУНСИНПЕК, сбежали из страны.

Впоследствии Хун Сен неоднократно говорил о своём нежелании повторного открытия офиса в связи с поддержкой политики одного Китая¹⁶. Так, например, 19 января 1998 г. в интервью тайваньскому телеканалу TVBS Хун Сен заявил: «Политика одного Китая это наш принцип и наша мораль... с учётом этой морали мы не можем жать руку человеку и в то же время наступать ему на ногу, иными словами мы не можем жать руку Пекину и поддерживать отношения с Тайбэем. Если бы мы это делали, Китай имел бы полное право поступать точно так же с Камбоджей. Мы не боимся Китая, но это вопрос морали и принцип международных отношений. Мы, кхмеры, прошли через множество страданий, когда иностранцы вмешивались в наши внутренние дела... с точки зрения закона раньше Тайвань представлял Китай в Совете безопасности ООН. Теперь это делает Пекин. Политика одного Китая, таким образом, является и вопросом правовым...».

Ситуация не изменилась и в дальнейшем. В 2003 г. премьер-министр Хун Сен вновь выразил свою поддержку политике «единого Китая» и сказал, что правительство не позволит Тайбэю вновь открыть свой офис на территории Камбоджи: «Я снова и снова говорил о том, чтобы иметь дело с Тайбэем только в коммерческой, туристической и инвестиционной сферах. Но теперь есть люди, которые пытаются открыть тайваньский офис в Пномпене с целью получения выгоды для себя»¹⁷. В 2014 г.

^b крупнейшая из преступных группировок, действующих на Тайване.

газета *Taipei Times* опубликовала новость о том, что Камбоджа «дала зелёный свет» на открытие торгового представительства Тайваня на своей территории. В ответ на это правительство страны заявило, что «Представитель Министерства иностранных дел и международного сотрудничества хотел бы подчеркнуть, что Королевское правительство Камбоджи не разрешило и не разрешит создание тайваньских представительств в Камбодже, поскольку Королевское правительство Камбоджи полностью признало политику единого Китая»¹⁸.

Тем не менее, стоит отметить, что невзирая на запрет на открытие какого-либо рода представительства со стороны Китайской республики, кхмерские власти не отказываются от тайваньских инвестиций. Так, в 2017 г. Хун Сен опубликовал пост у себя в Фейсбуке, где утверждал, что он приветствует инвестиции тайваньских бизнесменов, но уважение суверенитета Китая подразумевает признание Тайваня китайской провинцией. В связи с этим он запретил поднимать тайваньский флаг в столице и добавил, что Камбоджа придерживается той же позиции в отношении Тибета¹⁹. В 2019 г. он вновь напомнил о своей позиции, заявив, что «Тайвань является всего лишь провинцией Китая... Мы позволяем тайваньским компаниям заниматься бизнесом в Камбодже, но флаг Тайваня никогда не будет здесь развеиваться»²⁰. За период с 2013 по 2019 гг. Тайвань инвестировал в экономику Камбоджи более 568 млн долл., большую часть из них в 2017 и 2018 гг.²¹.

Из-за того, что кхмерское правительство отказывается открывать представительство Китайской республики на своей территории, возникают проблемы с документооборотом. В частности, супруга Хань Гоюйя, кандидата в президенты от партии Гоминьдан, посещала Камбоджу в ноябре 2019 г., в ходе встречи с тайваньскими бизнесменами она выслушала жалобы о невообразимо усложнённом и трудоёмком оформлении документов в Камбодже, так как документооборот приходится осуществлять через представительство во Вьетнаме. В ответ на это спикер министерства иностранных дел Жан У заявил, что для открытия представительства требуется одобрение обеих сторон, а Камбоджа по-прежнему отказывается это делать, мотивируя своё решение приверженностью политики «одного Китая»²².

Можно заметить, что вопрос Тайваня в отношениях между Китаем и Камбоджей во многом схож с таковым в отношениях между Китаем и другими странами. На данный момент практически всё мировое сообщество не имеет официальных отношений с Формозой, ограничиваясь связями через представительские офисы, фактически выполняющие функции посольств, однако есть и некоторая специфика. Она выражается в том, что Камбоджа стала одной из первых стран, выступавших против присутствия Тайваня в ООН, а также безоговорочно поддержала принцип «единого Китая», согласно которому Тайвань не является ни независимой страной, ни проводником интересов китайского народа. Помимо этого, в современной Камбодже нет даже представительства Тайваня, что говорит об активной поддержке китайского внешнеполитического дискурса, пусть и в ущерб себе в контексте документооборота с тайваньскими инвесторами. Изменение ситуации в дальнейшем кажется маловероятным в связи с тем, что Камбоджа воспринимает развитие отношений с Китаем как один из своих долгосрочных приоритетов, а это значит, что политическое сотрудничество с Китайской республикой так и останется на нулевом уровне.

¹ Richardson S. China, Cambodia, and the five principles of peaceful coexistence. Columbia University press. 2010. p. 59.

² Chen, S. A. (2018). The Development of Cambodia–China Relation and Its Transition Under the OBOR Initiative. *The Chinese Economy*, 51(4), 370–382.

³ 16th sess. [1961, 22 Sept.]: A/PV.1011*: Prince Norodom Sihanouk

⁴ Kim, S. S. (1974). The People's Republic of China in the United Nations: A Preliminary Analysis. *World Politics*, 26(03), 299–330.

⁵ Marsot, A. (1969). China's Aid to Cambodia. *Pacific Affairs*, 42(2), 189–198. Retrieved June 22, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/2754398>

⁶ Hsiao-ting Lin, *Taiwan's Cold War in Southeast Asia* (2016)

⁷ Marion B. Carrera, *International Relations of Taiwan: the Republic of China in the International Setting* (2015)

⁸ Sothirak, P., Wade, G. & Hong, M. (2012). *Cambodia*. Singapore: ISEAS Publishing.

⁹ Richardson S. China, Cambodia, and the five principles... p. 267.

¹⁰ URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/taiwan-opens-country-office-business-grows>

¹¹ AN INVESTMENT GUIDE TO CAMBODIA Opportunities and conditions September 2003 p. 17.

¹² Richardson S. China, Cambodia, and the five principles of peaceful... p. 269

¹³ Olsen, Brian (2009) THE ROLE OF DOLLAR DIPLOMACY IN CHINA-TAIWAN DIPLOMATIC COMPETITION IN THE CARIBBEAN AND CENTRAL AMERICA. Thesis. Simon Fraser University. Print.

¹⁴ URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/peking-and-seoul-trip-end-suspicion-past>

¹⁵ URL: <https://www.afr.com/politics/taiwans-export-success-gangsters-19970721-k7jj2>

¹⁶ The Cambodia Daily. 13.05.2003

¹⁷ URL: <https://english.cambodiadaily.com/news/hun-sen-says-taiwan-cant-reopen-office-27533/>

¹⁸ URL: <https://www.globaltimes.cn/content/871343.shtml>

¹⁹ URL: <https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/2068554/cambodian-pm-citing-one-china-policy-bans-taiwan-flag>

²⁰ URL: <https://asiatimes.com/2019/04/hun-sen-has-a-one-china-dilemma/>

²¹ URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2019/03/19/why-taiwanese-are-parking-their-money-in-cambodia-once-an-unlikely-go-to-country/?sh=5f02cce73fa4>

²² URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3820080>

София Евгеньевна Пале

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Центра ЮВА,
Австралии и Океании ИВ РАН,
Россия, Москва, sophiapale@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4641-974X>

Другомилова Мария Алексеевна

аспирант ЦИОПСВ ИВ РАН,
сотрудник АНО ВО Институт стран Востока,
Россия, Москва, masick.93@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0240-639X>

**ОБРАЗ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ
В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ СМИ**

Аннотация: современном мире СМИ оказывают огромное влияние на восприятие той или иной информации, и особенно это относится к видеоконтенту. Сегодня среднестатистический человек узнает основную часть информации о мире из репортажей, научно-популярных и документальных фильмов, и в меньшей степени – из статей и книг. Данная статья описывает современное восприятие аборигенов Австралии широкой публикой на примере двух документальных сериалов, снятых австралийскими съемочными группами в самые последние годы.

Ключевые слова: аборигены Австралии, коренные народы, документальные фильмы, традиционная культура

Для цитирования: Пале С.Е., Другомилова М.А. Образ аборигенов Австралии в отражении современных СМИ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 232–242. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-232-242

The Image of the Aboriginal Australians in the Reflection of Modern Media

Abstract: Media has a huge impact on the perception of particular information. Sometimes, the average person's knowledge about the world is formed by video rather than by text content. This article describes how media represents Aboriginal Australians' life through two documentary series shot by the Australian filmmakers in the latest years.

Keywords: *Aboriginal Australians, indigenous people, aboriginal documentaries, traditional culture*

Sophia E. Pale, PhD in History, Researcher at the Center for South-east Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, sophiapale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4641-974X>

Maria A. Drugomilova, Postgraduate student of the Center for Information and Social Studies of the IOS RAS, lector, Institute of Oriental Countries, Russia, Moscow, masick.93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0240-639X>

For citation: Pale S.E., Drugomilova M.A. The Image of the Australian Aborigines in the Reflection of Modern Media. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 232–242. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-232-242

В настоящее время образовательный и документальный видеоконтент, предлагаемый различными специализированными интернет-сайтами, заслуживает высшей оценки с точки зрения точности передачи фактов и анализа освещаемых событий. Однако в прошлом этот контент подавался порой в весьма искаженном виде. Тем не менее, и тогда, и тем более сейчас, СМИ диктуют широкой публике свой подход к восприятию и интерпретации информации.

В этой связи мы рассмотрим два документальных сериала, снятых в последние годы австралийскими съемочными группами, которые наиболее точно рассказывают о традиционной культуре, быте и современных проблемах аборигенов. Стоит отметить, что сериалы рассчитаны на австралийскую публику и

не показывались в России, тем не менее, автор надеется заинтересовать описанным ниже повествованием широкий круг российских читателей.

Краткая история вопроса

Первый документальный фильм об аборигенах был снят в 1898 г. Черно-белая пленка запечатлела два ритуальных танца и способ разжигания огня¹. Скорее всего, эти кадры были постановочными, так как аборигены с большой неохотой делились с европейскими колонизаторами своими знаниями после всех бед, что те им причинили. Не так много подобных фильмов дошло до наших дней из-за ненадежности материалов, из которых изготавливалась кинопленка.

Особый вклад в изучение аборигенной жизни внес Норман Барнетт Тиндейл (1900–1993), который работал энтомологом в Музее Южной Австралии, а потом стал участником и даже руководителем многих экспедиций сначала на север штата Южная Австралия, а затем и по всему континенту, проводимых в течение 11 лет начиная с 1925 г. при содействии Совета по антропологическим исследованиям (*Board for Anthropological Research*)². В ходе этих экспедиций Тиндейл начал не только фотографировать, но и записывать аборигенов на кинопленку. В 1940 г. он выпустил первую в истории карту расселения аборигенных народов Австралии³. Сегодня его работы представляют огромную ценность для науки.

Первое в Австралии телевидение (тогда его называли «радиовидение») появилось в 1929 г. в Мельбурне⁴, а затем сеть телевидения охватила всю страну. Появились и первые фильмы: однако роли аборигенов в них исполняли белые австралийцы, которые гримировали кожу в темный цвет. Они не имели никакого сходства с реальными коренными жителями. К сожалению, это давало неверное представление о том, как и чем жили аборигены до и во время колонизации, но именно так это преподносилось широким слоям населения.

С того момента аборигенам потребовалось 50 лет, чтобы получить возможность самостоятельно создавать фильмы о своей собственной культуре. Коренной австралиец Ральф Ригби, научный сотрудник Австралийского института исследований

аборигенов (*Australian Institute of Aboriginal Studies, AIAS*, создан в 1964 г., с 1989 г. – Австралийский институт исследований аборигенов и жителей островов Торресова пролива, *Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies, AIATSIS*), имевший опыт работы в коммерческом телевидении, в 1980-х гг. сделал телевидение доступным для аборигенов, проживающих вдали от крупных городов. В его видеоклипе «*Wayward Dreams*», созданном им в 1988 г., сочетались исторические кадры и современные образы коренных народов⁵.

В 1989 г. начала свое теле вещание компания «Импарджа» (*Imparja*)⁶, созданная представителями народности аранда. Так, понемногу, аборигенам начали давать возможность заявить о себе и своей культуре широкой публике. Телеканал «Национальное аборигенное телевидение» (*National Indigenous Television*) в Австралии появился только в 2007 г.⁷. Благодаря финансовой поддержке государства у него есть большие возможности для продвижения аборигенной культуры. Тем не менее, значительное количество передач о традиционной культуре аборигенов снималось по-прежнему белыми австралийцами. Только в начале XXI в., когда появились крупные аборигенные медийные компании, коренные жители Австралии, как уже было сказано, получили возможность представлять свою культуру самостоятельно.

С конца XIX в. до 1950-х гг. аборигенов не пускали на большой экран из-за того, что экономически и социально они не были вовлечены в австралийское общество на равных правах с белыми жителями. Как уже говорилось, белые актеры играли аборигенов с сажей на лице. Доцент Сиднейского университета Катриона Элдер, эксперт по австралийской культурной самобытности и истории, так описывает образ, который создавался на экране: «Белые актеры, играющие персонажей аборигенов в австралийском театре и ранних фильмах, существовали очень долго. Только в 1955 г. в фильме Чарльза Човеля “Джедда” мы действительно увидели, как аборигены играют аборигенов»⁸.

В фильмах, где белые актеры изображали аборигенов, коренной житель ведет себя, как дикое животное, потому что у него «черная» кровь, и ведет он себя, как «черный». Абориген беспомощен перед зовом дикой природы. Такой образ коренно-

го жителя Австралии не отличался от кергуру или эму. Подобное отношение к аборигенам переносилось и за пределы кинематографа. Даже после референдума 1967 г., признавшего статус аборигенов равным остальным жителям страны⁹, сформировавшийся на экранах телевизоров образ отсталого коренного жителя континента оставался ярким. На примере нижеприведенных телепередач мы попытаемся понять, отражают ли они то, что было привычно в прошлом, или же они попытаются внести новые черты в образ аборигена.

Добрый мир аборигенов

Сериал «Сказки перед рассветом» (название в другом переводе – «Истории, рассказанные светом») (*Tales by Light*)¹⁰ – австралийское документальное реалити-шоу, которое транслировалось в 2015–2018 гг. Над проектом работала профессиональная съемочная группа, задачей которой было запечатлеть на фото- и видеопленку уголки дикой природы и задокументировать жизнь коренных народов в разных частях планеты. В 2017 г. продюсер этого сериала Абрахам Джофф удостоился высшей награды Австралийского общества кинематографистов «*Milli*». По словам Рона Джохансона, Национального президента Австралийского общества кинематографистов, «Абрахам как никто другой достоин “*Milli*”. Он опытный подводный оператор <...> и был одним из первых, кто начал снимать на камеру 4K [высокого разрешения – прим. авт.]. <...> Абрахам, основавший в 2000 г. продюсерскую компанию “*Untitled Film Works*”, хорошо известен и высоко ценится за свое уникальное творческое видение»¹¹.

Третий сезон сериала «Сказки перед рассветом», в котором присутствуют эпизоды об аборигенах, вышел на австралийском канале «*Network 10*» в 2018 г. Этот канал – третий по величине в Австралии. На данный момент любой желающий может ознакомиться со всеми тремя сезонами на сайте кинокомпании «*Netflix*»¹².

Ближе к корням

Два последних эпизода сериала «Сказки перед рассветом», посвященные непосредственно коренным жителям Ав-

стралии, дают исчерпывающую информацию о культуре и быте аборигенов, а также о проблемах, которые встают перед современным аборигенным сообществом. Главным героем выступил Дилан Ривер – оператор-постановщик этих двух серий.

*Дилан Ривер – в центре,
а справа от него – его бабушка, Фреда Глинн¹³*

Дилан Ривер – не просто оператор-постановщик фильмов: в его венах течет кровь аборигенов Австралии и заодно первых деятелей СМИ, целевой аудиторией которых стали коренные жители. Его бабушка, Фреда Глинн, представительница аборигенного населения, была одним из создателей Ассоциации СМИ аборигенов Центральной Австралии (*Central Australian Aboriginal Media Association, CAAMA*) – организации, учрежденной в 1980 г. для сохранения культуры и языков коренных народов Центральной Австралии¹⁴. Сам Дилан Ривер родился в небольшом городе Алис-Спрингс с населением чуть более 20 тыс. чел., из которых порядка 20% составляют аборигены (преимущественно народность аранда), на языке которых город именуется «*Mparntwe*» (произносится «мбантва»¹⁵). Алис-Спрингс – главный город Центральной Австралии – региона в составе Северной территории, где проживает большая часть аборигенного населения страны. Хотя здесь и осталось сердце Д. Ривера

навсегда, тем не менее, большую часть своей жизни он провел в Сиднее, где, как он рассказывает в первой из двух серий, сильно скучал по дому.

В двух эпизодах сериала Д. Ривер повествует об уцелевшей традиционной культуре аборигенов, которые живут на севере Австралийского континента. Зрителей знакомят с культурой народности вардаман, проживающей на побережье полуострова Арнем-Ленд в Северной территории Австралии. Они до сих пор проводят ритуалы, уходящие корнями в давние, еще доколониальные времена.

В фильмах Д. Ривер также знакомит зрителей со своей семьей. Он обращает особое внимание на заслуги своей бабушки со стороны отца – Фреды Глинн. Это поистине удивительная женщина: помимо участия в создании СААМА в 1980 г., как уже говорилось выше, в 1982 г. она также учредила первую радиостанцию для аборигенов «8KIN FM», вещающую на нескольких коренных языках¹⁶. А в 1987 г. Ф. Глинн основала уже упомянутую выше первую телевизионную станцию «Импарджа» (*Imparja*) для аборигенов, проживающих в удаленных регионах страны¹⁷. Фреде Глинн удалось изменить жизнь аборигенов Австралии к лучшему. По ее словам, она и ее соратники просто хотели дать аборигенам возможность слушать новости на своем родном языке: дело в том, что до создания СААМА аборигены, которые плохо знали или совсем не знали английский, не могли слушать новости своей страны. Однако главной целью создания СМИ для аборигенов было сохранение оставшихся коренных языков, которые уже и так сильно изменились ко второй половине XX в., а могли бы полностью исчезнуть, если бы не были созданы сети теле- и радиовещания на языках коренных народов. Несмотря на то, что культура большинства современных аборигенов хоть уже и не похожа на ту, что существовала до прихода европейцев, все же коренные жители чувствуют связь с прошлым и стараются сохранять свои языки и культурные традиции.

В одном из двух эпизодов был также упомянут Альберт Наматжира – первый знаменитый художник-абориген, представитель народности аранда. По воспоминаниям Ф. Глинн, когда она в молодости работала продавцом, в ее магазин зашел

А. Наматжира, который в то время был еще никому не известен, и предложил продать свои картины всего по два фунта. Сейчас его работы, конечно же, стоят несколько дороже.

Каждый абориген, показанный в сериале «Сказки перед рассветом», внес свой вклад в развитие культуры коренных народов Австралии: Наматжира прославился своими художественными работами, бабушка автора фильма, Фреда Глинн, сделала доступными радио- и телепрограммы на местных языках, а сам рассказчик, Дилан Ривер, стал кинооператором-документалистом, заслужившим профессиональное признание и награды в мире кино и телевидения.

Неприглядная сторона жизни аборигенов

Другой сериал под названием «Первый контакт» (First Contact) был снят при поддержке кинокомпании «*Blackfella Films*», которую основала Рэйчел Перкинс: среди ее предков были представители коренной народности аранда. Кинокомпания специализируется на создании документальных фильмах о традиционной и современной жизни аборигенов.

Сериал «Первый контакт» отражает совсем иную сторону жизни современных аборигенов Австралии. Сюжет строится на поисках ответов на ключевые вопросы, первый из которых звучит так: «Что люди думают об австралийских аборигенах?». Ответ оказался неутешительным: по мнению белых австралийцев, аборигены злоупотребляют алкоголем и наркотиками, грешат нежеланием работать, при этом в их среде распространено домашнее насилие; а их мозг, в отличие от мозга белого человека, не настолько пытлив и талантлив. Также многим белым австралийцам не нравится, что у аборигенов больше привилегий, чем у других граждан страны. Многие из участников сериала сошлись во мнении, что намного выгоднее быть аборигеном, чем белым. Эксплуатируя прошлое, аборигены якобы «давят на жалость», чтобы получить свою выгоду в современном обществе.

Рэйчел Перкинс (справа), 2019¹⁸

Но так ли это в действительности? Для ответа на этот вопрос были отобраны 6 человек – белых австралийцев, занимавших активные непримиримые позиции в своем негативном отношении к аборигенному населению, считая, что те сами виноваты в своей социальной неустроенности. И тогда участникам съемок наглядно показали жизнь аборигенов, проживающих в наиболее удаленных и наименее благоустроенных районах страны, чтобы те задались еще одним вопросом: «Не должно ли государство проводить более эффективную политику по адаптации аборигенов к условиям современной жизни?».

В конце сериала участники увидели, насколько обширны проблемы аборигенов, и что в них виноваты не столько они сами, сколько общество, в котором они живут.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные сериалы – «Сказки перед рассветом» и «Первый контакт» показали, что главная проблема не только в том, какую политику правительство проводит в отношении аборигенов, но и в том, как австралийское общество воспринимает аборигенное население. Белые австралийцы все еще держат позицию привилегированного сообщества относительно коренных жителей Австралии: в этом и кроется корень всех неудач.

Оба сериала схожи в том, что в них показана жизнь аборигенов с той точки зрения, что традиционная культура коренных народов должна быть видимой в австралийском обществе. В то же время, в основе двух сериалов лежат совершенно противоположные подходы к решению насущных социальных и экономических проблем аборигенов. И если сериал «Сказки перед рассветом» хочет показать более радужные перспективы развития аборигенного сообщества, которое должно полагаться на свои собственные силы и талант для достижения социального благополучия, то сериал «Первый контакт» более эмоционален и словно старается разжалобить белых зрителей. Однако, показывая проблемы расизма в медиа-репрезентации коренных жителей страны, сериал не предлагает никакого конкретного решения. В основном, все сводится к тому, что правительство должно само решить все проблемы и нести ответственность, а белые австралийцы должны почувствовать всю ответственность за более чем 200-летнее угнетение аборигенов. То есть, аборигены на экранах австралийских телевизоров все еще остаются угнетенной и ущемленной в своих правах группой населения. Они во всем винят правительство и колониальный строй. Такой образ не повышает уровень доверия к аборигенам в глазах австралийского общества. Именно поэтому для многих австралийцев коренные жители по-прежнему остаются «грязными и необразованными».

Таким образом, оба сериала отражают современный образ аборигена в глазах широкой публики, которая в целом разделена на два лагеря: одни считают, что судьба аборигенов – в их руках, и при желании они достигнут более высокого уровня жизни. Другие думают, что в неустроенной судьбе аборигенов виновата неэффективная социальная политика, проводимая государством.

Обе стороны имеют веские аргументы: кто из них окажется прав, или же истина окажется посередине, рассудит время.

- ¹ Australian screen, an NFSA website, URL: <https://aso.gov.au/titles/historical/torres-strait-islanders/>
- ² Jones Ph., Tindale, Norman Barnett (1900–1993), Australian Dictionary of Biography, URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/tindale-norman-barnett-29608>
- ³ Tindale, Norman Barnett (1900–1993), by Philip Jones, 2020, URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/tindale-norman-barnett-29608>
- ⁴ Poulter K., Television: the elusive goal, Silicon chip, URL: http://archive.siliconchip.com.au/cms/A_106951/article.html
- ⁵ A Short History of Indigenous Filmmaking, Australian screen an NFSA website, URL: <https://aso.gov.au/titles/collections/indigenous-filmmaking/>
- ⁶ Imparja TV, 2021, URL: <http://www.imparja.com/pages/contents/33>
- ⁷ National Indigenous Television, 2021, URL: <https://www.deadlystory.com/page/culture/media/television/nitv>
- ⁸ Clarke A., A Long, Sad History Of Australia's Love Affair With Blackface, URL: <https://www.buzzfeed.com/allanclarke/a-long-sad-history-of-australias-love-affair-with-blackface>
- ⁹ Ильина О.К. Вопросы аборигенов в современной прессе Австралии // Международные коммуникации. Издание факультета Международной журналистики МГИМО МИД России, 2017, №5. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/060/voprosy-aborigenov-v-sovremennoj-presse-avstralii.pdf>
- ¹⁰ Tales by Light, 2021, URL: <https://www.netflix.com/ru/title/80133187>
- ¹¹ Abraham Joffe wins Milli Award at ACS National Awards, Uniting cinematographers around the world, British Cinematographer, 9.05.2017. URL: <https://britishcinematographer.co.uk/abraham-joffe-wins-milli-award-ac-s-national-awards/>
- ¹² Истории, рассказанные светом. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/80133187>
- ¹³ Dylan River, IMDB. URL: <https://m.imdb.com/name/nm6670299/mediaviewer/rm3033725184/?context=default>
- ¹⁴ Indigenous Australia, 2021, URL: <https://untitledfilmworks.com.au/indigenous-australia/>
- ¹⁵ Alice Springs Mparntwe Education Declaration, 2019, URL: <https://www.trb.nt.gov.au/news/2020/alice-springs-mparntwe-education-declaration>
- ¹⁶ Australian Women's Register, Freda Glynn, Trove, National Library of Australia URL: <https://trove.nla.gov.au/people/486287?c=people>
- ¹⁷ Imparja TV, 2021, URL: <http://www.imparja.com/pages/contents/33>
- ¹⁸ <https://www.create.nsw.gov.au/news-and-publications/news/blackfella-films-awarded-the-2019-sydney-unesco-city-of-film-award/>

Мосолова Ольга Владимировна

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра ЮВА,
Австралии и Океании ИВ РАН,
Россия, Москва,
mosolova.olg@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7690-5178>

АВСТРАЛИЯ: ЭКОНОМИКА РОСТА

Аннотация: Правительство Австралии уделяет большое внимание поддержанию высоких темпов роста экономики. В течение долгого времени страна была в числе лидеров по темпам экономического роста в мире. Такие успехи Австралии объясняются грамотной внутренней политикой, направленной на эффективную разработку и реализацию правительственных экономических, экологических и социальных инициатив.

Ключевые слова: Австралия, правительственная политика, экономика, рост

Для цитирования: Мосолова О.В. Австралия: экономика роста // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 243–253. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-243-253

Australia: Economy of Growth

Abstract: The government of Australia gives a grant attention to the maintenance of high rates of economic development. In the course of a long time the country was one of the leading countries in the rates of economic growth in the world. The achievements of Australia attributes to competent domestic policy direct on the effective elaboration and realization of the economic, ecologic and social initiatives.

Keywords: Australia, government policy, economy, growth

Olga V. Mosolova, PhD in Economics, Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, mosolova.olg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7690-5178>

For citation: Mosolova O.V. Australia: Economy of Growth. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 243–253. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-243-253

Главными вопросами, стоящими на повестке дня для основных политических сил, принимающих решения в области экономики в Австралии, являются проблемы, с которыми сталкиваются большинство развитых экономик мира, хотя некоторые из них, конечно, являются специфическими для экономической структуры Австралии.

Основной задачей является необходимость продолжения экономического роста, избегание возвратов в рецессию или повышения инфляционного давления. Власти страны поддерживают сильную и стабильную систему управления экономическим развитием, которая, без сомнения, определяет позиции Австралии как одной из лидирующих по темпам экономического роста наций мира.

Среди задач текущего экономического управления правительство Австралии поставило перед собой цель повышения эффективности экономики. В последнее время правительство стало уделять всё больше внимания развитию науки и технологий в стране, что активно содействует цели существенного повышения эффективности экономики.

Уже на протяжении нескольких десятилетий экономика Австралии входит в число ведущих экономик мира по темпам экономического роста. Совершенно очевидно, что таких успехов Австралии помогла достичь грамотная внутренняя политика, которая охватывает приоритеты, влияющие на жизнь всех австралийцев.

Она включает в себя такие составляющие, как экономический рост и рабочие места, бюджет, промышленность, инфраструктура, сельское хозяйство, инновации, здравоохранение,

образование и состояние окружающей среды. Цель внутренней политики – сделать Австралию более процветающей, успешной и сильной. Для этого надо обеспечить эффективную разработку и реализацию правительственных экономических, экологических и социальных инициатив.

Важным направлением внутренней политики является укрепление бюджета, налоговая реформа, улучшение результатов в сфере занятости и политика экономического развития. Налоговая реформа находится в центре усилий правительства по превращению Австралии в более инновационную, производительную и процветающую экономику. Несколько правительственных агентств занимаются разработкой и реализацией программы налоговых реформ, стимулированием инвестиций, экономического роста и повышения уровня жизни.

В правительстве считают, что финансовый сектор должен быть устойчивым, эффективным и справедливым. Как глобально ориентированная страна с высокой степенью международной экономической интеграции, включая интеграцию на финансовые рынки, Австралия сильно заинтересована в продвижении стабильной, эффективной и прозрачной международной финансовой системы.

Разумная финансовая и экономическая политика предполагает сотрудничество Казначейства, Департамента финансов и Кабинета министров для координации и управления бюджетным процессом в стране. Эта политика включает в себя консультирование премьер-министра по поводу перспектив бюджета, фискальной стратегии и её реализации, получение информации об экономических перспективах, текущих условиях и ключевых событиях в Австралии и во всём международном сообществе.

Департамент занятости занимается разработкой и реализацией политики и программ, призванных помочь австралийцам найти и сохранить работу на безопасных, справедливых и продуктивных рабочих местах. Министерство занятости, Казначейство и другие агентства работают над обеспечением своевременного выполнения правительственного пакета «Растущие рабочие места и малый бизнес», объявленного в бюджете на 2015-2016 гг.

Пакет направлен на обеспечение надлежащих условий для развития малого бизнеса в Австралии и создания новых рабочих мест, а также на оказание помощи безработным в получении доступа к этим рабочим местам¹.

В 2018 г. был опубликован отчёт ОЭСР по Австралии «Идём к росту». В этом отчёте были проанализированы параметры структурной политики Австралии и содержались рекомендации для продолжения устойчивого роста экономики.

В отчёте было отмечено, что объём ВВП на душу населения в Австралии находится примерно на уровне среднего показателя в наиболее развитых странах ОЭСР, но его рост замедлился по мере восстановления равновесия экономики в условиях сокращения инвестиций в ресурсный сектор и слабых мировых цен на сырьевые товары.

Рост производительности труда в настоящее время ускорился, но в значительной степени отражает инвестиции в машины и оборудование, в меньшей степени – в инновации и другие нематериальные активы. Повышение производительного потенциала должно быть сосредоточено на постоянном улучшении инфраструктуры, поощрении инноваций, содействии внедрению новых технологий и повышению квалификации сотрудников².

В отчёте содержались рекомендации для правительства Австралии, которые во многом повторяют цели внутренней политики, осуществляемой в стране. Рекомендации включают в себя: улучшение базовых условий для бизнеса и усиление конкуренции, а также поощрение динамизма бизнеса, в частности, посредством упорядоченного регулирования несостоятельности фирм и предприятий; укрепление основы для инноваций путём реализации Национальной программы инноваций и науки.

Наряду с общими рамочными условиями для бизнеса следует, во-первых, уделить особое внимание улучшению связей между университетами и бизнесом, более эффективным налоговым льготам в сфере НИОКР, более широкой коммерциализации научно-исследовательских организаций государственного сектора и более скоординированному управлению инновационной системой.

Во-вторых, добиваться повышения успеваемости и справедливости в образовании путём продолжения многолетней ре-

формы школьного образования и дальнейшей работы по уходу за детьми, ориентированной на домохозяйства с низкими доходами и способствующей совмещению работы и семейной жизни.

В-третьих, повышать эффективность налоговой системы путём разработки пакета налоговых реформ, который предусматривает повышение ставки налога на товары и услуги и/или расширение базы в сочетании с дальнейшим сокращением прямого налогообложения и устранением неэффективных налогов (например, многие государственные сборы и платежи попадают в эту категорию).

В-четвёртых, улучшать возможности для общин коренных народов путём усиления оценки текущих мер и вариантов альтернативных подходов в рамках обязательства по более быстрому сокращению пробелов в социально-экономических возможностях для общин коренных народов³.

Одним из средств, с помощью которых экономика Австралии может измениться, является микроэкономическая реформа. Целью микроэкономической реформы является снижение необязательных ограничений на проведение торговых операций (как внутри страны, так и за рубежом), чтобы экономика Австралии могла лучше использовать выгоды от участия в международной торговле.

Главной организацией в сфере международного экономического сотрудничества и принятия решений является G20, объединяющая 20 крупнейших экономик мира. Приоритетами деятельности G20 являются международное сотрудничество по обеспечению того условия, чтобы каждая страна выиграла от новой технологической эры; создание инфраструктуры для развития, стимулирование экономического роста и повышение производительности труда; достижение устойчивого пути повышения производительности сельского хозяйства для обеспечения устойчивого питания для всего населения.

Эксперты, работающие в G20, являются представителями различных заинтересованных сторон гражданского общества из стран G20. Они представляют научно-исследовательское сообщество, частный сектор и профсоюзы, женщин и молодёжь, а также неправительственные организации⁴.

Австралия принимает активное участие в деятельности G20. Страна заключила 10 соглашений о свободной торговле, в том числе с США, Китаем, Японией, Южной Кореей и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Переговоры по аналогичным соглашениям продолжаются с ЕС и, как ожидается, начнутся с Соединённым королевством после выхода Великобритании из Европейского союза⁵.

Недавнее процветание Австралии во многом стало результатом способности страны привлекать инвестиции. Эксперты считают, что нет лучшего места, чем Австралия, для ведения бизнеса. Указывается пять основных причин для инвестиций в Австралию: устойчивая экономика, динамичные отрасли, инновации и навыки, глобальные связи и прочные фонды⁶.

По состоянию на 31 декабря 2019 г. уровень иностранных инвестиций в Австралию достиг 3844,5 млрд долл. США. Ведущими странами-инвесторами были США, Великобритания, Бельгия, Япония, Гонконг и Сингапур. Уровень австралийских инвестиций за рубежом на 31 декабря 2019 г. достиг 3153,1 млрд долл. США. Ведущими странами назначения инвестиций были США, Великобритания, Япония, Новая Зеландия, Германия и Китай (исключая Гонконг и Тайвань)⁷.

В настоящее время правительство продолжает политику открытых рынков. В Австралии действует режим наибольшего благоприятствования для иностранных инвестиций. Правительство осознаёт важную роль иностранных инвестиций для ускорения экономического роста, развития конкурентоспособных отраслей промышленности, создания новых рабочих мест и расширения экспорта.

Правительство постоянно снижает барьеры для свободной торговли и инвестиций. Страна открыта для иностранных инвестиций в режиме свободной торговли и конкуренции, что является, по мнению экспертов, одним из ключевых факторов, способствующих экономическому росту. Правительство предоставляет налоговые преимущества для фирм, занятых в сфере НИОКР.

Общая стоимость экспорта и импорта товаров и услуг составляет 43,0% ВВП. Средняя применяемая тарифная ставка составляет 0,9% и действует 320 нетарифных мер. За счёт про-

зрачной инвестиционной структуры иностранные фирмы обычно конкурируют с отечественными компаниями на равных. Финансовый сектор конкурентоспособен и хорошо развит. Австралия является крупным региональным финансовым центром и важной составной частью международной финансовой системы. Все банки находятся в частной собственности и подлежат разумному регулированию⁸.

Показатель экономической свободы Австралии составляет 82,6, что делает её экономику четвёртой по величине в региональном рейтинге 2020 г. среди 42 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а её общий балл значительно выше, чем в среднем по региону и миру. Австралия была лидером по экономической свободе с момента создания рейтинга в 1995 г., и её экономика находилась в категории наивысшей свободы в течение последних 14 лет⁹.

ВВП страны стабильно растёт, хотя в ближайшие годы, по прогнозам экспертов, темпы роста могут замедлиться из-за более медленного роста мировой торговли и неустойчивых инвестиций. Это связано и с тем, что экономический бум, продолжавшийся в Австралии в течение долгого времени, пришёл к такому внезапному концу, который большинство экономистов не могли себе представить.

Вопрос о том, будет ли этот экономический бум временным или долговременным возник ещё в 2000-х годах. В то время в Австралии наблюдался беспрецедентный бум в экспорте первичных товаров сырьевого сектора, связанный, в частности, с потребностями Китая, активно вступившего в мировую экономическую систему, и эксперты рассуждали о том, как долго Австралия сможет получать выгоды в своём экспортном секторе первичных товаров.

Хотя в настоящее время новые инвестиции в ресурсный сектор экономики продолжают увеличивать объёмы выпуска продукции и увеличивать объём экспорта, они создают меньший экономический эффект, чем в предыдущие годы. В связи с этим надо использовать благоприятные возможности, складывающиеся на мировом рынке, для продолжения экономического роста и сохранения конкурентоспособности страны.

В этом контексте, будущее экономики Австралии и повышения уровня жизни населения будет зависеть более чем когда-либо от роста производительности, что может стать следствием скоординированного стратегического подхода к политике развития инноваций и менеджмента. Правительство Австралии и дальше планирует продвигать инвестиции в развитие инфраструктуры, кибербезопасности и развитие платформы цифровых платежей, проводить дальнейшие реформы в области нормативно-правовой и промышленной политики, а также сокращать подоходный налог с населения.

Австралия уже сегодня конкурентоспособна на международном рынке в сфере финансовых и страховых услуг, технологий и промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью. Сильные правовые рамки защищают права собственности, а надёжное верховенство закона сводит к минимуму коррупцию. Контракты соблюдаются надёжно.

Максимальная ставка налога на прибыль составляет 45%, а фиксированная ставка корпоративного налога составляет 30%. Другие налоги включают налоги на добавленную стоимость и прирост капитала. Общая налоговая нагрузка составляет 27,8% от общего внутреннего дохода. В Австралии одна из самых прозрачных и эффективных нормативных сред в мире. Новые правительственные постановления, как правило, не могут быть наложены, если сначала не будут проведены консультации со всеми заинтересованными сторонами¹⁰.

В Экономическом обзоре Австралии, выпущенном в ноябре 2019 г., отмечается, что экономика и рынок труда Австралии в последнее время были устойчивыми, со значительным ростом занятости. Прогнозы показывают, что в ближайшем будущем продолжится устойчивый рост производства на уровне около 3% в год.

Уровень жизни в Австралии высокий, но нерешённые социально-экономические проблемы остаются, особенно для более уязвимых групп населения с высоким риском бедности. В Обзоре отмечается, что Австралия сталкивается с экономическими проблемами, которые, если их не решить должным образом, могут положить конец её успешному опыту экономического развития¹¹.

Что касается развития экономики Австралии в 2020 г., то здесь, как и в других странах региона, в начале года были зафиксированы отрицательные результаты экономического развития, вызванные коронавирусом кризисом. Эксперты отмечают, что экономические шоки, вызванные кризисом COVID-19, будут значительными для большинства азиатских экономик и отразятся на экономическом развитии всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

В Австралии имеющиеся данные рисуют смешанную картину состояния экономики страны в 2020 г. Хотя доверие потребителей упало, а деловые настроения рухнули, цены на недвижимость продолжали расти, рынок труда продемонстрировал неожиданно высокие показатели, а розничные продажи резко возросли на фоне панических покупок.

В стране была создана Национальная координационная комиссия COVID-19. Роль Комиссии заключается в том, чтобы минимизировать влияние COVID-19 на работу предприятий и учреждений страны и содействовать скорейшему восстановлению экономики.

8 апреля 2020 г. парламент Австралии утвердил рекордный план спасения рабочих мест в размере 130 млрд долл. А (80 млрд долл. США), направленный на поддержание адекватного уровня заработной платы и поддержку восстановления экономики¹². В Правительстве также создана Целевая группа по инвестированию в социальную сферу. В рамках бюджета на 2019–2020 гг. правительство объявило о выделении 5 млн долл. США для создания целевой группы по инвестированию в социальную сферу (SII).

На заседании по денежно-кредитной политике, состоявшемся 5 мая 2020 г., Резервный банк Австралии (РБА) принял решение оставить неизменной ставку наличности на рекордно низком уровне 0,25%. В начале 2020 г. Центральный банк заявил, что темпы роста инфляции в стране превысили пятилетний максимум, но в целом находятся в пределах целевого диапазона¹³.

Таким образом, по прогнозам, экономика Австралии серьёзно пострадает от COVID-19, но совместные действия правительства и Центрального банка должны помочь несколько смяг-

чить спад экономики. Согласно планам правительства, продолжение среднесрочного роста должно быть сосредоточено на улучшении деловой среды и усилении конкуренции, повышении квалификации сотрудников и усилении эффективности налоговой системы.

Общей же целью правительства является дальнейшее продолжение структурных реформ в стране с целью более широкого доступа к мировым рынкам в условиях расширения современной и конкурентоспособной экспортной базы на основе подключения к мировому процессу либерализации торговли.

Ведущие позиции Австралии в мировой экономике во многом объясняются эффективным использованием научно-технических достижений. Совершенно очевидно, что на современном этапе развития освоение инвестиций в производство должно осуществляться на современной научно-технической базе и требует адекватных инвестиций в науку и образование.

Согласно аналитическим исследованиям, эффект от осуществления грамотной экономической политики правительства всё больше будет проявляться с течением времени, обеспечивая рост эффективности экономики страны ещё долгие годы, поскольку потенциал для дальнейшего роста весьма значителен, особенно в смысле обеспечения дальнейших стимулов для инноваций и повышения эффективности экономики.

¹ Strengthening the Budget and the Economy/ Australian Government. Department of the Prime Minister and Cabinet. URL: <https://www.pmc.gov.au/domestic-policy/strengthening-budget-and-economy>

² Access Economic Policy Reforms: Going for Growth, Report/ OECD. URL: <http://www.oecd.org/economy/growth/going-for-growth-2018-australia-note.htm>

³ Access Economic Policy Reforms ...

⁴ Strengthening the Budget and the Economy ...

⁵ 2020 Index of Economic Freedom. Australia. Background. URL: <https://www.heritage.org/index/country/australia>

⁶ Robust Economy Underpins Australia's Growth/ By Edmund Tang. Australia Government. Australian Trade and Investment Commission. April 11, 2019. URL: <https://www.austrade.gov.au/news/economic-analysis/robust-economy-underpins-australias-growth>

⁷ International Investment Position, Australia: Supplementary Statistics/ Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/economy/international-trade/international-investment-position-australia-supplementary-statistics/2019>.

⁸ 2020 Index of Economic Freedom. Australia. Open Markets.. URL: <https://www.heritage.org/index/country/australia>

⁹ 2020 Index of Economic Freedom ...

¹⁰ 2020 Index of Economic Freedom ...

¹¹ Australia Economic Snapshot/ OECD. URL: <https://www.oecd.org/economy/australia-economic-snapshot>

¹² Australia Economic Outlook. Focus Economics/ Economic Forecasts from the World's Leading Economists. September 22, 2020. URL: <https://www.focus-economics.com/countries/australia>

¹³ Economic Indicators of Australia: Growth/ Societe Generale. URL: <https://import-export.societegenerale.fr/en/country/australia/growth-indicators>

Kseniya A. Spitsina

PHD in Economics, Associate Professor,
HSE University, Russia, Moscow,
ksenia_phd@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7543-8996>

Anastasiya A. Shikunova

HSE University, Russia, Moscow,
aashikunova@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7213-7696>

**Agriculture of the Australian Union:
Challenges, Responses, Tasks Ahead**

Abstract: The article analyses the current state of agriculture industry in the Australian Union. It examines the impact of miscellaneous factors, such as natural disasters, climate conditions, the economic consequences of the COVID-19 pandemic, the establishment of regional free trade regimes, as well as the degree of their implementation. The paper reveals the specificity of the entry of Australian agriculture products into the markets of China, South Korea and Japan along with the development of agriculture in Australia and the efforts made by the Australian government and business community to overcome the troubles the industry suffered from in 2018-2020. In the authors' opinion, the growing tensions in trade and economic relations between the Australian Union and the PRC affect the overall situation of Australian agriculture. In its turn, this incentivizes Canberra to explore new sources of agriculture product sales and expand cooperation with other partners.

Keywords: *Australian Union, agriculture, China, the Republic of Korea, Japan, international trade, COVID-19 pandemic, FTAs, RCEP, CPTTP*

© Spitsina K.A., Shikunova A.A., 2021.

The article was prepared within the framework of Russian-Japanese Student International Collaborative Research Program 2020-2021 "Northeast Asia since 2012: Political and Economic Analysis" of the School of International Regional Studies of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics (Russia) and the Institute for Asian Studies and Regional Collaboration of Akita International University (Japan).

For citation: Spitsina K.A., Shikunova A.A. Agriculture of the Australian Union: Challenges, Responses, Tasks Ahead. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 254–267. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-254-267

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА: ВЫЗОВЫ, ОТВЕТЫ, ЗАДАЧИ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Аннотация: В статье проанализировано современное состояние сельского хозяйства в Австралийском Союзе. Рассматривается влияние на него ряда различных факторов: стихийных бедствий, климатических условий, экономических последствий пандемии коронавируса, установления режимов свободной торговли, а также характера их реализации. Статья раскрывает специфику выхода австралийских сельскохозяйственных товаров на рынки КНР, РК и Японии на фоне развития сельского хозяйства в Австралии в целом и усилий австралийского правительства и деловых кругов, направленных на преодоление проявившихся негативных тенденций в период с 2018 по 2020 г. По мнению авторов, растущая напряженность в торгово-экономических отношениях Австралийского Союза и КНР влияет на общее положение австралийского сельского хозяйства. В свою очередь, это подталкивает Канберру к поиску новых источников сбыта сельскохозяйственной продукции и расширению сотрудничества с другими партнерами.

Ключевые слова: Австралийский Союз, сельское хозяйство, Китай, Республика Корея, Япония, международная торговля, пандемия COVID-19, ЗСТ, ВРЭП, ВПТТП

Спицына Ксения Андреевна, кандидат экономических наук, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ, Россия, Москва, ksenia_phd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7543-8996>

Шикунова Анастасия Андреевна, НИУ ВШЭ, Россия, Москва, aashikunova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7213-7696>

Для цитирования: Спицына К.А., Шикунова А.А. Сельское хозяйство Австралийского Союза: вызовы, ответы, задачи на перспективу // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 254–267. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-254-267

The Australian Union Agriculture: Main Features

In order to understand the specificity of the Australian Union's agriculture, some figures are relevant. The agriculture industry in Australia has become one of the fastest growing sectors accounting for an important part of Australia's GDP¹. At the same time, the strategy to raise its value from 63 million AUD to 100 million AUD by 2030 was announced. This included multiple strategies like reliable customer-oriented value chains, the implementation development of environmentally-friendly initiatives like the carbon neutral approach and the smart water policy, the improvement of labor policy and the attraction of foreign labor force, as well as risk reduction measures². Australia's agriculture can be viewed as a sector of national economy that responds to both external and internal changes. In view of this, it seems logical to trace its dynamics in recent years.

The territory that is used by Australia's agriculture production was equal to 384 million hectares (as of June 2019)³, while the overall Australia's territory is 769.2 million hectares⁴ that is nearly 50% of the state. The amount of land covered by the industry is growing. This data indicates that the sphere is among the key drivers of Australia's economic growth despite Canberra's attention to high-tech industries. Australia has a differential system of agricultural production by various states according to their climatic conditions, access to the necessary resources and the scale of production. So, in the production of states Queensland and the Northern Territory, the focus is on cattle breeding; Tasmania's territory exports cattle, seafood and dairy products, Victoria has good conditions for wool, sheep, horticulture, cattle and dairy production; Western Australia mostly produces crops, and South Australian exports is oriented mostly on wine and crops⁵. By doing so, the Australian Union has a comparative advantage in terms of quality of its products.

One of the most attractive source of agriculture trade accounts for the beef export. Thus, the Australian Union is considered to be one of the major cattle producers and exporter and occupy 17% of the overall global exports⁶. According to OECD report database, the biggest amounts of beef productions exports from Australia in frozen format (61%), and only 39% are provided chilled⁷. Although from the side of production, the green continent is less competitive com-

paring with the countries of EU, United States and Brazil, so far, the quality of Australian products helps Australia to expand its production to the new markets. Among the biggest beef markets, Australia has Free Trade Agreements with the US, Japan, the Republic of Korea and People's Republic of China. In 2018, this accounted for more than 74% of the country's total beef export⁸.

The Australian Union is considered to be one of the most famous wine producers in Asia-Pacific and has more than 2000 wine exporters all over the world. Between 1991 and 2007, the demand for Australian wines has grown significantly from 212 million AUD to 3 billion AUD⁹. Its top trading partners included mainland China, United Kingdom, United States, Canada and Hong Kong. In 2020, the shift towards the wine export produced good results in South Korea's, Taiwan's and Malaysia's market¹⁰. Later on, the Republic of Korea's indicators grew significantly of 2017--2020, and in 2020, ROK shifted from 10th place to the 2nd¹¹. This stems from both the Chinese tariff policy and the aftereffects of Australia's FTAs with South Korea, Japan, Malaysia, Thailand and Vietnam¹².

In sum, the Australian Union has both economic and product capacities to expand its agriculture cooperation in different fields, and this industry still occupies the important place of bilateral trade in the region. At the same time, challenges that Australia faced later years connected with the results of natural disasters and the coronavirus pandemic mostly bring certain problems that will be discussed further.

The Industry Drivers and Trends

The year 2020 proved to be challenging for the Australian Union and resulted the economic decline in the agriculture industry. Among the internal challenges, one of the most important problems was generated by bushfires. By March 2020, the 12.6 million hectares had been burned, one billion animals killed, and the amount of CO2 emissions was compared as 2/3 of what the industries of the country produced in 2018–2019¹³. The bushfires in Australia are not exceptional events, but what took place in 2020 became one of the biggest and was caused by the hottest and driest season in country's forecasts.

As a result, agriculture losses after bushfires were also high. Because of it, the Government presented the Agriculture Bushfire Recovery Plan for every state touched by the problem where a set of measures for Dairy, Apiculture and Viticulture sectors was presented¹⁴. Specifically, the NSW Government developed a plan in order to implement the Bushfire Industry Recovery Package for 140 million AUD, as well as to recover the local supply chains. After the bushfires, 7% of the workforce in regions that somehow suffered from the disaster lost their job in agriculture, and, in case of New South Wales, 16 000 agricultural properties were impacted¹⁵. These losses included infrastructure facilities, livestock, water supply interruption, short-term operation disruption and loss of feed. The initiative has become even more important accounting for the first wave of COVID-19 pandemic.

The pandemic further enhanced the need to elaborate on a proper approach towards the workforce employed in agribusiness. The Ministry of Agriculture, Drought and Emergency Management proposed temporary measures to enable faster border clearance to make the process of getting products to supermarkets easier¹⁶. As the demand for both permanent and seasonal workers rose significantly, measures to protect seasonal workers, as well as to secure supply chains and let foreigners that usually serve at seasonal work an opportunity to be legally protected from deportation, were taken.

These measures were all the more important for Australian farmers since nowadays 70% of all labor force occupied in fruit and vegetables industry are foreign workers¹⁷. As a rule, such workers use visas like Working Holiday Maker (WHM), Pasifika or Seasonal Worker Program (SWP) and also international students' visas¹⁸. With the spread of the pandemic, the supply of such labor force reduced significantly owing to entry restrictions. As a result, the Australian Union lost cheap and productive workforce to support the development of agriculture. At the same time, the amounts of undocumented migrants and workers that are still in Australia can be a solution, because according to surveys, their number varies from 50 000 to 100 000 people¹⁹. But while the non-documented labor force occupies 80 to 90% of all people in harvesting, their occupancy in other niches of agriculture is much less²⁰. In light of this, the deportation of non-documented workers nowadays seems difficult, since it can fur-

ther exacerbate the crisis. Moreover, the initiatives of certain states like Victoria to bring 1 500 Pacific Islanders by visa or Western Australia and Tasmania to bring hundreds SWP workers is not enough yet to be done for the horticulture.

With the spread of COVID-19 pandemic, the agriculture industry of the Australian Union was influenced by two factors: the supply capacities decreased, while the demand for food in the country, on the contrary, rose significantly²¹. These indicators are connected with both food security that is being at risk since the beginning of the pandemic, and the collapse of important food supply chains owing to closed borders. Simultaneously, the demand for Australian products decreased in 2020. Its export is expected to further decline by 3% and 2% for imports, and the most significant decline accounts for the Chinese exports (28%)²². Experts predict the fall to 389 million AUD for the AU seafood products alone and the similar effects on meat exports that is being reliant on importing crop protection equipment²³. The measures taken by the Australian government to support the agriculture industry during COVID-19 included, first and foremost, the development of information platform about the pandemic and gathering information on its aftereffects for agriculture, trade and the environment²⁴.

The need of joint actions to combat the COVID-19 aimed at restoring the pre-pandemic indicators rose significantly and was reflected eventually by the report of China, Australia, India, Japan and ten member states of ASEAN in June 2020. Australia emphasized the role of Asia in its economy and urged to abandon the previous patterns of international cooperation under which the European and Western partners enjoyed the central role²⁵. The main reason accounted for the success of Asian countries in grasping the pandemic challenges in comparison with the US and Europe.

Summing up the afore-discussed developments, it can be said that the agriculture of the Australian Union has to deal with the significant structural challenges that slowed the process of international interaction. At the same time, the above-mentioned problems forced the Australian Government to pay more attention to the domestic production capacities and the process of recovery.

Agriculture Products in Australia's Foreign Trade: Major Issues

Today the Australian Union devotes scrupulous attention for trade with its APEC partners, and the largest share of its export goes to China, Japan, South Korea, the United States, New Zealand, Singapore, and India²⁶. As the agriculture industry is an important part of Australia's export, it was negatively impacted by contradictions between Australia and China. Nevertheless, China is still considered to be a major economic and trade partner of the Australian Union by both export and import commodities. Overall, in 2019–2020 China accounted 39% of all Australian exports (which is 150.488 million AUD) and 27% of its imports (80.876 million AUD)²⁷. Despite tensions between Canberra and Beijing, as well as certain trade restrictions, the PRC goods and services still dominate the overall trade structure, but some barriers for the bilateral cooperation like the wine tariffs imposed in November 2020²⁸ incentivized Australia to further diversify its partners.

Among the effects that influenced upon the development Australia's agriculture, the regional arrangements are of special significance. The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans Pacific Partnership (CPTPP) is a case in point. According to the Department of Home Affairs Notice No. 2018/37, the Schedule 8B of the Customs Tariff Act from 1995 that provides the customs duty rates for goods from Trans-Pacific Partnership countries will be fully reduced 60 days after the entering into force of TPP-11²⁹. By doing so, Australia expands its possibilities for enhancing regional cooperation and creates its export opportunities.

The establishment of Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) agreement also provided opportunities for the rise of Australia's value on the global market³⁰. As Trade Minister Simon Birmingham put it, RCEP provides two-fold benefits for Australian farmers and exporters in terms of their cross-border trade³¹. However the meeting reflected some tensions between China and the Australian Union as S. Birmingham expressed concerns over China's trade policy and military activities in the South China Sea³².

An important milestone in Australia's trade policy took place in 2015, when China-Australia Free Trade Agreement (ChAFTA)

was signed and had favorable aftereffects for agriculture, agribusiness, resources and energy manufacturing³³. According to available estimates, the Australian farm commodities (beef and sheep meat, wool, wine and barley) are heavily reliant on the Chinese market. This brings Australia 1 billion AUD annually³⁴. At the same time, the overdependence on China-Australia bilateral trade incentivizes the Australian Union to diversify its market opportunities.

Nevertheless, the Australian farmers understand that the country's policy towards China influences upon the agricultural sector. Attempts made by the Australian Government to replace China are considered to be inefficient for overcoming the deficit. Another big partner, the United Kingdom, is not capable to cover the damage caused by tensions between Australia and China. The reason why Australia's trade in barley has resulted in tangible losses is the absence of well-designed supply chains and use of the Australian barley in beer production. For the green continent, it means the loss of valuable partners from the side of Chinese breweries, as its other markets like Japan, Thailand or Saudi Arabia can absorb the amount of barley Australia produces, but the price will be much lower than China paid³⁵. This demonstrates that the Australian Union is not ready to re-direct its bilateral trade commodities to other markets.

Japan is another Australia's important partner. Since the formalization of trade relations in 1957 by signing the Commerce Agreement, the amount of investment increased in energy, minerals and food supply sectors³⁶. The export from the "green continent" to Japan accounted for natural gas that amounted 20.2 billion, coal, iron ore, beef, and copper ores and concentrates and aluminium³⁷. As for agriculture, Japan is considered the 2nd largest export market for Australia after China³⁸. Among the most promising products, cattle, crops, dairy, horticulture, sheep and seafood can be mentioned³⁹. This value of Japanese market is characterized by the effects of Japan-Australia Partnership Agreement (JAEPA) that makes 97% of Australian exports to Japan duty free⁴⁰.

Among the beef exports markets for high quality and marbled beef, Japan and South Korea are considered the most promising and occupy 39% and 14% respectively⁴¹. The success of the Australian meat production is that the country holds the number of both high quality European and British meat and provides the possibility for

Asian markets to buy the Japanese breeds like Wagyu that is characterized as premium product. Thus, the share of Australia in overall beef industry of Japan is considered 50%⁴² and is growing steadily. According to BMI Research report, the growth in trade in pork between Australia and Japan from 2017 to 2021 increased from 2.62 to 2.73 million tons per year from, beef has grown from 1.23 to 1.25 million from, and the amounts of poultry have grown to 2.51 million tons⁴³.

For Australia, Japan is a largest chilled lamb customer (64% of the overall sheepmeat imports in 2020), but the pandemic resulted the decrease in 3% of sheepmeat, and the largest amount of the product accounts for lambs (72%) and only 28% goes for mutton⁴⁴. The Australian Union farmers have strong possibilities for restoring the pre-COVID level of beef shipments to Japan not only because of efficient production chains, but also since the majority of Japanese consumers did not change their consumption habits. This gives Australia competitive advantages since the country positions itself as a supplier safe, organic and high-quality food.

Regarding South Korea, Australia and ROK enjoy effects of economic and trade complementarity. As an aftereffect of KAFTA, in 2018-2019 Australia was South Korea's 4th largest supplier of agricultural products and accounted for 10% of the overall industry import⁴⁵. The tariffs imposed by China and a shift towards new supply channels demonstrate the increasing attention of Australian exporters to the Republic of Korea. Since the pandemic outbreak, Australian beef producers have been redirecting their trade to other markets, among which South Korea is of special significance. The state of Queensland that was touched upon by the imposed tariffs by China and is the area for $\frac{3}{4}$ of all meat production redirected the red meat sales to the United States and South Korea⁴⁶.

The Republic of Korea's beef import is increasing by 2% annually⁴⁷. In 2013, the amounts of agricultural exports from the green continent to South Korea was equal to 1.9 billion AUD⁴⁸. The beef import safeguard that exists between the two countries was quite effective to hold the amounts under the agreed level till the beginning of 2021, and eventually, it was elevated to 30%. In January 2021, the tariffs were reduced to 18.6% according to KAFTA provisions⁴⁹. By doing so, the Australian Union tries to hold its positions in the im-

portant market that is dominated by the United States in terms of quality, and tries to compensate losses appeared in 2020. The other Australian agriculture commodities that are heavily dependent on South Korea's markets are wheat, cotton, sugar, malt and malting barley, edible offal, and cheese⁵⁰. The value of another component in bilateral agriculture trade cheese (mostly cream cheese and cheddar), has tripled over the past three decades⁵¹.

Additionally, the Republic of Korea is the largest export destination for unroasted malt, which accounts for 20% of Australian export shipments⁵². For South Korea, the Australian malt is almost the one and the only source of this product and accounts 68% of South Korea's overall import⁵³. One of promising markets after the implementation of KAFTA agreement is cheese and butter export that has got the additional level for development with the elimination of tariffs. Thus, tariffs on most exported units like cheddar cheese were reduced by 3% in 2017 and will be eliminated by 2026, for cream cheese and mozzarella tariffs were reduced by 28% with the future elimination in 2031, and for Gouda, Camembert, and Emmental were decreased to 28,8%⁵⁴. Overall, this market will improve Australia's competitiveness, as well as further energize Australia-ROK bilateral trade.

In light of the above mentioned, it can be seen that such countries like the PRC, the Republic of Korea and Japan are deeply incorporated in the structure of Australia's agriculture exports and reflect the overall demand for the precise country's products. Moreover, the representation of trade based on certain products shows the significant rise of bilateral trade after the implementation of bilateral FTAs and the state of competition of South Korean, Japanese and Chinese importers for the Australian beef and cattle, sheepmeat, dairy and other groups of products.

Conclusions

Arguably, the demand for Australia's agricultural products will be further impacted by the overall uncertainty connected with the COVID-19, as well as by periods of recovery from natural disasters. These challenges lead to the assumption that the current trend for reduce of certain Australian premium agriculture products will continue to be relevant. At the same time, economic cooperation with

India, China, South Korea, Japan, New Zealand, Malaysia, USA, and Vietnam will eventually restore the levels of the pre-pandemic agriculture production. The KPMG data indicates that it is possible to raise the 2020 income growth from 3.5% to 3.7% by 2025⁵⁵.

All in all, the agriculture of the Australian Union has good prospects for recovery with growing market shares for different types of products. At the same time, the significant influence of natural disasters, coupled with pandemic aftereffects and trade tensions, suggests that this process will be longer than expected and will need a well-elaborated approach developed by the Australian government towards the agriculture export policy.

Arguably, South Korea, China and Japan occupy pre-eminent positions in Australia's agriculture export. If so, Canberra's relations with Seoul, Beijing and Tokyo shape the general trends in the Australian agriculture production, as well as distinguish the privileged categories of goods. Nevertheless, growing tensions in bilateral trade between the Australian Union and China incentivize the Australian farmers to explore alternative markets for selling their products, as well as to deepen ties with those countries that can re-energize the industry. Nevertheless, Australia is not ready to lose the Chinese market, which is likely to remain Australian privileged agriculture export destination in the years to come.

¹ Agriculture— A \$100b sector by 2030? // ACIL Allen Consulting. August 2019. P. 37. P.3.

² Agriculture— A \$100b sector by 2030? // ACIL Allen Consulting... p. 7.

³ Agricultural Commodities, Australia // Australian Bureau of Statistics . URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/industry/agriculture/agricultural-commodities-australia/latest-release>

⁴ Australia's Size Compared // Australian Government. Geoscience Australia . URL: <https://www.ga.gov.au/scientific-topics/national-location-information/dimensions/australias-size-compared>

⁵ Australian Agricultural Trade 2018/2019 // Rural Bank. 2019. P. 33. P.7. URL: <https://www.trade-report-2018-19.pdf>

⁶ Global Snapshot. Beef // Meat & Livestock. January 2019. P. 8. P. 1. URL: <https://www.global-beef-snapshot-jan2019.pdf>

⁷ Global Snapshot. Beef... P. 8. P. 1.

⁸ Global Snapshot. Beef... P. 7.

- ⁹ Market insights – Australian wine exports // Wine Australia . URL: <https://www.wineaustralia.com/market-insights/australian-wine-exports>
- ¹⁰ Market insights – Asia // Wine Australia. URL: <https://www.wineaustralia.com/market-insights/asia>
- ¹¹ Market insights – Asia // Wine Australia...
- ¹² Market insights – Australian wine exports // Wine Australia . URL: <https://www.wineaustralia.com/market-insights/australian-wine-exports>
- ¹³ The size of Australia's bushfire crisis captured in five big numbers // ABC News. 5.03.2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/science/2020-03-05/bushfire-crisis-five-big-numbers/12007716>
- ¹⁴ Agriculture Bushfire Recovery Plan for Highly Impacted Sectors // NSW Government. 2020. P. 11. P. 2. URL: [Agriculture industry bushfire recovery plan \(nsw.gov.au\)](https://www.nsw.gov.au/agriculture-industry-bushfire-recovery-plan)
- ¹⁵ Agriculture Bushfire Recovery Plan for Highly Impacted Sectors... P. 4.
- ¹⁶ COVID-19 Australian Government roles and responsibilities: an overview // Parliament of Australia., 19.05.2020. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1920/COVID19AustralianGovernmentRoles
- ¹⁷ Szumer Z. Australian Agricultural Bosses Can't Find Workers. Maybe They Should Try Paying More // Jacobin. URL: <https://www.jacobinmag.com/2021/04/australian-farmworkers-agriculture-fruit-pickers-shortage>
- ¹⁸ Szumer Z. Australian Agricultural Bosses Can't Find Workers...
- ¹⁹ Bonyhady N. Nationals MPs endorse amnesty for illegal migrant farm workers // The Sydney Morning Herald. 26.02.2021. / Nationals MPs endorse amnesty for illegal migrant farm workers (smh.com.au)
- ²⁰ Bonyhady N. Nationals MPs endorse amnesty for illegal migrant farm workers...
- ²¹ Siche R. What is the impact of COVID-2019 disease on agriculture? // Scientia Agropecuaria. 2020. Vol. 11. I. 1. P. 3 – 6. P. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/340384125_What_is_the_impact_of_COVID-19_disease_on_agriculture
- ²² COVID-19: Impacts on Australia's food and agribusiness sector // KPMG. 23.03.2021. URL: [COVID-19: Impacts on Australia's food and agribusiness - KPMG Australia](https://www.kpmg.com/au/en/issuesandinsights/articlespublications/covid-19-impacts-on-australia-s-food-and-agribusiness-sector)
- ²³ COVID-19: Impacts on Australia's food and agribusiness sector...
- ²⁴ COVID-19 Australian Government roles and responsibilities: an overview // Parliament of Australia . URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1920/COVID19AustralianGovernmentRoles
- ²⁵ Walden M. Call for Australia to join Asia in coordinated approach to recovering from coronavirus // News. 2 June 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-06-03/coronavirus-calls-for-australia-asia-economy-post-covid-19/12307646>
- ²⁶ Мосолова О.В. Основные принципы внешнеэкономической политики Австралии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2013, №21, 286-295.

- ²⁷ Australia's trade in goods with China in 2020 // Australian Bureau of Statistics. 3.09.2020. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/industry/agriculture/agricultural-commodities-australia/latest-release>
- ²⁸ Australian wine exports slow due to China tariffs // Wine Australia. 3.02.2021. URL: <https://www.wineaustralia.com/news/media-releases/australian-wine-exports-slow-due-to-china-tariffs>
- ²⁹ Department of Home Affairs Notice 2018/37 // Australian Government. Department of Home Affairs. P. 42. P.1. URL: <https://www.abf.gov.au/help-and-support-subsite/CustomsNotices/2018-37.pdf>
- ³⁰ RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics // RCEP . URL: RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics – RCEP (rcepsec.org)
- ³¹ Doran M. Australia signs Regional Comprehensive Economic Partnership, the world's largest trade deal // ABC News. 15.11. 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-15/australia-joins-signing-of-worlds-largest-trade-deal/12885666>
- ³² Doran M. Australia signs Regional Comprehensive Economic Partnership...
- ³³ China-Australia Free Trade Agreement // TIQ. / China-Australia Free Trade Agreement (ChAFTA) – TIQ
- ³⁴ Sullivan K. Australian farmers, Chinese consumers and the political and trade tensions in between // ABC Rural. 23.08.2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-08-23/australia-china-agriculture-trade-tensions-analysis/12585884>
- ³⁵ Sullivan K. China's tariffs on Australian barley could see export market lose hundreds of millions of dollars // ABC News. 19.05.2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-05-19/barley-china-australia-tariffs-trade-dispute-explained/12263298>
- ³⁶ Japan-Australia M&A Review and Trends: 2017-2020 // Herbert Smith Freehills. P. 27. P. 3. / Japan Australia M&A: Review and Trends (2017-2020) – E version (draft: 9 March 2020), (ajbcc.asn.au)
- ³⁷ Australia-Japan bilateral relationship // Australian Government. DFAT . URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/japan/Pages/australia-japan-bilateral-relationship#:~:text=The%20Australia%E2%80%93Japan%20partnership%20is,common%20approaches%20to%20international%20security>
- ³⁸ Why Australia for Agriculture 4.0 // Australian Trade and Investment Commission. URL: <https://www.austrade.gov.au/agriculture40/why-australia>
- ³⁹ Australian Agricultural Trade 2018/2019. Op. cit. p.2.
- ⁴⁰ Exporting to Japan // Export Finance Australia. P. 9. P.7. URL: <https://www.exportfinance.gov.au/media/6218/export-finance-australia-exporting-to-japan.pdf>
- ⁴¹ Global Snapshot. Beef. Op. cit. p.4.
- ⁴² Market Snapshot. Japan // Meat & Livestock Australia (MLA). P. 5. P. 1. URL: [2018-mla-ms_japan_beef.pdf](https://www.mla.com.au/2018-mla-ms_japan_beef.pdf)
- ⁴³ Market Snapshot. Japan...
- ⁴⁴ Market Snapshots. Beef and Sheep // Meat & Livestock Australia (MLA). P. 65. P. 23. URL: [revised_2020-global-snapshots_04112020-distribution.pdf](https://www.mla.com.au/2020-global-snapshots_04112020-distribution.pdf)
- ⁴⁵ Australian Agricultural Trade 2018/2019.

⁴⁶ Australia beef exports ‘rescued’ after China ban by demand from US, South Korea // South China Morning Post. 18.07.2020. URL: [/https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3093623/australia-beef-exports-rescued-after-china-ban-demand-us](https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3093623/australia-beef-exports-rescued-after-china-ban-demand-us)

⁴⁷ Korean beef safeguard imminent // Market Screener. / Korean beef safeguard imminent (marketscreener.com)

⁴⁸ Eather J. Korea-Australia Free Trade Agreement // Department of Agriculture. June 2014. P. 14. P. 29. / Korea-Australia-free-trade-agreement.pdf

⁴⁹ Korean beef safeguard imminent // Market Screener. 11.12.2020. URL: <https://www.marketscreener.com/news/latest/Korean-beef-safeguard-imminent--31758192/>

⁵⁰ Korea-Australia Free Trade Agreement. Op.cit. p. 29

⁵¹ Korea-Australia Free Trade Agreement. Op.cit. p. 30.

⁵² Korea-Australia Free Trade Agreement. Op.cit. p. 30.

⁵³ Korea-Australia Free Trade Agreement. Op.cit. p. 9.

⁵⁴ Food and beverage to Korea. Cheese and Butter to Korea // Austrade. P. 5. URL: <https://www.austrade.gov.au/australian/export/export-markets/countries/republic-of-korea/industries/food-and-beverage>

⁵⁵ Post COVID-19: Australia's food and agribusiness sector outlook // KPMG. 4.06.2020. URL: <https://home.kpmg/au/en/home/insights/2020/06/post-covid-19-australia-food-agribusiness-sector-outlook.html>

Забелла Анастасия Александровна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры ТИМО,
кафедры иностранных языков РУДН, Россия, Москва,
zabella-aa@rudn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7082-5073>

Эгути Мицуру

кандидат филологических наук,
профессор Филологического факультета
Университета Сока, Япония, Токио
eguchi@soka.ac.jp,
<https://orcid.org/0000-0002-7366-7944>

**ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ
РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ КАК ЦВЕТЫ САКУРЫ:
СИМВОЛ НАДЕЖДЫ НА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ**

Аннотация: Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией является одним из ключевых факторов, стимулирующих развитие межгосударственного диалога. Особую актуальность традиционно устойчивое гуманитарное взаимодействие между изучаемыми странами приобретает в условиях противоречивой политической и экономической конъюнктуры. В данной статье авторами даётся анализ ключевых событий и приоритетных направлений гуманитарного взаимодействия между Россией и Японией. В статье представлена авторская периодизация развития гуманитарного сотрудничества между странами.

Ключевые слова: Россия, Япония, гуманитарное сотрудничество, молодёжный диалог, межвузовское взаимодействие, культурные связи

Для цитирования: Забелла А.А., Эгути Мицуру. Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 268–283. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-268-283

Humanitarian Cooperation between Russia and Japan like Sakura Flowers: a Symbol of Hope for a Better Future

Abstract: Humanitarian cooperation between Russia and Japan is one of the key factors which can stimulate the development of interstate dialogue. The traditionally stable humanitarian interaction between Russia and Japan is particularly relevant in the face of conflicting political and economic conditions. In this article, the authors provide an analysis of key events and priority areas of humanitarian cooperation between Russia and Japan. The article presents the author's periodization of the development of humanitarian cooperation between countries.

Keywords: *Russia, Japan, humanitarian cooperation, youth dialogue, interuniversity interaction, cultural ties*

Anastasia A. Zabella, PhD in History, senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, the Department of Foreign Languages of RUDN University, zabella-aa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7082-5073>

Eguchi Mitsuru, PhD in Philology, professor of the Faculty of Letters of Soka University, Japan, Tokyo, eguchi@soka.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-7366-7944>

For citation: Zabella A.A., Eguchi Mitsuru. Humanitarian Cooperation between Russia and Japan like Sakura Flowers: a Symbol of Hope for a Better Future. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 268–283. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-268-283

Введение

Вопрос развития отношений между Россией и Японией в современных международных отношениях представляет интерес у научного сообщества. Особое внимание заслуживают последние труды ведущих российских японистов: Казакова О.В.¹, Стрельцова Д.В.², Чугрова С.В.³ и др. Научный интерес среди российских японистов вызывает проблематика образа России в Японии и Японии в России. Так, профессор Университета Саппо

поро Жданов В.Н.⁴ в своих трудах сфокусировал внимание на особенностях стереотипного восприятия России и Японии. Данная проблематика разработана в трудах других специалистов: Воробьевой П.О.⁵, Жилиной Л.В.⁶, Мосякова Д.В.⁷ и др.

Ключевые составляющие образа государств в полной мере отражены в труде д.с.н., профессора Чугрова С.В. Большое внимание Чугров С.В. уделяет «мягкой силе» в российско-японском сотрудничестве. Примечательно, что, по мнению автора, «мягкость» присутствует в менталитете японцев: «японский ментальный код: под тяжестью снежного покрова ветка дуба обламывается, а веточка сливы клонится и, распрямившись, сбрасывает с себя гнет»⁸.

На китайском факторе в российско-японских отношениях сфокусированы труды к.п.н., доцента Киреевой А.А.⁹. Проблематика региональной безопасности нашла отражения в трудах д.и.н., профессора Стрельцова Д.В.¹⁰.

Говоря о работах японских авторов, безусловно, стоит отметить большой фокус на изучении образа России и Японии, российской литературы, исследовании горбачёвского периода перестройки, китайского фактора в отношениях. Так, профессор Осацкого института иностранных языков М. Икута¹¹ сфокусировал свое внимание на образе Японии в России в период Эдо (XVI-XIX вв.). Вопросы влияния российской литературы на Японию исследованы профессором Н. Окадзима¹².

Профессор Университета Н. Симотомаи¹³ внес большой вклад в изучение российско-японских отношений, его труды также охватывают исследования советского режима, современную внешнюю политику РФ, в частности поворот России на Восток. Профессор Токийского Университета А. Такахари¹⁴ сфокусировал внимание на китайском факторе. Данная проблематика нашла свое отражение в работах и других авторов: С. Кавасима¹⁵, Т. Нитта¹⁶, Ё. Ямамото¹⁷. Территориальные вопросы находят отражение в трудах доцента Центра гуманитарного образования и исследований Префектурного университета Ю. Куроива¹⁸ и др.

Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что несмотря на то, что тема российско-японских отношений широко разработана, представляет большой интерес как у российских

специалистов, так и у японских, однако данная статья призвана закрыть лауну, связанную с проблематикой культурного взаимодействия в контексте улучшения взаимного восприятия.

Для исследования гуманитарного взаимодействия между Россией и Японией в данной работе будет проведён анализ нормативной базы, основных механизмов сотрудничества. Большое внимание авторов уделено основополагающим направлениям гуманитарного сотрудничества, а именно: образованию, науке, культуре и туризму.

Периодизация развития современных российско-японских отношений

Отправной точкой развития современных российско-японских отношений следует считать 27 января 1992 г., когда японская сторона признала РФ в качестве государства-правопреемника СССР. Политические и экономические контакты развивались крайне противоречиво, несмотря на заинтересованность сторон в их развитии, что, безусловно, связано с негативными страницами истории двусторонних отношений. Именно гуманитарные отношения между Россией и Японией характеризуются традиционной устойчивостью к меняющейся политической и экономической конъюнктуре.

Авторы выделяют несколько этапов развития российско-японского гуманитарного сотрудничества.

К *первому этапу* относится период с 1992 по 2011 гг. После признания японской стороной РФ сотрудничество между странами претерпело значительные изменения. Впервые за долгие годы Япония стала активно развивать связи со своим западным соседом, что, безусловно, было вызвано надеждами на построение дружественных отношений и скорейшее разрешение всех противоречий между государствами. В тоже время внешнеполитический курс РФ в первые годы образования характеризовался большей ориентацией на западное направление, что оказывало влияние на динамику развития российско-японских отношений.

Согласно Синей книге по дипломатии Японии от 2002 г. определены основные области сотрудничества между странами: «политика, экономика, безопасность, оборона и культура»¹⁹. В

2003 г. отмечены шесть основных направлений сотрудничества, в том числе продвижение культурных и межличностных обменов»²⁰.

На данном этапе также важно отметить участие России в помощи Японии после разрушительного землетрясения 2011 г., которое привело к катастрофе на АЭС Фукусима. Помощь японской стороне оказало МЧС России отправив несколько групп спасателей в самый центр катастрофы для помощи японским коллегам. Российские граждане также были не равнодушны к случившемуся в Японии.

Следует также упомянуть о том, в каком русле развивалось азиатское внешнеполитическое направление РФ. Так, по мнению д.и.н., профессора Караганова С.А., «в конце 2000-х гг. в России обосновали, а с начала 2010-х начали экономический поворот на Восток, к новым поднимающимся рынкам Азии. Первоначально он был преимущественно экономическим. Но с годами и с нарастанием конфронтации с Западом стал приобретать геополитический характер»²¹.

Ко *второму этапу* относится период с 2012 по 2014 гг. Большее внимание российскому вектору в японском внешнеполитическом курсе стало отводиться после возвращения С. Абэ в 2012 г. на должность премьер-министра. С. Абэ взял курс на более самостоятельную и активную роль Японии в международных делах, участие в решении региональных и глобальных проблем, повышение престижа государства не только в регионе, но и в мире. Таким образом, с 2012 г. сотрудничество, в том числе гуманитарное, между странами становится более активным.

К *третьему этапу* следует отнести период с 2014 по 2016 гг. В 2014 г. отношения между Россией и Японией были осложнены ввиду поддержки Токио проводимых западными государствами антироссийских санкций, вызванных внутриполитическим кризисом на Украине. Такая позиция Японии в отношении России представляется очевидной ввиду внешнеполитической линии Токио, предопределяемой военно-политическим союзом с США и местом в «Большой семерке». В целом сотрудничество этого периода характеризуется стагнацией. В Токио был взят курс на санкционные ограничения в отношении Москвы, были приостановлены переговоры по ряду совместных

проектов, консультации по облегчению визового режима между странами, были введены ограничения в отношении некоторых российских государственных чиновников. Тем не менее необходимо отметить, что японские санкции в отношении Москвы отличались более мягким характером. Так, Япония не поддержала инициированную «Большой семеркой» высылку российских дипломатов из страны-пребывания по «делу Скрипалей», не выступала на официальном уровне с критикой в отношении российской политики по «сирийскому вопросу».

К *четвертому этапу* относится период с 2016 по настоящее время. Продолжать поддерживать «российский кейс» следуя западной политике не отвечало интересам Токио. Правительство С. Абэ приняло решение «развести» украинский сюжет и развитие сотрудничества с Россией. Подвижки в отношениях произошли после неофициального визита премьер-министра С. Абэ в Сочи в 2016 г. и последовавшей активизацией контактов на высшем уровне. Именно с этого периода российскому направлению во внешней политике Японии стало уделяться большее внимание нежели ранее. В мае 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ объявил о «новом подходе, свободного от идей прошлого» Японии к России. В основу данного подхода был положен План сотрудничества из восьми пунктов, последний из которых предполагал стремительное расширение гуманитарных обменов.

В Синей книге по дипломатии Японии 2016 г. большое внимание уделяется сотрудничеству в области культуры, человеческих обменов (в частности, японо-российским молодежным обменам)²².

Следует также отметить участвовавшие встречи глав государств, которые, безусловно, способствуют расширению взаимодействия между Россией и Японией. С тех пор как В. Путин и С. Абэ в очередной раз вернулись к высоким государственным должностям в 2012 г., С. Абэ посетил Россию 11 раз, а В.В. Путин нанес визит в Японию 2 раза. Укрепление личностных отношений между В. Путиным и С. Абэ особенно важно ввиду лично-ориентированной лояльности большинства избирателей в обоих государствах. Авторы выражают надежду на то, что сложение полномочий премьер-министра Японии С. Абэ не

повлияет на те проекты и планы, которые находятся в реализации в настоящее время.

Договорно-правовая база гуманитарного сотрудничества

15 марта 1999 г. в Токио стороны подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о создании Российско-Японской комиссии по молодёжным обменам²³.

Концептуальной базой развития сотрудничества в гуманитарной области является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о культурных связях от 5 сентября 2000 г. (вступило в силу 21 июля 2002 г.)²⁴. Стоит отметить, что данное Соглашение является продолжением подписанного еще в 1986 г. Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о культурных связях, а также подписанной 13 ноября 1998 г. Московской декларации «Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией».

В апреле 2008 г. в ходе беседы Президента России В. Путина и премьер-министра Японии Я. Фукуда была достигнута договоренность о развитии взаимных обменов по линии молодёжи, ученых двух стран; стороны высказались за упрощение визового режима, которое будет способствовать дальнейшему продвижению гуманитарных контактов.

В 2013 г. в ходе официального визита премьер-министра Японии С. Абэ в Москву стороны подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об учреждении и деятельности культурных центров²⁵. Характерной особенностью данного Соглашения является то, что большое внимание уделяется двустороннему сотрудничеству в области искусства и спорта.

В 2016 г. в ходе официального визита Президента РФ в Японию сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии относительно проведения Года России в Японии и Года Японии в России²⁶. По окончании визита также были подписаны следующие документы: Соглашение о созда-

нии Ассоциации ректоров ведущих университетов России и Японии между Московским государственным университетом им. Ломоносова и Университетом Тохоку.

Таким образом, авторы приходят к мнению о том, что между Россией и Японией заложена существенная нормативно-правовая база для последующего расширения и улучшения российско-японского сотрудничества в гуманитарной сфере.

Молодежное и межвузовское взаимодействие между Россией и Японией

Некоторые надежды на всеобъемлющее развитие российско-японских отношений внушает динамика развития молодежного и межвузовского взаимодействия. Логично, что и Россия, и Япония будучи соседними государствами заинтересованы в углублении такого диалога. Тем не менее, понятно, что несмотря на уровень взаимодействия в гуманитарной сфере некоторые «красные линии» по-прежнему останутся неизменными.

В целях реализации Соглашения о создании Российско-Японской комиссии по молодежным обменам стороны достигли договоренности о расширении людских обменов. Состоялось открытие Координационного бюро российско-японских молодежных обменов, а в Японии в мае 1999 г. был открыт Японо-Российский центр молодежных обменов.

Японо-Российский центр молодёжных обменов с первого дня функционирования занимался организацией молодёжных обменов на краткосрочной основе, направлял преподавателей японского языка в российские университеты, а также предоставлял стипендии молодым учёным России и Японии. На конец 2018 г. количество участников программ молодёжных обменов достигло порядка 8 200 человек²⁷. Таким образом, становится очевидной заинтересованность японской стороны в продвижении не только японского языка в России, но и в расширении диалога между молодыми учёными двух государств.

С 1994 г. в ИСАА МГУ ежегодно проходят международные научно-практические конференции по вопросам преподавания японского языка, которые привлекают большое внимание как российских, так и японских коллег, публикуются краткое

содержание и результаты конференций, например большое внимание заслуживают труды д.пед.н., профессора Нечаевой Л.Т.²⁸.

С 2009 г. раз в полгода проходят форумы ректоров России и Японии, которые представляют собой площадку для обсуждения текущей проблематики в сфере образования и сотрудничества в данной области. По мнению авторов, форумы представляют собой очень важный инструмент в деле укрепления межгосударственного диалога.

В 2016 г. ректоры университетов России и Японии с целью развития межвузовских обменов приняли решение создать Ассоциацию университетов Японии и России. Изначально в Ассоциацию вошло 42 университета по 21 от каждой стороны. К концу 2019 г. их число возросло до 54 по 27 университетов от России и Японии. В мае 2018 г. состоялось первое общее собрание в Саппоро, Япония, а второе прошло в Москве. Будущие встречи планируется проводить каждые восемнадцать месяцев поочередно в России и Японии. Следующая встреча должна пройти в Ниигате, Япония, однако ввиду сложной эпидемиологической ситуации в мире сроки были перенесены на неопределенный срок.

Говоря об образовании и науке, стоит отметить особую роль форумов ректоров России и Японии, так как достигнутые договоренности обретают реальное воплощение. Ежегодно возрастает количество участников программ.

Интернационализация российских и японских университетов, многие из которых пользуются отличной репутацией в мире, откроет целый ряд возможностей не только для самих вузов, но и для их международных партнеров. Страны Восточной Азии уже стали передовым краем азиатской системы высшего образования, где находится самое большое количество студентов, наибольшее количество университетов мирового класса, а также более высокая доля студентов в области STEM (науки, техники, инженерии и математики)²⁹.

Расширение университетских программ по обмену формирует базу для лучшего понимания народов двух стран. Создаются новые программы по укреплению российско-японского сотрудничества в области образования. Так, можно отметить Японо-российскую программу подготовки лидеров будущего,

которая реализуется в рамках Канадзавского Университета. Целью программы является использование «уникальности» и «универсальности» Японии и России, создание ценностей нового века и использование опыта и технологий каждого человека для формирования основы для будущего обеих стран. Интерес представляет мнение доцента Международного университета Т. Тойода, который приходит к выводу о том, что Россия может стать важной площадкой для контакта не только между японскими и российскими, китайскими, южнокорейскими, но и северо-корейскими студентами. Ввиду характера отношений между Японией и Северной Кореей северо-корейских студентов в Японии нет. Россия может стать привлекательной для японской стороны в том числе ввиду возможности контактов между японскими и северо-корейскими студентами, которые в дальнейшем могут способствовать налаживанию диалога между странами³⁰.

Принимая во внимания важность повышения взаимопонимания и укрепления дружественных отношений между российскими и японскими студентами наряду с увеличением количества обменных программ, программ двойных дипломов между российскими и японскими вузами на фоне возрастающего интереса России и Японии к расширению гуманитарного сотрудничества стороны приняли решение создать новую площадку для студенческого диалога: Российско-японский студенческий форум. Первый Российско-японский студенческий форум прошёл в мае 2018 г. в Центре академических обменов Университета Хоккайдо. Новая площадка для диалога позволила российским и японским студентам-делегатам обменяться мнениями по проблематике российско-японского гуманитарного обмена. Становится очевидным, что сотрудничество в сфере образования является ключевым элементом расширения взаимодействия между странами.

Интерес представляет Российско-японский Форум «Точки соприкосновения», который впервые состоялся в 2013 г. в Токио. Данный форум является уникальной площадкой для неформальной коммуникации между российскими и японскими представителями бизнеса и госструктур. В рамках форума большое внимание уделяется поиску «точек соприкосновения» в сфере бизнеса, а также в гуманитарной области и туризме.

Особое внимание стоит уделить Японскому Фонду (*The Japan Foundation*), который представляет собой единственную в Японии организацию, осуществляющую культурные обмены с иностранными государствами. Цель Фонда заключается в построении фундамента для гармоничного сосуществования народов Японии и всех стран мира. Японский Фонд осуществляет свою деятельность по трем направлениям: искусство и культура, японоведение и японский язык. В рамках Фонда ежедневно проводятся различные мероприятия: лекции, выставки, курсы по японскому языку, мастер-классы, фестивали кино.

Исходя из данных, приведенных в статье заведующего Отделом наукометрии и информационных технологий, старшего научного сотрудника Центра японских исследований ИДВ О.В. Казакова, бюджет фонда в период с 2012- 2016 гг. увеличился с 18 млн. долл. США до 52 млн. долл. США.), а количество проведенных мероприятий в тот период увеличилось с 335 до 1144³¹.

Таким образом, нельзя недооценивать работу Фонда в укреплении гуманитарного взаимодействия между Россией и Японией.

Безусловно, необходимо уделить внимание деятельности Фонда «Русский мир», который был создан в 2007 г. во исполнение Указа Президента РФ В. Путина. К целям Фонда следует отнести популяризацию русского языка и культуры. Открытие первого Русского центра в стенах японского университета состоялось в токийском Университете Сока 11 июня 2016 г.

Филиал Дальневосточного Федерального Университета в городе Хакодате более двадцати лет занимает особую нишу в поддержании и развитии дружественных отношений между Россией и Японией. Стоит отметить, что открытие этого филиала состоялось задолго до открытия Русского центра в Университете Сока. В рамках данного филиала осуществляются различные культурные и образовательные мероприятия, которые способствуют укреплению российско-японского диалога в гуманитарной области; при филиале функционирует Хакодатское общество японо-российской дружбы.

Таким образом, становится очевидным, что стороны прикладывают большие усилия не только для укрепления, но и

расширения взаимодействия между молодёжью России и Японии.

Взаимодействие в области культуры и туризма

Россия и Япония, исходя из того, что расширение гуманитарного сотрудничества способствует развитию связей между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, большое внимание уделяют расширению диалога в области культуры и туризма.

Что касается культуры, то необходимо отметить большой интерес как в России, так и в Японии к культуре, литературе, искусству друг друга. В России все большее внимание привлекают выставки, лекции, мастер-классы, проводимые Японским Фондом. Интерес вызывают проводимые в рамках Фонда тематические и сезонные мероприятия, например: фестиваль «Японская осень» и «Японская весна». В 2003 г. в России успешно прошел «Фестиваль японской культуры в России – 2003». В 2005 г. состоялось множество культурных мероприятий по случаю 150-летия установления дипломатических отношений. В 2014 г. прошел Год японо-российских обменов в области боевых искусств.

В Японии с большим интересом относятся к российской литературе. Особенно стоит выделить труды Толстого, Достоевского, Чехова. Безусловно, большой интерес японская сторона проявляет к российским фигуристам, безупречная работа которых заслуживает самых высоких похвал. Японские студенты также участвуют в проводимых Фондом «Русский мир» мероприятиях, например в фестивале «Друзья, прекрасен наш союз!». В Японии с 2006 г. проходит Фестиваль российской культуры. В рамках фестиваля проводятся выставки, концерты и другие культурные мероприятия в различных городах и префектурах Японии. Стороны подписали программу проведения Фестиваля российской культуры в Японии на период с 2017 по 2021 гг. Говоря о международном культурном проекте «Русские Сезоны», стартовавшего в 2017 г., необходимо отметить, что первые выступления прошли именно в Японии. Торжественное открытие «Русских сезонов» состоялось в июне 2017 г. в Японии при участии председателя Правительства РФ О. Голодец и

премьер-министра Японии С. Абэ. Проект является площадкой для лучших российских творческих коллективов и цирковых артистов, а также выставок крупнейших российских музеев, показа кино и других мероприятий.

Премьер-министр С. Абэ лично принял участие в церемонии открытия перекрёстного года в 2018 г., которая состоялась в стенах Большого театра в Москве. Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Японии М.Ю. Галузин выразил надежду «что реализация этого проекта будет способствовать углублению взаимного понимания между народами двух стран. Это важно для дальнейшего развития прочных дружественных двусторонних отношений, основанных на взаимном доверии. Для того, чтобы в конечном итоге выйти на подписание мирного договора, необходимы отношения подлинного доверия между народами России и Японии. Рассчитываем, что данный проект внесет в это весомый вклад»³². В период с 2018 по 2019 г. в рамках перекрёстного года двух стран стороны провели большое количество мероприятий, которые позволили познакомить народы двух стран с культурой, обычаями, традициями, достопримечательностями России и Японии. Также был снят фильм «В плену у Сакуры» о русско-японской войне 1904-1905 гг., создание которого приурочено к перекрёстному году России и Японии. Режиссёром картины стал М. Иноуэ. В основу сюжета лег радиоспектакль «Сакура глазами Сорокина. Незвестная история русских военнопленных в Мацуяме».

В 2019 г. Театральная олимпиада, которая охватывает десятки коллективов со всего мира, впервые за свою двадцатилетнюю историю прошла в двух странах: Японии и России. Старт олимпиаде был дан в августе 2019 г. в Тога, Япония. В Японии мероприятия продлились в течение месяца, затем участвующие театральные коллективы отправились в Санкт-Петербург и в другие российские города. Закрытие прошло 15 ноября в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума.

Туризм является важным инструментом создания положительного образа страны в глазах иностранных граждан. Туристический поток между Россией и Японией на протяжении долгого времени был крайне незначительным, что не отвечало потенциалу двух соседних стран. Однако смягчение визового ре-

жима в 2017 г. способствовало увеличению туристического потока между странами. Поток российских туристов увеличился на 22.7% и составил около 95 тыс. чел. Число граждан Японии, посетивших России в аналогичный период, достигло рекордного уровня в 120 тыс. чел.

Москва и Токио реализуют план по расширению туристического потока и достижения к 2023 г., поставленной премьер-министром Японии С. Абэ, цели по удвоению численности туристов до 400 тыс. чел.³³. Тем не менее стоит отметить, что туристический поток между Россией и Японией до сих пор является крайне ограниченным.

По итогу проведённого исследования авторы отмечают, большую роль Президента России В. Путина и бывшего Премьер-министра Японии С. Абэ в расширении и укреплении сотрудничества в гуманитарной области между двумя странами. Подчеркивают эффективность поддержки гуманитарного сотрудничества на государственном уровне.

Авторы отмечают особую роль сторон в деле укрепления и расширения межвузовского и молодежного сотрудничества, которое способно повлиять на восприятие стран, формирование положительного образа у населения России и Японии в отношении друг друга. Форум ректоров, по мнению авторов, играет крайне важную роль в данном направлении. Авторы выделяют основные направления гуманитарного сотрудничества: образование, наука, культура и туризм.

В целом, несмотря на наличие определенных сложностей политических и экономических отношений между Россией и Японией, страны активно развивают взаимодействие. Сможет ли оптимизация гуманитарного сотрудничества снизить напряжённость по ряду политических вопросов, думается, что вряд ли, если только на то не будет политической воли. Однако наращивание диалога сможет создать базу для лучшего понимания сторонами друг друга.

Авторы приходят к заключению о том, что Россия и Япония не реализовали значительный потенциал взаимодействия и выражают надежду на последующее укрепление гуманитарного

взаимодействия между Россией и Японией на благо народов двух государств.

¹ Kazakov O.I. Some Aspects of Humanitarian Cooperation of Japan with the Countries of East Asia // Russian Japanology Review, 2019, vol. 2, № 1. P. 29–56.

² Streltsov D., Shimotomai N. A History of Russo-Japanese Relations: Over Two Centuries of Cooperation and Competition // Brill, 2019, vol. 66. 627 p.

³ Чугров С.В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. Полис. Политические исследования, 2020, № 5. С. 22–45.

⁴ Жоанов В.Н. Особенности стереотипного восприятия России в Японии и Японии в России // Вестник ЦМО МГУ. Серия: Лингвокультурология, 2009, № 2. С. 90–94.

⁵ Воробьева П.О. Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) // Ежегодник Японии. История и археология, 2008, № 37. С.162–181.

⁶ Zhilina L.V. Japanese young people' perceptions of Russia // Vestnik RUDN. International Relations, 2018, vol.18 (1). P. 49–65.

⁷ Мосяков Д.В., Татаринова А.В. Формирование образа современной России в Японии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020, № 1(46). С.462–482.

⁸ Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [С.В. Чугров]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2016. С. 28.

⁹ Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования, 2020, № 1. С. 21–47.

¹⁰ Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 431.

¹¹ Икута М. Образ Японии в России в период Эдо (XVI-XIX вв.) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета, 2005, № 9. С. 107–127.

¹² Okajima N., Petrova E., Petrova A. The influence of Russian literature on two Japanese literary figures and the Japanese sense of scenic beauty // Hawaii International Conference on Arts & Humanities, 8th Annual Conference, 2010 Conference Proceedings, ISSN: 1541-5899. Honolulu, 2010. P. 3135–3150.

¹³ Streltsov D., Shimotomai N. A History of Russo-Japanese Relations: Over Two Centuries of Cooperation and Competition // Brill, 2019, vol. 66. 627 p.

¹⁴ Takahara A. Forty-four Years of Sino-Japanese Diplomatic Relations Since Normalization // China-Japan Relations in the 21st Century. Antagonism Despite Interdependency / ed. by L.P. Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–66.

¹⁵ Кавасима С. Ниттю канкэй [кайдзэн] э но тои : [Японо-китайские отношения: вопрос об «улучшении»] // Гайко, 2018, № 52. С. 28–35.

¹⁶ Humma T. Тюгокуга тэйсёситэ Зсюэнэн о мукаэта итта итиро : [Развитие продвижаемого Китаем «Одного пояса, одного пути» за 3 года] // Син кококу кэйдай [Экономика развивающихся стран], 2016. С. 1–11.

- ¹⁷ Ямамото Ё. Тюгоку но тайто то кокусай тицудзё но кантэн кара мита «иттай итиро»: [«Один пояс, один путь» с позиции возвышения Китая и мирового порядка] // Исследовательский центр «PHP», 2015, vol. 9, № 70. 20 p.
- ¹⁸ Kuroiwa Y. Northern Challenges: The Japan–Russian Border Dispute and Local Voices // Journal of Borderlands Studies, 2011, № 26(3). P. 283–295.
- ¹⁹ Diplomatic Bluebook 2002. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2002/chap1-e.pdf>
- ²⁰ Diplomatic Bluebook 2003...
- ²¹ Караганов С.А. Уход военного превосходства Запада и геоэкономика // Полис. Политические исследования, 2019, №6. С. 16.
- ²² Diplomatic Bluebook 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000177717.pdf>
- ²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о создании Российско-Японской комиссии по молодежным обменов. URL: <http://tscenter.ru/upload/iblock/a7b/a7b4254ba96313821adc66892ea3289c.pdf>
- ²⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о культурных связях. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499019163>
- ²⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об учреждении и деятельности культурных центров. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499019163>
- ²⁶ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии относительно проведения Года России в Японии и Года Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/APP/AYearofJapaninRussia/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC.pdf>
- ²⁷ Официальный сайт Японо-Российского центра молодежных обменов. URL: https://www.jrex.or.jp/ru/about-message_ru/
- ²⁸ Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» в 2019 году // Японские исследования, 2020, № 1. С. 149–159.
- ²⁹ Woetzel J., Chen Y., Manyika J., Roth E., Seong J., & Lee J. The China effect on global innovation // McKinsey Global Institute Research Bulletin, 2015. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Innovation/Gauging%20the%20strength%20of%20Chinese%20innovation/MGI%20China%20Effect_Executive%20summary_October_2015.ashx
- ³⁰ Toyoda T. For More Student Exchanges Between Russia and Japan. Russia and Japan. Looking together into the future / ed. by Victoria Panova and Artyom Lukin. Vladivostok. FEFU, 2016. P. 85, 86.
- ³¹ Kazakov O.I. Some Aspects of Humanitarian Cooperation of Japan with the Countries of East Asia // Russian Japanology Review, 2019, vol. 2, № 1. P. 32.
- ³² Очерк: Ощутимые результаты реализации «Плана сотрудничества из восьми пунктов», 2018. URL: <https://www.japan.go.jp/letters/ebook76/book.pdf>
- ³³ Туристические организации Японии и России подписали соглашение о сотрудничестве. 14.05.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6426159>

Чан Тхи Фыонг Фыонг

кандидат филологических наук, доцент,
Университет социальных и гуманитарных наук
при Национальном университете г. Хошимина,
Вьетнам,
phuongphuongtt@hcmussh.edu.vn,
<https://orcid.org/0000-0003-4038-6414>

**ВЬЕТНАМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ХО БИЕУ ТЯНЬ
И ЕГО АДАПТАЦИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Аннотация: Хо Биеу Тянь (Hồ Biểu Chánh, 1884–1958) – писатель, драматург, переводчик, ученый, один из основоположников современного вьетнамского романа. В его творческом наследии немало книг, которые были созданы по мотивам произведений зарубежной литературы, среди них – роман «Пропавший» (Người thất chí), опубликованный в 1938 году. Его сюжет был заимствован из знаменитого творения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В статье даётся сравнительный анализ этих двух произведений, показано, как вьетнамский писатель Хо Биеу Тянь воспринимал сложное социально-психологическое и философское произведение великого русского писателя и на основе его сюжета создал свой роман на вьетнамском языке.

Ключевые слова: Хо Биеу Тянь, вьетнамская литература, русская литература, заимствование, «Пропавший», Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», адаптация

Для цитирования: Чан Тхи Фыонг Фыонг. Вьетнамский писатель Хо Биеу Тянь и его адаптация романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 284–296. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-284-296

Vietnamese Writer Hồ Biểu Chánh and His Adaptation of Dostoevsky's «Crime and Punishment»

Abstract. Hồ Biểu Chánh (1884–1958) was a novelist, playwright, translator, scholar, who was considered as one of pioneers of modern Vietnamese novel. In his literary legacy there were many novels adapted from foreign literature, and «A Despondent Man» (Người thất chí) published in 1938 was among them. The plot of this novel was borrowed from Dostoevsky's «Crime and Punishment». This article gives some comparisons between «A Despondent Man» and «Crime and Punishment» to show how the Vietnamese writer perceived Dostoevsky's socio-psychological and socio-philosophical novel and based on its plot to create his own work in Vietnamese language.

Keywords: Hồ Biểu Chánh, Vietnamese literature, Russian literature, borrowing, «A Despondent Man», F. M. Dostoevsky, «Crime and Punishment», adaptation

Tran Thi Phuong Phuong, Ph.D., Associated Professor, University of Social Sciences and Humanities – Vietnam National University of Ho Chi Minh city, Vietnam, phuongphuongtt@hcmussh.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0003-4944-115X>

For citation: Tran Thi Phuong Phuong. Vietnamese writer Hồ Biểu Chánh and His Adaptation of Dostoevsky's «Crime and Punishment». *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 284–296. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-284-296

Хо Биеу Тянь (Hồ Biểu Chánh, настоящее имя Hồ Văn Trung, 1884–1958) – вьетнамский писатель, драматург, переводчик, ученый, один из основоположников современного вьетнамского романа. Он родился в небольшом городе Гоконг, в провинции Тиензанг на Юге Вьетнама. Его произведения и сегодня любимы и популярны у вьетнамских читателей, особенно у южан. Ещё при его жизни были опубликованы 64 романа, 12 сборников рассказов, 12 драматургических произведений – комедий и либретто оперетт, 5 сборников стихов, 8 сборников мемуаров и 28 томов «Очерков» по истории, философии, религии,

и литературе. С 1989 по 2017 г. во Вьетнаме были экранизированы 16 романов Хо Биеу Тяня.

Хо Биеу Тянь прожил долгую жизнь писателя-романиста. Его первый роман вышел в 1912 г., когда ему было 28 лет, а последний роман – «Фунюан» – в 1958-м, в год его кончины. В творческом наследии этого автора есть немало книг, созданных по мотивам произведений зарубежных авторов и адаптированных к вкусам вьетнамских читателей, в их числе и роман «Пропащий», который был опубликован в 1938 г.

В своих воспоминаниях «Моя жизнь. О литературе»¹ Хо Биеу Тянь написал, что его двенадцать романов были адаптациями, составил список этих книг и их иностранных источников:

«Вот эти мои романы и французские произведения, которые вдохновили меня для написания собственных книг:

«Владелец корабля Ким Куи» (Chúa tàu Kim Quy) – роман «Граф де Монте Кристо» (Le comte de Monte Christo) (А. Дюма);

«Горький вкус жизни» (Cay đắng mùi đời) – «Без семьи» (Sans famille) (Гектор Мало);

«Жалкая жизнь» (Chút phận linh đình, 1928) – «В семье» (Гектор Мало);

«Переводчик» (Thầy Thông ngôn) – «Любовь Эстеве» (Les amours d' Estève) (Андре Терье);

«Шутки ветра и травы» (Ngọn cỏ gió đùa) – «Отверженные» (Les Misérables) (Виктор Гюго);

«Виноват один, а отвечает другой» (Kẻ làm người chịu) – «Два мальчика» (Les deux gosses) (Пьер Декурсель);

«Во имя любви и милосердия» (Vì nghĩa vì tình) – «Фанфан и Клаудинет» (Fanfan et Claudinet) (Пьер Декурсель)^b;

«Глубокая любовь отца и сына» (Cha con nghĩa nặng) – роман «Голгофа» (Le Calvaire);

^b Трехтомный роман Пьера Декурселя под названием «Два мальчика» (Les deux gosses) был экранизирован несколькими режиссерами, такими как Адриен Кайллард, Альбер Капеллани, Морис Турнёр, Луи Меркантон, Фернан Ривер. Адриен Кайллард, например, снял два короткометражных и немых эпизода в 1912 г., один из них был известен под названием «Фанфан и Клаудинет». Трудно сказать, использовал их Хо Биеу Тянь при написании своей книги или нет, но возможность влияния фильмов тоже не исключается.

«Жить согласно времени» (Ở theo thời) – «Топаз» (Topaze) (Марсель Паньоль);
 «Господин бакалавр» (Ông Cử) – «Аристо» (Aristo);
 «Увядающие цветы» (Đóa hoa tàn) – «Четки» (Le Rosaire);
 «Пропавший» (Người thất chí) – «Преступление и наказания» (Crime et Châtiment)².

Даты публикации этих адаптированных произведений показывают, что они были написаны в период 1920 – 1930-х годов. Однако Хо Биеу Тянь начал создавать свои романы-адаптации еще раньше. Писатель написал роман «Владелец корабля Ким Куи» в 1913 г., но опубликовал его только в 1923-м. В том же 1913 г. появилась поэма «Так поступать справедливо» (Vậy mới phải) как подражание пьесе французского драматурга Пьера Корнеля «Сид». Возможно, что первый роман Хо Биеу Тяня «Кто сможет это сделать?» (Ai làm được?) появился после его знакомства с романом Поля Бурже «Андре Корнелис»^c. Об этом говорит сходство сюжета – история мести за родителя, но, согласно другому мнению, это могло быть просто совпадение. Напомним, что в начале XX века на Юге Вьетнама был настоящий бум переводов китайской литературы, и Хо Биеу Тянь Чань тоже участвовал в этом литературном процессе: в 1910 г. перевел сборник сказок с китайского языка.

Помимо романов признанных французских классиков XIX века, таких как Виктор Гюго, Александр Дюма и др., внимание Хо Биеу Тяня привлекли произведения драматургов и кинематографистов – Марселя Паньоля^d и Пьера Декурселя^e. Сам Хо Биеу Тянь наряду с романами также писал театральные сценарии и переводил французские пьесы, среди которых получила известность пьеса «Внезапно вспыхнул огонь», переведенная с

^c Поль Бурже (1852–1935) — французский критик и романист, автор многих известных психологических романов.

^d Марсель Паньоль (1895–1974) – известный французский драматург и кинорежиссёр, первый деятель кинематографа, ставший членом Французской академии (1946).

^e Пьер Декурсель (1856–1926) – французский журналист, драматург и романист. Автор многих комедий, оперных либретто и редакций романов для сцены, выпускал дешевые романы для подростков. В 1908 г. Декурсель вместе с Эженом Гутгенхаймом основал компанию, специализировавшуюся на адаптации литературных произведений для их дальнейшей экранизации.

трехактовой пьесы «Огонь, который не зажигается» Жан-Жака Бернара^f. Всё это оказало определенное влияние на его творчество как романиста, о чём будет сказано ниже.

Адаптированные произведения занимают важное место в наследии Хо Биеу Тяня. Они создавались в первые три десятилетия его литературной карьеры, в 1910-е годы все романы были адаптациями или же имели явно заимствованные элементы, и были написаны в основном в стихотворной форме. (Писатель не упоминал о поэме «Так поступать справедливо» в списке адаптированных романов, так как что считал роман прозаическим жанром.) В 1920-е годы Хо Биеу Тянь создал 13 произведений, из которых 8 были адаптациями; к 1930-м годам в его творческом багаже насчитывалось 24 произведения, но адаптаций было только 4 (из которых две были не из французской литературы); в 1940-е и 1950-е годы он не создал ни одного адаптированного произведения.

Написанный в конце 1930-х годов роман «Пропавший» (Người thất chí) – яркое свидетельство влияния знаменитого произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на творчество Хо Биеу Тяня. В то время романы Достоевского были особенно популярны среди вьетнамских литераторов. Известный прозаик-реалист Нгуен Туан^g вспоминал, что во Вьетнаме в 1939 г. «среди хаоса жизни... молодые люди читали Достоевского», и «в Ханое многие были увлечены Достоевским»³. В том же году на страницах первого литературного журнала в стране «Плеяда» (Thao đàn) был опубликован отрывок из романа «Бесы» Достоевского, озаглавленный «Нужен Бог» (Cần một ông Trời)⁴, переведенный с французского языка писателем Лан Кха-

^f Жан-Жак Бернар (1888 –1972) – французский драматург. Его пьеса «Огонь, который не зажигается» (Le Feu qui reprend mal), рассказавшая о необоснованной ревности мужа к жене и американскому офицеру, была поставлена в театре Антуана в 1921 г. Перевод Хо Биеу Тянем этой пьесы под заглавием «Внезапно вспыхнул огонь» (Lửa ngùn thình lình) был опубликован в нескольких номерах журнала «Общественное мнение» (Công luận) в 1922 г.

^g Нгуен Туан (1910–1987) – писатель, получил широкое признание как мастер художественного очерка и рассказа, тонкий стилист, внесший вклад в формирование современного вьетнамского литературного языка.

ем^h. Другой вьетнамский писатель Нят Линьⁱ с 1938 по 1939 г. работал над романом «Белая бабочка» (Bướm trắng), который отличался от всех его предыдущих произведений и в котором просматриваются отсылки к «Преступлению и наказанию». История Настеньки в «Белых ночах» вдохновила в те годы журналиста и начинающего литератора Ву Банга^j на написание рассказа «Любимая, не отчаивайся» (Em ơi đừng tuyệt vọng, 1941). Интерес к Достоевскому также сильно повлиял на формирование эстетических взглядов и литературных особенностей рассказов прозаика Тхать Лама^k.

Роман «Пропавший» появился именно в этот период всеобщей увлеченности Достоевским и в определенной степени стал переломным моментом в творчестве Хо Биеу Тянь как его последнее произведение – адаптация книги зарубежного автора.

Позднее Хо Биеу Тянь так вспоминал о своем опыте восприятия книг и пьес зарубежных авторов, повлиявших на его творчество: «Когда я читал французские романы или драмы, то во мне пробуждался сильный эмоциональный отклик, и эти чувства становились для меня источником вдохновения для замысла моего романа. Затем в большей или меньшей степени я следовал за этими иностранными произведениями, или же создавал целиком вьетнамское произведение. Хотя я сказал, что подражал им, но на самом деле я только принимал главные идеи, иногда даже отказывался от них, что делало мои романы полностью противоположными в психологическом плане, сильно отличающимися от французских оригиналов»⁵. Такой подход писатель использовал при выборе событий и создании характеров героев на основе иностранных произведений.

^h Лан Кхай (1906–1945) – писатель, автор произведений о жизни в горных районах Вьетнама.

ⁱ Нят Линь (1906–1963) – одна из наиболее знаковых фигур в литературных кругах и в общественно-политической жизни Вьетнама в 1930–1960 гг. Сфера его деятельности была необычайно разнообразной – публицистика, литература, живопись, общественно-просветительская работа, благотворительность, политика.

^j Ву Банг (1913–1984) – писатель, журналист. Признанный мастер малых жанров – рассказа, очерка, заметок.

^k Тхать Лам (1910–1942) – писатель, автор многих известных прозаических и поэтических произведений.

Адаптация такого большого и сложного романа, как «Преступление и наказание» Федора Достоевского, была особенно трудной для вьетнамского писателя. До этого у Хо Биеу Тянь уже был опыт адаптации «Отверженных» Виктора Гюго, и ему понадобилось пять лет, чтобы создать композицию для своего адаптированного романа. С романом Достоевского было гораздо сложнее. На основе великого русского романа Хо Биеу Тянь написал текст чуть более ста страниц на вьетнамском языке, и проблема была не только в количестве страниц, но прежде всего в том, как изменить содержание в соответствии с восприятием и вкусами вьетнамских читателей.

Проведем некоторые сравнения между «Пропавшим» и «Преступлением и наказанием», чтобы понять, как вьетнамский писатель Хо Биеу Тянь воспринял сложное социально-психологическое и философское произведение русского классика Достоевского и переложил его на вьетнамском языке для своих соотечественников.

Прежде всего, это заглавие романа. Адаптированные романы Хо Биеу Тянь всегда имели заглавия, очень отличающиеся от оригинальных. Под влиянием китайской классической литературы во вьетнамских произведениях до XIX века часто встречались заглавия со словами, обозначающими их жанры, такими, как *chí, ký, lục, truyện*, то есть классические повествовательные жанры прозы. «Пропавший» и заглавия других прозаических романов Хо Биеу Тянь преодолели нормативные рамки классической литературы.

Хо Биеу Тянь заменил русские имена вьетнамскими: Фунг (Раскольников), Чинь (Разумихин), Лоан (Дуня), Там (Соня) и госпожа Лой (процентщица Алена Ивановна). Петербург XIX века стал Сайгоном в начале XX века. Сцена сибирской каторги в конце романа Достоевского превращалась у Хо Биеу Тянь в дикий природный ландшафт провинции Хатиен на побережье Сиамского залива. Вместо христианского пространства (атмосфера, контекст) возникло дзен пространство буддийской пагоды. И все эти обстоятельства в немалой степени побудили Хо Биеу Тянь дать своей вьетнамской версии «Преступления и наказания» название «Пропавший», соответствующее смыслу и духу произведения.

Изменение заглавия также показывает различие в творческом мышлении между русским автором, который родился более шестидесяти лет раньше и был представителем «реализма в высшем смысле», и одновременно вьетнамским автором – представителем литературы, которая только что вышла из классической эпохи. Заглавие «Преступления и наказания» было связано с основным конфликтом в романе Достоевского и имело символично-философское значение, в то время как «Пропавший» – это заглавие, которое связано с определенным типом героя, обладающего «сентиментальными чувствами» (óc đả cảm), но лишенного «практического разума» (đầu óc thiết hành)⁶. Главный герой Фунг хорошо образован, честен, но лишен воли, поэтому, оказавшись в трудных обстоятельствах социальной несправедливости, смог проявить только свое недовольство, показать подавленное состояние, вызванное такой ситуацией, и в конечном итоге совершал преступление. Это делало «Пропавшего» похожим на романы А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова о «лишнем человеке».

Видимо, по такой же причине упрощалась и многолинейность сюжета. Сюжет романа Хо Биеу Чаня стал однолинейным, сфокусировавшись на истории бедного парня, который убивал женщину из-за денег и был наказан угрызением совести. Далее следует сказать и о сокращении количества жертв убийства: вместо двух сестер Алены Ивановны и Елизаветы, как у Достоевского, в романе вьетнамского автора есть одна ростовщица госпожа Лой. И это также значительно упрощало психологическую трагедию героя книги «Пропавший» по сравнению с романом «Преступление и наказание».

Как писатель, живший во Вьетнаме в годы французского колониализма, Хо Биеу Тянь воспринимал роман Достоевского «Преступление и наказание» через французский перевод, то есть через призму чтения французами (и западноевропейцами в целом), которые в начале XX века всё ещё хранили приверженность традиционным романам таких авторов, как Бальзак, Золя и, возможно, даже Лев Толстой. Большое влияние на восприятие Достоевского во Франции в конце XIX – начале XX веков оказала книга «Русский роман» французского дипломата и литера-

тора Эжена-Мельхиора де Вогюэ¹, которая создала некий «модный ореол» вокруг Достоевского в Европе, но и сделала русского писателя не совсем таким, как он был на самом деле. И это стало поводом для иронического комментария французского писателя и критика Теодора де Визева^м: «Были даже несуществующие русские романисты, чей гений, однако, был изучен проницательными переводчиками. Был такой роман, который Достоевский, очевидно, написал в своей гробнице для явного пользования французской публикой, потому что невозможно найти его в русском издании полного собрания сочинений писателя»⁷.

«Пропавший» по сравнению с предыдущими романами Хо Биеу Тяня, такими как «Горький вкус жизни» или «Шутки ветра и травы», был шагом вперед при трансформации из приключенческого и нравоописательного романа к социально-психологическому роману. Опыты русских романистов, особенно Достоевского, являлись примерами для Хо Биеу Тяня и других вьетнамских писателей. Однако из-за французского посредничества, а также из-за особенностей развития жанра романа во вьетнамской литературе и специфики восточного культурного менталитета, связанного с социальными и историческими условиями колониальной страны в начале XX века, вьетнамские писатели воспринимали «Преступление и наказание» Достоевского в основном как произведение, в котором разоблачалась социальная несправедливость, люди изображались как жертвы обстоятельств, выражалась вера в победу добра над злом. Идеологические проблемы, такие как нигилизм, сверхличность, двойственная природа человека, и т.д., хотя и вызывали большой интерес у Хо Биеу Тяня и его вьетнамских современников и даже частично повлияли на их сочинения, но все же редко использо-

¹ Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848–1910) – французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат и литературный критик, историк литературы, член Французской академии. Был одним из первых, кто пробудил во Франции интерес к творчеству Фёдора Достоевского. Его основное произведение – «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), в котором высоко оценивается русская литература.

^м Теодор де Визева (1862–1917) – французский писатель, критик и переводчик польского происхождения.

вались ими, когда речь шла о вьетнамском обществе и его представителях в первой половине XX века.

Кроме того, следует отметить следующее обстоятельство: в 1934 и 1935 гг. на Западе появились две экранизации «Преступления и наказания», это французский фильм режиссера Пьера Шеналья^п и фильм австрийско-американского режиссера Йозефа фон Штернберга^о. Их содержание было таково: Раскольников, который считает, что он может стоять выше закона, оказавшись в бедственном положении, усугубленном проблемами его матери и сестры, решил убить старуху-процентщицу, чтобы завладеть её деньгами. По ходу дальнейших событий он вынужден общаться с опытным и дотошным инспектором полиции. Фильм голливудского режиссера заканчивается тем, что Раскольников сдается инспектору, а во французском фильме сюжет развивается дальше: герой просит прощения после его освобождения из тюрьмы.

Как видно по многим деталям, содержание «Пропащего» было близко к фильму Штернберга. Сравнивая их, можно обнаружить следующие сходные моменты: Чинь во вьетнамском романе — это товарищ главного героя, как и Разумихин в фильме; они оба появляются в самом начале произведения. До того, как убийство совершилось, Фунг занял деньги у Чиня, чтобы заплатить за аренду квартиры и еду; так же в фильме поступил Раскольников, обратившись с просьбой к Разумихину. В романе Достоевского Разумихин появился только после совершенного Раскольниковым преступления, не одолжил ему деньги, его дружба с Раскольниковым была не такой тесной и открытой, как между героями Хо Биеу Тяня или героями фильма. Девушка Там в книге Хо Биеу Тяня и Соня в фильме также появились в самом начале истории и в чрезвычайных обстоятельствах: Там сбила машина, а Соня потеряла деньги. Получив помощь от

^п Пьер Шеналь (1904–1990) — французский кинорежиссёр и сценарист бельгийского происхождения. В 1935 г. экранизировал роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» («Crime et châtiment»).

^о Штернберг Джозеф фон (1894–1969) — американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер и композитор австрийского происхождения. Снимал в Германии. В Голливуде снял фильм «Преступление и наказание» («Crime and Punishment»). Это была экспрессионистская экранизация, которая имела косвенное отношение к роману Ф.М. Достоевского.

главного героя, они полюбили его. И в романе Хо Биеу Тяня, и в фильме Штернберга отсутствует отец-алкоголик, а жертвой убийства стала только одна женщина.

До настоящего времени в исследованиях творческого наследия Хо Биеу Тяня нет данных о прямой связи романа с фильмом Штернбергом. Тем не менее, следует напомнить, что в 1930-е годы в больших городах Вьетнама, как Ханой и Сайгон, уже функционировали кинотеатры, в которых показывали в основном французские и американские фильмы, в том числе и поставленные на основе литературных произведений. Писатель Нгуен Хонг^р вспоминал, что во время работы над своим известным романом «Воровка» (*Vi vò*, 1938) «его разум был как будто воспламенён фильмом «Преступление и наказание»⁸.

Сам Хо Биеу Тянь тоже подтверждал, что использовал «французские драмы» как материал для адаптации. Для обычного вьетнамского зрителя тех лет «французские драмы» (“*tuồng hát Pháp*”) означали не только театральные произведения, но и западные фильмы. Тот факт, что некоторые его романы были созданы как литературные адаптации работ европейских кинематографистов⁹ показывает, что писатель интересовался кино, и поэтому вполне возможно предполагать влияние фильма Штернберга на книгу «Пропавший».

Отличия от сюжета романа Достоевского (например, большее внимание придавалось описанию событий, чем анализу сложных психологических состояний или размышлениям героев, большее сосредоточение на убийстве или на личных отно-

^р Нгуен Хонг (1918–1982) – писатель-реалист, автор знаменитого романа «Воровка» (1938) о жизни городских низов и других прозаических произведений.

⁹ Возможно, что Хо Биеу Тянь заимствовал для своего романа «Господин бакалавр» сюжет из фильма «Aristo» (Аристократ) французского режиссера Андре Бертомье (André Berthomieu, 1903–1960), а роман «Увядающие цветы» был написан по мотивам фильма «Четки» (*Rosaire*) французских режиссёров Тони Лекейна (Tony Lekain, 1888–1966) и Гастона Равела (Gaston Ravel, 1878–1958). Оба фильма были сняты в 1934 г. и очень близки по содержанию книгам Хо Биеу Тяня. Примечательно, что французский фильм «Четки», в свою очередь, стал экранизацией одноименного романа (*The Rosary*, 1909) английской писательницы Флоренс Барклай (Florence Barclay, 1862–1921), поэтому можно говорить о более сложном литературном влиянии через произведение другого вида искусства.

шениях героев, и счастливый конец во вьетнамской адаптации) также указывают на определенные сценические характеристики, присущие роману «Пропавший», что подчеркивает близость его художественных особенностей к театральной или кинематографической поэтике.

В этом собственно и проявляется отношения между литературой и кино как воплощение массовой культуры, которая получила широкое распространение в современное время, особенно с появлением особого типа писателей – авторов бестселлеров.

Хо Биеу Тянь был именно таким писателем, создавшим множество книг разных жанров, в том числе и настоящих бестселлеров. Издатели сражались между собой, чтобы приобрести права на публикацию романов этого автора. Его романы-бестселлеры были желанными произведениями для массового читателя. Хо Биеу Тянь при создании своего романа «Пропавший» преследовал цель обучить нравственности через литературу. Стиль, манера и язык повествования романа во многом определялись вкусами большинства простых вьетнамских читателей. И он следовал этому направлению до конца своей жизни. Этим можно частично объясняться простота «Пропавшего» по сравнению с романом Достоевского.

¹ Воспоминания Хо Биеу Тяня «Моя жизнь. О литературе» (Đời của tôi. Về văn nghệ) не были опубликованы. Исследователь Нгуен Кхюе записал этот список из рукописи, представленной сыном писателя. См.: Nguyễn Khuê. Chân dung Hồ Biểu Chánh (Нгуен Хюе. Портрет Хо Биеу Тяня). NXB Thành phố Hồ Chí Minh, 1998. Trang 23.

² См.: Nguyễn Khuê. Chân dung Hồ Biểu Chánh (Нгуен Хюе. Портрет Хо Биеу Тяня). NXB Thành phố Hồ Chí Minh, 1998. Trang 143.

³ Nguyễn Tuấn. Đốt tôi. Trong: Nguyễn Tuấn. Toàn tập. Tập 5 (Нгуен Туан. Достоевский. В книге: Нгуен Туан. Полное собрание сочинений. Том 5). Hà Nội: NXB Văn học. 2000. Trang 515, 518.

⁴ Lan Khai. Cần một ông Trời (Лан Кхай. Нужен Бог). Hà Nội: Tao đàn tạp chí. Số 3/1939. Trang 275–276.

⁵ Nguyễn Khuê. Chân dung Hồ Biểu Chánh (Нгуен Хюе. Портрет Хо Биеу Тяня). NXB Thành phố Hồ Chí Minh, 1998. Trang 146–147.

⁶ Hồ Biểu Chánh. Người thất chí (Хо Биеу Тянь. Пропащий). Saigon. NXB Sông Kiên. 1961.

⁷ Teodor de Wyzewa. Écrivains étrangers. Deuxième série (Теодор де Визева. Иностранные писатели. Вторая серия). Paris: Perrin & cie. 1896. Pages 206-207.

⁸ Phạm Thị Phương. Ảnh hưởng của Dostoevsky tại Việt Nam giai đoạn trước 1945 (Фам Тхи Фьонг. Влияние Достоевского во Вьетнаме в период до 1945 года) // Tạp chí Nghiên cứu văn học. 2010. № 4. Trang 78.

Понька Татьяна Ивановна,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории
международных отношений РУДН, Россия, Москва,
ponka_ti@rudn.university,
<https://orcid.org/0000-0003-4944-115X>

Дхар Анита Прашантовна

аспирант кафедры теории и истории
международных отношений РУДН,
Россия, Москва,
anita.dkhar.pr@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6876-1418>

Дхар Прашанта

старший преподаватель департамента строительства РУДН,
Россия, Москва,
dkhar.prashanta@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7888-5350>

ИНДИЯ – АСЕАН: КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу современной внешней политики Индии, основанной на политике «Смотри на Восток» в части культурной дипломатии и сотрудничества со странами АСЕАН. Авторами рассмотрены культурные базисы и предпосылки взаимодействия Индии со странами группы, в частности, культурные, исторические и религиозные факторы. Современная внешняя политика Индии направлена на восстановление культурных связей с АСЕАН посредством различных многосторонних и двусторонних встреч и проектов, а также действующих институтов взаимодействия, которые были представлены в данном исследовании. В заключении делается вывод о возможностях культурной дипломатии Индии в рамках взаимодействия с АСЕАН влиять на другие сотрудничества данного диалога.

Ключевые слова: Индия, АСЕАН, культурная дипломатия, межрегиональное взаимодействие

Для цитирования: Понька Т.И., Дхар Анита Прашантовна, Дхар Прашанта. Индия – АСЕАН: культурный аспект взаимодействия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 297–308. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-297-308

India – ASEAN: cultural aspect of cooperation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the India's modern foreign policy based on the "Look to the East" policy in terms of cultural diplomacy and cooperation with ASEAN countries. The authors examine the cultural bases and prerequisites for India's interaction with the countries of the group, in particular, cultural, historical and religious factors. India's modern foreign policy is aimed at restoring cultural ties with ASEAN within various multilateral and bilateral meetings and projects, as well as existing institutions, which were reviewed in the article. In conclusion, author attempts to reveal the influence of India's cultural diplomacy within the framework of interaction with ASEAN on other issues of cooperation with the group.

Keywords: India, ASEAN, cultural diplomacy, interregional cooperation

Tatiana I. Ponka, PhD in History, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Russia, Moscow, ponka_ti@rudn.university, <https://orcid.org/0000-0003-4944-115X>

Anita P. Dkhar, PhD Student at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Russia, Moscow, anita.dkhar.pr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6876-1418>

Prashanta Dkhar, Senior lecturer at the Department of Civil Engineering, RUDN University, Russia, Moscow, dkhar.prashanta@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7888-5350>

For citation: Ponka T.I., Dkhar Anita P., Prashanta Dkhar. India – ASEAN: cultural aspect of cooperation. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 297–308. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-297-308

Культурная дипломатия имеет важное значение для развития отношений между государствами как на уровне официальных контактов, так и на уровне контактов между людьми. Так, в древние времена помимо государственных деятелей, торговцы, религиозные учителя, исследователи считались неформальными послами или культурными дипломатами своих земель. Точно так же культурная дипломатия в наше время практикуется посредством разнообразных культурных обменов, встреч делегаций различных секторов общества, спортивных соревнований и направлена на выстраивание межкультурного и межконфессионального понимания, способствующего социально-экономическому процветанию и гармонии.

Индия на протяжении веков была могущественной в экономическом, военном и культурном отношении державой на карте единой Азии. Вторая мировая война и раздел Индии в 1947 г. привели к разрыву традиционных культурных, этнических и экономических связей между Индией и Юго-Восточной Азией, а последствия «холодной войны» в азиатском регионе привели к образованию двух отдельных региональных блоков силы – Южной Азии и Юго-Восточной Азии.

Блок Юго-Восточной Азии быстро объединился в одностороннем порядке, сформировав в 1967 г. региональную интеграционную группу – Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В настоящее время АСЕАН является одним из самых быстро растущих и экономически успешных интеграционных объединений, включающей 10 стран: Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. В 2020 г. оценочный общий ВВП всех государств АСЕАН составил примерно 3,11 трлн долл. США¹, с населением, по данным на 2020 г., – 649 млн чел². Все это делает Ассоциацию привлекательной для сотрудничества, в частности, современная Индия, обладающая политическими амбициями выйти на глобальный уровень влияния, активно пытается развивать отношения с данной группой стран³.

Стоит отметить, что активизация связей Индии с АСЕАН произошла в период, когда в стране происходили экономические реформы и внешнеполитическое переориентирование. Последнее происходило в рамках политики «Смотри на Восток»,

введенной в действие в 1990-х гг. премьер-министром Н. Рао в рамках Доктрины Гуджрала, предусматривавшей активизацию деятельности на обширном пространстве к востоку от Индии, главным образом посредством либерализации экономических связей и укрепления дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии⁴. Результатами данной политики стало получение Индией статуса отраслевого партнера АСЕАН в 1992 г., в 1996 г. – партнера по диалогу, и в 2002 г. – партнера на высшем уровне⁵. В 2017 г. Индия и АСЕАН отметили 25-летие своего дипломатического партнерства, которое насчитывает 30 диалоговых механизмов между Индией и АСЕАН⁶. Можно сказать, что расширение сотрудничества в сторону АСЕАН открыло путь Индии на глобальный уровень собственного восприятия и породило определенные политические амбиции.

Что касается внешнеэкономических связей Индии с Юго-Восточной Азией, то в настоящее время данный регион стал крупнейшим экспортным рынком Индии. Более половины экспортных поставок приходится на ЮВА (в начале 2000-х гг. – только 40%)⁷. Также стоит отметить, что экономические связи имеют солидную договорную основу в виде двусторонних соглашений Индии с Сингапуром, Таиландом, Индонезией и Малайзией⁸.

Отношения между АСЕАН и Индией являются одним из краеугольных камней внешней политики Индии и политики «Действуй Восток», которая зиждется на трех столпах: политика и безопасность, экономика и социально-культурное сотрудничество⁹. Так, формат партнерских отношений между Индией и АСЕАН является многосторонним и включает сферы политического, экономического, военного и гуманитарного сотрудничества, которые министр иностранных дел Индии Сушма Сварадж объединила по названию «3С»¹⁰ (торговля, взаимосвязанность, культура)¹¹ в 2018 г. на открытии 5-го Круглого стола объединения аналитических центров АСЕАН в Индии, сделав акцент на укреплении безопасности на морском пространстве, торговле и инвестициях, образовании и культурном наследии стран¹².

Внешняя политика современной Индии под руководством Нарендры Моди, провозгласила лозунг «Действуй на Востоке», нацеленный на восстановление традиционных цивилизацион-

ных связей со странами Юго-Восточной Азии как продолжение или новый этап политики «Смотри на Восток». Также аналитики отмечают особый метод индийской дипломатии Н. Модии, основанный на принципе «*панчамрита*», который дополняет известные принципы «*панча шила*» Джавахарлала Неру и делает акцент на общность культур, ценностей и идей, в отличие от жесткой силы, основанной на военной силе¹³.

В частности, в рамках данной политики делается акцент на теории и исторические факты, свидетельствующие об отношениях Индии со странами Юго-Восточной Азии. Так, историки датируют начало контактов II тысячелетием до н. э. и приводят свидетельства правления индийцами государствами в этом регионе. Свидетельства, найденные в ЮВА, указывают на то, что контакты в тот период были основаны на торговле, обмене знаниями и политическом влиянии на страны региона со стороны индийцев¹⁴.

Существующая историческая связь между странами ЮВА и Индией способствует развитию отношений между штатами и городами на современном этапе. Так, главы индийского штата Бихар стремятся привлечь в Бодхгаю буддийских туристов из ЮВА. Образовательные связи с учеными и учреждениями в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии также могут быть расширены через Университет Наланда в Раджгире, возрожденный буддистский монастырь – университет, который уже называют одним из инструментов мягкой силы Буддизма Индии, деятельность которого направлена на воссоединение азиатских народов и обществ и воссоздание азиатских ценностей и этоса, на долгосрочное благо Азии и всего мира¹⁵. На практике, университет объединяет умы региона посредством организации тематических конференций¹⁶. Индия также предлагает стипендии студентам из стран АСЕАН для обучения в Университете Наланда¹⁷.

Мощный символ взаимодействия Индии и АСЕАН выражается в ассимиляции мифологии и фольклора эпоса Рамаяны. Различные формы Рамаяны, распространенные в регионе ЮВА, (Рамакиен в Таиланде, Пха Лак Пха Лам в Лаосе, Яма Затддо в Мьянме, Какавин Рамаяна в Индонезии или Хикаят Сери Рама в Малайзии), свидетельствуют об исторической связи стран. А

различные интерпретации Рамаяны через исполнительское искусство составляют общее материальное наследие государств. В рамках взаимодействия Индии и стран АСЕАН активно проводятся фестивали Рамаяны в Индии для демонстрации культурных интерпретаций Рамаяны в государствах ЮВА и Индии. Также демонстрируются сходства мудр (жестов рук) в танцевальных формах в ЮВА и Индии¹⁸.

В западной Индии такие штаты, как Раджастан, перенимают у Сингапура навыки развития туризма. Во время своего визита в Индию в октябре 2016 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун открыл Центр передового опыта по обучению туризму в Удайпурском университете Сукхадиа в Раджастане. Сингапур предоставил финансовую помощь инструкторам центра.

Торговые отношения между народами древней Ориссы и регионом ЮВА существует с давних времен, что находит свое подтверждение в эпиграфических источниках и современных произведениях искусства. Буддийские монахи и святые, а также индуистские религиозные лидеры участвовали в морских изысканиях в юго-восточных провинциях Суварнабхуми (Таиланд), Бали, Суматры и Индонезии. Основными портами, которые способствовали подобным обменам на побережье Ориссы, были Сисупалгарх, Джаугада, Тамралипти, Палур, Маникапатна и Калингапатнам (в современном Вишакхапатнаме)¹⁹.

Основываясь на данной исторической связи, штат Орисса традиционно поддерживает исторические связи с Индонезией. Каждый год в ноябре месяце празднуется «Бали Ятра» в ознаменование путешествий торговцев из Ориссы, которые перемещались на больших лодках под названием Бойта, на Бали, Яву, Суматру и Шри-Ланку²⁰.

Стоит отметить заслуги сообществ и историков ЮВА, в признании исторического наследия штата Ориссы. Необходимо отметить, что правительство штата сыграло важную роль в создании путей международного сотрудничества между ЮВА и штатом. В 2016 г. штат завершил переговоры на высшем уровне между Индонезией и Калингой, на которых была одобрена идея регионального сотрудничества через порт Парадип, в рамках расширения отношений между двумя регионами²¹.

В 2014 г. Правительство Индии и Министерство культуры Индии инициировали проект «Маусам», в основе которого заложена идея о том, что именно морская торговля через Индийский океан, открытая жителями Инда, способствовала обмену религиями, культурами и технологиями²². Слово «маусам» означает сезонные муссоны, которые моряки в древние времена использовали для быстрого пересечения Индийского океана, оставаясь в Индии в ожидании нового сезона муссонов²³. Данный проект призван восстановить связи Индии, как исторического центра торговли культурного транзита разных стран, с партнерами в Индийском океане от Восточной Африки, вдоль Аравийского полуострова, мимо южного Ирана до основных стран Южной Азии, а оттуда до Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии²⁴.

Проект направлен на дальнейшее развитие экономического, культурного, стратегического сотрудничества и взаимодействия в области безопасности с государствами региона, он предоставляет возможность для углубления отношений между Индией и странами АСЕАН. Некоторые из стран – Мьянма, Индонезия и Таиланд – граничат с восточной частью Индийского океана, Малайзия и Сингапур являются ключевыми заинтересованными сторонами проекта. Поэтому «Маусам» дополнит современный внешнеполитический курс в рамках политики «Действуй на Востоке».

В проекте «Маусам» отдельная роль отдается штату Орисса. Штат формирует политику в отношении религиозного и культурного туризма в качестве основного координационного центра с Юго-Восточной Азией²⁵. В контексте расширения политики «Действуй на Востоке» предусмотрено взаимодействие в сфере культурного обмена, искусства, ремесел и торговли, что укрепит связи Южной и Юго-Восточной Азии, в частности, и по древнему маршруту из Ориссы в ЮВА²⁶.

В настоящее время правительство Индии стремится расширять связи и других штатов со странами АСЕАН на уровне взаимодействия народов. Ведь, помимо северо-восточных штатов, некоторые части южной и восточной Индии имеют давние исторические связи, а также представительные диаспоры в странах ЮВА²⁷.

По официальным данным АСЕАН, за прошедшие годы социально-культурное сотрудничество между Ассоциацией и Индией расширилось, включив области развития человеческих ресурсов, развитие контактов между жителями государств, образования, здравоохранения, биоразнообразия, изменения климата и управления стихийными бедствиями. Все проекты сотрудничества финансируются Фондом АСЕАН-Индия и Зеленым фондом АСЕАН-Индия. Индия также активно участвует в реализации проектов и мероприятий, таких как Центры развития предпринимательства и Центры обучения английскому языку в Камбодже, Лаосе, Мьянме и Вьетнаме. В трех странах АСЕАН – Индонезии, Малайзии и Мьянме есть индийские культурные центры²⁸.

Продолжая развивать контакты между людьми, АСЕАН и Индия организуют регулярные программы, в частности, студенческих обменов АСЕАН–Индия, специальные курсы для дипломатов стран АСЕАН, диалог в Дели, Международная конференция по культурным и цивилизационным связям АСЕАН–Индия, Программа обмена специалистами из области СМИ, Молодежный саммит АСЕАН–Индия, Сеть аналитических центров АСЕАН–Индия и т.д.²⁹

Особое значение в рамках взаимодействия Индии с АСЕАН имеют саммиты АСЕАН–Индия, проходящие каждый год с 2012 г., когда сотрудничество приобрело стратегический характер³⁰. Так, на выставке АСЕАН в 2014 г. в рамках саммита в Най Пуй Тау в Мьянме, Н. Моди подчеркнул, что новая, растущая Индия, серьезно настроенная на вовлечение в широкую Восточную Азию, стремится к углублению своих отношений с АСЕАН, продвигая баланс, мир и стабильность в более широком регионе³¹. А уже на 13-м саммите АСЕАН–Индия, состоявшемся в Куала-Лумпуре 21 ноября 2015 г., лидеры АСЕАН приветствовали политику Индии «Действуй на Восток», отметив, что она может дополнить усилия по созданию сообщества АСЕАН. В связи с этим лидеры АСЕАН призвали Индию сотрудничать для реализации видения и целей, изложенных в документе «АСЕАН 2025: вместе двигаясь в будущее»³².

Кульминацией 25-ой годовщины диалогового партнерства между АСЕАН и Индией в 2018 г. стал юбилейный саммит в

Нью-Дели на тему «Общие ценности, общая судьба», включающий мероприятия региональной диаспоры в Сингапуре, молодежный саммит, музыкальный фестиваль, выставку художников, заходы в порт индийских военно-морских кораблей, встречу по укреплению сети аналитических центров, конференцию Дхарма-Дхамма, фестиваль стартапов, Глобальный саммит МСП, заседание Делового совета, фестиваль Рамаяна, кинофестиваль и т.д.³³. По итогам встречи была подписана Делийская Декларация, приоритетным направлением которой была указана региональная безопасность³⁴. Однако, необходимо отметить, что культурный аспект или аспект мягкой силы в отношениях формата АСЕАН–Индия могут считаться основой для стратегического партнерства в будущем. Индия стремится укрепить свои позиции в регионе, где сильно влияние и присутствие Китая. В основе сближения позиций Индии и стран АСЕАН схожие опасения по поводу растущей мощи Китая, ведь возрастающая экономическая зависимость от КНР вызывает у них желание найти другие точки опоры в регионе в целях сохранения своего суверенитета и обеспечения национальной безопасности³⁵. Как заявил на юбилейной встрече Ли Сянь Лун, премьер-министр Сингапура, «мы надеемся на то, что Индия внесет существенный вклад в региональное развитие в целях поддержания региональной архитектуры открытой, сбалансированной и исключаяющей дискриминацию»³⁶.

Культура является ключевым аспектом взаимодействия между Индией и АСЕАН ввиду общего исторического прошлого, культуры и знаний, ставших основой прочного фундамента отношений. Отмечая данный факт в преддверии Саммита АСЕАН–Индия в 2018 г., министр иностранных дел Сушма Сварадж отметила, что «культурные отношения Индии с Юго-Восточной Азией насчитывают века и служат живым связующим звеном между двумя регионами». «Несмотря на региональное разделение, Индия и АСЕАН имеют живую связь»³⁷.

В заключение авторы пришли к выводу, что культурное взаимодействие является существенным элементом для будущего стратегического взаимодействия в области региональной без-

опасности, а также фундаментом к достижению стратегических целей Индии в Индийском океане.

Примечание: Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (получатель Дхар А. П., анализ источников и литературы на иностранных языках). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—314—90004 (получатель Дхар А. П., исследование стратегии Республики Индия в рамках сотрудничества с АСЕАН).

Acknowledgments: This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program (recipient A. Dkhar, analysis of documental sources and scientific literature in foreign languages). The reported study was funded by RFBR, project number 20—314—90004 (recipient A. Dkhar, research of Indian strategy in ASEAN).

¹ Gross domestic product (GDP) of the ASEAN countries from 2010 to 2020 // Statista, 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/796245/gdp-of-the-asean-countries/>

² ASEAN - Association of Southeast Asian Nations // Country economy. URL: <https://countryeconomy.com/countries/groups/asean>

³ Володин А.Г. Индия и АТЭС: поле взаимного притяжения // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2012/08/29/india-i-ates-pole-vzaimnogo-pritjazhenia-16272.html>

⁴ Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АСЕАН: проблемы и перспективы. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/258/LEBEDEVA_3_2012.pdf

⁵ ASEAN-India Relations // Ministry of External Affairs of the Republic of India, 2017. URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/ASEAN_India_August_2017.pdf

⁶ Rupakjyoti Borah. Why It Matters That ASEAN Leaders Are Heading to India. // The Diplomat, 22.01.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/why-it-matters-that-asean-leaders-are-heading-to-india/>

⁷ Analysis of trade pattern between Indian and ASEAN// PHD Chamber of Commerce and Industry, 2018. URL: <https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2018/12/Analysis-of-Import-Pattern-of-ASEAN-Countries-April-2018.pdf>

⁸ Володин А.Г. Индия и АТЭС: поле взаимного притяжения...

⁹ Delhi Dialogue VIII: ASEAN-India Relations: A New Paradigm // IDSA, 17.02.2016. URL: <https://idsa.in/event/delhi-dialogue-viii>

¹⁰ Опри.: commerce, connectivity, and culture.

¹¹ Harsh V. Pant. The Future of India's Ties with ASEAN. // *The Diplomat*, 26.01.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-future-of-indias-ties-with-asean/>

¹² Swaraj's 3-C formula for ties with ASEAN: culture, commerce, connectivity // *Business Standard*, 06.01.2018. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/swaraj-s-3-c-formula-for-ties-with-asean-culture-commerce-connectivity-118010600452_1.html

¹³ Sabyasachi Biswal. Tapping into Soft Power Diplomacy in a World of Increased Regionalism: India, Southeast Asia, and the Missing Odisha Link // *Jindal Global University*, 12.03.2020. URL: <https://jgu.edu.in/jsia/tapping-into-soft-power-diplomacy-in-a-world-of-increased-regionalism-india-southeast-asia-and-the-missing-odisha-link/>

¹⁴ Interview with Dr. Binoda Kumar Mishra; Opportune Time to Act East // *Orissa Dairy*, 24.01.2018. URL: <https://orissadiary.com/interview-dr-binoda-kumar-mishra/>

¹⁵ Shantanu Kishwar. The Rising Role of Buddhism in India's Soft Power Strategy // *ORF Issue Brief*, 2018. URL: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2018/02/ORF_IssueBrief_228_Buddhism.pdf

¹⁶ Sushma Swaraj. Identify new areas of nurturing India, ASEAN relations // *Business Standard*, 14.01.2018. URL: https://www.business-standard.com/article/opinion/identify-new-areas-of-nurturing-india-asean-relations-118011300770_1.html

¹⁷ Shantanu Kishwar. The Rising Role of Buddhism in India's Soft Power Strategy...

¹⁸ Sushma Swaraj. Identify new areas of nurturing India, ASEAN relations...

¹⁹ Act East: India ASEAN shared cultural heritage // *Research and Information system for developing countries*, 2019. URL: https://aic.ris.org.in/sites/default/files/Publication%20File/ASEAN%20%E2%80%93%20India%20Shared%20Cultural%20Heritage_SECURE-web_0.pdf

²⁰ Interview with Dr. Binoda Kumar Mishra; Opportune Time to Act East...

²¹ Tridivesh Singh Maini. How India's State Governments Boost Outreach to South-east Asia // *The Diplomat*, 14.07.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/how-indias-state-governments-boost-outreach-to-southeast-asia/>

²² Sabyasachi Biswal. Tapping into Soft Power Diplomacy in a World...

²³ Rajiv Ranjan. Cultural Aspect of Belt and Road Initiative and Project Mausam: Strategy for Engagement. — *China Academic Journal*. 2017. №12.

²⁴ Mausam: Maritime Routes and Cultural Landscapes // *Ministry of Culture of the Republic of India*. URL: <https://indiaculture.nic.in/project-mausam>

²⁵ Odisha to woo tourists from Southeast countries // *Business Standards*, 01.11.2014. URL: https://www.business-standard.com/article/pti-stories/odisha-to-woo-tourists-from-southeast-countries-114110100339_1.html

²⁶ Sabyasachi Biswal. Tapping into Soft Power Diplomacy in a World...

²⁷ Tridivesh Singh Maini. How India's State Governments Boost Outreach to South-east Asia // *The Diplomat*, 14.07.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/how-indias-state-governments-boost-outreach-to-southeast-asia/>

²⁸ Harsh V. Pant. The Future of India's Ties with ASEAN. // *The Diplomat*, 26.01.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-future-of-indias-ties-with-asean/>

²⁹ ASEAN-India dialogue relations // ASEAN, 2019. URL:

<https://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-India-as-of-July-2019-fn.pdf>

³⁰ Vision Statement ASEAN India Commemorative Summit // ASEAN, 2012. URL: <https://asean.org/vision-statement-asean-india-commemorative-summit/>

³¹ The Hindu (2014) India, ASEAN can be 'great partners': Modi, November 2014 (Online) Available at: <http://www.thehindu.com/news/national/india-asean-can-be-great-partners-modi/article6590328.ece>

³² ASEAN 2025: Forging Ahead Together. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. // <http://www.asean.org/storage/2015/12/ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-final.pdf>

³³ India-ASEAN Relations // Ministry of External Affairs of the Republic of India, 2018. URL: <http://mea.gov.in/aseanindia/20-years.htm>

³⁴ Delhi Declaration of The ASEAN-India Commemorative Summit to Mark The 25th Anniversary of ASEAN-India Dialogue Relations // ASEAN, 2018. URL: <https://asean.org/delhi-declaration-of-the-asean-india-commemorative-summit-to-mark-the-25th-anniversary-of-asean-india-dialogue-relations/>

³⁵ India Should Play Bigger Role in South China Sea, Says Singapore // Bloomberg, 16.03.2015. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-16/india-should-play-bigger-role-in-south-china-sea-says-singapore>

³⁶ Рогожина Н.Г. Индия и АСЕАН - новый этап сотрудничества // ИМЭМО РАН, 02.02.2018. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-asean-noviy-etap-sotrudnichestva?ret=640>

³⁷ Kallol Bhattacharjee. India, ASEAN cultural ties a living link: Sushma Swaraj // *The Hindu*, 23.01.2018. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-asean-cultural-ties-a-living-link-sushma-swaraj/article22500069.ece>

Москалев Петр Эдуардович

ассистент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия, Санкт-Петербург,

p.moskalev@spbu.ru,

<http://orcid.org/0000-0002-2749-8246>

О КИТАЙСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ БЫВШЕГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТАИЛАНДА ТАКСИНА ЧИНАВАТА

Аннотация: В статье рассказывается об отдельных фактах биографии бывшего премьер-министра (2001–2006) и одного из самых богатых бизнесменов в истории Таиланда – Таксина Чинавата. Анализируется история его семьи, с момента иммиграции в Таиланд из Китая его прадеда в конце XIX в. и до момента досрочного прекращения премьерских полномочий самим Таксином в результате военного переворота в 2006 г.

Ключевые слова: Таиланд, Таксин Чинават, зарубежные китайцы, биография

Для цитирования: Москалев П.Э. О китайском происхождении бывшего премьер-министра Таиланда Таксина Чинавата // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 309–318. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-309-318

On the Chinese Origins of the Former Thai Prime Minister Thaksin Shinawatra

Abstract: The article is dedicated the certain aspects of the biography of Thaksin Shinawatra – a former Prime-Minister of Thailand (2001–2006) and one of the wealthiest businessmen in the history of Thailand are described. The history of his family is told from the moment

of the arrival of his great-grandfather from China to Thailand, up to the moment when Thaksin was forced to step down from office as a result of the coup d'état in 2006.

Keywords: *Thailand, Thaksin Shinawatra, Chinese overseas, biography*

Petr E. Moskalev, Assistant, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, p.moskalev@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2749-8246>

For citation: Moskalev P.E. On the Chinese Origins of the Former Thai Prime Minister Thaksin Shinawatra. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 309–318. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-309-318

К концу 1990-х гг. в тайландском обществе наблюдалось укрепление либерально-демократических настроений, появилось нескольких новых политических партий демократического толка. Среди них наибольшее общественное влияние быстро приобрела партия «*Тхай Рак Тхай*» («*TPT*») (тайск. ไทยรักไทย), название дословно можно перевести, как «Тайцы любят тайцев», основанная зарубежным китайцем Таксином Чинаватом (тайск. ยิ่งลักษณ์ ชินวัตร, родился в 1949 г.) в июле 1998 г. Важную роль в росте популярности партии «*TPT*» в Таиланде на рубеже XX–XXI вв. сыграла сама личность ее основателя – харизматичного и успешного предпринимателя, одного из богатейших людей в стране.

Прадед Таксина по имени Ху Чуньсэнь (кантонский диалект – Сэнг Саи Кху) был китайцем субэтнической группы «хакка». Он иммигрировал в Сиам из провинции Гуандун в конце 1860-х гг. в возрасте 10–12 лет, возможно в сопровождении отца, или другого старшего родственника¹. Подобно большинству китайских иммигрантов, прибывавших в Сиам в те годы, прадед Таксина приехал, фактически не имея каких-либо средств к существованию и, скорее всего, был устроен работать по найму, в качестве чернорабочего.

О первых годах пребывания Ху Чуньсэня в Сиаме не сохранилось подробностей, однако известно, что к 1890 г. он

уехал из Бангкока и поселился в небольшом портовом городе Чантхабури (тайск. จันทบุรี) на северо-восточном побережье Сиамского залива. Там он получил государственную лицензию на сбор налогов с игорных домов и женился на местной девушке по имени Тхонгди. Лицензия на сбор налогов стоила довольно дорого, так что, вероятно, примерно за 20 лет пребывания в Сиаме Ху Чуньсэну удалось скопить весьма приличный начальный капитал. Зарубежные китайцы в то время часто стремились открыть собственный малый бизнес, как правило, в сфере торговли, но по мере того, как в Бангкок стекалось все больше иммигрантов из-за рубежа, а также росла внутренняя миграция из сиамских провинций в город, росла и конкуренция, поэтому, некоторые зарубежные китайцы уезжали из сиамской столицы в провинциальные центры для дальнейшего развития своего бизнеса в условиях меньшей конкуренции. Вполне вероятно, что подобными соображениями руководствовался и прадед Таксина, когда переезжал из Бангкока в Чантхабури.

На рубеже XX в. лицензия прадеда Таксина на сбор налогов в Чантхабури истекла, и он вернулся в Бангкок, поселившись в части местного китайского квартала, где располагался рынок – в районе «Талат Ной» (тайск. ตลาดน้อย), и несколько лет занимался торговлей. Около 1908 г. он опять покинул Бангкок, на этот раз, отправившись на север страны – в Чиангмай. В Чиангмае Ху Чуньсэну вновь удалось получить лицензию на взимание налогов с игорных домов.

В литературе представлены две версии того, как прадеду Таксина удалось получить эту лицензию в Чиангмае. Согласно одной из них, в 1908 г. Ху Чуньсэн и его жена Тхонгди получили добрую весть от одного из родственников Тхонгди – этнического тайца из Чантхабури, о том, что другой их родственник, служивший в то время высокопоставленным чиновником в Бангкоке сумел добиться для Ху Чуньсэна новой лицензии на взимание налогов в Чиангмае. Тот же родственник рекомендовал супругам отправиться в Чиангмай, а не оставаться в Бангкоке, указывая на то, что многие китайские торговцы с семьями уже переехали на север и разбогатели на новом месте².

По другой версии, Ху Чуньсэн переехал в Чиангмай по собственной инициативе и стал сборщиком налогов под patro-

нажем некоего Ма Никхонпхана – крупнейшего сборщика налогов в северном Сиама в начале XX в., которого также описывают, как щедрого мецената и покровителя китайской общины Чиангмая³.

Исторически, Чиангмай не был частью Сиам, там правили местные королевские династии, но начиная с 1870-х гг. сиамские короли постепенно начали оказывать все большее влияние на этот северный регион, а в 1898 г. король Чулалонгкорн окончательно установил там свою власть, отправив для управления Чиангмаем наместника из Бангкока. Вслед за этим в Чиангмай хлынул поток китайских откупщиков и торговцев из столицы, рассчитывавших получить прибыль в сотрудничестве с новой властью. Прадед Таксина оказался в их числе.

В 1910 г. жена Ху Чуньсэна скончалась, после этого прадед Таксина переехал в поселение Санкампахэнг (*тайск.* สันกำแพง), в пригороде Чиангмая, являвшееся в то время оживленным центром караванной торговли в регионе⁴. Ху Чуньсэна приобрел там участок земли размером в 3 «рая»^b и занялся караванной торговлей с Бирмой и Китаем.

У Ху Чуньсэна было шесть детей от первой жены, и еще трое от второй жены. Старшего из них – деда Таксина Чинавата звали Чианг, он родился в 1890 г., когда семья еще проживала в Чантхабури. Когда Ху Чуньсэна вернулся в Бангкок, Чиангу было около 15 лет, и он был отправлен учиться в одну из самых престижных миссионерских школ – «Школу Успения Богородицы», пользовавшуюся популярностью среди зажиточных зарубежных китайцев Бангкока в начале XX в.

Неясно, переехал ли Чианг вместе с родителями в Чиангмай изначально – в 1908 г., или же он был вызван туда отцом после смерти матери, в любом случае, в начале 1910-х гг. дед Таксина оказался в Санкампахэнге. Там Чианг женился на дочери господина Мун Сомна – крупного землевладельца и караванного торговца. Семейный бизнес, заключавшийся в караванной торговле с китайцами, бирманцами и шанами развивался

^b Рай (*тайск.* ไร่) — единица измерения площади, равная 1600 м² (40 м × 40 м), используется в Таиланде для измерения земельных участков. Рай не входит ни в метрическую систему мер, ни в систему СИ, его точное значение рассчитывается, исходя из метра.

успешно. Караваны, запряженные лошадьми и буйволами, прибывали из Юньнани и горных Шанских владений в Санкампахэнг преимущественно в «прохладный сезон», то есть с ноября по февраль.

Со временем дед Таксина, скупавший необработанный шелк в Бирме, наладил его обработку и окраску в северном Сиаме, после чего, шелк экспортировался обратно в Бирму, но уже в виде готовых «саронгов»^с. Этот бизнес положил начало новому витку процветания семьи Чинаватов в XX в.

В начале XX в. Чиангмай представлял собой отдаленную и труднодоступную провинцию Сиам, путешествие туда из Бангкока занимало в среднем 3 месяца⁵. Однако после завершения строительства железной дороги, соединившей столицу и север страны в 1921 г., ситуация изменилась. Установление железнодорожного сообщения привело, в частности, к тому, что торговля и производство на севере страны очень быстро переориентировались на более емкий столичный рынок сбыта. Старые караванные трансграничные связи с Китаем и Бирмой постепенно утрачивали былую привлекательность для торговцев северного Сиам. Дед Таксина Чинавата сумел удачно приспособиться к изменившимся условиям ведения бизнеса, начав поставки своих изделий из шелка в Бангкок.

В отличие от некоторых других семей зарубежных китайцев в Таиланде, ни сам основатель семьи – Ху Чуньсэнь, ни кто-либо из его детей и внуков, не стремились поддерживать тесные контакты с Китаем. В частности, отсутствуют сведения о том, что хоть кто-то из семьи посещал Китай. Как прадед, так и дед Таксина женились на тайских девушках. Однако вплоть до 1938 г. семья продолжала использовать китайскую фамилию – Ху, 17 октября 1938 г. старший сын Чианга по имени Сак зарегистрировал тайскую фамилию – Чинават, которую выбрал сам⁶. С тайского языка эта фамилия может быть переведена, как «творящий добро». С тех пор, все потомки Ху Чуньсэня носили новую тайскую фамилию, а также сделали ее названием своего семейного бренда по производству продукции из шелка⁷.

^с Саронг (от *индон.* sarung) – традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании.

Отец Таксина – Лет Чинават (тайск. เลิศ ชินวัตร 1919–1997) был четвертым сыном Чианга, с 1969 по 1971 г. он занимал должность депутата Чиангмайского провинциального парламента, однако большую часть жизни он посвятил не политике, а бизнесу. В частности, он занимался организацией строительства энергоперерабатывающих заводов в разных провинциях Таиланда, владел долями в сельскохозяйственных предприятиях по выращиванию мандаринов и гуавы, кроме того, ему принадлежали несколько кинотеатров в Чиангмае⁸.

Семья Чинаватов так никогда и не стала полностью ассимилированной в тайландском обществе, и именно поэтому их и возможно считать яркими представителями семьи зарубежных китайцев в истории Таиланда. Сам Таксин никогда не скрывал, а наоборот, часто подчеркивал свое китайское происхождение и тесные связи с китайской общиной Чиангмая⁹. Таксин является, вероятно, одним из наиболее известных политических деятелей – зарубежных китайцев современного Таиланда.

Будущий премьер-министр Таиланда – Таксин родился в Санкамхэнге 26 июля 1946 г. В возрасте 15 лет он переехал в Чиангмай, чтобы учиться в престижной частной школе Монгфот. Он продолжил получать образование в подготовительной военной академии в Накхоннайоке, после чего был принят в качестве студента в полицейскую кадетскую академию. По выпуску из академии в 1973 г. Таксин стал работать в полиции.

Вскоре после этого он уехал учиться в магистратуре Университета Кентукки в США. В 1975 г. Таксин получил степень магистра уголовной юстиции, еще три года спустя – степень доктора уголовной юстиции в Университете Сэма Хьюстона. Вернувшись в Таиланд, Таксин возобновил работу в полиции, занимал руководящие должности и дослужился до звания лейтенант-полковника полиции. В 1987 г. он, однако, принял решение оставить службу, и полностью посвятить себя занятию бизнесом.

Еще в апреле 1986 г. он учредил компанию *Advanced Info Service (AIS)*, изначально занимавшуюся торговлей компьютерной техникой и программным обеспечением. В 1989 г. Таксин учредил телекоммуникационную компанию – *IBC*. Таксин сумел добиться значительных успехов в предпринимательской дея-

тельности, поскольку в 1995 он занял 18-ое место в списке богатейших людей мира¹⁰.

Политическая карьера Таксина началась в 1994 г. Он получил посты министра иностранных дел и вице-премьера в правительстве Тямлонга Симуанга (1994–1995).

Программа собственной партии Таксина – («*TPT*») с самого начала ее деятельности в 1998 г. заключалась в стремлении восстановить устойчивые и высокие темпы роста национального ВВП, наблюдавшиеся до экономического кризиса 1997 г. Партия также выступала за развитие самодостаточной национальной экономики, что подразумевало ориентацию на импортозамещение, и за всестороннее повышение имиджа Таиланда на международной арене. Такой политический курс нашел на рубеже XX–XXI вв. широкую поддержку самых разных слоев населения Таиланда. Среди жителей страны в то время были сильны патриотические и протекционистские настроения, многие возлагали ответственность за кризис 1997 г. на иностранных партнеров предыдущих правительств.

Рост популярности Таксина Чинавата в Таиланде, а также усиление влияния его политической партии, привели к тому, что на парламентских выборах в январе 2001 г. «*TPT*» одержала уверенную победу, лишь немного не добрав голосов для завоевания абсолютного большинства в высшем выборном органе власти страны. С 1979 г. ни одной политической партии в Таиланде не удавалось набрать достаточно голосов, чтобы получить хотя бы 1/3 всех мест в парламенте¹¹.

В феврале 2001 г. Таксин был избран новым премьер-министром страны. Он сформировал правительство, в состав которого в основном вошли представители крупного бизнеса¹². Хотя эти люди и раньше так или иначе оказывали влияние на принятие политических решений в государстве, но никогда прежде в истории они не становились непосредственно у руля управления страной, в основном предпочитая оставаться «в тени» политической жизни таиландского общества.

Таксин одержал уверенную победу на выборах, сделав ставку на представление интересов электората, проживавшего в сельской местности, то есть большинства населения страны. Это стало новой тенденцией в таиландской политике в XXI в., преж-

де кандидаты на пост премьер-министра никогда напрямую не апеллировали к интересам сельских жителей, ориентируясь, в основном, на привлечение на свою сторону населения столицы¹³.

Зарубежная пресса единодушно называла программу партии Таксина Чинавата «популистской». Появление такого политика в Таиланде в начале XXI в. стало принципиально новым явлением для страны, достаточно сказать, что до 2001 г. в тайском языке даже не существовало специального термина, который бы отражал понятие «популизма», как политической идеологии¹⁴. Некоторые тайландские ученые-политологи в то время специально начали печатать статьи в научных журналах, раскрывавшие теоретическую базу этого нового политического курса для тайландской общественности¹⁵.

В течение первого года пребывания на посту премьер-министра Таксин Чинават сумел претворить в жизнь большую часть своих предвыборных обещаний¹⁶. В середине 2002 г., в одном из интервью, он прямо говорил о том, что рассчитывает занимать высший руководящий пост в государстве еще по крайней мере один четырехгодичный срок. До Таксина ни один гражданский премьер-министр в истории Таиланда не занимал этот пост более одного срока подряд.

Хотя популярность Таксина среди сельского населения оставалась высокой, в крупных городах, и прежде всего в Бангкоке, политика премьера постепенно стала вызывать все большее недовольство. Таксина критиковали в связи с попытками скрывать информацию о вспышках птичьего гриппа, жестокими методами борьбы с преступностью, а также неспособностью эффективно противостоять начавшемуся в 2004 г. вооруженному восстанию мусульман на юге страны. Тем не менее, на очередных парламентских выборах, прошедших в феврале 2005 г. партия Таксина одержала даже еще более крупную победу, чем четырем годами ранее.

Однако Таксину все же не суждено было удержат премьерское кресло до конца еще одного четырехлетнего срока. Большое возмущение тайландской общественности вызвала сделка по продаже доли в семейном холдинге Чинаватов «*Shin Corp*» сингапурским инвесторам, заключенная в январе 2006 г.

родственниками премьера. По мнению критиков Таксина, при этом имело место уклонение от уплаты налогов, а стратегически важное для государственной экономики предприятие оказалось под контролем иностранцев. Это в корне расходилось с заявлениями Таксина о необходимости отстаивания национальных интересов Таиланда в сфере экономики¹⁷.

На фоне значительно усилившейся общественной критики в адрес правительства, 24 февраля 2006 г. Таксин объявил о роспуске парламента. 2 апреля 2006 г. в Таиланде прошли внеочередные парламентские выборы. Оппозиция их бойкотировала, и партия Таксина одержала новую крупную победу. В стране начались массовые демонстрации протеста, формирование правительства оказалось невозможным. Через два дня после проведения выборов Таксин заявил о том, что не будет официально вступать в должность премьер-министра до тех пор, пока не будет сформирован новый парламент, но продолжит временно исполнять обязанности главы правительства. На середину октября были намечены новые парламентские выборы, которым не суждено было состояться.

19 сентября 2006 г. в Таиланде произошел очередной, 18 по счету с 1932 г., военный переворот после пятнадцатилетнего перерыва. Действие Конституции было приостановлено. Военные объявили о временном закрытии границ с соседними странами, ввели ограничения на работу СМИ и запретили собираться группами более пяти человек¹⁸. Во время совершения переворота Таксин находился с рабочим визитом в Нью-Йорке, принимая участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 21 сентября 2006 г. он из своего дома в Лондоне обнаружил заявление, в котором призвал к скорейшему проведению демократических выборов в Таиланде. Сообщив, что сам он намерен отдохнуть от политики¹⁹.

В мае 2007 г. партия *«Тхай Рак Тхай»* была распущена по решению Конституционного суда Таиланда²⁰. Когда 28 февраля 2008 г. Таксин Чинават вернулся в Таиланд, он сразу же был арестован, ему предъявили обвинения в коррупции и злоупотреблении властью, но он был отпущен на свободу под залог. Нарушив условия выхода под залог, Таксин бежал за границу. С тех пор он так ни разу и не возвращался в Таиланд, однако, он

до сих пор остается одним из богатейших зарубежных китайцев родом из Таиланда.

¹ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 26.

² Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 28.

³ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 28.

⁴ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 28.

⁵ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 31.

⁶ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 33.

⁷ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 33.

⁸ นักการเมืองท้องถิ่นจังหวัดเชียงใหม่, กรุงเทพฯ : สถาบันพระปกเกล้า. 2551. (Местные политики провинции Чиангмай. Бангкок: Институт имени короля Прачатипока. 2008). С. 20–21.

⁹ Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд. Тенденции политического развития (1980–2000). С. 210.

¹⁰ Свергнутый тайский премьер. Биография Таксина Чинавата. (дата публикации: 20.09.2006) / РИА Новости, URL: <http://ria.ru/spravka/20060920/54101863.html>

¹¹ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 9

¹² Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 8.

¹³ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 8.

¹⁴ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 8.

¹⁵ เกษียร เตชะพีระ ปีศาจประชานิยมและหน้าผาการคลังของอเมริกา / Касиен Течапхира. Писатпраща-нийом лэ напхакканклангкхонгамерика / Касиен Течапхира. Призрак популизма и фискальный обрыв Америки. 07.01.2013, URL: <http://www.blogazine.pub/blogs/kasian/post/3888>

¹⁶ Baker C., Pasuk P. Thaksin. P. 9

¹⁷ Свергнутый тайский премьер. Биография Таксина Чинавата. / РИА Новости, 20.09.2006, URL: <http://ria.ru/spravka/20060920/54101863.html>

¹⁸ Король Таиланда поддержал лидера путча. / Интернет-сайт информационного агентства «BBC», 20.09.2006. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_5362000/5362910.stm

¹⁹ Власть в Таиланде перешла в руки военных / Интернет-сайт британского информационного агентства «BBC». 20.09.2006. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_5361000/5361164.stm

²⁰ The Party is Over. / The Economist, 31.05.2007. URL: <http://www.economist.com/node/9261765>

Карпова Саяна Олеговна

аспирант, Институт стран Азии и Африки

МГУ им. М. В. Ломоносова

Россия, Москва,

sayanaka@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-0608-7536>

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ТАЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Отношения между Таиландом и Китаем насчитывают несколько столетий. В течение долгой истории для них были характерны как тесное взаимовыгодное сотрудничество, так и периоды острой конфронтации. В статье предлагается периодизация тайско-китайских отношений, рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на эволюцию межгосударственных контактов на том или ином этапе, а также анализируются общие принципы сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: Таиланд, Китай, периодизация, международные отношения

Для цитирования: Карпова С.О. К вопросу об этапах развития тайско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 319–332. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-319-332

On the Stages of Development of Thai-Chinese Relations

Abstract: Relations between Thailand and China have lasted for several centuries. Over a long history, they have been characterized by both mutually beneficial cooperation and periods of acute confrontation. The article proposes the periodization of Thai-Chinese relations, examines the main factors influencing the evolution of interstate con-

tacts, and analyzes the general principles of cooperation between the two countries.

Keywords: *Thailand, China, periodization, international relations*

Karpova Sayana Olegovna, post-graduate student Institute of Asian and African Studies Moscow State University M.V. Lomonosov, Russia, Moscow, sayanaka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0608-7536>

For citation: Karpova S.O. On the Stages of Development of Thai-Chinese Relations. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 319–332. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-319-332

В последние десятилетия КНР расширяет свое присутствие в Юго-Восточной Азии и активизирует отношения со всеми странами региона, в том числе и с Таиландом. Между странами происходят регулярные обмены визитами на государственном уровне, увеличивается торговый оборот, наращиваются взаимные инвестиции, развивается сотрудничество в военной области и в сфере новейших технологий. История контактов между двумя странами насчитывает много столетий и в ней можно выделить несколько этапов: с середины XIII в. до конца XVIII в., с конца XVIII в. до 1932 г., с 1932 до 1975 г., с 1975 до 1991 г., с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Первый этап совпадает со временем существования ранних тайских королевств – Сукхотхая (1238–1378 гг.) и Аютии (1350–1767 гг.). К этому времени относятся первые официальные контакты и начало миграции китайцев на территорию тайских государств.

Принято считать, что дипломатические отношения с империей Юань были установлены легендарным тайским королем Рамой Кхамхенгом в конце XIII в. Согласно официальной тайской историографии, правитель Сукхотая дважды посетил Пекин и даже привез из Китая мастеров, которые основали в королевстве производство фарфора¹. Однако факт отправления в

XIII в. посольств в Китай остается спорным^b. Первые достоверные сведения о наличии межгосударственных связей относятся только к XIV в.

Позже правители Аютии каждые три года направляли посольства с подарками китайскому императору. Важнейшая особенность тайско-китайских отношений на раннем этапе связана с особым взглядом китайцев на место и роль Китая в регионе. Любые иностранные государства рассматривались как вассальные – реальные или потенциальные. Поэтому на протяжении долгого периода отношения между тайскими государствами и Китайской империей понимались императорами как вассально-подданнические². В то же время, в тайских источниках нет сведений о признании тайской стороной сюзеренитета Китайской империи. Короли Аютии, скорее всего, видели в такой системе отношений между правящими домами исключительно выгодную торговлю.

Внешняя торговля, на которую к этому времени была установлена государственная монополия, являлась главным источником пополнения казны. Аютия привлекала торговцев из многих стран Ближнего и Дальнего Востока. В столице образовались слободы по национальному признаку – японские, индийские, арабские, португальские. Одной из крупнейших была китайская. Поток иммигрантов из империи постоянно рос. Во многом это было связано с ситуацией внутри Китая. Обезземеливание крестьян, частые засухи и голод приводили к тому, что многие китайцы были вынуждены эмигрировать в поисках земли и работы. В то же время, начиная с XIV в. правители династии Мин (1368–1644 гг.) стали законодательно ограничивать эмиграцию. Императоры династии Цин (1644–1911 гг.) продолжили эту политику, введя запрет на возвращение в Китай под страхом смертной казни. Покинувшие империю расценивались как предатели³. Сложность возвращения на родину приводила к разрастанию китайской общины в Аютии.

В королевстве китайцы занимали те экономические ниши, которые не были освоены местным населением. Они становились

^b Сведения об этом содержатся лишь в одном источнике. До сих пор не найдено подтверждений как реальности существования самого Рамы Кхамхенга, так и свидетельств установления им контактов с империей.

лись торговцами, ремесленниками, работали по найму в порту, выращивали на продажу овощи и фрукты. Благодаря навыкам кораблестроения, умению вести торговые операции и связям с Китаем их привлекали к государственной службе. К XV в. в ведомстве, занимавшемся торговлей с Китайской империей — *кром тха сай* («кром торговли на Восток»), подавляющую часть служащих составляли выходцы из Поднебесной⁴. Некоторым из них удалось достичь высокого положения в тайском обществе и получить аристократические титулы.

Следующий этап развития тайско-китайских отношений приходится на раннебангкокский период. Характер контактов определялся новыми факторами — экспансией европейских держав и внутренними изменениями в обеих странах.

В начале XIX вв. проникновение европейцев в Юго-Восточную Азию и ослабление влияния Китая коренным образом изменили расстановку сил в регионе. Сиам^с стал все больше ориентироваться на Запад и тайские короли начали отходить от традиционной модели государственного устройства⁵. Последнее официальное посольство с подарками китайскому императору было отправлено в 1853 г. В 1882 г. правительство Сиам отказалось поддерживать такую форму отношений, рассматривая её как пережиток прошлого, заявив, что отныне признаёт лишь европейскую систему международных связей⁶. Официальные контакты между двумя государствами прервались более чем на 60 лет.

В то же время Китайская империя оставалась главным поставщиком рабочей силы. Во время строительства новой столицы для тайских королей оказалось намного выгоднее нанимать китайцев, чем использовать подневольный труд тайских крестьян. По сообщению английского дипломата Джона Кроуфорда, мигранты были «наиболее ценным импортом из Китая в Сиам»⁷. Согласно оценкам французского миссионера Паллегуа, в середине XIX в. китайцы составляли практически половину населения Бангкока. К тому же в 1893 г. Китайская империя сняла запрет на эмиграцию⁸. Это способствовало еще большему росту миграционного потока. Нет точных данных о масштабах имми-

^с Название тайского государства с 1855 г.

грации, но по мнению тайской исследовательницы Пхасук Пхонгпхайчит, с 1882 по 1910 гг. в Сиама прибыло около 1 млн человек, 370 тыс. из которых остались в королевстве⁹.

Реформы Рамы V (1868–1910 гг.) стимулировали создание новых отраслей экономики и развитие предпринимательства. В новой ситуации китайцы начали расширять сферы деятельности – от рисоружек и разработки оловянных рудников до выращивания табака и содержания игорных домов. К концу XIX в. китайцы практически монополизировали внутреннюю торговлю, сферу сбора налогов, заняли лидирующие позиции в промышленном производстве. Таким образом, с конца XIX в. – начала XX в. именно за счет китайцев стали формироваться новые социальные группы — наемные работники и буржуазные слои.

В отличие от тайского населения в китайской общине стала наблюдаться некоторая политизация. Обострение социальных, политических и экономических проблем, недовольство цинским правительством вызвали подъем революционных движений в империи. Это сказалось на политических настроениях китайских иммигрантов, проживающих в Сиаме. В их среде на рубеже XIX – XX вв. широкое распространение получили националистические идеи Сунь Ятсена. В начале XX в. в Бангкоке, а затем и в других городах страны, были созданы отделения Тунмэнхоя, китайской революционной организации¹⁰.

В тот же период в Бангкоке стали выпускаться первые газеты на китайском языке. Они публиковали материалы о событиях в Китае и содержали статьи антимонархического характера, что во многом способствовало поднятию революционных настроений в среде китайцев в Сиаме¹¹. Подобная политизированность некоторых групп китайских иммигрантов вызывала опасения правительства, которое боялось распространения революционных настроений в тайском обществе. Когда в 1908 г. Сунь Ятсен посетил Бангкок, чтобы встретиться с представителями сиамского отделения Тунмэнхуэя, местные власти потребовали от него покинуть страну в течение недели¹².

Одновременно с подъемом националистических настроений в китайской среде в Сиаме также начинался процесс поиска национальной идентичности. В период правления королей Ра-

мы V и Рамы VI (1910–1925 гг.) новое национальное государство создавалось на базе тайской этничности¹³. В этой ситуации китайцы стали позиционироваться как чужеродный элемент, угрожающий внутренней стабильности королевства. В частности, Вачиравуд (Рама VI) первым обозначил китайцев как врагов нации. В своих публицистических и драматургических произведениях он обвинял их в нежелании ассимилироваться в тайском обществе, в паразитировании на сиамской экономике и опасных политических взглядах¹⁴.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. китайская община сыграла важную роль в социально-экономическом развитии страны, став источником формирования новых социальных групп. Вместе с тем, растущая политизированность определенной части китайской общины делала из нее врага для тайского правительства.

Новый этап начался с государственного переворота 1932 г. и продолжался до установления официальных дипломатических отношений между Таиландом и Китайской Народной Республикой в 1975 г. Главной характеристикой этого периода стала антикитайская политика тайских властей. Военные правительства начали культивировать созданный ранее негативный образ местных китайцев, а образованную в 1949 г. Китайскую Народную Республику стали позиционировать как наиболее опасного внешнего врага.

Сменяющие друг друга авторитарные военные режимы видели в любой политической активности угрозу внутренней стабильности государства^d. Особенно большие опасения им внушали действующие в королевстве ячейки партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая (КПК). Несмотря на то, что их члены были заняты исключительно событиями в Китае, в 1933 г. в королевстве был принят антикоммунистический закон¹⁵. Этот закон трактовался настолько широко, что любой по-

^d В большинстве своем пассивное, тайское общество не представляло угрозы для набиравшего силы военного режима премьер-министра Пхибуна Сонгкхрама. Сам выходец из среды китайских иммигрантов, Пхибун видел, что наиболее благодатной почвой для развития оппозиции может быть только китайская община. Богатые и образованные, китайцы имели возможность стать влиятельной политической силой.

литический активист мог быть привлечен к суду по обвинению в коммунистической пропаганде. Кроме этого закон стал частью протекционистской политики правительства, которое хотело создать сильный государственный сектор в экономике страны в противовес китайскому капиталу. На его основании можно было свободно закрывать любые китайские предприятия, запрещать финансовые сделки и арестовывать имущество богатых китайцев.

Жесткая политика премьер-министра Пхибуна Сонгкхрама (1938–1944 гг., 1948–1957 гг.) вызвала обеспокоенность со стороны властей Китайской Республики. В 1939 г. правительство генерала Чан Кайши выступило с официальным обвинением в адрес тайских властей в дискриминации китайцев. В ряде официальных обращений было высказано недовольство закрытием китайских школ, арестами китайцев и приостановлением переводов денежных средств за границу через китайские банки в Таиланде¹⁶.

Лидеры Гоминьдана неоднократно призывали тайландское правительство к установлению официальных отношений. В отличие от других стран региона, Таиланд отказывался налаживать дипломатические контакты с республикой и пошел на этот шаг лишь в 1946 г.¹⁷

Либерализация внутренней и внешней политики в послевоенный период закончилась после возвращения к власти Пхибуна Сонгкхрама. Он возобновил репрессии в отношении местного китайского населения. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Таиланд не признал новое государство и сохранил официальные отношения с гоминьдановским правительством на Тайване. Кроме того, в условиях начавшейся холодной войны отношение Таиланда к КНР во многом стало определяться антикоммунистической борьбой в ЮВА, которая велась США.

Для Таиланда участие в этой борьбе на стороне Вашингтона было обусловлено различными факторами. С 1942 г. в королевстве действовала Коммунистическая Партия Таиланда (КПТ), созданная на базе сиамского отделения КПК¹⁸. Несмотря на то, что партия была малочисленной, состояла из этнических китайцев и не оказывала практически никакого влияния на по-

литическую ситуацию в стране, тайские власти использовали сам факт наличия КПТ как «коммунистическую угрозу» внутри страны. В этих условиях правительство Пхихуна Сонгхрама использовало сближение с США для укрепления своих позиций. В то же время тайские власти продолжали опасаться проникновения революционных идей из соседних стран и Китая. После заключения ряда военных и экономических договоров с американским правительством Таиланд в 1954 г. подписал Договор Коллективной защиты Юго-Восточной Азии^е и вошел в состав СЕАТО. Созданная по инициативе США, эта организация была, по сути, направлена на борьбу с коммунистическими движениями в Юго-Восточной Азии.

В течение 1960-х гг. отношения между Таиландом и КНР развивались в условиях эскалации холодной войны. С этого времени Пекин начал активно поддерживать тайских коммунистов. С подачи КПК в 1961 г. состоялся третий съезд КПТ, на котором было принято решение начать вооруженную борьбу с режимом и поддержать революционные движения в соседних странах¹⁹. КПТ начала создавать военные базы в джунглях, где с помощью прошедших специальное обучение в КНР коммунистов формировались повстанческие отряды, проводилась военная и идеологическая подготовка.

Однако в середине 1970-х гг. ситуация кардинально изменилась. Вывод американских войск из Юго-Восточной Азии, приход к власти коммунистических сил в странах Индокитая оказали большое влияние на внешнюю политику Таиланда и КНР. Основой новой внешнеполитической программы стала концепция «баланса сил», которая заключалась в переходе от участия в односторонних союзах к политике «равноудаленности»²⁰. Таким образом, одним из приоритетов внешней политики Таиланда стала нормализация отношений с КНР. В 1975 г. после долгих лет острой конфронтации между двумя странами были установлены дипломатические отношения.

Возобновление официальных контактов положило начало новому периоду тайско-китайских отношений, который продолжался до 1991 г. После победы вьетнамских коммунистов и

^е Манильский пакт.

создания Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) лидеры КНР стали опасаться расширения влияния Ханоя и СССР в регионе. Поэтому налаживание отношений с Таиландом стало одной из приоритетных задач внешнеполитической стратегии Китая в Индокитае. Бангкок, в свою очередь, также внимательно следил за действиями Вьетнама, опасаясь его дальнейшей экспансии. После захвата армией СРВ Пномпеня и установления там провьетнамского режима в 1979 г. Таиланд и КНР начали совместные действия по оказанию помощи «красным кхмерам», оттесненным к границе с королевством²¹.

Одним из условий, поставленных Бангкоком в обмен на разрешение Китаю использовать территорию королевства для снабжения отрядов «красных кхмеров», было прекращение спонсирования КПТ. Высоко ценя содействие Таиланда в противостоянии СРВ, Пекин согласился. Если к моменту установления дипломатических отношений на территории королевства действовало около 8 тыс. вооруженных повстанцев, 412 населенных пунктов находились под контролем КПТ и 6 тыс. деревень, чье население составляло не менее 4 млн человек, поддерживали связи с партизанами²², то уже к концу 1970-х гг. без материальной и военной поддержки Китая партизанское движение пошло на убыль, а к середине 1980-х гг. окончательно сошло на нет²³. Таким образом, самый чувствительный вопрос в тайско-китайских отношениях был снят. С тех пор обе страны стали строго придерживаться политики невмешательства во внутренние дела друг друга.

С начала 1980-х гг. Таиланд и КНР начали все больше смещать акцент на развитие экономических связей. Этому во многом способствовала деятельность многочисленной китайской общины в Таиланде. Проживающие в королевстве китайцы, в основном, сохраняли связи со своей исторической родиной даже во время острой конфронтации между правительствами двух стран в период 1960-х гг. Установление официальных дипломатических отношений способствовало как расширению частных связей, так и значительной активизации торговых и культурных контактов между этническими китайцами и их исторической родиной. В 1980-х гг. на территории Таиланда стали появляться китайские и тайско-китайские фирмы, а общий объ-

ем торговли между Таиландом и КНР увеличился в несколько раз. Первой зарубежной фирмой в Китае стала Тьярэн Пхокпхан (*Charoen Pokphand, CP*), таиландская агропромышленная компания, основанная в 1920-е гг. китайским иммигрантом. CP получила сертификат № 0001 на осуществление инвестиционной деятельности в специальных экономических зонах в г. Шаньтоу и г. Шэньчжэнь. Вскоре таиландский конгломерат стал крупнейшим иностранным инвестором в КНР²⁴.

Таким образом, с 1975 по 1991 гг. развитие отношений между Таиландом и КНР происходило, в первую очередь, на основании собственных интересов внутреннего и внешнего характера. Совместные усилия в разрешении камбоджийско-вьетнамского конфликта, хотя и были продиктованы разными задачами и целями, но в конечном счете способствовали сближению правительств КНР и Таиланда. Параллельно с этим Бангкок и Пекин предпринимали шаги по налаживанию связей в других сферах.

Развитие отношений между Таиландом и КНР после 1991 г. происходило в период глобальных перемен в мире. После распада Советского Союза и окончания холодной войны странам азиатского региона пришлось адаптироваться к новым условиям и во многом заново определять основные направления внешней политики.

Урегулирование китайско-вьетнамского конфликта и подписание Парижских соглашений (1991 г.)^f создали новую геополитическую ситуацию в ЮВА и оказали существенное влияние на характер отношений между Таиландом и КНР. Теперь векторы межгосударственного сотрудничества задавались уже не столько исходя из соображений политической безопасности, сколько руководствуясь экономическими интересами. Выстраивая новую линию внешней политики, правительство Таиланда провозгласило стратегию «превращения полей сражений в рыночные площади»²⁵. Она заключалась в налаживании выгодного

^f В 1991 г. в Париже состоялась международная конференция. По ее итогам были подписаны Соглашения о всеобъемлющем политическом урегулировании камбоджийского конфликта. См.: Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: Тенденции Политического Развития (1980-2000). М.: Гуманитарий, 2007. С. 40.

экономического взаимодействия с соседними странами, несмотря на различия в политическом строе²⁶. В отношении КНР Таиланд стал придерживаться таких же принципов.

Со своей стороны Китай, по мере превращения его в ведущую мировую державу, активизирует экономическое присутствие во всех странах ЮВА, не исключая и Таиланд. В последние годы КНР стремительно превращается в ведущего торгового партнера Таиланда, тесня все более в этом качестве США и Японию. По данным Центра информационно-коммуникационных технологий министерства торговли Таиланда, в 1991 г. объем двусторонней торговли составлял 2,25% от общего объема внешней торговли королевства²⁷, а к 2020 г. этот показатель вырос до 18,2%²⁸. Таиланд представляет для материкового Китая удобные выходы к морю и странам Южной Азии, участвует в различных региональных проектах и других инициативах Китая.

При этом Таиланд осознает, что в двусторонних отношениях Китай исходит, прежде всего, из собственных прагматических интересов, которые могут идти вразрез с интересами тайландской стороны, даже несмотря на статус всеобъемлющего стратегического партнерства²⁹. В такой ситуации тайландские власти по-прежнему сохраняют довольно тесные отношения с США, которые рассматривают Таиланд в качестве стратегического союзника в Азиатском регионе.

Таким образом, можно увидеть, что на протяжении истории тайско-китайских отношений на каждом этапе действовали различные факторы внутреннего и внешнего характера. На ранних этапах Китай рассматривал южного соседа как одного из своих вассалов, в то время как тайские монархи видели в империи, прежде всего, торгового партнёра. Тогда китайская иммиграция ещё не оказывала существенного влияния ни на внутреннюю жизнь королевства, ни на его внешнюю политику. Однако по мере увеличения притока мигрантов китайцы становились частью тайского общества. С начала XX в. деятельность китайской общины стала важным фактором внутренней политики тайского правительства и его отношения к Китаю. Политическая активность китайцев, с одной стороны, внушала властям опасения распространения коммунистических идей, а с другой, стала одной из причин сближения Таиланда и США. Важнейшим

внешнеполитическим фактором в тот период стала эскалация холодной войны. Находясь в разных лагерях биполярного мира, Таиланд и КНР были вовлечены в региональные конфликты великих держав. Изменение внешне- и внутривнутриполитической обстановки заставило Таиланд и Китай пойти на сближение. За ним последовало развитие отношений в других областях. К моменту окончания холодной войны Таиланд и КНР уже имели налаженные связи в торговле, инвестициях, образовании, а совместные действия в разрешении региональных конфликтов заложили основы для дальнейшего сотрудничества на международной арене. Складывание нового миропорядка, урегулирование ситуации в ЮВА, либерализация политической жизни в Таиланде и экономические реформы в КНР стали основными факторами, повлиявшими на изменение внешнеполитической стратегии Пекина и Бангкока. Активное развитие двусторонних отношений и взаимовыгодных контактов в различных областях в современный период во многом объясняется территориальной близостью, экономическими интересами, исторически сложившимися и развивавшимися на протяжении многих веков связями и многочисленной китайской общиной, проживающей на территории Таиланда.

¹ Chakrabongse C. *Lords of Life: A History of the Kings of Thailand*, London: A. Redman, 1960. P. 24-25.

² См., напр.: Stuart-Fox M. A. *Short History Of China And Southeast Asia: Tribute, Trade And Influence*. Allen & Unwin, 2003. P. 73-74; Chambers. M. R. *The Chinese and the Thais are Brothers: the evolution of the Sino-Thai friendship* // *Journal of Contemporary China* 14 (45), 2005. P. 602; Virapol S. *Tribute and Profit: Sino-Siamese Trade 1652-1853*. Cambridge. 1977. P. 3.

³ Jiang J. P. L. *The Chinese in Thailand: Past and Present* // *Journal of Southeast Asian History*, Vol. 7, No. 1, 1966. P. 53.

⁴ Virapol S. *Tribute and Profit: Sino-Siamese Trade 1652-1853*. Cambridge. 1977. P. 19.

⁵ См., напр.: Streckfuss D. *The Mixed Colonial Legacy in Siam: Origins of Thai Racialist Thought 1890-1910* // *Autonomous histories, particular truths: essays in honor of John R.W. Smail*, ed. by L. J. Sears and J. Smail. Madison, Wis.: University of Wisconsin Center for Southeast Asian Studies. 1993; Stuart-Fox M. A. *Short History Of China And Southeast Asia: Tribute, Trade And Influence*. Allen & Unwin. 2003.

- ⁶ Virapol S. *Tribute and Profit: Sino-Siamese Trade 1652-1853*. Cambridge. 1977. P. 236-237.
- ⁷ Crawford J. *Journal of an Embassy from the Governor-General of India to the Courts of Siam and Cochin China*. London: Henry Colbourn and Richard Bentley, Vol. 2, 1830. P. 161.
- ⁸ Jiemin B. The Gendered Biopolitics of Marriage and Immigration: A Study of Pre-1949 Chinese Immigrants in Thailand // *Journal of Southeast Asian Studies*, Vol. 34, No. 1, 2003. P. 132.
- ⁹ Baker C., Phongpaichit P. *A History Of Thailand*. Cambridge University Press, 2014. P. 92.
- ¹⁰ Baffie J. The Ang-yi or Chinese Secret Societies of Thailand. Understanding a Total Social Phenomenon // *Investigating The Grey Areas Of The Chinese Communities In Southeast Asia*, No. 1, 2007. P. 18.
- ¹¹ Wongsurawat W. Contending for a Claim on Civilization: the Sino-Siamese Struggle to Control Overseas Chinese Education in Siam // *Journal Of Chinese Overseas* 4, 2 (Nov.), 2008. P 161-182.
- ¹² Skinner G. W. *Chinese society in Thailand: An Analytical History*. Ithaca, 1957. P. 157.
- ¹³ Липилина И. Н. Трансформация представлений о власти в современном тайландском обществе // *Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность*. М., 2016. С. 294.
- ¹⁴ Baker C., Pasuk Phongpaichit. *A History Of Thailand*. Cambridge University Press, 2014. P. 113-114.
- ¹⁵ Stuart-Fox M. *A Short History Of China And Southeast Asia: Tribute, Trade And Influence*. Allen & Unwin, 2003. P. 140.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ อานันท์ ปันยารชุน, ปาฐกถาพิเศษ เนื่องในโอกาส ความสัมพันธ์ทางการทูตไทย-จีน: ครบรอบ ๒๕ ปี, (Анан Панйарачун, Лекция по случаю 25-летия тайландо-китайских дипломатических отношений), 2000г. Сайт Анана Панйарачуна. URL.: http://www.anandp.in.th/th_speech/t_china.html.
- ¹⁸ Wedel Y. *Radical thought, Thai mind: the development of revolutionary ideas in Thailand*. Assumption Business Administration College. Bangkok. 1987. P. 126.
- ¹⁹ Wedel Y. The Communist Party of Thailand and Thai Radical Thought // *Southeast Asian Affairs*, № 1, 1981. P. 328.
- ²⁰ Maisrikrod S. Thailand's Policy Dilemmas Towards Indochina // *Contemporary Southeast Asia*, Vol. 14, No. 3, 1992. P. 288.
- ²¹ Chambers M. R. The Chinese and the Thais are Brothers: the evolution of the Sino-Thai friendship // *Journal of Contemporary China*, 14 (45), 2005. P. 614.
- ²² Baker C., Phongpaichit P. *A History Of Thailand*. Cambridge University Press, 2014. P. 184.
- ²³ Bergin B. Defeating an Insurgency - The Thai Effort against the Communist Party of Thailand, 1965–ca. 1982 // *Studies in Intelligence*, Vol 60, No. 2, 2016. P. 34.
- ²⁴ Sng J., Bisalputra P. *A History of the Thai-Chinese*. Singapore, 2015. P. 405.

²⁵ Erlanger S. Thailand Seeks to Shape a 'Golden Peninsula' // New York Times, 30 апреля 1989 г. URL.: <https://www.nytimes.com/1989/04/30/world/thailand-seeks-to-shape-a-golden-peninsula.html>.

²⁶ Busarat P. A review of Thailand's foreign policy in Mainland Southeast Asia: Exploring an ideational approach // European Journal of East Asian Studies II, 2012. P. 135-136.

²⁷ Отчет о торговле между Таиландом и КНР в 1991 г. Сайт министерства торговли королевства Таиланд. URL.: http://www.ops3.moc.go.th/infor/menucomen/trade_sum/report.asp.

²⁸ Отчет о торговле между Таиландом и КНР в 2000 г. Сайт министерства торговли королевства Таиланд. URL.: http://www.ops3.moc.go.th/infor/menucomen/trade_sum/report.asp.

²⁹ Li Q., Ye M. China's emerging partnership network: what, who, where, when and why // International Trade, Politics and Development. Vol. 3 No. 2, 2019. P. 70.

Куклин Никита Сергеевич

ассистент кафедры ТИМО РУДН,
аспирант РУДН,
Россия, Москва,
kouklinesawicki@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТРЕФОРМАЦИОННОЙ ИНДОНЕЗИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Либеральная демократия, теория демократического мира и ряд других либеральных теорий сегодня прочно ассоциируются с западным миром и глобализационной моделью развития. Критики данного направления обращают внимание на необходимость учитывать объективные различия в подходах к восприятию демократии в разных странах и социокультурных общностях. Индонезия – один из наиболее ярких примеров самобытного восприятия демократии на разных общественно-политических уровнях, что проявляется и в национальной идеологии, и в народном сознании. В данной статье предполагается рассмотреть индонезийские подходы к определению демократии и их влияние на реализацию внешней политики Индонезии на мировой арене исходя из этих базисных основ.

Ключевые слова: *Индонезия, Юго-Восточная Азия, политика, дипломатия, демократия, политическая история, идентичность, идеология*

Для цитирования: *Куклин Н.С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии: исторический аспект // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 333–354. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-333-354*

© Куклин Н.С., 2021.

Статья подготовлена научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998-2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

Democratic Trends in Foreign and Domestic Policy of Post-Reformation Indonesia: Historical Aspect

Abstract: Liberal democracy, the theory of a democratic world and a number of other liberal theories today are strongly associated with the Western world and the globalization model of development. Critics of this trend draw attention to the need to take into account objective differences in approaches to the perception of democracy in different countries and sociocultural communities. Indonesia is one of the most striking examples of the distinctive perception of democracy at different socio-political levels, which manifests itself both in national ideology and in the people's consciousness. This article is supposed to consider the Indonesian approaches to the definition of democracy and their impact on the implementation of Indonesia's foreign policy in the world arena based on these basic foundations.

Keywords: *Indonesia, Southeast Asia, politics, diplomacy, democracy, political history, identity, ideology*

Nikita S. Kuklin, Assistant at the Department of Theory and History of International Relations, post-graduate student RUDN University, Russia, Moscow, kouklinesawicki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

For citation: Kuklin N.S. Democratic Trends in Foreign and Domestic Policy of Post-Reformation Indonesia: Historical Aspect. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 333–354. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-333-354

Введение

Сегодня многие индонезийцы от представителей элит до простых граждан убеждены, что Индонезия – это демократия, а демократические принципы всегда были особенностью индонезийского общества и политической системы страны. За этим утверждением действительно скрывается долгая история развития демократических идей в индонезийском обществе от средневековых общинных социальных норм справедливости и эпох либеральной и направляемой демократии Сукарно до Демокра-

тии Панча Сила постсухартовской реформационной Индонезии. Не менее важными являются современные концепции о роли Индонезии в мире в качестве демократического государства. Подобные концепции все больше привлекают внимание политиков и ученых, представляющих западный мир и западную политическую мысль соответственно. Это приводит их к попыткам научного поиска элементов и институтов западной неолитеральной демократии в индонезийском обществе в стремлении доказать, что Индонезия близка к преодолению (или уже преодолела) старых социальных и экономических проблем и готова пополнить ряды демократических государств современного глобального мира¹.

Так в недавнем заявлении Госдепартамента США по случаю визита Госсекретаря США М. Помпео в Джакарту 28 октября 2020 г. отмечалось, что стратегическое партнерство Индонезии и США основано на «непреложной вере в ценности демократии и свободного рынка»².

Помимо политиков, некоторые ученые также стремились не к изучению особенностей уникальной индонезийской идентичности и социокультурных демократических основ этого общества, а пытались обосновать присутствие определенных «маркеров демократии» в политической и социальной сферах³.

Так за предвестников демократии западные ученые часто воспринимают, новые законы и трансформации периода Реформации^b, развитое женское движение (как показатель роста влияния феминистского дискурса)⁴, наличие независимых государственных комиссий для борьбы с авторитарными институтами, как, например, Комиссия по противодействию коррупции (КПК) или наличие института всенародных демократических выборов.

Так или иначе, неучтенность социокультурного контекста или его подстраивание под рамки демократической западной теории, на взгляд автора, не может дать объективной оценки и ответа на вопрос, о том, что такое индонезийская демократия и как она влияет на внутреннюю и внешнюю политику страны.

^b Период в истории Индонезии и масштабное протестное движение против режима Нового Порядка президента Сухарто в 1998–2004 гг. запустившее коренные преобразования всех ветвей власти и ключевых законов страны в сторону либерализации и демократизации.

Таким образом, автор считает, что при комплексном исследовании изучения индонезийской демократии, являющейся одной из базовых основ политической культуры страны, необходимо, прежде всего, определить ее идейно-философскую природу и ее место во внутривнутриполитическом контексте. Также автор предпринимает попытку рассмотреть влияние идей демократии на проведение внешней политики страны и позиционирование Индонезии на мировой арене.

Понимание демократии президента Сукарно и демократия Панча Сила

Панча Сила – ныне действующая и закреплённая в Конституции 1945 г. идеология и философская идея, определяющая основы индонезийского государства, исторически обладала универсальностью по отношению к другим социальным и политическим идеям, выступая своего рода зонтичным конструктом для остальных идеологий и моделей развития, адаптируя их под реалии многонационального и многоконфессионального индонезийского государства⁵. По сей день Панча Сила выступает объединительным фундаментом, закрепляющим территориальную целостность, языковую и национальную индонезийскую идентичность и ключевой для Индонезии принцип религиозного баланса. Все эти составляющие чрезвычайно важны для уникальной индонезийской модели государственности. Политическая дальновидность позволила Сукарно объединить позиции религиозных деятелей, лидеров социалистов, светских националистов и многие другие идеи такой разноразной и самобытной Индонезии⁶.

Сукарно смог создать уникальную концепцию, так как опирался на исторический опыт государственности, философию яванской традиционной общины, принципы социальной справедливости, религиозного синкретизма, при учете религиозных догматов и культурных норм народов Индонезии.

В своей финальной версии, закреплённой в Конституции Индонезии 1945 г. Панча Сила провозглашает пять принципов: Вера в единого бога; Справедливая и цивилизованная гуманность; Единство страны; Демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства;

Осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

Большую роль в становлении Панча Сила сыграли и более ранняя сукарновская концепция Мархаэнизма^c и идеи Исламского социализма учителей Сукарно из движения Сарекат Ислам^d. С точки зрения либерального направления политической мысли для Панча Сила свойственны многие элементы современного демократического общества, однако она не тождественна западной либеральной демократии, а ее основы происходят из самобытной социокультурной базы народов Нусантары. В условиях антиколониальной борьбы и с учетом политических реалий Сукарно предложил пять принципов ранней версии Панча Сила от 1 июня 1945 г.: Индонезийский национализм (*Kebangsaan Indonesia*); Интернационализм или гуманизм (*Internasionalisme / Perikemanusiaan*); Решение всех вопросов консенсусом или демократия (*Mufakat / Demokrasi*); Социальная обеспеченность (*Kesejahteraan Sosial*); Вера в единого Бога (*Ketuhanan Yang Maha Esa*).

Следует отметить, что как в конституционной финальной версии, так и в изначальных предложениях Сукарно демократия занимала существенное место в национальной философии, как один из ее принципов. При этом понимание самой демократии Сукарно и корни такого понимания хорошо прослеживаются именно в ранней версии Панча Сила, которая изобилует терминами яванской общинной жизни и той модели яванской деревни, которую Сукарно идеализировал еще в рамках Мархаэнизма.

Немаловажно и то, что структура пяти принципов также предстает социально-ориентированной внутри и во вне. Опять

^c Мархаэнизм – антиколониальная политическая теория, разработанная Сукарно в 1933 г. на базе идей яванской общины, представляла собой народническое восприятие социализма. Понятие «мархаэн», с точки зрения Сукарно, включало в себя не только пролетариат и крестьянскую бедноту, но и другие малоимущие слои города и деревни, а так-же всех угнетаемых колонизаторами.

^d Чокроаминото и Агус Салим – учителя Сукарно из мусульманского антиколониального движения Сарекат Ислам считаются авторами теории исламского социализма, предполагающей, что учение Корана и пророка Мухаммеда совместимо с принципами социальной справедливости, свободы и равенства европейской политической мысли.

же, при обращении к ранней версии формулировки Панча Сила мы можем обратить внимание на идеи интернационализма, гуманизма, социальной обеспеченности и других принципов, основанных на социальной справедливости.

Здесь мы сталкиваемся с ключевым отличием двух «демократий» (индонезийской и западной) и можем говорить о том, что основанное на яванских общинных принципах понимание демократии Сукарно уделяет ключевое внимание не экономическим, правовым и политическим моделям, как западная философская мысль, но, прежде всего, ставит во главу угла социальную сферу, которая, по мнению Сукарно, и должна была выступить базой общества в рамках демократии Панча Сила.

Особое понимание демократии Сукарно появилось и в модели управления государством в период Либеральной демократии (1950–1957 гг.) и в период Направляемой демократии (1957–1966 гг.). Временная конституция 1950 г. заметно отличалась от Конституции 1945 г. во многих отношениях; она ввела мандат парламентской системы правления и подробно изложила конституционные гарантии прав человека, опираясь в значительной степени на Всеобщую декларацию прав человека ООН 1948 г. Конституция 1950 г. был отменена в июле 1959 г., после издания президентом Сукарно указа о роспуске Конституционного собрания и восстановлении Конституции Индонезии 1945 г.

Возникновение и развитие политических партий во второй половине XX в. и достигнутые между ними соглашения о распределении мест в кабинетах привели к быстрой смене коалиционных правительств, включая 17 кабинетов в период с 1945 по 1958 г. Многократно отложенные парламентские выборы были наконец проведены в 1955 г.; Национальная партия Индонезии (ПНИ), считающаяся партией Сукарно, возглавила список, Коммунистическая партия Индонезии (ПКИ) получила весомую поддержку, но ни одна партия не получила более четверти голосов, что сохранило политический ландшафт страны в неизменной форме.

К 1956 г. Сукарно открыто критиковал парламентскую демократию, заявляя, что она «основана на врожденном конфликте», что противоречит индонезийской концепции гармонии

как естественного состояния человеческих отношений. Вместо этого он предложил систему, основанную на принципах традиционной общинной системе обсуждения и консенсуса, которая происходила под руководством деревенских старейшин. Он также предложил триединый акроним Nas-A-Kom: nasionalisme («национализм»), agama («религия») и komunisme («коммунизм») в качестве основы единого подхода для формирования коалиционного правительства. В тот период это было необходимо, для примирения и нахождения консенсуса между тремя главными фракциями в индонезийской политике – армией, исламскими группами и коммунистами. При поддержке военных он предложил в феврале 1957 г. сформировать новый режим «направляемой демократии» и предложил состав кабинета, представляющий все важные политические партии. Так, при особом влиянии Сукарно парламентская демократия в западном стиле прекратила существование в индонезийском дискурсе до выборов 1999 г. и эпохи реформ.

Таким образом, демократия Панча Сила может быть определена как социально-религиозная форма общественного устройства, нацеленная на баланс между интересами личности и общества, стремящаяся предотвратить угнетение слабых и менее защищенных слоев населения более сильными социальными группами, основанная на ценностях традиционной яванской общины.

Период президента Сухарто «возрождение демократии» в условиях Нового Порядка

Политика президента Сухарто позволила перевести Индонезию на новый путь развития, его режиму Нового Порядка^е удалось привлечь иностранные инвестиции, создать промышленность, сферу услуг, мощную армию, а также сформировать традиции госуправления и превратить Индонезию в одного из лидеров региона. Именно за 30 лет его правления, особенно после событий 1965 г. и подавления попытки левого переворота, произошло укрепление положения армии в обществе, и генерал Сухарто закрепил за ними так называемую двойную функцию

^е В противовес Старому Порядку Сукарно

(Dwifungsi), когда именно на военных была возложена ответственность и за социально-политическое состояние общества. Все остальные политические силы оказались подконтрольны военным и чиновникам (бюрократам).

При Сухарто Панча Сила из философии Независимости стала полноценной идеологией, наряду с общеиндонезийской идентичностью.

Однако, у режима Нового Порядка были и слабые стороны в лице бюрократии, nepотизма, коррупции, волюнтаризма силовых структур и сращивания крупного бизнеса с государственной властью при жестком контроле последней.

В этих условиях Сухарто, с одной стороны, не мог отрицать наследие Сукарно, но и не мог опираться на идеи отца-основателя страны, которые тот провозгласил в последние годы своего правления, поскольку они были на его взгляд достаточно левыми, абстрактными и неэффективными. По мнению А.Ю. Другова, «В сфере идеологии “новый порядок” широко использовал наследие Сукарно, стремясь вместить реальности капиталистической модернизации социальных отношений в рамки его национал-народнической доктрины, но полностью отвергая относительный плюрализм, присутствовавший в “направляемой демократии”»⁷.

Сухарто видоизменил некоторые положения Панча Сила в сторону всеобъемлющей идеологии со своим набором символов, одним из которых стал Сукарно. Как выражался Сухарто «я должен одновременно вознести его высоко и закопать как можно глубже»⁸. Идея демократии, таким образом, вышла из политического поля вместе с фигурой Сукарно, но стала прочно ассоциироваться именно с личностью первого президента, что сыграет свою роль в дальнейшем в ходе периода Реформации.

Политический процесс при авторитарном Новом Порядке Сухарто также сохранил линию позднего Сукарно на сокращение числа политических партий в парламенте при определяющей роли одной главной партии президента. Относительно сухартовской системы мы можем наблюдать формирование такой ограниченной партийной системы уже в начале 1970-х годов. Необходимо, при этом учитывать, что давление Сухарто на религиозные группы и партии и открытые репрессии против ком-

мунистов привели к тому, что Панча Сила стала центральной (зонтичной) идеологией уже в прямом практическом смысле, так как помимо какой-либо светской или религиозной идеологии партии должны были установить Панча Сила своей первой и главной основой, что собственно окончательно закрепило в индонезийской политической культуре такие понятия как «Демократия Панча Сила» и «Ислам Панча Сила».

При правлении Сухарто «выжившие» политические партии «Старого Порядка» были вынуждены объединиться в два политических блока – исламский и «светский». Светский блок представляла группа демократического развития, состоящая из партии Мурба, Национальной партии Индонезии (PNI), Лиги сторонников независимости Индонезии (IPKI), Католической партии и Индонезийской христианской партии (Parkindo), позднее преобразованной в Демократическую партию Индонезии (ДПИ). Аналогичным образом исламские партии вошли в состав Партии единства и развития (ПЕР).

Можно сказать, что демократы стали олицетворять Панча Сила версии Сукарно и, таким образом, сохранили саму идею демократии в поле политического спектра, также как и исламскому блоку удалось сохранить исламский дискурс внутри общенациональной идеологии.

По итогам некоторых примечательных парламентских выборов 1970-х гг. партии пусть и не могли соперничать с партией Сухарто Голкар, но получали достаточно большое количество голосов, что вызывало обеспокоенность власти Нового Порядка на поздних этапах. Однако демократы неизменно оставались на третьем месте по итогам выборов и пользовались большей поддержкой президента как противовес религиозным силам из ПЕР⁹.

На выборах 1977 г. Сухарто решил использовать ДПИ в качестве противовеса Голкару и ПЕР. В первую очередь, президент назначил члена ДПИ на пост министра внутренних дел — один из ключевых в правительстве. Тогда же по инициативе правительства началась кампания по увековечиванию памяти первого президента страны Сукарно¹⁰. В 1977 г. Сукарно был торжественно перезахоронен, ему был присвоен почётный титул «Герой Провозглашения» — в память о том, что в 1945 г. под

его руководством была провозглашена независимость Индонезии. Эта кампания привела к определенному росту влияния ДПИ, так как наиболее влиятельная из ее фракций — НПИ — во время правления Сукарно пользовалась его поддержкой и позиционировала себя как наследница его идей.

В 1993 г. председателем партии вместо известного деятеля НПИ Сурьяди была избрана дочь Сукарно — Мегавати Сукарнопутри, что спровоцировало политическую борьбу уже внутри самих демократов из-за последующего кризиса. Результаты партийных выборов не были признаны правительством, настаивавшим на избрании лидером партии своего кандидата — Буди Харджоно. Созванный в том же году внеочередной съезд ДПИ в июне 1996 г. в Медане, вновь избрал председателем Сурьяди. Мегавати, не допущенная властями на съезд, отказалась признавать его итоги, также считала себя законным лидером ДПИ; при этом под контролем сторонников Мегавати осталась штаб-квартира партии в Джакарте. Утром 27 июля 1996 г. сторонники Сурьяди попытались силой отбить ее, однако, сторонникам Мегавати удалось ее удержать¹¹.

После этого ДПИ раскололась на две фракции, из которых только фракция Сурьяди была признана правительством и получила право участвовать в парламентских выборах 1997 г., получив там, однако, всего 3% голосов. Фракция Мегавати, лишенная возможности самостоятельно участвовать в выборах, смогла заручиться гораздо большей поддержкой избирателей, выставив своих кандидатов в блоке с ПЕР.

21 мая 1998 г. из-за массовых антиправительственных демонстраций Сухарто был вынужден уйти в отставку. Новое руководство страны провело либерализацию партийного законодательства, отменив положения об ограничении числа зарегистрированных партий. В связи с этим в октябре 1998 г. фракция Мегавати была преобразована в Демократическую партию борьбы Индонезии, ныне ведущую партию в парламенте.

Гибкая постреформационная демократия

В западной и индонезийской научной среде часто встречается сравнение Реформации в Индонезии с Перестройкой в СССР, так как падение старого режима знаменовало для многих

теоретиков начало процесса демократизации Индонезии, который окончательно завершился при президенте Сусило Бамбанг Юдойоно в 2004 г. с первыми всенародными выборами президента, которого до этого избирал парламент. Демократия стала одним из лозунгов реформационного периода и символом обновления политических элит и их мышления. Так в 2004 г. Юдойоно, выдвигавшийся от Демократической партии при поддержке Демократической партии государственности, противостоял Демократической партии Борьбы Индонезии Мегавати Сукарнопутри.

Демократия оказала положительное влияние и на формирование внешнеполитического имиджа страны, в особенности после Тиморского конфликта (1975–1999).

При этом можно отметить, что демократия пусть и изменила внутренний дискурс, конфигурация элит сухартовской эпохи поменялась незначительно. В этой ситуации особым образом проявилась уникальная гибкость постреформационной демократии, характерная ее черта, которую она переняла у особенностей Панча Сила. Со временем, в мире индонезийскую демократию стали воспринимать в рамках трех основных типов: 1) успешная незападная демократия (развивающиеся страны), 2) самая большая мусульманская демократия (Мировая Умма, страны БСВ), 3) пример освобождения от авторитаризма в сторону прав человека, свободной экономики и интеграции с миром (Западный мир).

Каждый из этих типов восприятия индонезийской демократии эволюционировал в зависимости от политики, проводимой определенным президентом страны. Однако индонезийская модель в очередной раз обозначила свое несоответствие классическим представлениям о демократии в глобальном сообществе. Здесь можно выделить ряд признаков, отвечающих на вопрос: почему постреформационная Индонезия — это не демократия в классическом западном смысле. Так, несмотря на отход от авторитарного режима Нового Порядка и демократические изменения в законах, элиты сохранили свою власть и финансовые активы, о чем уже упоминалось ранее¹².

Это подкреплялось тем, что основой функционирования новых элит стали не провластные фонды (Yayasan), а политиче-

ские партии, воспринимаемые как агенты гласности и демократии, при этом сохранившие большинство старых политиков у руля. Последующие президенты Индонезии, в свою очередь, так или иначе, принадлежали к традиционным элитам (Хабиби воспринимаемый как сподвижник Сухарто; религиозный деятель Абдуррахман Вахид; Мегавати – как дочь Сукарно, и Юдойоно – как профессиональный военный). Изменения в обществе также пробудили старые политические силы и подавляемые элиты, но не новых либеральных демократов, т.е. фактически открыли дорогу сукарновским партиям, которые идентифицировали себя в демократическом спектре, и мусульманским партиям, которые восходили еще к старым партиям, таким как Машуми и Нахда-тул Улама в ее партийном статусе (1952–1973 гг.).

Также на современном этапе некоторые исследователи отмечают, что государственная власть все больше склонна к авторитарной внутренней политике, религиозному и националистическому консерватизму, наблюдаемому в среде партий, открыто или опосредованно поддерживающих эти идеологии, в особенности на фоне недавнего политического кризиса 2019 г., связанного с выборами президента и использованием радикально-националистического фона различными политическими силами¹³.

Важно отметить, что несмотря на существование аргументов, подтверждающих самобытность индонезийской демократии, наблюдается и ряд черт, которые индонезийская версия успешно разделяет со своим западным аналогом. Эти черты, как уже было упомянуто, часто определяются как маркеры демократии и выступают в качестве доказательной базы.

Например, одним из явлений общественно-политической жизни Индонезия является общественный протест, следовательно, многие значимые политические решения сопровождаются митингами, на улицы выходят люди, представители разных взглядов, от религиозных движений до светских протестных групп за права женщин или меньшинств. Во многом, подобная традиция действительно появилась благодаря Реформации, однако митинги провластного типа встречались и при Сухарто, а для сукарновской эпохи массовый протест, поначалу антиколониальный,

а затем и внутриполитический, был нормальным явлением для коллективистской природы индонезийского общества.

Не менее привлекательным достижением Реформации и ее итогом является установление традиции выборности власти и института всеобщих выборов, т.е. выборов президента, вице-президента и основных партий парламента.

В 2004 г. прошли первые прямые демократические выборы и был избран президент Сусило Бамбанг Юдойоно, затем в 2014 г. избран и в 2019 г. переизбран Джоко Видодо, при котором избирательная система дважды прошла настоящую проверку на прочность.

Политические противники Джоко Видодо, в частности Прабово Субианто, бывший зять Сухарто, военный и влиятельный политик, неоднократно подавал судебные иски в Конституционный суд по результатам выборов, стремясь их оспорить. На улицы выходили сторонники кандидатов и полиция для подавления масштабных протестов, но в итоге, суд утверждал выборы, и срабатывала «система сдержек и противовесов». Сегодня, на фоне противостояния Байдена и Трампа индонезийцы искренне гордятся этим достижением и считают, что американцы могли бы «поучиться у Индонезии» как решать такие споры в рамках закона. Наряду с этим, по итогам выборов 2019 г. Джоко Видодо, удалось сформировать Кабинет, в котором за одним столом мы видим националистов, религиозных активистов, военных, изобретателей, правозащитников, либеральных экономистов, карьерных политиков и даже главного конкурента действующего президента – Прабово Субианто – на посту министра обороны.

Еще одним важным элементом индонезийской демократии является и тот факт, что в стране существуют независимые правительственные комиссии и службы, задача которых напрямую бороться со злоупотреблениями власти, как, например, знаменитая Комиссия по противодействию коррупции (Komisi Pemberantasan Korupsi), ставшая настолько легендарной, что когда в сентябре 2019 г. Совет народных представителей принял законопроект о внесении изменений в закон № 30/2002 «О Комиссии по противодействию коррупции», ограничивающий независимый статус комиссии и включающий ее в состав государ-

ственных органов через создание наблюдательного совета по надзору, тысячи молодых людей снова вышли на баррикады, а в столкновениях с полицией пострадало более 40 человек.

Идеологическая структура, заложенная при Сукарно прямо, или косвенно по сей день влияет на широкий спектр идеологий и политический плюрализм. Помимо новых и старых партий в Индонезии сильно развиты религиозные организации или движения за права социальных групп, таких, как например, движения Картины – за права женщин, Ассоциация учителей Индонезии и городские, и сельские фонды по сохранению культурного наследия. Жизнь индонезийца так или иначе проходит в привязке к какой-либо организации или партии. Представители этих партий и движений имеют свои собственные структуры обучения и подготовки кадров, лояльных традиции их организации, семьи или клана, а религия, политика или армия может быть хорошим социальным лифтом для любого гражданина¹⁴.

У крупнейших в стране мусульманских организаций Мухаммадия и Нахдатул Улама существуют свои религиозные и светские школы, колледжи и даже научные центры, фонды помощи и структуры, функционирующие на принципах шариатского банкинга. Не менее влиятельны христианские религиозные организации и фонды, католические и протестантские университеты, имеющие широкую сеть связей за пределами страны и адаптирующие некоторые зарубежные стандарты в обучении. Таким образом, власть в стране опирается не только на разнообразные политические партии, но и социальные группы, имеющие влияние в различных сферах и аккумулирующие ресурсы и направления деятельности в определенных рамках, что придает социально-политическому спектру Индонезии особое разнообразие, позитивно воспринимаемое также и в западном дискурсе.

Необходимо также отметить, что особая ценностная база Индонезии формирует и довольно самобытную ситуацию внутри политического спектра страны, допуская гармоничное сосуществование разнообразных политических сил. Совокупность этих факторов позволяет Индонезии проецировать себя в мире как гибкий и комплексный образ демократии.

Демократические новаторы в дипломатии

Демократическая традиция в Индонезии, безусловно, является не только частью внутривластной жизни, но и проецируется на внешнюю политику страны. Здесь демократичность Индонезии проявляется в приверженности особым ценностям и следовании определенному имиджу на международной арене. Классический индонезийский внешнеполитический курс менялся незначительно от Сукарно до Реформации и не претерпел существенных изменений в своих концептуальных основах за десятилетия, опираясь на Панча Сила и доктрину «Активной Независимости», сформированную еще первым Вице-президентом Мохаммадом Хатта в период обретения государственности. В 1999 г. в Индонезии был принят «Закон № 37 о внешних связях», в котором отмечалось то, что внешняя политика Индонезии должна служить национальным интересам и быть независимой и активной.

В Разъяснении к Закону № 37 1999 г. раскрывается содержание этой формулы, как его трактуют индонезийские власти в первом десятилетии XXI века. Подчеркивается, что это не политика нейтралитета, а свободный внешнеполитический курс в отношении международных проблем, не связанный априори ни с одной из мировых сил или группировок. Независимая и активная внешняя политика должна вносить аналитический и практический вклад в разрешение споров, конфликтов и других мировых проблем.

Таким образом, даже некоторые изменения в формулировках не сменили основной сути внешней политики, однако фактически мы можем увидеть новаторские шаги, предпринятые в условиях Реформации новыми президентами.

К моменту общенационального кризиса 1998 г. будущий первый реформационный президент Бахаруддин Юсуф Хабиби был одним из самых влиятельных людей в окружении президента Сухарто и правящей партии Голкар. После избрания Сухарто уже на седьмой срок, Бахаруддин Юсуф Хабиби стал вице-президентом Индонезии. Он взял на себя смелость принять власть в условиях тотального политического хаоса и приложил немало усилий для сохранения единства страны. В тяжелые для

страны времена падения режима Сухарто, народных восстаний и азиатского финансового кризиса 1998 г. Хабиби удалось стабилизировать ситуацию в стране и положить начало периоду Реформации.

На срок его президентства пришелся и референдум в Восточном Тиморе, положивший конец кровавому конфликту времен Сухарто. Смелость Хабиби по вопросу референдума была также оценена экспертным сообществом как поворот Индонезии в сторону мирной дипломатии.

При этом, сложность его положения заключалась в том, что сам Хабиби имел напряженные отношения как со старыми, так и новыми элитами и несмотря на все попытки изменения политического курса Хабиби уже в 1999 г. уступил президентское кресло известному деятелю исламской оппозиции из организации Нахдатул Улама Абдуррахману Вахиду.

Абдуррахман Вахид известный также как Гус Дур – внук организатора старейшей исламской организации страны Нахдатул Улама (NU) (1926 г.), сын ее лидера и бывшего министра по делам религии в правительстве Сукарно Вахида Хашима и четвертый президент Индонезии – крайне интересная фигура в индонезийской политике.

Университетский интеллектual, журналист, религиозный деятель, Абдуррахман Вахид относится к тем постсухартовским президентам, которых недооценили при жизни и постепенно начинают оценивать сейчас. Гус Дур сделал многое для урегулирования сепаратизма в Ачехе и Папуа и приложил значительные усилия по продвижению умеренного «индонезийского ислама» (который и является основой NU) в противовес деятельности радикальных движений. Абдуррахман Вахид вошел в историю как последовательный сторонник религиозной терпимости, плюрализма, утверждения демократических начал в политической жизни полиэтнической и поликонфессиональной страны. Главным демократическим шагом Вахида помимо поддержки религиозной толерантности называют и его стремление к улучшению отношений с Израилем, что было чрезвычайно смелой идеей для религиозного лидера¹⁵.

Вклад Мегавати Сукарнопутри, следующего президента Индонезии, в демократический имидж страны проистекает из ее

внешней политики многовекторности и открытости, при которой были заложены ключевые основы современной направленности индонезийской дипломатии в регионе, в АСЕАН и в мире. При Мегавати формируется и сегодняшний имидж Индонезии, как посредника и противника конфликтов. Так, Индонезия осудила вмешательство США в Ирак и Афганистан, предложив посреднические услуги в этих конфликтах. Похожую позицию дипломатия Мегавати отстаивала и в рамках Ближневосточного конфликта, что уже тогда повлияло на восприятие Индонезии как миротворца.

«Реформационных» президентов сменил Сусило Бамбанг Юдойоно – уже как всенародно-избранный президент. Знаменитая речь-манифест Юдойоно «Indonesia 2004–2009: Vision for Change», произнесенная им 26 мая 2004 г. в сингапурском отеле «Шангри-Ла» на конференции, посвященной выборам в Индонезии, открыла новую эпоху в индонезийской постреформационной политике.

Юдойоно объявил основной своей программы четыре столпа: процветание, мир, справедливость и демократию. Его главной идеей в тот период был план повышения экономического благосостояния, нацеленный на экономический рост не менее 7% ВВП и возрождение малых и средних предприятий. Юдойоно также говорил о сокращении бюрократизма, улучшении трудового законодательства и искоренении коррупции сверху вниз. Юдойоно с приходом к власти заявил о необходимости возвращения Панча Сила как универсальной основы для демократического развития.

20 мая 2005 г. в своей речи перед индонезийским советом по международным делам (ICWA) президент обозначил, что Индонезия является третьей в мире демократией и страной, где ислам успешно сосуществует с прогрессом и демократическими принципами. В той же речи президент обращался к старым принципам индонезийской дипломатии, говоря о независимой и активной политике страны, сформулированными еще М. Хатта в 1948 г. Данное выступление вполне можно принять за аналог внешнеполитической концепции, принятой конкретным лидером на период его президентства, что в очередной раз свидетельствует об отсутствии фундаментальных изменений во

внешней политике, которая, однако, при президенте от демократической партии, начала содержать в себе также и демократический элемент, на который теперь опиралось традиционное стремление Индонезии играть роль дипломата, миротворца и посредника в региональных и глобальных делах. При Юдойоно Индонезия также выступает с инициативой создания органа по правам человека в рамках АСЕАН. В 2008 г. с целью содействия демократии, правам человека, равенству и взаимному уважению начал функционировать Балийский демократический форум — встреча, проводимая на о. Бали, в которой принимают участие представители стран АТР и по сей день является важной основой диалога о демократии в регионе.

Подобная концептуализация, основанная на демократических нормах, встретила положительный отклик даже среди ведущих ученых западного мира, как Амитав Ачарья, который отметил, что «Индонезийская история показывает, что страна пошла по другому пути в рамках формирования своей собственной силы по сравнению с другими странами. Этот путь не столько основан на военной мощи или экономических ресурсах; скорее, он опирается на развитие гармоничных соотношений трех факторов: демократии, развития и стабильности, сочетая это со сдержанной внешней политикой по отношению к соседям и активным взаимодействием с миром в целом. Это главный урок из истории Индонезии, на который следует обратить внимание»¹⁶.

Дипломатия «президента из народа» Джоко Видодо продолжила курс на закрепление достижений Юдойоно в глобальных масштабах.

Индонезия продолжила отстаивать свои взгляды, на площадках ООН и, в особенности, Совбеза ООН. Важными приоритетами глобальной многовекторности стали Организация исламского сотрудничества, АТЭС, G20 и многие другие форумы, региональные и международные организации в различных сферах, АСЕАН также сохранил свою приоритетность при Видодо¹⁷.

Первый срок Дж. Видодо отмечен весьма важной для самой Индонезии и региона инициативой — в 2014 г. президент обнародовал доктрину «Индонезия — Морская ось мира» (ИМОМ)¹⁸, а министр иностранных дел страны Ретно Марсуди

отметила, что стремление Индонезии стать морской державой свидетельствует о новом уровне индонезийского самосознания, что разительно отличается от предыдущих попыток только лишь восстановить и улучшить международный имидж.¹⁹ Смысл этой инициативы состоит в превращении Индонезии в мировую морскую державу. Концепция «морской оси» имеет международный, региональный и внутренний аспекты и затрагивает интересы во многих секторах мировой политики и экономики Индонезии²⁰.

В период второго срока президента, в связи с кризисом глобальной пандемии COVID-19 и снижением темпов экономического развития, Индонезия пересмотрела внешнюю политику под сугубо практические задачи, направленные на привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры и экономики. При этом, демократический дискурс остается важной чертой официальной риторики президента²¹.

Индонезийский исследователь Хендра Марунунг из Президентского Университета полагает, что популистское стремление Юдойоно и Джокко Видодо к участию Индонезии в основополагающих декларациях и международных документах системы защиты прав человека и демократических ценностей сделало эти внешние темы частью внутривнутриполитической реальности и обязательств самой страны, сподвигших власти к проведению различных малых реформ на ключевых направлениях²².

Безусловно, здесь можно согласиться с подобной закономерностью, так как желание обрести статус глобальной державы, так или иначе, привлечет Индонезию к интеграции новой ценностной базы в свою ранее изолированную самобытную политическую и идеологическую архитектуру. Также можно предположить, что синкретическая природа индонезийской политической культуры позволит сделать это достаточно быстро и безболезненно.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что индонезийская демократическая идентичность, как и многие другие составляющие широкой и разнообразной политической базы страны выступает своего рода синкретической концепцией, берущей свое начало в особых идеологических принципах государства, таких

как Панча Сила, и представляет собой именно самобытную концепцию демократии. Ключевым отличием индонезийской демократии является акцент на социальные процессы и принципы социальной справедливости, что мало соотносится с экономической политической и юридической природой современных концепций демократии на Западе, опирающихся на свободный рынок, права человека и демократические институты.

Главным инструментом реализации индонезийской демократии является сам индонезийский народ как самостоятельный и единый в своем разнообразии субъект политического процесса. В то же время, активное развитие демократии нельзя отнести лишь к периоду Сукарно и его идеологии, как и нельзя говорить о том, что демократия Панча Сила была изменена в значительной степени идеологическими реформами режима Нового Порядка. Мы можем наблюдать гармоничное переплетение старых и новых принципов на каждом из исторических этапов.

Особое внимание мирового сообщества в вопросе демократизации Индонезии привлекает Реформация, положившая начало многим процессам и системам, которые могут быть восприняты в качестве классических демократических институтов, однако автор статьи по-прежнему полагает, что самобытная природа внутренних процессов Реформации повлияла на облик демократии в большей степени, чем внешние идеи, так как демократия стала частью дискурса возрожденных и подавляемых при Сухарто элит, а не новых групп влияния, образованных на базе западных демократических принципов.

Универсальность и гибкость Панча Сила также передалась и образу индонезийской демократии во вне и внутри страны, что позволило ей обрести уникальную природу и одобрение в глазах различных политических сил по всему миру. Вовлечение Индонезии в глобальные системы защиты прав человека и демократических ценностей повлияли на концептуальные основы внешней и внутренней политики, вместе с тем, эти основы обрели свою нишу в политическом процессе и часто выступают эффективным инструментом формирования позитивного имиджа страны на мировой арене.

Из этого следует, что свойственный ряду ученых и политиков на Западе поиск в структуре индонезийской демократии

элементов демократии в ее классическом американском или европейском понимании, не всегда может привести к верной оценке влияния этой идеи на индонезийское общество.

Без учета традиционных основ индонезийской политической культуры и ее исторических корней достаточно трудно говорить об объективности анализа феномена демократии в Индонезии. В связи с этим комплексные междисциплинарные исследования этого направления позволят сформировать более точное представление о необычном процессе сосуществования глобальных и локальных ценностей в рамках особых культурно-цивилизационных реалий современной Индонезии.

¹ Piccone, T. J. 2016. Five rising democracies: And the fate of the international liberal order. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. P. 25.

² Secretary Michael R. Pompeo Travels to Indonesia To Underscore Shared Vision of a Free and Open Indo-Pacific Region. URL: <https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-travels-to-indonesia-to-underscore-shared-vision-of-a-free-and-open-indo-pacific-region/>

³ American Power and Liberal Order: A Conservative Internationalist Grand Strategy. (2016). S.l.: Georgetown University Press.

⁴ Robinson, K. M. 2010. Gender, Islam, and democracy in Indonesia. London: Routledge. P. 149.

⁵ Alagappa, M. 1996. Political legitimacy in Southeast Asia: The quest for moral authority. Stanford University: Stanford University Press. P.234.

⁶ Ramage, D. E. 1993. Ideological discourse in the Indonesian new order: State ideology and the beliefs of an elite, 1985-1993. Ann Arbor Mich.: U.M.I. P. 100.

⁷ Другов А. Ю. Индонезия: судьбы национальной идеологии // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 53.

⁸ Eklöf, S. 2004. Power and political culture in Suharto's Indonesia: The Indonesian Democratic Party (PDI) and decline of the New Order (1986-98). Copenhagen: NIAS. P.87.

⁹ Bunte, M., & Ufen, A. 2009. Democratization in post-Suharto Indonesia. London: Routledge. P. 179.

¹⁰ Künkler, M. 2013. Democracy and Islam in Indonesia. New York, NY: Columbia University Press. P. 26.

¹¹ Eklöf, S. A. 1999. Indonesian politics in crisis: The long fall of Suharto, 1996-1998. NIAS. P. 78.

¹² O'Rourke, K. 2003. Reformasi: The struggle for power in post-Soeharto Indonesia. St. Leonards, N.S.W.: Allen & Unwin. P. 213.

¹³ Almuttaqi, A. I. 2020. Jokowi's Indonesia and the world. Singapore: World Scientific Publishing. P. 23.

¹⁴ Lukens-Bull, R. 2016. Islamic higher education in Indonesia: Continuity and conflict. New York: Palgrave Macmillan. P. 6.

¹⁵ Другов А.Ю. Абдурахман Вахид – четвертый президент Индонезии: ислам и демократия совместимы // «Восток» (Oriens) № 4, 2017. С.85-91.

¹⁶ Acharya, A. 2015. Indonesia matters: Asia's emerging democratic power. Singapore: World Scientific Pub. P.91.

¹⁷ Almuttaqi, A. I. 2020. Jokowi's Indonesia and the world. Singapore: World Scientific Publishing. P.14.

¹⁸ Kurlantzick., J. 2014. Jokowi's Maritime Doctrine and What It Means. The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/jokowis-maritime-doctrine-and-what-it-means/>

¹⁹ Marsudi R. Tiga Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia.2014. URL: <http://international.sindonews.com/read/947842/40/tiga-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-1420705386>.

²⁰ Ефимова Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО. 2015. №6 (45). С. 197.

²¹ Ramraj, V. V. 2020. COVID-19 in Asia: Law and policy contexts. New York, NY: Oxford University Press. P. 55.

²² Manurung, H. 2017. Indonesia's Democracy under Joko 'Jokowi' Widodo Leadership: Constructing Human Rights in Globalization (2014-2019). SSRN Electronic Journal. doi:10.2139/ssrn.2940751

Астафьева Екатерина Михайловна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра ЮВА, Австралии и Океании
ИВ РАН, Россия, Москва,
katy-ast@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8091-407X>

**НАУЧНАЯ МЕЖИНСТИТУТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТРАНЫ ЮВА И ЮТР
МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ»**

Аннотация: В статье представлен обзор докладов научной межинститутской конференции «Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном», которая состоялась в 17 мая 2021 г. в онлайн-формате. В конференции, организованной Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН приняли участие ученые, а также соискатели и аспиранты из различных академических, научно-исследовательских и учебных институтов. Тематика докладов охватывала широкий круг вопросов, начиная с глобального и регионального уровней и заканчивая проблемами взаимодействия отдельных стран ЮВА и ЮТР с Китаем и США.

Ключевые слова: *Юго-Восточная Азия, Южно-Тихоокеанский регион, КНР, США, международные отношения, политика, экономика, соперничество*

Для цитирования: *Астафьева Е.М.* Научная межинститутская конференция «Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 355–381. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-355-381

Inter-Institute Scientific Conference
“The Countries of Southeast Asia and the South Pacific Region
between Beijing and Washington”

Abstract: The article provides an overview of the reports of the Scientific Inter-Institute Conference “The Countries of Southeast Asia and the South Pacific Region between Beijing and Washington”, which took place on May 17, 2021 in the online format. Scientists, as well as postgraduates students from various academic, research and educational institutions took part in the conference, organized by the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies of the IOS RAS. The topics of the reports covered a wide range of issues, starting from the global and regional levels and ending with the problems of some Southeast Asia and the South Pacific region countries interaction with China and the United States.

Keywords: *Southeast Asia, South Pacific, China, USA, international relations, politics, economics, rivalry*

Ekaterina M. Astafieva, PhD in History, Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, katy-ast@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-8091-407X>

For citation: Astafieva E.M. Inter-Institute Scientific Conference “The Countries of Southeast Asia and the South Pacific Region between Beijing and Washington”. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 355–381. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-355-381

17 мая 2021 г. в онлайн-формате состоялась Научная межинститутская онлайн-конференция «*Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном*», организованная Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. Видео конференции доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=zZlxE7gomu8&t=49s>.

В конференции приняли участие специалисты из различных академических, научно-исследовательских, учебных институтов и практических организаций, в частности, из ИВ РАН,

ИДВ РАН, НИ ИМЭМО РАН, ИСАА МГУ, РУДН, МГИМО (У) МИД РФ, ИСПИ ФНИСЦ РАН, СПбГУ, НИУ ВШЭ, ИИиМО СГУ, МГЛУ, МИД России.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН Дмитрий Валентинович Мосяков. В своей речи он почтил память безвременно ушедшего из жизни бывшего директора Института востоковедения РАН Валерия Павловича Андросова, была проведена минута молчания.

Ученый секретарь Центра Е.М. Астафьева представила книги, опубликованные в 2020 г. по итогам проведенных Центром ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН научных конференций и пригласила участников к дальнейшей совместной работе. (Информация об изданиях доступна по следующим ссылкам: Russian-Indonesian Cooperation: Past, Present and Development Prospects, М. ИВ РАН, 2020, <https://seasia.ivran.ru/book?id=5094&from=1706>, Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем, М., ИВ РАН, 2020, <https://seasia.ivran.ru/book?id=5097&from=1706>, Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы, М., ИВ РАН, 2020, <https://seasia.ivran.ru/book?id=5093&from=1736>).

С первым докладом на тему «*Реакция стран АСЕАН на перемены в АТР*» выступил **Д.В. Мосяков** (ИВ РАН). Докладчик отметил, что существенные перемены, которые происходят сегодня в политической архитектуре Большой Восточной Азии вынуждают страны АСЕАН пересматривать свои подходы ко многим вопросам международной политики и искать новые пути сохранения своего влияния. Выбор долговременной стратегии и возможности ее реализации в условиях существенного обострения американо-китайских противоречий становятся для них все более актуальными задачами. Причина в том, что инициированная американцами перекройка политического поля Восточной и Южной Азии самым непосредственным образом отражается на положении стран АСЕАН, вынуждает их искать ответы на возникающие вызовы.

Вызов и, соответственно, неопределенность номер один – это все более опасный размах пандемии коронавируса. В 2020 г. когда все только начиналось, казалось, что странам регионального блока удастся избежать массовых заражений и локдаунов. Но радость относительно успешного прохождения первой фазы

сменилась разочарованием и тревогой, когда вирус по-настоящему проник в страны АСЕАН.

Вызов номер два – поиск своего места на фоне противостояния США и Китая. Страны АСЕАН оказались не вполне готовы к такому серьезному вызову, так как привыкли к своему центральному положению в международных процессах в Большой Восточной Азии, когда ведущие мировые державы обязательно учитывали в своей политике их позицию.

Третий вызов и неопределенность – в сфере экономики. Главный торговый партнер стран АСЕАН – Китай, с которым существует зона свободной торговли и почти 600 млрд. долларов товарооборота. Но с ним связан растущий дефицит в торговле, а с Америкой товарооборот в два раза меньше, но он профицитен для стран АСЕАН. Получается, что всё, что выигрывается на торговле с США, проигрывается в торговле с Китаем.

Четвертый вызов и неопределенность – социально-культурный. С одной стороны, мощные китайские диаспоры с серьезным политическим и информационным влиянием, Институты Конфуция и идеи паназианизма, но с другой – значимые ценности свободы и демократии, которые крайне привлекательны для образованных слоев населения.

Наконец, самая главная – пятая неопределенность – будут ли вообще АСЕАН и дальше существовать в качестве региональной структуры или же она потеряет свою целостность, и окажется разбита на противостоящие блоки, ориентированные, соответственно, одни – на США, а другие – на Китай.

Е.В. Колдунова (МГИМО) выступила на тему «*Современные зарубежные исследования политики США и Китая в Юго-Восточной Азии*». Представленный доклад был посвящен анализу основных современных зарубежных научных публикаций, фокусирующих свое внимание на политике США и Китая в Юго-Восточной Азии, китайско-американских противоречиях в регионе, основных сферах продвижения интересов и форм конкуренции в ЮВА. К ним стоит, в частности, отнести монографии Мюррея Хиберта, Рори Медкальфа, Себастьяна Стренджио, Ричарда Джавада Хейдериана, Дональда Эммерсона и ряда других. Отдельное внимание было уделено публикациям авторов, представляющих исследовательские институты и центры стран

региона (в частности, исследовательскую сеть ASEAN-ISIS), их оценкам роли двух упомянутых стран в делах ЮВА, восприимчивости пределов влияния США и Китая, возможностей балансирования между ними.

Доклад *«Роль Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона в глобальной стратегии НАТО в XXI в.»* представил **Е.С. Корнев** (Саратовский национальный исследовательский университет). В своем выступлении докладчик отметил, что в начале XXI в. в силу ряда обстоятельств стала обозначаться тенденция к глобализации функций НАТО. В первую очередь это проявилось в проведении операций за пределами зоны географической ответственности, очерченной Североатлантическим договором (Афганистан, Ливия). Во-вторых, свидетельством подобного курса стало установление и развитие отношений в рамках институализированных и ситуативных партнерств с государствами, расположенными в различных регионах мира. В последние годы все больше внимания Североатлантический альянс начинает уделять взаимодействию с партнерами из ЮВА и ЮТР, что объясняется необходимостью борьбы с общими вызовами и угрозами, к числу которых, прежде всего, относится терроризм.

Однако, очевидно, что в нынешних реалиях такое сотрудничество объясняется еще и стремлением Вашингтона осуществить сдерживание Пекина при помощи создания региональных партнерских форматов в рамках так называемого Индо-Тихоокеанского региона. При этом НАТО является удобным механизмом, который позволит США решить ряд своих задач на данном направлении. В настоящий момент наиболее интенсивное взаимодействие у Альянса складывается с Австралией и Новой Зеландией, которые официально входят в его глобальную партнерскую сеть. О готовности развивать отношения с этими странами, а также с государствами ЮВА и ЮТР в последние годы неоднократно говорил генеральный секретарь организации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ближайшее время США будут стремиться активизировать отношения НАТО с партнерами в ЮВА и ЮТР, для того чтобы успешнее осуществлять военно-политическое сдерживание Китая.

Я.В. Мищенко (ИДВ РАН) выступила с докладом *«Япония, страны ЮВА и ЮТР в региональной интеграции в XXI веке: между США и КНР»*. Проекты Прогрессивного Всеобъемлющего Транстихоокеанского Партнерства (ТПП) и Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) отражают усиление тенденции интеграции и формирования всеобъемлющих соглашений нового поколения в АТР. Это два основных центра концентрации регионализации, оба имеют высокий потенциал влияния на региональную и международную экономическую структуры, в обоих блоках обозначила свое участие Япония, ряд стран ЮВА и ЮТР.

ТПП охватывает значительную долю мировой экономики и торговли, создает базу для последующего расширения партнерства до формирования в будущем всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ, которая могла бы гипотетически включать все страны региона, в том числе Китай и Индию. Однако Пекин присоединиться к ТПП не пригласили.

Китай на прицельное оттеснение его из гущи региональных интеграционных инициатив ответил активизацией проекта ВРЭП, а также Нового шелкового пути. Примечательно, что Япония, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Малайзия входят в оба уже подписанных соглашения ТПП и ВРЭП. В последние годы баланс сил поменялся – лидерство в ТПП перешло от вышедшего из проекта Вашингтона к Токио, однако по-прежнему остается открытым вопрос о возможности США в любой момент вернуться к участию в нем, а Пекин, за годы отсутствия США, к нему так и не примкнул. При этом КНР остается важной движущей силой развития проекта ВРЭП, выйти на подписание соглашения по которому все же удалось осенью 2020 г., несмотря на глобальную пандемию коронавируса. Ввиду этого и на фоне усилившихся в последние годы торговых трений, противоречия между Вашингтоном и Пекином на Тихоокеанской арене могут возрасти еще больше. Эта ситуация несет в себе риск формирования так называемой «двухосевой» Азии, что ставит перед Японией, странами ЮВА и ЮТР необходимость гибко адаптироваться к динамично изменяющейся ситуации в регионе, учитывать противоречивые интересы ведущих и наиболее амбициозных игроков в регионе, более взвешенно

подходить к вопросу выработки своей стратегии развития и участия в региональных связях в новых условиях.

Доклад, подготовленный специалистами из РУДН **Д.А. Дегтеревым, М.А. Никулиным и М.С. Рамичем**, на тему «*Контуры "конфликтной биполярности" (США vs КНР) в Юго-Восточной Азии*» представил М.С. Рамич. Он указал, что в последние годы усиливаются тенденции указывающие на формирование «новой биполярности» (США и КНР). С точки зрения теории властного транзита в мире происходит переход власти от гегемона – США к поднимающейся державе – КНР.

В докладе были представлены промежуточные результаты научно-исследовательского проекта кафедры ТИМО РУДН применительно к ЮВА. Особое внимание было уделено экономическому соперничеству США и КНР, также была продемонстрирована база данных совпадения голосов стран ЮВА с США и КНР по наиболее значимым резолюциям ООН. Важной составляющей представленного исследования стал анализ технологической зависимости стран региона от США и КНР.

Отдельным блоком докладчик представил анализ участия стран ЮВА в международных форматах, которые использует КНР (ОПОП, АБИИ, ВРЭП и т.д.) для создания альтернативы институтам, где решающую роль играют США и развитые страны (Институты Бреттон-Вудса, Blue Dots Network, FOIP, QUAD). Помимо этого был проанализирован потенциал регионального развертывания сил США и КНР в ИТР.

А.А. Симония (ИБ РАН) в докладе «*Мьянма между Вашингтоном и Пекином после военного переворота 1 февраля 2021 года*» указала, что по мере обострения стратегической конкуренции с Китаем США опасаются, что Мьянма – геополитически важная страна ЮВА – попадет под еще большее влияние Пекина. Эта зависимость – результат западных санкций в отношении военной хунты, правившей Мьянмой до 2010 г. Новая администрация Белого дома, куда входят знакомые лица периода «большой игры» при президенте Б. Обаме, знающие Мьянму не понаслышке, после короткого раздумья объявила санкции против военных и связанных с ними конгломератов. Новые санкции, введенные США, дадут возможность Китаю еще больше усилить свое влияние.

Казалось бы, возвращение военных к власти будет приветствоваться Китаем, который будет рад снова видеть себя самым верным союзником Мьянмы в ее резко сократившемся круге дипломатических друзей. Однако этот прямолинейный сюжет – драматическое упрощение, игнорирующее многочисленные факторы, такие как: дестабилизирующие последствия переворота, в том числе для крупных проектов, поддерживаемых Китаем; давняя настороженность бирманских военных по отношению к Китаю; дружественные отношения между Национальной лигой за демократию (НЛД) и Пекином.

Резкий рост антикитайских настроений, проявившийся в дни после захвата власти военными, быстро разрушил взаимное доверие, возникшее между Мьянмой, в лице Аун Сан Су Чжи, и Пекином. Подводные течения синофобии, сдерживаемые лидером НЛД, когда она рассматривала Китай как союзника, возникли снова после задержания военными членов избранного парламента и НЛД. Нестабильность, которая неизбежно последует за переворотом, в том числе в беспокойном пограничном регионе между Китаем и Мьянмой, будет раздражать Пекин, и его ответ будет иметь решающее значение для того, что произойдет дальше.

После саммита АСЕАН по кризису в Мьянме, состоявшегося 24 апреля, лидеры ассоциации начали переговоры с США и Китаем с предложением о встрече на уровне министров иностранных дел в ближайшее время для обсуждения ситуации в Мьянме.

Е.А. Фомичева (ИБ РАН) в своем докладе *«Таиланд на перекрестке борьбы Пекина и Вашингтона»*, опираясь на исторические реалии и анализ современных тенденций, проанализировала вовлеченность Таиланда в современные международные отношения на трех уровнях: геостратегическом, характеризующим политической неопределенностью; региональном, где создается новая конфигурация – Индо-Тихоокеанский регион, и двустороннем уровне – в отношениях Таиланда с США и КНР, вовлеченных в долгосрочную и жесткую борьбу за гегемонию. Докладчик представила детальный анализ внешнеполитических целей и действий этих двух держав в регионе и того, как в них

вписывается Таиланд, раскрыв, в связи с этим, дипломатическую тактику Таиланда.

Теме «*Вьетнам между США и КНР*» был посвящён доклад **В.Н. Колотова** (СПбГУ), в котором, анализируя складывающуюся геополитическую ситуацию в ЮВА, докладчик отметил, что все вовлеченные в очередной раунд геополитической игры глобальные и основные региональные игроки характеризуются высокой степенью прагматизма и опыта.

В настоящее время, пытаясь защитить свои интересы в Южно-Китайском море (ЮКМ), Ханой продолжает поиск потенциальных союзников и партнеров. Стремясь не «держать все яйца в одной корзине», Вьетнам развивает отношения со всеми потенциальными игроками (как странами, так и организациями) новой стратегической конфигурации. При этом, основная ставка сделана на укрепление отношений с США. Здесь важно обратить внимание на то, что Вьетнам работает «в противофазе», а именно – опирается на США, в условиях их ослабления. Это довольно опасная стратегия, поскольку движение «против течения» требует расхода больших ресурсов на преодоление сопротивления инерции потока, которая при определенных условиях может изменить выработанный в Ханое вектор.

Во Вьетнаме также активно используют ресурс АСЕАН, которая демонстрирует довольно противоречивую позицию в условиях стратегической неопределенности. Еще одним перспективным направлением геополитической интеграции выступает ведомый США антикитайский формат четырехстороннего диалога по безопасности Quad, хотя, в случае дальнейшей реализации данного проекта, ЮВА имеет перспективы превратиться в поле битвы между ядерными сверхдержавами. Думается, что подобный сценарий не является оптимальным для стран региона ЮВА.

При этом наблюдается явное снижение роли РФ в региональных делах как в экономическом, так и в геополитическом планах. На этом фоне в АСЕАН, в целом, и во Вьетнаме, в частности, наблюдается повышение внимания местных элит к Японии, Австралии и Новой Зеландии.

М.А. Шпаковская (РУДН) выступила с докладом «*Региональная политика Вьетнама в меняющемся мире*». Докладчик

отметила, что отношения Вьетнама и Китая, двух стран со сложной историей соседства, приобретают в условиях формирования полицентричного мирового порядка качественно новое звучание, что диктует поиск новых вариантов взаимодействия. Существующие разногласия, прежде всего, по вопросам Южно-Китайского моря, по ряду других вопросов обеспечения безопасности, не препятствует правительствам двух стран искать пути нормализации отношений и точки соприкосновения по другим вопросам взаимодействия. Правительства двух стран декларируют необходимость в дальнейшем развивать отношения по пути расширения сотрудничества по всем направлениям – политическому, экономическому, гуманитарному и другим. Однако, взаимоотношения двух стран можно охарактеризовать как направленные на поиск путей равновесия, при доминировании интересов КНР в данных отношениях.

Г.М. Локиин (ИДВ РАН) в докладе *«Новая Каледония между Парижем и Пекином»* указал, что усиление внимания к Океании в последние годы обусловлено целым рядом факторов: здесь находятся места обитания ценных пород промысловых рыб, крупные залежи полезных ископаемых, месторождения цветных и редкоземельных металлов. Только во французской Новой Каледонии сосредоточена четверть мировых запасов никеля. Особое значение имеют судоходные пути. В отдаленной перспективе портовая инфраструктура государств региона может быть использована для освоения Антарктиды и околоантарктических территорий.

Сегодня главной тенденцией в ЮТР является развитие новых международных отношений, основанных на соперничестве США и Китая. Океания больше не тихая заводь и не «домашний бассейн» Австралии и Новой Зеландии. Отрицательным аспектом расширения влияния Китая в регионе являются политическая нестабильность, стремительное развитие подпольной экономики, и во много раз возросший уровень преступности на островах. На данном этапе усилия китайской дипломатии в ЮТР направлены на углубление сотрудничества со странами региона с перспективой использования ВМС КНР морских портов в этих государствах, что является необходимостью для достижения геополитического перевеса над Австралией и Новой

Зеландией. Пекин намерен интегрировать регион в выстраиваемую им систему мироустройства на правах «дальней периферии» в военно-политическом, экономическом и культурном смысле.

Конкуренция Вашингтона и Пекина за Океанию осложняется наличием другого важного претендента на влияние в регионе — Парижа. Франция, хотя и потеряла колонии в Азии, оказалась единственной из колониальных держав, которой удалось сохранить все свои владения в Океании, закрепив за ними в конце 1950-х – начале 1960-х годов автономный, а фактически неоколониальный статус «заморских территорий». Под суверенитетом Франции находятся Французская Полинезия, Новая Каледония и острова Уолтшс и Футуна (в северной части Тихого океана Франции принадлежит также необитаемый остров Клиппертон) с их 200-мильными экономическими зонами. Новая Каледония – особое административно-территориальное образование Франции, расположенное в Тихом океане. «Заморские территории» стали плацдармом французской политики в ЮТР. Стремление французов удержать контроль над этими территориями наталкивается на усилия США и КНР по «деколонизации» региона».

Наряду с США особую активность в выдавливании французов из региона проявила Австралия, так как Франция традиционно соперничала с представителями англосаксонского мира.

Французские острова в Тихом океане лежат на важных торговых маршрутах. Французская Полинезия — архипелаг, равный по размеру Европе. Он обозначает присутствие и влияние Франции в зоне Тихого океана.

После вступления в должность президента в 2012 г. Ф. Олланд разработал стратегию «выхода в Азию», четко заявив: «Франция является страной Тихого океана». В ИТР у Франции есть свои стратегические интересы. Намерение Франции усилить свое влияние в ИТР путем активизации продажи военной техники также очевидно. Укрепление партнерских отношений Франции с четырьмя странами «Квартета» (Quad) — США, Японией, Индией и Австралией является важной частью стратегии Франции в Индо-Тихоокеанском регионе.

В целом, перспективы удержания Францией своих океанических владений представляются достаточно слабыми. Свою роль здесь играют и объективные факторы, в том числе географическая удаленность рассматриваемых территорий от Парижа, не имеющего возможности оперативно реагировать на изменение ситуации и не способного конкурировать по влиянию с Китаем.

Как особо подчеркнул докладчик, перспектива конфликта ведущих держав в ЮТР не отвечает интересам России, хотя где-то там затерялись и верные союзники России — Науру и Вануату. Перенос конкуренции в далекий от России регион в какой-то мере отвлечет внимание и ресурсы крупных государств, с которыми она так или иначе соперничает, либо с высокой долей вероятности активизирует их противоборство в будущем. Передел сфер влияния в Океании без участия России не будет для нее фатальным, но и не в интересах Москвы поддерживать экспансию КНР в ЮТР.

В докладе на тему *«Индонезия между Пекином и Вашингтоном»* **П.С. Шатерников** (НИУ ВШЭ, ИВ РАН) особо отметил, что целью доклада является демонстрация того, что Индонезия в настоящее время стоит «на распутье». С одной стороны, экономический кризис вынуждает страну всё сильнее включаться в китайский мегапроект – Инициативу пояса и пути. С другой – Индонезия, являясь локомотивом интеграции в ЮВА, не может рисковать попаданием в экономическую, а впоследствии и политическую зависимость от Китая и вынуждена лавировать между Пекином и другим важнейшим актором современных международных отношений – Вашингтоном.

Соединённые Штаты, в свою очередь, выступают с идеей Индо-Тихоокеанского региона, которая хоть и сулит Индонезии ряд преимуществ, но не гарантирует ей экономической безопасности. США больше сосредоточены на военно-политических аспектах безопасности и не торопятся инвестировать в страны ЮВА.

Китай же, напротив, готов обеспечить экономические инвестиции, но за этим последует необходимость проявить политическую лояльность по выгодным для Китая вопросам. В отношениях между Пекином и Вашингтоном Индонезии важно

сохранить роль лидера АСЕАН, обеспечить сохранение ключевых принципов организации и не позволить противостоянию «орла и дракона» вылиться в открытый конфликт на территории ЮВА.

Для решения этой задачи Индонезии необходимо развивать отношения с такими странами как Япония, Южная Корея, Австралия, Индия и Россия. Разумеется, эти страны даже в совокупности не заменят для Джакарты возможностей, предоставляемых КНР, но диверсификация экономических и политических связей позволит стране сохранить свою ведущую роль в АСЕАН и статус суверенного актора в современных международных отношениях.

Е.М. Астафьева (ИБ РАН) выступила с докладом «*Сингапур: прагматичность и расчет в отношениях с КНР и США*», указав, что прагматичность и расчет – это основополагающие принципы как внешнеполитической, так и внешнеэкономической доктрины Республики Сингапур. На сегодняшний день, несмотря на некоторые существующие разногласия и с КНР, и с США, именно эти два государства являются важнейшими торгово-экономическими партнерами Сингапура. Во многом успешное развитие этой страны зависит от продуктивного взаимодействия этих двух сверхдержав. По торговому обороту на 2020 г. Китай является крупнейшим торговым партнером Сингапура, на втором месте – Малайзия, а на третьем месте – США.

Для достижения столь внушительных показателей в торгово-экономических отношениях с КНР был пройден весьма сложный путь, поскольку до 1970 г. Пекин вообще не признавал существования независимой Республики Сингапур – официальные дипломатические отношения были установлены только 3 октября 1990 г.

После подписания соглашения двусторонние связи стали развиваться ускоренными темпами. Глобализация мирового хозяйства и капитала привела к созданию устойчивых связей двух экономик не только на уровне двустороннего сотрудничества, но и в рамках региональных и глобальных форм кооперации. Наибольшую обеспокоенность в Сингапуре вызывает развернувшаяся торговая война между США и КНР. Позиция Сингапура в отношении сложившейся ситуации предельно четкая, и

Китай, и весь остальной мир должны адаптироваться к новой реальности: КНР должна признать, что она находится в совершенно новой ситуации, созданной её собственным успехом; остальной мир должен признать, что Поднебесная будет продолжать расти и укрепляться и невозможно и неразумно препятствовать этому.

В заключение докладчик подчеркнула, что основная цель Сингапура заключается в защите своих интересов и обеспечении региональной стабильности путем установления стратегического баланса между основными акторами в АТР.

Доклад на тему *«Влияние на страны ЮВА нового субрегиона (ИТР) в контексте межстрановой конкуренции за лидерство»*, подготовленный совместно **Л.С. Рубан** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) и **М.А. Ананьиным** (МИД России, ИСПИ ФНИСЦ РАН), был представлен М.А. Ананьиным. Докладчик указал на причины, по которым была выдвинута концепция нового субрегиона ИТР (вместо АТР). США не могли смириться с утратой в первое пятилетие 2000-х гг. лидерства в АТР. Взрывной рост Китая потеснил их на международном политическом Олимпе, тем более что США уже не могли самостоятельно обслуживать свой госдолг без финансовых заимствований из Китая, который стал крупнейшим мировым кредитором и держателем долговых обязательств США.

То, что США «отвлеклись» от АТР на Ирак и Ближний Восток, привело к тому, что их ниша была занята Китаем, а когда США решили вернуться в АТР, это было не так-то легко сделать, в первую очередь, из-за финансовых проблем американцев. Китай же давал странам ЮВА кредиты и займы, вкладывал средства в развитие производства. КНР активизировала свои взаимоотношения с АТЭС и АСЕАН, усиливая торговое партнёрство со странами ЮВА. Достоинство противостоять финансовой мощи Китая американцы в настоящий момент просто не в состоянии.

Утвердиться в ЮВА активно стремится Индия. Конечно же, Индии импонирует название нового субрегиона – ИТР – акцентирующее внимание на Индийском океане. Теперь ей не нужно доказывать правомочность своего присутствия в противовес ситуации с АТР (через Андаманское море Индия имеет

лишь узкий выход в Тихий океан). Однако сейчас Индия ни в коей мере не может соперничать с Китаем в экономике.

Ещё есть военно-политическая составляющая взаимоотношений. США стремятся иметь буферную зону между Россией и Китаем, усилив своё влияние на Индию, которая входит в состав ШОС (куда её продвигала РФ), а на вооружении Индии используется новейшее российское оружие, страны ЮВА также активно закупают продукцию российского ВПК.

Как отмечают эксперты, среди стран ЮВА нет ярко выраженных лидеров, а АСЕАН выравнивает их возможности на принципах равенства и причастности. В настоящий момент они имеют оптимальную структуру межстранового взаимодействия и вряд ли захотят перестраивать её под патронажем инициаторов ИТР.

Однако следует отметить значительные лидерские амбиции Индонезии, которой в определенной мере импонирует концепция ИТР. Парадоксально выглядит продекларированное демократическое единство стран ИТР, исключаяющее присутствие в нём двух крупнейших держав региона АТР: Китая и России, ограничивающее активность Вьетнама.

Ещё один тезис в концепции ИТР – это военная защита стран субрегиона в случае угрозы. Если мы вспомним создание военно-политических блоков в Южной и Юго-Восточной Азии (СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и др.), то сможем констатировать их недолговечность и неэффективность.

С.Е. Пале (ИВ РАН) в докладе *«Проблема ядерного оружия в южной части Тихого океана»* указала, что в последнее десятилетие складывается очень динамичная геополитическая ситуация в Южно-Тихоокеанском регионе (ЮТР), сложность и острота которой заключаются в том, что на пространстве от берегов Австралии до границ Японии сталкиваются интересы крупнейших держав, располагающих ядерным оружием, а именно – Китая, США, Франции, Великобритании и Индии. Также не следует забывать о двух тихоокеанских ядерных соседях – Российской Федерации и КНДР. Поляризация отношений между Пекином и Вашингтоном, усилившаяся с приходом к власти в Америке Д. Трампа и продолжившаяся при новом президентстве Дж. Байдена, вынудила главного актора в ЮТР – Ав-

стралию встать на тропу идеологической войны с Китаем, одновременно усилив взаимодействие с Японией и Индией в рамках стратегии т.н. «средних держав». Одновременно с действиями Вашингтона по наращиванию к 2020 г. ядерного арсенала на Гуаме – главной американской военной базе в Тихом океане в ответ на попытки Китая в 2018 г. основать военные базы на ряде южнотихоокеанских островов (Фиджи, Вануату, Папуа – Новой Гвинее), Австралия закупила у Франции 12 подводных лодок, которые при желании могут быть реконструированы для несения ядерных боезарядов на борту. Также Канберра приняла решение расширить американский военный контингент на своей территории, в частности, на севере страны, где в порту Дарвин, который именуется «Воротами в Азию», расположены главные инфраструктурные сети с выходом на Китай. Нелишним будет упомянуть, что Великобритания в последние годы увеличила свой ядерный арсенал на 40%, а после Брекзита вновь позиционирует себя как независимый игрок на мировой арене.

В заключение докладчик отметила, что еще одно государство мирового значения – Германия планирует летом 2021 г. направить боевой корабль в Индийский и Тихий океаны с длительной миссией для демонстрации своего присутствия в ЮТР и укрепления военных связей с Австралией, Японией и Южной Кореей. Таким образом, ядерная напряженность в Тихом океане – один из значительных вопросов на повестке дня современности.

С докладом *«Официальная помощь в целях развития в Южно-Тихоокеанском регионе: помощь во время пандемии COVID-19 и “долговые ловушки” в Океании»* вступил **А.А. Гарин** (ИВ РАН). Во втором десятилетии XXI в. всё более пристальное внимание привлекает рост объемов официальной помощи в целях развития (ОПР) островным государствам Океании со стороны КНР. Особое положение в данном вопросе занимает китайское кредитование, которое уже успели окрестить угрозой суверенитету океанийских государств, не имеющих возможности погасить кредиты. Бóльшая часть опасений, связанных с китайским кредитованием, возникла в ходе реализации Пекином инициативы «Пояса и пути», нацеленной на выстраи-

вание более тесных отношений с государствами по всему миру, в том числе и в Океании.

Однако главной повесткой 2020–2021 гг. стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Весной 2020 г. большинство из островных государств закрыли свои границы, ввели чрезвычайное положение или жесткие ограничения. Однако к концу марта 2021 г. случаи заражения были зарегистрированы уже в 14-ти государствах Океании.

Для Австралии стабильность океанийских государств выступает гарантом стабильности всего ЮТР. Во время пандемии COVID-19 Австралия предоставила пакеты помощи многим государствам ЮТР. Канберра также поставила перед собой цель достичь 20% охвата вакциной всей южной части Тихого океана к середине 2021 г. Интересы вакцинной дипломатии Австралии лежат не только в плоскости здравоохранения, но и экономики.

Инициатива КНР «Пояс и путь» «на бумаге» отвечает современным потребностями островных государств, однако, по данным МВФ, свыше половины тихоокеанских островных стран находятся под угрозой долгового кризиса. За период 2010–2020 гг. Китай выделил 1,72 млрд. долл. ОПР странам Океании 66,5% из которых составляют кредиты. Безусловно, в совокупности это делает Пекин крупнейшим кредитором в Океании. Однако одним из принципов предоставления данного рода кредитов являются в прочные дипломатические отношения между КНР и бенефициаром. Как известно, Тувалу, ФШМ, Маршалловы Острова признают Тайвань, поэтому причину их высокого уровня задолженности стоит искать точно не в кредитах КНР.

В заключение докладчик выделил ряд положительных и отрицательных особенностей, связанных с кредитованием КНР в Океании и сделал вывод о том, что преимущества от сотрудничества с КНР выступают более осязаемым подтверждением важности экономического присутствия китайской стороны в регионе.

А.А. Забелла (РУДН) выступила с докладом «*Политические маневры Новой Зеландии между США и КНР или как США не остаться без “пятого глаза”*». Современное позиционирование Новой Зеландии (НЗ) на международной арене представляет особый интерес ввиду ряда факторов: во-первых, страна

традиционно относится к англосаксонскому миру; во-вторых, наряду с США, Канадой, Великобританией и Австралией входит в число участников разведывательного альянса Five Eyes; в-третьих, более десяти лет неуклонно наращивает экономические связи с КНР.

С одной стороны, абсолютно логичным является сохранение тесных контактов между Новой Зеландией и странами-союзниками США. С другой – быстрый экономический рост новозеландской экономики напрямую связан с расширением сотрудничества именно с социалистическим Китаем.

Представлялось бы логичным участие Новой Зеландии в японской инициативе Свободной Индо-Пацифики, которая включает таких участников, как: Япония, США, Индия и Австралия, но новозеландская сторона предпочла Сообщество единой судьбы. После несостоявшегося запуска Никарагуанского канала, Китай делает ставку на расширение сотрудничества со странами Латинской Америки (ЛА) посредством создания Южного звена Морского Шелкового пути, успешная реализация которого будет способствовать не только получению НЗ, КНР и странами ЛА экономических дивидендов, но и превращению НЗ в международных хаб.

Ввиду осложнения китайско-американского диалога нарастает напряжение в отношениях между НЗ и ее традиционными партнерами, которые заинтересованы в удержании страны в своей орбите. Если ранее НЗ удавалось лавировать между США и КНР, то сейчас давление усиливается, тем самым изучение последующего политического и экономического курса Новой Зеландии становится все более актуальным.

В продолжение темы выступил **Д.С. Кочетков** (ИВ РАН) с докладом *«Призрак китайского владычества в Новой Зеландии»*. Докладчик указал, что борьба за доминирование в мировой политике и экономике между США и Китаем продолжается. Обе страны стараются привлечь на свою сторону как можно больше государств. Для США основные партнеры – страны Запада, в первую очередь англоязычные, такие как Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Вместе с США эти четыре страны входят в разведывательный альянс «Пять глаз».

Вашингтон рассчитывал, что весь альянс решительно поддерживает его в борьбе с КНР, однако неожиданно это отказалась делать Новая Зеландия. Эта небольшая страна находится в торговой зависимости от КНР. До 1/3 новозеландского экспорта идёт в Китай. Ещё одним важным источником дохода для Новой Зеландии являлся поток китайских туристов (до того, как разразилась эпидемия коронавируса).

В 2016 г. в *New York Times* появились публикации о том, что использование китайского оборудования в телекоммуникационных сетях даёт ко всем передающимся по ним данным доступ китайской разведке. В связи с этим в 2018 г. США начали изгонять со своего рынка китайские телекоммуникационные компании Huawei и ZTE и призвали сделать то же самое всех своих партнёров по «Пять глаз». Сначала Новая Зеландия послушалась, однако после китайских торговых санкций, последовавших в январе 2019 г., новозеландское руководство пошло на попятную.

В заключение докладчик сделал следующие выводы: никакие исторические, культурные и генетические связи между Новой Зеландией и западным миром не имеют значения без крепких торгово-экономических отношений; Новая Зеландия находится под сильнейшим экономическим влиянием КНР; то, что такой важный член англосферы как НЗ, находится под значительным китайским влиянием, говорит об огромном усилении этого влияния в Южно-Тихоокеанском регионе, у которого в ближайшем будущем есть все шансы окончательно уйти из-под контроля США и бывших европейских колониальных держав и стать частью китайского мира.

И.О. Мишин (ИМЭМО РАН) представил доклад *«Позиция Австралии в конфликте вокруг Южно-Китайского моря: между США и Китаем»*, посвященный анализу эволюции политики Австралии в конфликте вокруг Южно-Китайского моря (ЮКМ). Австралия хоть и не имеет территориальных претензий в ЮКМ, тем не менее, стремится отстаивать свои национальные интересы, связанные со спорной акваторией. Долгое время Канберра, оставаясь союзником США в АТР, старалась сохранять нейтралитет в спорной акватории, избегая конфронтации с Китаем. Однако в последние годы наглядно отразилась вся слож-

ность попытки многовекторного подхода Австралии к Китаю. С одной стороны, Австралия – один из ключевых американских партнеров США в регионе, и заинтересована в сохранении свободы судоходства в ЮКМ, через которое проходит большая часть ее торговли. Основной игрок, подрывающий свободу судоходства и заинтересованный в активном изменении статус-кво в ЮКМ – Китай. С другой стороны, Пекин еще с 2007 г. стал основным торговым партнером Австралии и крупным потребителем австралийского сырья. На протяжении последних лет в Австралии нередки заявления о всё возрастающем влиянии КНР в австралийских университетах, средствах массовой информации и в политической сфере.

Однако летом 2020 г. США и Австралия практически одновременно опубликовали документы, направленные против чрезмерных территориальных претензий Китая в ЮКМ и обвиняющие Пекин в незаконных действиях в спорной акватории. Ужесточение позиции Австралии в ЮКМ происходит на фоне развернувшейся торговой войны между Канберрой и Пекином, что ведет к общему ухудшению двусторонних отношений.

Н.Н. Бектимирова (ИСАА МГУ) в докладе *«Китайский фактор в камбоджийско-американских отношениях»* указала, что в последнее десятилетие на конфигурацию камбоджийско-американских связей все в большей степени влияет третья сторона – Китай, который премьер-министр Хун Сен именует «наиболее надежным другом» Камбоджи на внешнеполитической арене. Если еще в 2010-е гг. Камбоджа пыталась придерживаться стратегии балансирования между США и Китаем, то в настоящее время она демонстрирует фактическое примыкание к Китаю. В основе новой стратегической линии лежат как объективные причины, так и субъективные предпочтения правящей элиты.

К числу объективных причин следует отнести экономическую зависимость от Китая – его инвестиций, помощи, инфраструктурных проектов. Важнейшее значение имеет и публичная поддержка Китаем политического режима в Камбодже.

Стратегическая линия внешней политики США относительно Камбоджи продиктована стремлением уменьшить политическое и экономическое присутствие Китая в этой стране. Од-

нако экономическая составляющая двухсторонних отношений несопоставимо мала по сравнению с Китаем. В политической же сфере – жесткая критика США ситуации с правами человека в Камбодже оставляет премьер-министру Хун Сену мало пространства для маневра и вынуждает все в большей степени ориентироваться на Китай.

В докладе **М.Г. Осиповой** (ИВ РАН) на тему *«Сингапур на пересечении морских путей между Пекином и Вашингтоном»* отмечается, что Сингапур, в наследство от колониального прошлого досталась развитая банковская система. После получения независимости, правящие круги Республики Сингапур, используя его выгодное географическое положение на перекрестке морских путей между Европой, Азией, Америкой и Австралией взяли курс на построение в Сингапуре международного финансового центра. Успешное развитие рынка происходило путем привлечения как американского, так и китайского ссудного капитала.

За последние 30 лет мир невообразимо изменился, произошел невиданный экономический рост КНР, в связи с этим обострилось соперничество между Китаем и США за доминирование в регионе ЮВА. Сингапур, в силу как объективных (географическое положение), так и субъективных (большинство населения являются по своему происхождению этническими китайцами) будет сохранять баланс влияния КНР и США на социально-экономическое развитие своей страны.

В ближайшие годы Сингапур не ставит перед собой задачу менять равновесную стратегию своего развития, вне зависимости от обострения борьбы Пекина и Вашингтона за сферу влияния в регионе.

Финансовая архитектура Республики Сингапур построена на привлечении ссудного капитала США и КНР. Именно этот фактор является определяющим сохранение баланса геополитического влияния этих государств на социально-экономическое развитие Республики Сингапур, находящемся на перекрестке важнейших морских путей между Вашингтоном и Пекином.

Н.Б. Лебедева (ИВ РАН) в докладе *«Взаимное открытие военных баз Индией и союзниками и партнёрами — значимая антикитайская акция в ИТР»* раскрыла детали открытия воен-

ных баз во второй половине 2020 г. рядом ведущих стран мира в условиях растущей военно-стратегической активности Китая в ИТР по многим направлениям и в разных точках региона (в ЮК и ВК морях, в Океании, в индоокеанской зоне, на сухопутных границах с Индией и др.). Инициатором этого процесса стала Индия, которая после подписания в 2016 г. соглашения с США ЛЕМОА лишь в июне 2020 г. дала согласие на доступ ВС Пентагона к ее базам на Андаманских и Никобарских островах (АНО) в Бенгальском заливе, расположенных на подступах к Малаккскому проливу. Эта акция Дели открыла шлюз для взаимного открытия ее баз для Франции, Японии и Австралии в обмен на доступ к их базам. В итоге была создана антикитайская сеть между базами на АНО и Реюньоне и Майотте, на АНО и Кокосовых островах, на АНО и Джибути. Подчеркивается особое место Бенгальского залива, который становится одним из важных субрегионов, где активизировались также антикитайские маневры — La Perouse между Индией, Францией и Японией, странами QUAD. В конце апреля с.г. прошли учения между Филиппинами и США Balikan. Укрепление антикитайского фронта, с одной стороны, стратегически выгодно странам АСЕАН, особенно в связи с их непрекращающимся трением в ЮК и ВК морях с Пекином, а с другой, — вызывает определенную долю опасений в связи с ростом роли Индии в данном процессе. В силу последнего обстоятельства, по-видимому, асеановцам придется искать новые акценты в своей региональной политике между США, Индией и Китаем.

В докладе «*Соглашение о свободной торговле АСЕАН-КНР: миф и реальность*» **А.А. Рогожин** (ИМЭМО РАН) отмечает, что китайская «мягкая сила» (soft power) в целом и её самый активный компонент — пропаганда — достигла в ЮВА выдающихся успехов. Совершенно очевидная мощная экономическая экспансия КНР в регионе подаётся во всех китайских официальных документах и СМИ как торжество взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего в рамках Соглашения о свободной торговле между АСЕАН и КНР. Так был создан миф, который очаровал и некоторых отечественных учёных.

Динамика объёма сотрудничества в сфере торговли впечатляет: товарооборот стран АСЕАН с КНР в 2010–2020 гг. уве-

личился более чем в 2,2 раза. Однако при этом старательно умалчивается, что при совокупном экспорте в Китай в размере 1740 млрд долл. США, страны АСЕАН импортировали из КНР товаров на 2451,5 млрд долл., что обеспечило для КНР в торговле положительное сальдо в 711,5 млрд долл. – оно в упомянутый период стабильно росло (с 6 до 80 млрд долл.). Причём отрицательное сальдо в торговле с КНР с начала фактической реализации Соглашения о свободной торговле имели все страны АСЕАН, за исключением Сингапура, в торговле которого положительный баланс обеспечивался за счёт реэкспортных операций. Назвать такую торговлю взаимовыгодной никак нельзя. Как показывают последние опросы, в деловых кругах в странах региона не только растёт понимание того, что КНР – наиболее влиятельное государство в экономике региона (так считали 79,2% опрошенных в 2020 г.), но и признаётся, что усиление экономических позиций Китая в ЮВА весьма опасно – оно беспокоит 71,9% участников опроса. Миф об успехе Соглашения о свободной торговле между АСЕАН и КНР становится всё более хрупким.

Н.Г. Рогожина (ИМЭМО РАН) в докладе «*Страны Юго-Восточной Азии в китайской Инициативе Пояс и Путь*» отмечает, что Китай придает особое значение странам ЮВА в реализации своей инициативы, заручившись их поддержкой. Однако ее продвижение в регионе затягивается. Сложности возникают из-за необходимости согласования позиций сторон по целому ряду вопросов, касающихся финансирования проектов, их соответствия экологическим и социальным требованиям, найма рабочей силы. Поддержка инициативы со стороны стран ЮВА не означает автоматического принятия ими предлагаемых Китаем условий соглашений, которые далеко не всегда согласуются с их национальными интересами и порождают в обществе опасения по поводу его экспансионистских намерений. Отсюда и смешанные чувства к Китаю – страны ЮВА хотят извлечь выгоду из сотрудничества с ним, но боятся оказаться в зависимости от него. Это во многом объясняет различия в подходе стран ЮВА к китайскому мега проекту, который в регионе реализуется на двухсторонней основе. Соответственно это препятствует формированию единой для региона позиции.

Сотрудничество стран ЮВА с Китаем по инициативе Пояс и Путь находится лишь на начальной стадии, поэтому сегодня можно подвести только его промежуточные итоги. Есть все основания предполагать, что продвижение инициативы в странах ЮВА будет содействовать укреплению экономических позиций Китая в регионе в рамках как государственного, так и частного взаимодействия. Поддерживаемые им инфраструктурные проекты будут реализовываться и далее, поскольку страны ЮВА остро нуждаются в них. Однако это сближение не происходит автоматически и потребует от Китая корректировки своей политики (без угрозы для своих стратегических интересов) с учетом заявленных к нему требований со стороны стран ЮВА.

Но добиться доверия стран ЮВА в своих исключительно миролюбивых намерениях Китаю будет весьма сложно. Несмотря на свою заинтересованность в получении китайских инвестиций страны региона относятся крайне чувствительно к теме китайского доминирования. Чем глубже проникает Китай в экономику стран ЮВА, тем сильнее возникает напряжение в обществе, пытающегося противодействовать его растущей экономической экспансии.

И хотя страны ЮВА противостоят ей в одиночку, тем не менее, экономическое влияние Китая не проецируется на политическую сферу (за исключением Лаоса и Камбоджи). Поэтому, вряд ли, инициатива Пояс и Путь приведет к изменению регионального порядка основанного на китаеццентричной модели взаимодействия, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

В докладе **Н.С. Скоробогатых** (ИВ РАН) «*Внешиеполитическая дилемма Скотта Моррисона*» отмечается, что традиционно внешняя политика в Австралии интересует рядового избирателя гораздо меньше, чем внутренние проблемы. Но это никак не упрощает положение государственных деятелей страны, которым интересы развития многих секторов экономики – в первую очередь, сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности – диктуют выход на международные рынки. Недаром внешнеполитическое ведомство Австралийского Союза (АС) именуется департаментом иностранных дел и торговли, совмеща эти две тесным образом связанные сферы политики.

Тот же дуализм прослеживается и в подходах АС к своим международным партнерам, из которых главные на сегодняшний день – США и КНР. История внешнеполитических связей Австралии демонстрирует серьезные различия между ними, и если США стали для нее, главным образом, традиционным военно-политическим союзником, то за КНР закрепились роль основного экономического партнера.

Однако в наши дни обострение борьбы между США и КНР за доминирование в современном мире самым непосредственным образом сказывается и на АС. Нынешний премьер-министр Скотт Моррисон оказался в очень непростой ситуации. Если его предшественники на посту главы правительства стремились сохранить некий баланс между Вашингтоном и Пекином, и некоторым из них удавалось с трудом, но удерживаться на двух стульях, по преимуществу задабривая китайцев, то жесткому политику Моррисону, представителю правого крыла Либеральной партии Австралии, этот трюк удастся значительно хуже.

Раздражение КПК вызывают практически все шаги Моррисона: от традиционных попыток защитить права человека в отдаленных провинциях Китая до вопросов о происхождении COVID-19 и мерах по защите АС в период пандемии, не говоря уже о давних противоречиях интересов в области международной политики. Правительство Си Цзиньпина оказывает мощное давление на Канберру, применяя и массированные экономические санкции.

Кроме того, нельзя не учитывать и внутривнутриполитические факторы: постоянные нападки на Моррисона идут и со стороны внутривнутриполитических сил. Если учесть тот факт, что следующие выборы в федеральный парламент АС должны состояться в 2021 г., то в таких условиях положение Ск. Моррисона можно определить как достаточно сложное.

В докладе *Д.С. Панариной* (ИВ РАН) «*Балансирование Филиппин между Пекином и Вашингтоном: в ЮКМ и не только*» изложены последние тенденции в развитии внешнеполитических отношений в треугольнике США–Филиппины–Китай, где Филиппины оказываются вынуждены балансировать между двумя сильными мировыми державами. Филиппины, как парт-

нер США, в том числе как военный союзник с 1951 г., а также как государство, которое имеет свои собственные интересы в территориальном споре с Китаем в ЮКМ, логически должно занимать четкую позицию в этом противостоянии держав. На протяжении нескольких президентских администраций Филиппины занимали строго определенное положение, ситуация изменилась кардинальным образом с приходом к власти ныне правящего президента Филиппин Родриго Дутерте, который взял курс на «разворот в сторону Китая» в надежде не только дистанцироваться от США, но и рассчитывая придерживаться политики балансирования между США и Китаем, получая при этом максимально возможные (в первую очередь экономические и стратегические) выгоды от обеих стран.

Однако через год Дутерте сложит свои полномочия президента, и уже сейчас становится понятно, что его политика балансирования не принесла ожидаемых результатов. Возможно, настал момент, когда политика балансирования может перестать себя оправдывать, и Филиппинам снова придется выбирать сторону – без экивоков, политесов то одному, то другому государству, и соответственно жертвовать теми возможными благами, которые страна рассчитывает получить с обеих сторон, либо же, что еще неприятнее – жертвовать своей безопасностью.

А.А. Соколов (ИВ РАН) представил доклад *«Американские учебные заведения во Вьетнаме как фактор “мягкой силы” США»*. В XXI веке интернационализация и интеграция образования становятся основными тенденциями современного развития мирового образовательного процесса. В условиях глобализации роль образования в решении задач модернизации Вьетнама является приоритетной в современной образовательной политике.

Рассматривая процессы интернационализации высшего образования во Вьетнаме, следует особо выделить так называемую американскую часть. Сотрудничество двух стран в области образования началось практически сразу после нормализации межгосударственных отношений в 1995 г.

В ноябре 2000 г. во время своего визита во Вьетнам американский президент Б. Клинтон выступил с речью в Ханойском национальном университете, в которой указал на важность об-

менных образовательных программ между США и СРВ. В декабре того же года он подписал документ о создании Фонда поддержки образования Вьетнама (Vietnam Education Foundation, VEF). В 2003 г. Вьетнам и США подписали соглашение о сотрудничестве, в котором была конкретизирована реализация проекта VEF сроком на 10 лет. Фонд выделял стипендии вьетнамским студентам для подготовки кандидатских диссертаций в университетах США, а также утвердил программу отправки американских профессоров во вьетнамские вузы.

За прошедшие два десятилетия во Вьетнаме побывали делегации многих известных американских университетов, таких как Гарвард, Беркли, Колумбийский, Джорджтаунский и др. Они знакомились с ситуацией на местах, открывали программы по сотрудничеству и обмену преподавателями и т. д.

В настоящее время в СРВ действуют два иностранных вуза. Это – Мельбурнский королевский технологический институт (*Royal Melbourne Institute of Technology, RMIT*) – один из самых крупных университетов Австралии, и американский Университет Фулбрайта (*Fulbright University Vietnam, FUV*), финансирование этого проекта ведется через американское НКО «Целевой фонд инновационного образования Вьетнама» (*Trust for University Innovation in Vietnam, TUIV*).

В СРВ также активно работает американская Программа Фулбрайт (*The Fulbright Programs*): ежегодно от 25 до 30 вьетнамских студентов отправляются в США на учебу для получения степени магистра. По этой же программе во Вьетнам ежегодно приезжают из США 10 студентов, 10 исследователей, 15 преподавателей английского языка, а также от пяти до 10 высококвалифицированных специалистов для подготовки местных преподавателей и организации гуманитарных проектов.

Все доклады сопровождалась оживленной дискуссией, заседание продолжалось более 5 часов. По итогам мероприятия планируется издание коллективной монографии «Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном».

Иванов Иван

кандидат исторических наук,
Россия, Москва,
ivan19592006@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0084-7389>

**РЕЦЕНЗИЯ НА: Д.В. МОСЯКОВ
«НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. МОДЕРНИЗАЦИЯ И
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ», М., 2021,
600 С. (ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ) ISBN 978-5-907300-95-8**

Для цитирования: *Иванов И.* Рецензия на: Д.В. Мосяков «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», М., 2021, 600 с. (Третье издание) ISBN 978-5-907300-95-8 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 382–384. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-382-384

**Review on: D.V. Mosyakov “Modern and Contemporary
History. Modernization and Globalization of Eastern societies”,
M., 2021, 600 p. (Third edition) ISBN 978-5-907300-95-8**

Ivanov Ivan, PhD in History, Russia, Moscow,
ivan19592006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0084-7389>

For citation: *Ivanov I.* Review of: D.V. Mosyakov “Modern and Contemporary History. Modernization and Globalization of Eastern societies”, M., 2021, 600 p. (Third Edition) ISBN 978-5-907300-95-8. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 382–384. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-382-384

Судьба вновь улыбнулась моему старинному другу, одному из самых известных востоковедов страны, доктору исторических наук, профессору Дмитрию Мосякову. Буквально за пару дней до его дня рождения из издательства «Белый ветер» доста-

вили еще приятно пахнувшие типографской краской сигнальные экземпляры третьего расширенного и дополненного издания его прекрасного научного труда «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ». Первое издание этой книги состоялось еще в 2016 г. и вызвало огромный интерес в научной и образовательной среде. Дело в том, что автор проводит довольно неожиданные сравнения процессов модернизации от Японии, Кореи и Китая через страны Юго-Восточной Азии и Индию и до Турции и Ирана, сравнивает их и делает на основе проведенного анализа важные выводы о том, что схожесть реформ, составлявших процесс модернизации, сопровождалась несхожестью последствий от их введения практически во всех странах Востока. Автор аргументированно указывает, что сходства в некоторых чертах политического развития носят внешний и поверхностный характер. В основе же лежит отдельный и неповторимый путь того или иного восточного государства.

Третье переиздание (второе было в 2017 г.), очень серьезно расширенное и дополненное. Новый труд охватывает огромный период – с середины XIX в. по 2020 г. Особым вниманием пользуется современная трансформация восточных обществ, рассмотрение вопроса о том, каково сегодня сочетание традиционности и модерна в их идеологии и политической системе, и насколько прочно модернизация и связанные с ней изменения и в политической, и в экономической, и в ментальной сфере оказываются устойчивыми к вызовам традиционализма.

Кроме прочих достоинств книга богато иллюстрирована и рекомендована как учебник для студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по специальностям международные отношения и зарубежное регионоведение, а также аспирантов и научных работников. Но, несомненно, она будет очень интересна и полезна всем, кто практически занимается Азией. Дипломатам, журналистам, бизнесменам.

Но вернемся к 600-страничному научному труду, который давно уже стал учебником в гуманитарных и профильных институтах. Я согласен с автором в том, что ядром, вокруг которого закручиваются политические, экономические и социокультурные процессы на Востоке, меняющие устои этого мира,

был и остается комплекс реформ, получивший название модернизация. Это изменения, связанные с необходимостью соответствовать требованиям времени. Более чем полтора столетия назад страны этого огромного региона уже серьезно отстали от куда более экономически и политически продвинутого Запада. И тогда в Азии стартовали реформы. Автор тщательно разбирает как и почему эти реформы собственно начались и подробно показывает неизбежный внутренний раскол, так как на их пути стояли вековые традиции. Практически везде процесс перемен сопровождался жестокой, порой очень кровавой борьба старого и нового, порой из-за этого вспыхивали даже гражданские войны. Традиционное религиозное сознание также вставало на пути реформаторов. И почти повсюду результатом реформ стал синтез старого и нового.

В западной научной традиции принято считать, что экономическим реформам содействует политическая либерализация. Но история говорит, что при авторитарных и диктаторских режимах реформы осуществляются эффективнее и последовательнее. Только Япония и с большими оговорками Южная Корея могут быть примером относительно успешного демократического транзита.

Очень разными оказались и результаты модернизации. Одни государства, к примеру, Япония и Китай, превратились в лидеров нового глобального мира, а Иран оказался в очевидной к нему оппозиции.

Все это лишь мои фрагментарные наброски главных тезисов исследования, которое также содержит огромный фактический материал практически по всему континенту.

«Книга Д.В. Мосякова продолжает традиции отечественного востоковедения, традиции Тураева, Бартольда, Алексеева и поможет тем, кто захочет прикоснуться к загадкам современного Востока», – писала в рецензии на второе издание интеллектуальное и влиятельное книжное приложение «Независимой газеты» «Экслибрис». Нельзя не согласиться с этой точкой зрения.

Научное издание

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
2021, Том II, № 2 (51)**

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12
e-mail: sea-apd@bk.ru, uva6254535@yandex.ru

Подписано к печати 30.06.2021
Формат 60х90 ¹/₁₆, Бумага офсетная
Усл. печ. л. 24,13 Уч. изд. л. 18,8
Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115054, Москва, ул. Щипок, д. 28